

ISSN 2408-9338

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ

СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ

RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

10(4) 2024

16+

Сайт журнала:
rrsociology.ru

сетевой научный рецензируемый журнал
online scholarly peer-reviewed journal

НАУЧНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ. СОЦИОЛОГИЯ И УПРАВЛЕНИЕ RESEARCH RESULT. SOCIOLOGY AND MANAGEMENT

ТЕМА НОМЕРА: Российская традиционная семья как ключевой ресурс демографического развития
THEME OF THE ISSUE: Russian traditional family as a key resource for demographic development

Свидетельство о регистрации средства массовой информации Эл. № ФС77-69096 от 14 марта 2017 г.

включен в библиографическую базу данных научных публикаций российских ученых РИНЦ

Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, рекомендуемых ВАК

Mass media registration certificate El. № FS 77-69096 of March 14, 2017

Included into bibliographic database of scientific publications of Russian scientists registered in the Russian Science Citation Index

The journal is included in the list of peer-reviewed scientific publications recommended by the Higher Attestation Commission

Том 10, № 4. 2024

СЕТЕВОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 2014 г.

ISSN 2408-9338

Volume 10, № 4. 2024

ONLINE SCHOLARLY PEER-REVIEWED JOURNAL

First published online: 2014

ISSN 2408-9338

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ВЫПУСКА:

Ростовская Т. К., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР: Шаповалова И. С., доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА: Лебедев С. Д., кандидат социологических наук, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ: Ковальчук О. В., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ТЕХНИЧЕСКИЙ СЕКРЕТАРЬ: Семченко И. В., кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и организации работы с молодежью Института общественных наук и массовых коммуникаций Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

РЕДАКТОР АНГЛИЙСКИХ ТЕКСТОВ: Ляшенко И. В., кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации Института межкультурной коммуникации и международных отношений Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ:

Абдираймова Г. С., доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и социальной работы Казахского Национального университета им. аль-Фараби, Казахстан.

Благоевич М., доктор социологических наук, главный научный сотрудник и руководитель Форума по религиозным вопросам (ФОРЕЛ) Института общественных наук Белграда, Сербия.

Василенко Л. А., доктор социологических наук, профессор кафедры общественных связей и медиаполитики в Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации, заместитель Председателя правления автономной некоммерческой организации «Евразийское содружество», Россия.

Вишневецкий Ю. Р., доктор философских наук, профессор Уральского государственного технического университета, Россия.

Гаджимурадова Г. И., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики Московский государственный институт международных отношений МИД Российской Федерации, Россия.

Джорджевич Д. Б., доктор философских наук, профессор Нишского университета, Сербия.

Зубок Ю. А., доктор социологических наук, профессор, заведующая отделом социологии молодежи Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Кублицкая Е. А., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института демографических исследований Федерального

CHIEF EDITOR OF THE ISSUE:

Tamara Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

MANAGING EDITOR: Inna Shapovalova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications Belgorod State National Research University, Russia.

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF: Sergey Lebedev, Ph.D. in Sociological Sciences, Professor of the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

EXECUTIVE SECRETARY: Olga Kovalchuk, Ph.D. in Philosophical Sciences, docent the Department of Sociology and Organization of work with youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

TECHNICAL SECRETARY: Irina Semchenko, Ph.D. in Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Organization of Work with Youth, Institute of Social Sciences and Mass Communications, Belgorod State National Research University, Russia.

ENGLISH TEXT EDITOR: Igor Lyashenko, Ph.D. in philology, Associate Professor, Department of English Philology and Intercultural Communication, Institute of Intercultural Communication and International Relations, Belgorod State National Research University, Russia.

EDITORIAL BOARD:

Gulmira Abdairaymova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology and Social work, al-Farabi Kazakh National University, Kazakhstan.

Mirko Blagoevich, Doctor of Sociological Sciences, a Chief Researcher and Head of Forum of religion problems (FOREL), Institute for Social Researches of Belgrade, Serbia.

Ludmila Vasilenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Public Relations and Media Policy at the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation, Deputy Chairman of the Board of the Autonomous Non-profit Organization "Eurasian Commonwealth", Russia.

Yuri Vishnevsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Ural State Technical University, Russia.

Gulnara Gadzhimuradova, PhD in Philosophy, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Associate Professor, Moscow State Institute of International Relations of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Russia.

Dragoljub Djordjevich, Doctor of Philosophy, Professor of the University of Nis, Serbia.

Yuliya Zybok, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology of Youth, the Institute of Socio-Political Research of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Elena Kublitskaya, Candidate of Sciences in Philosophy, Leading Researcher at the Institute of Demographic Research of the Federal Research

научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Мартиневич В. А., доктор теологии Венского Университета, доцент, заведующий кафедрой апологетики Минской Духовной Академии, Беларусь.

Михалик Я., доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой политических наук, декан факультета социальных наук Университета святых Кирилла и Мефодия, Словения.

Моравчикова М., доктор теологии, директор Института правовых вопросов религиозной свободы Юридического факультета Трнавского университета, Словакия.

Мчедлова Е. М., доктор социологических наук, старший научный сотрудник Института социально-политических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Мчедлова М. М., доктор политических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра «Религия в современном обществе» Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Накова Албена, PhD, доцент, заместитель директора Института философии и социологии Болгарской академии наук, Болгария.

Островская Е. А., доктор социологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, Россия.

Рикучи Р., доктор социологических наук, доцент, Председатель программы «SAR – Социология и антропология религии» Американской антропологической ассоциации, Туринский университет, Департамент культуры, политики и общества Социология ислама и социология межнациональных отношений, Италия.

Ростовская Т. К., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Института демографических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской Академии наук, Россия.

Руткевич Е. Д., кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Рязанова С. В., доктор философских наук, профессор Пермского государственного университета, Россия.

Сосунова И. С., доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра социальной экологии и прикладной социологии Российского экологического федерального информационного агентства, Россия.

Тарабаева В. Б., доктор социологических наук, профессор, директор Педагогического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, Россия.

Титаренко Л. Г., доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Белорусского государственного университета, Республика Беларусь.

Тоценко Ж. Т., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, Россия.

Фрухманн Я., доктор социологических наук, профессор Бременского Университета им. Якобса, Германия.

Цветкович И., доктор социологических наук, профессор, действительный член Академии наук и искусств Боснии и Герцеговины, Босния и Герцеговина.

Черныш М. Ф., доктор социологических наук, первый заместитель директора по координации научной и научно-образовательной работы Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Россия.

Чиприани Р., доктор социологических наук, почётный профессор социологии, Департамент образования, Университет Рим-3, Италия.

Шаронова С. А., доктор социологических наук, профессор, заместитель директора института иностранных языков Российской Университета Дружбы Народов, Россия.

Шилова В. А., кандидат социологических наук, руководитель лаборатории, ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Москва, Россия.

Шмарион Ю. В., доктор социологических наук, кандидат технических наук, профессор кафедры философии, социологии и теологии Липецкого государственного педагогического университета имени П. П. Семенова-Тян-Шанского, Россия.

Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Vladimir Martinovich, Doctor of Theology the University of Vienna, Associate Professor, Head of Department apologetics Minsk Theological Academy, Belorussia.

Jaroslav Mihálik, Doctor of Sociology, Professor, Head of the department of Political Sciences, Dean of the Faculty of Social Sciences, University of Saints Cyril and Methodius, Slovakia.

Michaela Moravchikova, Doctor of Theology, Director of the Institute of Religious Freedom Legal Affairs Faculty of Law of the University of Trnava, Slovakia.

Elena Mchedlova, Doctor of Sociology, professor, senior researcher at the Institute of Social and Political Studies of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Maria Mchedlova, Doctor of Political Sciences, Professor, Senior Fellow at the Center "Religion in Contemporary Society" Institute Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Albena Nakova, PhD, Associate Professor, Deputy Director, Institute of Philosophy and Sociology, Bulgarian Academy of Sciences, Bulgaria.

Elena Ostrovskaya, Doctor of Sociology, Professor, St. Petersburg State University, Russia.

Roberta Ricucci, Doctor of Sociology, Associate Professor, Programme Chair "SAR – Society of Anthropology of Religion", American Anthropological Association, Dept. Of Culture, Politics and Society Sociology of Islam & Sociology of Interethnic relations, University of Turin, Italy.

Elena Rutkiewich, Ph.D. in Philosophy Sciences, a leading researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Tamara Rostovskaya, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director for Research, Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences, Russia.

Svetlana Ryazanova, Doctor of Philosophy Science, professor of Perm State University, Russia.

Irina Sosunova, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Center of Social Ecology, and Applied Sociology of the Russian Environmental Federal Information Agency, Russia.

Victoria Tarabaeva, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Director of Pedagogical Institute, Belgorod State National Research University, Russia.

Larisa Titarenko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology, Belarusian State University, Republic of Belarus.

Jean Toshchenko, Doctor of Philosophy Sciences, professor, corresponding member of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Jakob Fruhmann, Doctor of Sociology, Professor of the Bremen University. Jacobs, Germany.

Ivan Czvitkovich, Doctor of Sociology, Professor, member of the Academy of Sciences and Arts of Bosnia and Herzegovina, Bosnia and Herzegovina.

Michael Chernysh, Doctor of Sociological Sciences, First Deputy Director for the Coordination of Scientific, Scientific and Educational Work of the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology, Russian Academy of Sciences, Russia.

Roberto Cipriani, Doctor of Sociology, Emeritus Professor of Sociology, Department of Education, University of Rome-3, Italy.

Svetlana Sharonova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages of the Russian University of Friendship of Peoples, Russia.

Valentina A. Shilova, Candidate of Sociological Sciences, Head of the Laboratory, Leading Researcher at the Institute of Sociology - Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.

Yuri Shmarion, Doctor of Sociology, Candidate of Technical Sciences, Professor of the Department of Philosophy, Sociology and Theology of Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Petrov Semenova-Tian-Shansky, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

**СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ
И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ**

**SOCIOLOGY OF CULTURE
AND SPIRITUAL LIFE**

Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Социокультурные и семейные ценности россиян с нетрадиционными религиозными взглядами (на примере Москвы и Белгородской области)	5	Elena A. Kublitskaya, Irina V. Lyutenko Sociocultural and family values of Russians with non-traditional religious views (on the example of Moscow and Belgorod region)	5
Павлюткин И. В. Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия)	31	Ivan V. Pavlyutkin Social mechanisms of transmission of family life culture through a religious network (case study of Russian Orthodox Christianity)	31
Пруцкова Е. В., Байков М. Д., Павлов Н. М. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви	50	Elena V. Prutskova, Mikhail D. Baikov, Nikita M. Pavlov Family and community: intergenerational transmission of religiosity in Russian Orthodox Church Parishes	50
Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р. Семейная идентификация в юности	64	Rafael B. Shaikhislamov, Guzeliya R. Asadullina Family identity in adolescence	64

**СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА,
СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ**

**SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTES
AND PROCESSES**

Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии региональной молодежи	89	Zhanna O. Blagorozheva Typology of matrimonial dispositions of youth as a basis for life choice	89
Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Семейный статус и этническая принадлежность как факторы миграции и трудовой мобильности населения (на примере Республики Башкортостан)	111	Rim M. Valiakhmetov, Marcel S. Turakayev The influence of family status and ethnicity on of the population (on the example of the Republic of Bashkortostan)	111
Лушникова О. Л. Межнациональные браки в Хакасии: проблема смешанного происхождения	130	Olga L. Lushnikova Interethnic marriages in Khakassia: the problem of mixed origin	130
Натсак О. Д. Одинокое отцы в России: социальное положение и проблемы	144	Organa D. Natsak Single fathers in Russia: social status and problems	144
Шаповалова И. С. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа	167	Inna S. Shapovalova Matrimonial dispositions of youth as an object of sociological analysis	167
Шиняева О. В., Каманина В. Е. Семейный капитал как фактор профессионального становления молодых россиян	192	Olga V. Shinyaeva, Valentina E. Kamanina Family capital as a factor in the professional development of young Russians	192

**СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ**

**SOCIOLOGY OF MANAGEMENT
AND SOCIAL TECHNOLOGIES**

Баймурзина Г. Р., Леонидова Г. В., Батталова А. И. Женщины в IT-сфере: особенности предложения труда (на данных цифровой платформы Superjob)	207	Guzel R. Baimurzina, Galina V. Leonidova, Alsu I. Battalova Women in the IT sector: peculiarities of labor supply (based on data from the Superjob digital platform)	207
Гайдукова Г. Н. Моделирование брачного и семейного поведения сельского населения: статистический и социологический анализ	226	Galina N. Gaidukova Modeling marital and family behavior of the rural population: statistical and sociological analysis	226

СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ И ДУХОВНОЙ ЖИЗНИ SOCIOLOGY OF CULTURE AND SPIRITUAL LIFE

УДК 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1

Исследовательская статья

Кублицкая Е. А.
Лютенко И. В.

**Социокультурные и семейные ценности россиян
с нетрадиционными религиозными взглядами
(на примере Москвы и Белгородской области)**

Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН)
улица Фотиевой, дом 6, корпус 1, Москва, 119333, Россия
eakubl@yandex.ru
blodrein@mail.ru

Аннотация. В статье анализируются результаты исследований, проведенных в Москве и Белгородской области в 2024 году отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН. В условиях непрерывного изменения религиозного ландшафта, становится все более актуальным изучение системы ценностей, которые определяют поведение групп населения с нетрадиционными религиозными взглядами. Проведен социологический анализ семейных и социокультурных ориентаций населения Москвы и Белгородской области с нетрадиционными религиозными взглядами. Методолого-методический подход социологического поиска строился путем формирования двух типологических групп с нетрадиционными религиозными представлениями: «практикующие» и «непрактикующие». Группы отбирались по показателям нетрадиционного религиозного сознания, мотивации интереса и культового поведения (участия в соответствующих социальных практиках). Выявлено, что население столичного мегаполиса проявляет больший интерес к нетрадиционным религиозным учениям, их духовным и физическим практикам, а также мистическим течениям по сравнению с населением Белгородского региона. Вполне закономерно, что мотивация увлечения этими религиями и учениями более серьезная и глубокая в группах «практикующие». Социологические данные опросов населения в российских регионах показали, что в группах «практикующие» больше незамужних и бездетных респондентов, а в группах «непрактикующие» больше многодетных семей. Вполне закономерно, что для этих групп большее значение имеют ценности «семья и воспитание детей», чем просто ценность «любовь». А в группах «практикующие» наоборот имеет большую значимость ценность «любовь», чем ценности семьи и детства. Отношение типологических групп к традиционным социокультурным и семейным ценностям частично определялось при помощи квалификационной шкалы ценностей Шварца Ш. и рейтинговой шкалы «идей и

ценностей национального согласия», используемых социологами и демографами более 20 лет¹. Традиционные ценности и идеи, активно транслируемые художественной литературой 18-19 веков и всей российской культурой и продолжающие жить в «исторической памяти» советского народа, а также в современный исторический период, являются национальным достоянием нашего общества и государства. Результаты социологических исследований в указанных субъектах РФ доказывают, что «практикующим» респондентам присуща более активная жизненная позиция и самостоятельность по сравнению с «непрактикующими»: им в большей степени близки ценности: «активная и деятельная жизнь», «саморазвитие», «свобода». Типологическая группа «непрактикующие» в своем большинстве «общественники»: для них больше значимы традиционные семейные ценности, идеи коллективизма, законности, патриотизма.

Ключевые слова: социокультурные ценности; семейные ценности; квалификационная шкала ценностей; типологические группы; нетрадиционные религии; мистические и оккультные науки

Информация для цитирования: Кублицкая Е. А., Лютенко И. В. Социокультурные и семейные ценности россиян с нетрадиционными религиозными взглядами (на примере Москвы и Белгородской области) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 5-30. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1

Reserch article

Elena A. Kublitskaya | Sociocultural and family values of Russians with non-traditional
Irina V. Lyutenko | religious views (on the example of Moscow and Belgorod region)

Institute of Demographic Research, Federal Research Sociological Center,
Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS),
6/1 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
eakubl@yandex.ru
blodrein@mail.ru

Abstract. The article analyzes the results of research conducted in Moscow and the Belgorod Region in 2024 by the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of National Research and Scientific Research of the Russian Academy of Sciences. In the context of the continuous change of the religious landscape, it is becoming increasingly important to study the value system that determines the behavior of population groups with non-traditional religious views. A sociological analysis of the family and socio-cultural orientations of the population of Moscow and the Belgorod region with non-traditional religious views was carried out. The methodological approach of the sociological search was based on the formation of two typological groups with non-traditional religious beliefs: “practitioners” and “non-practitioners”. The groups were selected based on indicators of non-traditional religious consciousness, motivation of interest and cult behavior (participation in relevant social practices). It was revealed that the population of the

¹ Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН.

metropolitan metropolis shows more interest in non-traditional religious teachings, their spiritual and physical practices, as well as mystical currents compared to the population of the “Belgorod region”. It is quite natural that the motivation for fascination with these religions and teachings is more serious and deep in the “practitioners” groups. Sociological data from population surveys in Russian regions showed that there are more unmarried and childless respondents in the “practicing” groups, and more large families in the “non-practicing” groups. It is quite natural that for these groups, the values of “family and parenting” are more important than just the value of “love”. And in the “practitioners” groups, on the contrary, the value of “love” is more important than the values of family and childhood. The relation of typological groups to traditional socio-cultural and family values was partially determined using the Schwarz S. qualification scale of values and the rating scale of “ideas and values of national accord” used by sociologists and demographers for more than 20 years. Traditional values and ideas, actively transmitted by the fiction of the 18th and 19th centuries and the entire Russian culture and continuing to live in the “historical memory” of the Soviet people, as well as in the modern historical period, are the national heritage of our society and the state. The results of sociological research in these subjects of the Russian Federation demonstrate that respondents who engage in the activities in question exhibit a more active and independent lifestyle compared to those who do not. They also demonstrate a closer alignment with the values associated with these activities. The respondents who were actively engaged in these activities reported a higher level of life satisfaction, self-development, and freedom. The typological group of “non-practitioners” is mostly “social activists”: traditional family values, ideas of collectivism, legality, and patriotism are more important to them.

Keywords: sociocultural values; family values; qualification scale of values; typological groups; non-traditional religions; mystical and occult sciences

Information for citation: Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. (2024), “Sociocultural and family values of Russians with non-traditional religious views (on the example of Moscow and Belgorod region)”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 5-30 . DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-1

Введение (Introduction). В условиях непрерывного изменения религиозного ландшафта, становится все более актуальным изучение системы ценностей, которые определяют поведение групп населения с религиозными взглядами, как традиционными, так и нетрадиционными. Общеизвестно, что в процессе социализации у индивида формируется ценностное пространство. Ценность воплощает значимость тех или иных объектов и явлений для человека, поэтому жизненные цели индивида формируются под влиянием ценностного стержня (Ласточкина, 2015).

Социокультурные ценности определяются жизненными смыслами,

которыми человек руководствуется в своей жизнедеятельности, демонстрируя социальную модель поведения. Ценностные ориентации формируются, существуют и транслируются под воздействием культуры в процессе жизнедеятельности человека, передаваясь от поколения к поколению (Иванова, 2014). Основными институтами воспроизводства традиционных ценностей выступают институты религии и семьи (Bronner, 2000).

Национальные ценности и традиции, выступавшие многовековыми скрепами народов России, под действием всевозможных внутренних и внешних факторов: политических катаклизмов, националистических войн,

прозелитической и миссионерской деятельности разнообразных религиозных течений, веяний западной массовой культуры теряют сакральный смысл. На федеральном и региональном правительственном уровне уже много лет ведется активное обсуждение концепции традиционных ценностей. Президент Российской Федерации В.В. Путин в послании Федеральному Собранию Российской Федерации уже в 2012 году сделал акцент на утрате традиционных ценностей: «...российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп... того, что всегда, во все времена исторические делало нас крепче, сильнее, чем мы всегда гордились»^{2,3}.

В указе Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей»⁴ уточняется, что сохранение традиционных ценностей – это часть стратегического планирования и национальной безопасности, перечисляются основные традиционные ценности: жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и

взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Отметим, что ценность «крепкой семьи» находится в числе первых десяти из указанных ценностей. Более того, для решения демографических проблем, в частности, повышения рождаемости, защиты и сохранения традиционных семейных ценностей и поддержки института семьи 2024 год был объявлен «Годом семьи»⁵.

Изучение духовно-нравственных и социокультурных ценностей представителей различных религий, как традиционных, так и нетрадиционных, несомненно, является актуальным.

Формирование у населения толерантности к представителям других этносов и различных религиозных течений возможно, только через уважение и понимание многообразия национальных и религиозных традиций и обычаев, что способствует налаживанию межкультурного и межрелигиозного взаимодействия и предотвращению этноконфессиональных и религиозных конфликтов.

Однако, исследований социокультурных и семейных ценностных ориентаций населения с нетрадиционными религиозными взглядами явно недостаточно (Яковлева, 2015). Изучение проблемного поля в подвешенном состоянии, так как до сих пор ведутся жаркие дискуссии о феномене

² Путин В. Сегодня российское общество испытывает явный дефицит духовных скреп. Из послания Президента Федеральному Собранию // ПРАВОСЛАВ-ВИЕ.РУ: сайт. 2012 г. URL: <https://www.pravoslavie.ru/58087.html> (дата обращения: 03.11.2024).

³ Александр Дугин рассказал о традиционных ценностях в России // Газета.ру, 2023 г. URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2023/09/20/21327355.shtml> (дата обращения: 03.11.2024).

⁴ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // консультантПлюс, 2022 г. URL:

https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/c595db4951fa2b3967c0a1bcc5e5bbf7332e9c38/#dst100012 (дата обращения: 05.11.2024).

⁵ Указ Президента Российской Федерации от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи». Государственная система правовой информации. Официальный интернет-портал правовой информации. 2005-2024 гг. // Официальный интернет-портал правовой информации 2023 г. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202311220013> (дата обращения: 05.11.2024).

нетрадиционной религиозности. Прежде всего, ученые – религиоведы и социологи мирового сообщества до сих пор спорят о системе критериев, по которым можно было бы определять религиозные учения и сформированные различного рода течения в разряд новых, так называемых, «нетрадиционных».

Разработка понятийного аппарата продолжается. В наших социологических исследованиях с 2008 года используются понятие «нетрадиционные религии» (Кублицкая, Лютенко, 2021). В условиях постоянно изменяющегося религиозного ландшафта возникает необходимость дальнейшей разработки концепции изучения феномена нетрадиционной религиозности и методики отбора групп с нетрадиционной религиозностью в социологических исследованиях.

Цель данного тематического исследования – выявление возможных различий социокультурных и семейных ценностных ориентаций в типологических группах с разной степенью нетрадиционной религиозности.

Методология и методы (Methodology and methods). Ценностные ориентации, понятия и классификация ценностей представлены в работах: Д. Ю. Ваниянц, А. О. Гаврилова, Э. Р. Зарединова, А. Ш. Назарова, Ф. М. Бородкина, П. И. Касаткина, Ч. Хункай и др.

Для нас представляет особый интерес изучение культурных ценностей, которым занимается социальный психолог Ш. Шварц, разработавший методику диагностики базовых ценностей индивидуального уровня. Он выделил 10 универсальных ценностей, различающихся типом мотивации и образующих круг, состоящий из 4 мегаблоков (Schwartz, 1992). Согласно теории Шварца, базовые ценности являются некими абстрактными целями, неразрывно связанными с эмоциональной сферой человека и направляющими его жизнедеятельность. Ценности служат индикаторами

фундаментальных изменений в обществе (Панкратова, 2011). Следует упомянуть также Рональда Инглхарта, который основал проект World Values Survey и создал организационную инфраструктуру для сравнительных исследований, тем самым способствуя объединению ученых, изучающих ценности. Инглхарт разработал теорию мотиваций, в центре которой – развитие постматериалистических ценностей. Ученый определил, что новые ценности подпитываются за счет социальных сил. В своей «пересмотренной теории модернизации» Инглхарт расширил понятие постматериалистических ценностей до более широкой концепции «ценностей самовыражения» (Инглхарт, 2018).

Так как в статье будут рассмотрены ценностные ориентации типологических групп с нетрадиционными религиозными взглядами, необходимо дать краткое описание нетрадиционных учений, которые заинтересовали население изучаемых регионов.

Нетрадиционными / новыми религиями и учениями называют современные религиозные объединения, отличающиеся нововведениями в вере или использующие некоторые элементы традиционных конфессий. Изучением новых / нетрадиционных религий занимались западные и российские ученые: Л. Досон, Д. Бекфорд, А. Баркер, У. Бэйнбридж, Е. Г. Балагушкин, Л. Н. Митрохин, Ю. В. Рыжов и др. (Dawson, 1998; Stark 1985; Beckford, 1985; Баркер, 1997; Vainbridge, 1997; Балагушкин, 1984; Митрохин, 2000; Рыжов, 2006). Много трудов посвящено теме сектантства (Daniels, 1992; Clarke 1999; Shupe 1984), теме новых/нетрадиционных религиозных движений (Балагушкин, 2011; Шиженский, 2014; Энгельштейн, 2002; Митрохин 1997), разработке теоретических проблем, связанных с деятельностью новых/нетрадиционных религиозных движений (Баркер, 1997; Васильева 2011, Кантеров, 2007), анализу происхождения

феномена нетрадиционных религий и их распространению (Casanova, 1994; Stark, 1981; Campbell, 1972).

К мистическим, оккультным, эзотерическим учениям относятся: парапсихологические и экстрасенсорные исследования, астрология, нумерология, хиромантия, спиритизм и пр. Парапсихология до сих пор вызывает активную дискуссию в научном сообществе: считать ли ее наукой или вненаучным учением (Айзенк, Сарджент, 2001). Парапсихологические и экстрасенсорные исследования (паранауки) изучают такие паранормальные явления как телепатия, ясновидение, телекинез, полтергейст и др. при помощи научных методов.

Астрология – это, прежде всего, вероучение, которое с помощью системы предсказательных практик пытается доказывать закономерность воздействия космических тел на Землю, на поступки и судьбу человека. Много различных мотиваций обращения населения к астрологии: стресс (Lillqvist, Lindeman, 1998; Tyson, 1982), нахождение точки опоры в будущем и т.д. В настоящее время социальные сети с красочными постами в тематических сообществах делают это учение общедоступным для современного человека. Нумерология – эзотерическое учение о влиянии чисел на судьбу человека. С помощью учения о числах, нумерологи пытаются предсказывать значимые события.

Нумерология располагает многими методиками подсчета, современные интернет-технологии сделали доступным услуги нумерологов.

Современное неоязычество – совокупность объединений, основанных на дохристианских верованиях и культах, магических обрядах и практиках (Гайдуков, 2016). Идеологическая составляющая неоязычества основывается на утрате современного поколения связи с предками, защите исконных традиционных ценностей и традиций. Неоязычники

практикуют отказ от современных тенденций, проникающих в русскую культуру извне, что отражается в их образе жизни и идеях вероучения (Коноплева, Кахута, 2019).

В социологический анализ перечисленных наиболее распространенных нетрадиционных учений и оккультных систем включены восточные религии и восточные духовные, физические практики индуизма (йога, медитация и др.). В России буддизм является основной конфессией в трех регионах: Туве, Бурятии и Калмыкии. Но на территории Москвы и Белгородской области буддизм не является распространенной религией. Статистика и мониторинговые исследования показывают, что по признаку конфессиональной самоидентификации относят себя к буддистам не более 1% населения этих регионов. Поэтому вполне допустимо включение буддизма в категорию нетрадиционных религий для данных территориальных субъектов РФ. Буддизм, наряду с восточными духовными и физическими практиками, в последнее время оказался в тренде у населения. Ученые отмечают популяризацию буддизма и его адаптацию к культуре новых для него территорий (Базаров, 2019, Уланов, 2007). Рост интереса населения к буддизму основан на философии учения, которая указывает методы преодоления проблем и ограничений, достижения гармонии внутреннего мира, способствуя развитию духовного человеческого потенциала.

Эмпирическая база социологического поиска:

– результаты социологических исследований, проведенных в 2024 году Институтом демографических исследований ФНИСЦ РАН в двух субъектах РФ: Москве и Белгородской области. Сбор данных проводился с помощью онлайн-анкеты. Отбор респондентов проведен по репрезентативной квотно-

пропорциональной выборке со связанными половозрастными и территориальными параметрами. Объем выборочных совокупностей: в столице – N = 500 ед., в Белгородской области – N = 501 ед.

Сравнительный анализ в социологическом поиске проводился в двух плоскостях:

- региональный сравнительный анализ социокультурных и семейных ценностей населения с нетрадиционными религиозными взглядами Москвы и Белгородской области;

- сравнительный анализ системы ценностей типологических групп «практикующие» и «непрактикующие».

Необходимо отметить, что изучаемые субъекты РФ имеют различные социокультурные и этноконфессиональные показатели. Столица – высококультурно-образовательный центр России. Несмотря на то, что исторически Москва – хранительница русской культуры и православных традиций, в то же время она продолжает оставаться многонациональным и поликонфессиональным мегаполисом.

Следует обратить внимание, что Белгородская область тяготеет к моноэтничности и моноконфессиональности. «Белгородчина» – традиционно русский регион Российской Федерации. Доминирующая конфессия в регионе – традиционное православное христианство. Уровень традиционной религиозности в регионе превышает 60% (Кублицкая, Лебедев, 2019).

Методолого-методический подход социологического поиска для достижения поставленной цели использовал системную типологизацию /отбора двух групп населения с нетрадиционными религиозными представлениями: «практикующие» (высокая степень нетрадиционной религиозности) и «непрактикующие» (низкая степень нетрадиционной религиозности).

Типологические группы респондентов отбирались по показателям религиозного сознания, мотивации интереса к религии и культового поведения (участия в соответствующих социальных практиках). За основу типологизации брались методические разработки Е. А. Кублицкой (Кублицкая, 1990). Индекс нетрадиционной религиозности рассчитывается по формуле: вера не в Бога, а в другую сверхъестественную силу (Л) + интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, мистическим учениям (М) + мотивация интереса к данным религиям и учениям (Н) + включенность в практику нетрадиционных воззрений, религий, мистических учений (Р).

Типологическая группа «практикующие», характеризующая большим включением в нетрадиционные религиозные отношения, отбиралась по формуле: результирующий показатель религиозного сознания (Л+М+Н) + показатель культового поведения (Р). В группу «практикующие» отбирались респонденты, верящие не в Бога, а в другую сверхъестественную силу, интересующиеся нетрадиционными воззрениями и религиям, мистическими учениями, с глубокой мотивацией увлечения к ним и включающие полностью или частично в свою жизнедеятельность практики этих религий и учений. Типологическая группа «непрактикующие» отбиралась по формуле (Л+М+Н): респонденты, верящие не в Бога, а другую сверхъестественную силу, интересующиеся нетрадиционными религиями, мистическими учениями, с поверхностной мотивацией увлечения нетрадиционными религиями, мистическими учениями, но показатель культового поведения отсутствует (в повседневный быт респондента не включены практики данных религий и учений) (Таблица 1).

Таблица 1

Принцип отбора типологических групп «практикующие» и «непрактикующие» по показателям: нетрадиционного религиозного сознания, мотивации интереса к нетрадиционным религиям и культового поведения

Table 1

Principle of selection of typological groups “practitioners” and “non-practitioners” according to the following indicators: of non-traditional religious consciousness, motivation of interest in religion and cult behavior

Показатели группы «Непрактикующие» / Indicators of the “Non-practicing” group	Показатели группы «Практикующие» / Indicators of the “Practitioners” group
Верят не в Бога, а в существование другой сверхъестественной силы / Believe not in God, but in the existence of another supernatural force	Верят не в Бога, а в существование другой сверхъестественной силы / Believe not in God, but in the existence of another supernatural force
Интересуются восточными религиями, нетрадиционными и мистическими учениями / Interested in Eastern religions, non-traditional religions and mystical teachings	Интересуются восточными религиями, нетрадиционными религиями и мистическими учениями / Interested in Eastern religions, non-traditional religions and mystical teachings
Поверхностная мотивация увлечения восточными религиями, нетрадиционными религиями и мистическими учениями / Superficial motivation for fascination with Eastern religions, non-traditional religions and mystical teachings	Более глубокая мотивация увлечения восточными религиями, нетрадиционными религиями и мистическими учениями / Deeper motivation for fascination with Eastern religions, non-traditional religions and mystical teachings
Не включены в практику этих религий и учений / Not included in the practice of these religions and teachings	Включают полностью или частично в свою жизнедеятельность практики этих религий и учений / Incorporate all or part of the practices of these religions and teachings into their life activities

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Результаты мониторинговых исследований продолжают фиксировать рост интереса у респондентов к нетрадиционным воззрениям и религиям, восточным религиям, мистическим учениям, но с разной степенью интенсивности в изучаемых регионах (Лютенко, 2021)⁶. Так, в Москве среди опрошенных, верящих в сверхъестественную силу, интересуются

нетрадиционными воззрениями и религиями, мистическими учениями 62%. В Белгородской области интересующихся ими намного меньше по сравнению с мегаполисом. Вполне закономерно, что проявляют интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, мистическим учениям всего лишь 32% белгородцев.

Следует отметить, что восточные религии остаются востребованы у москвичей. Например, уровень интереса к

⁶ После очередного этапа мониторинга в методику добавляются показатели тех новых религий и учений, которые имеют больший интерес у

респондентов и исключаются те, которые в течении 3-4 лет в рейтинге значимости получают менее трех процентов.

данным религиям среди населения Москвы по результатам мониторинга с 2021 по 2024 год колеблется в пределах 41% – 38%. Ученые отмечают, в частности, что у европейского населения стал востребован буддизм (Уланов, 2007). Буддизм привлекает доступной, ненавязчивой философией учения в совокупности с системой духовных и физических практик; человек может обрести равновесие и покой, избавиться от стресса и страданий. Занятия йогой также общедоступны, сами практики оказывают положительное влияние на организм человека (Колосов, Чингина, 2019). Астрология адаптировалась под современные потребности своих адептов, сместив поле деятельности в виртуальную среду. Киноиндустрия сохраняет интерес к экстрасенсорным и парапсихологическим исследованиям. За последние годы в массовый кинопрокат вышло немало фильмов по данной тематике, которые сыскали отклик у поклонников данного жанра.

Эмпирические данные популярных направлений нетрадиционных религий у москвичей в 2024 году таковы: лидируют восточные религии и учения⁷, духовные и физические практики индуизма (йога и др.), астрология (38%, 33%, 32% соответственно). Менее популярны экстрасенсорные и парапсихологические исследования, нумерология, хиромантия, неоязычество (18%, 17%, 12%, 8% соответственно). К ним проявляют интерес

в 2 раза меньше респондентов, чем к тройке лидирующих учений. Отметим, что население города практически перестало в последние годы привлекать мистическое течение: спиритизм (1%).

Интерес белгородцев к конкретным нетрадиционным религиям и мистическим учениям незначителен. Небольшой интерес фиксируется к астрологическим изысканиям (9%). Еще менее популярны восточные религии и учения, их духовные и физические практики, экстрасенсорные и парапсихологические исследования. К ним проявили интерес всего 5% опрошенных в Белгородской области. Остальными нетрадиционными учениями интересуются менее 4% белгородцев (Рисунок 1).

Типологические группы респондентов отбирались по показателям религиозного сознания, мотивации интереса к религии и культового поведения (участия в соответствующих социальных практиках). За основу типологизации брались методические разработки Е. А. Кублицкой (Кублицкая, 1990). Индекс нетрадиционной религиозности рассчитывается по формуле: вера не в Бога, а в другую сверхъестественную силу (Л) + интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, мистическим учениям (М) + мотивация интереса к данным религиям и учениям (Н) + включенность в практику нетрадиционных воззрений, религий, мистических учений (Р).

⁷ Мы сочли возможным говорить об интересе к восточным религиям, т.к. в московском мегаполисе и Белгородской области буддизм и связанные с ней близко религиозные течения не являются

традиционными, и по удельному весу они не превышают 1% среди религиозного населения в изучаемых регионах.

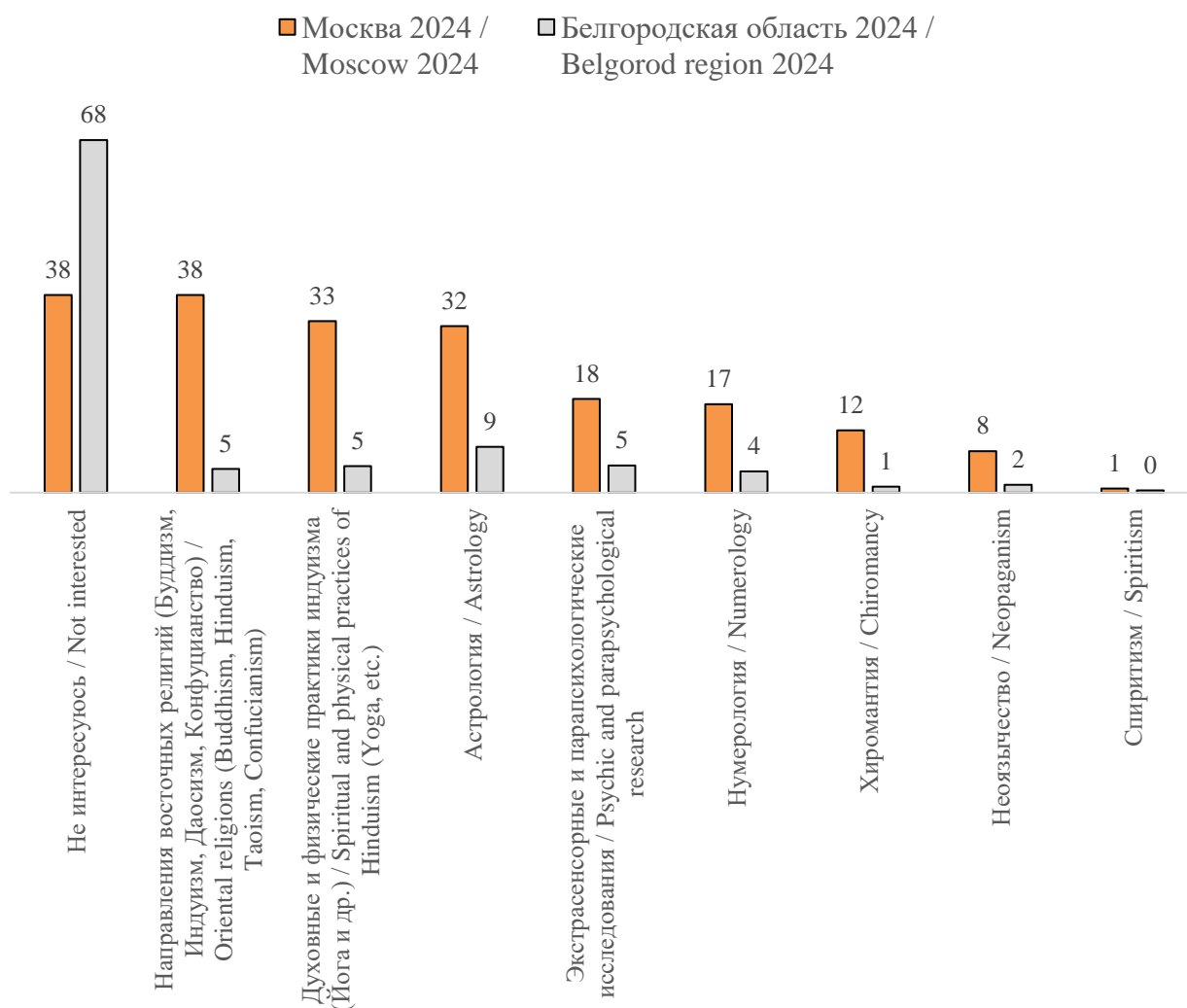

Рисунок 1. Интерес населения к восточным религиям, мистическим учениям и нетрадиционным воззрениям и религиям (в % от опрошенной группы верующих только в сверхъестественные силы). Москва, Белгородская область – 2024 г.⁸

Figure 1. Interest of the population in Eastern religions, mystical teachings and non-traditional views and religions (% of the surveyed group believing only in supernatural forces). Moscow, Belgorod region – 2024

Типологическая группа «практикующие», характеризующая большим включением в нетрадиционные религиозные отношения, отбиралась по формуле: результирующий показатель религиозного сознания (Л+М+Н) + показатель культового поведения (Р). В группу «практикующие» отбирались респонденты, верящие не в Бога, а в другую сверхъестественную силу,

интересующиеся нетрадиционными воззрениями и религиям, мистическими учениями, с глубокой мотивацией увлечения к ним и включающие полностью или частично в свою жизнедеятельность практики этих религий и учений (в основном практики восточных религий и учений). Типологическая группа «непрактикующие» отбиралась по формуле (Л+М+Н): респонденты, верящие не в Бога,

⁸ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

а другую сверхъестественную силу, интересующиеся нетрадиционными религиями, мистическими учениями, с поверхностной мотивацией увлечения нетрадиционными религиями, мистическими учениями, но показатель культового поведения отсутствует (в повседневный быт респондента не включены практики данных религий и учений).

По вышеизложенным методическим разработкам для дальнейшего социологического анализа были сформированы типологические группы «практикующие» – (67% в Москве и 58% в Белгородской области) и «непрактикующие» – (26% и 24% соответственно) (Рисунок 2).

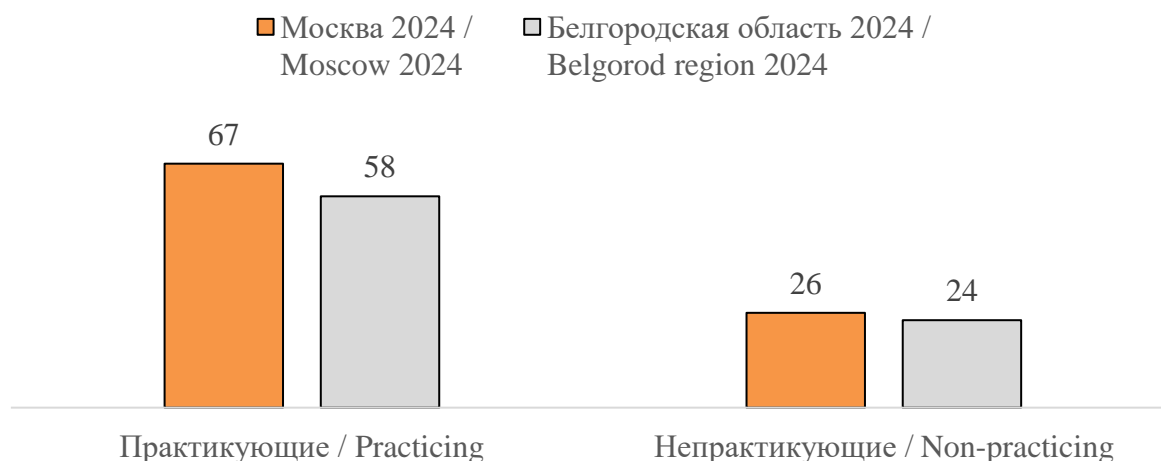

Рисунок 2. Типологические группы «практикующие» и «непрактикующие» (в % от показателей по отношению к восточным религиям, нетрадиционным религиям и мистическим учениям). Москва, Белгородская область – 2024 г.⁹

Figure 2. Typological groups “practitioners” and “non-practitioners” (% of indicators in eastern religions, relation to non-traditional religions and mystical disciples). Moscow, Belgorod region – 2024

Один из важных показателей религиозного сознания – «мотивация интереса, увлечения» выявляет уровень возможного включения респондента в область нетрадиционных религиозных отношений.

Сформированным типологическим группам «практикующие» и «непрактикующие» был предложен на выбор ряд утверждений, характеризующих мотивацию увлечения нетрадиционными религиозными учениями (см. Таблица 2). В группах «практикующие» по всем индикаторам мотивация интереса и увлечения восточными религиями, нетрадиционными воззрениями и религиями, мистическими учениями

значительно выше, чем в группах «непрактикующие». Так, «практикующие», следуя философии восточных учений, чаще выбирают утверждения, связанные с самосовершенствованием человека, считая также, что «эти учения открывают им путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии». Среди «практикующих» в 2 раза больше тех, кто интересуется восточными религиями и учениями, их духовными и физическими практиками, чем в группах «непрактикующих». Подобная тенденция характерна для респондентов и Московского региона, и Белгородчины. Несомненно, и социальная микросреда

⁹ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

оказывает существенное воздействие на индивида. Половина опрошенных в группе «практикующих» москвичей сообщили, что их родственники, друзья и знакомые изучают или практикуют данные

воззрения. Среди белгородцев таковых в 4 раза меньше, что подтверждается представленными выше эмпирическими данными.

Таблица 2

Мотивация интереса к восточным религиям, мистическим учениям, нетрадиционным воззрениям и религиям «практикующих» и «непрактикующих» (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва, Белгородская область – 2024 г.¹⁰

Table 2

Motivation of interest in Eastern religions, mystical teachings, non-traditional views and religions of “practitioners” and “non-practitioners” (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow, Belgorod region – 2024.

Утверждения / Allegations	Москва 2024 / Moscow 2024		Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024	
	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing
1. Традиции, нормы и культура мировых религий не всегда помогают мне в повседневной жизни / The traditions, norms and culture of the world's religions don't always help me in my daily life	0	34	60	74
2. Заслуживают внимания для научного изучения / Noteworthy for scientific study	59	82	66	91
3. Повышают самоконтроль личности, чувство спокойствия / Increase self-control of the individual, a sense of calmness	44	73	63	69
4. Расширяют физиологические возможности человека / Expand human physiological capabilities	15	65	21	57
5. Способствуют нравственному совершенствованию человека / Contribute to the moral improvement of a person	36	49	48	53
6. Являются привлекательными своей оригинальностью, экстравагантностью / Are attractive by their originality, their extravagance	46	64	59	84
7. Открывают путь познания сущности мира и достижения с ним внутренней гармонии / Open the way to know the essence of the world and achieve inner harmony with it	23	62	15	50
8. Мои знакомые, родственники, друзей изучают или практикуют эти учения / My acquaintances, relatives, friends are studying or practicing these teachings	11	52	5	12

¹⁰ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН

Семейные ценности населения с нетрадиционными религиозными взглядами. Для анализа семейных ценностей населения с нетрадиционными религиозными взглядами, выделены показатели: «семейное положение», «наличие детей», а также ценностное восприятие семьи, любви и воспитания детей.

При региональном сравнительном анализе выявлены следующие результаты.

Москва:

- «практикующие»: 40% состоят в семейных отношениях (29% – в официальном браке и 11% – в гражданском), у 55% из них детей не имеют. 22% респондентов имеют одного ребенка, 15% – 2 ребенка и 6% – 3 ребенка;

- «непрактикующие»: 62% семейных пар (55% состоят в официальном браке и 7% – в гражданском). 41% респондентов не имеют детей, у 23% – один ребенок, 30% имеют двоих детей и 6% – троих детей.

Таким образом, в мегаполисе больше половины «непрактикующих» состоят в официальном браке, что почти в два раза больше по сравнению с «практикующими». Кроме того, в группе «непрактикующих» больше респондентов, имеющих двое детей и меньше тех, у кого детей нет в сравнении с оппозиционной группой. Отметим также, что в группе «практикующих» больше холостых/незамужних москвичей.

Белгородская область:

- «практикующие» – 65% респондентов находятся в семейных отношениях, причем 47% респондентов состоят в официальном браке и 18% – в гражданском браке. 36% респондентов не имеют детей. Зафиксировано, что во многих семьях растет два ребенка – 39%;

- «непрактикующие» – 61% семейных пар (49% состоят в официальном браке и 12% – в незарегистрированных отношениях). В семьях в основном по 2-3 ребенка;

Белгородский регион отличается большим количеством детей у населения в изучаемых группах, причем многодетных среди белгородцев больше, чем среди москвичей.

Если рассматривать типологические группы независимо от региона, то в группах «непрактикующих» фиксируется: больше семей с детьми, в том числе многодетных, по сравнению с «практикующими» (см. Таблица 3).

При анализе ценностей «любовь» и «семья и воспитание детей», выявлена вполне логичная закономерность: в группах «практикующих» больше ценят просто любовь, чем ценность семьи и детей. У «непрактикующих», наоборот, ценность «семья и воспитание детей» выше, чем ценность «любовь» (Рисунок 3 – Москва и Белгородская область).

Таблица 3

Отношение к семейным ценностям «практикующих» и «непрактикующих»
(в % от числа опрошенных в типологических группах).
Москва, Белгородская область – 2024 г.¹¹

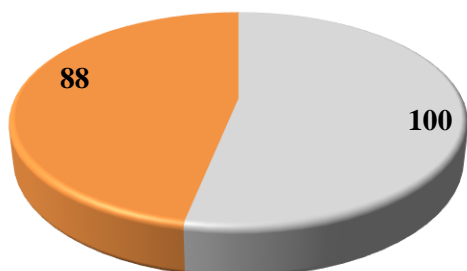
Table 3

Attitudes towards family values of “practitioners” and “non-practitioners” (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow, Belgorod Oblast – 2024

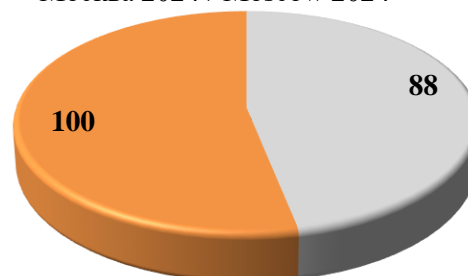
		Москва 2024 / Moscow 2024		Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024	
		Непрактикующие / Non-Practising	Практикующие / Practising	Непрактикующие / Non-Practising	Практикующие / Practising
1. Семейное положение / Family status	1. Холост (не замужем) / Single (single)	21	37	18	22
	2. Состою в официально зарегистрированном браке / I am officially married	55	29	49	47
	3. Проживаю в «гражданском браке» (сожительство) / I live in a “common-law marriage” (cohabitation)	7	11	12	18
	4. Разведен/разведена / Divorced / divorced	13	13	11	5
	5. Вдовец/вдова / Widower/widow	4	11	9	8
2. Количество детей / Number of children	1. Один ребенок / One child	23	22	13	13
	2. Двое детей / Two children	30	15	34	39
	3. Трое детей / Three children	6	6	23	10
	4. Больше, чем трое детей / More than three children	0	3	5	2
	5. Нет детей / No kids	41	55	25	36
3. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) / Love (spiritual and physical intimacy with a loved one)	Очень важная + важная / Very important + important	88	100	73	86
4. Семья и воспитание детей (счастливая семейная жизнь) / Family and parenting (happy family life)	Очень важная + важная / Very important + important	100	88	100	82

¹¹ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Практикующие / Practicing
Москва 2024 / Moscow 2024

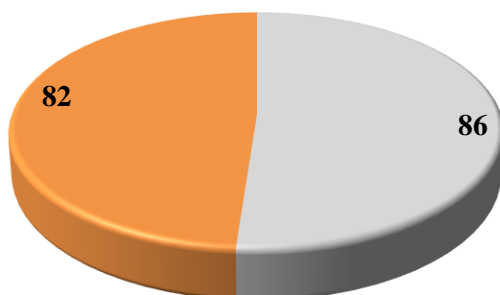

Непрактикующие / Non-practicing
Москва 2024 / Moscow 2024

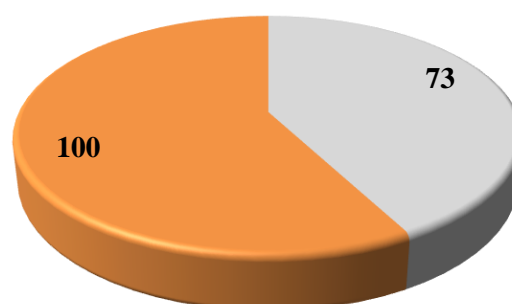
Практикующие / Practicing

Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024

Непрактикующие / Non-practicing

Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024

■ Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) / Love (spiritual and physical intimacy with a loved one)

■ Семья и воспитание детей (ценность очень важная + важная) / Family and parenting (value is very important + important)

Рисунок 3. Ценности «любовь» и «семья и воспитание детей» для «практикующих» и «непрактикующих» очень важные+ важные (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва, Белгородская область, 2024 г.¹²

Figure 3. The values of “love” and “family and parenting” for “practitioners” and “non-practitioners” very important + important (% of the surveyed group interested in Eastern religions, mystical teachings and non-traditional views). Moscow, Belgorod region, 2024

Социокультурные и социально-политические ценности населения с нетрадиционными религиозными взглядами. В исследованиях предпринята попытка выявления возможного воздействия нетрадиционных религиозных взглядов на социально-политические и социокультурные ценностные ориентации. Для анализа были взяты показатели

традиционных ценностей, которые веками оказывали влияние на социокультурную составляющую российской идентичности, ее цивилизационного пространства. Именно эти ценности сохраняются в «исторической памяти» «государства российского».

Отметим, что на индивидуальном уровне социальные ценности – это некие

¹² Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

цели и ориентиры, которые близки индивиду. И классификация ценностей Ш. Шварца основывается на разработках М. Рокича и его собственной концепции о универсальности базовых ценностей индивида (Карандашев, 2004). В методике Шварца ценности сгруппированы в типы в зависимости от их целей. В наших исследованиях ценности были систематизированы с учетом классификации Ш. Шварца, но с некоторыми изменениями показателей универсальных ценностей, которые близки традиционным историческим российским ценностям¹³.

Типы ценностей:

1. *Универсализм* – защита благополучия всех людей:

- показатель «Общественный порядок».

2. *Коллективизм* – главенство интересов общества, государства, нации:

- показатель «Счастье и благополучие других» (близких, друзей, народа и человечества в целом)

3. *Традиции* – принятие и соблюдение исторических обычаев и идей культуры общества:

- показатель «Патриотизм» (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа).

4. *Самостоятельность* – самостоятельный выбор действий и решений:

- показатель «Свобода» (независимость в поступках и действиях).

5. *Достижение* – личный успех, достигнутый с помощью определенных компетенций, соответствующих стандартам конкретной общности:

- показатель «Саморазвитие» (работа над собой, постоянное физическое и

духовное совершенствование);

- показатель «Активная жизненная позиция» – АЖП (максимально полное использование своих сил и способностей).

6. *Безопасность* – гармония, стабильность общества, своя безопасность и других:

- показатель «Безопасность».

7. *Законность* – равенство всех граждан перед законом, свобода слова и др.:

- показатель «Обеспечение прав и свобод человека».

8. *Семья* – социальная микросреда: брачные отношения, общность быта, рождение и воспитание детей:

- показатель «Семья и воспитание детей» (счастливая семейная жизнь).

Респондентам было предложено отметить важность каждой ценности по четырем пунктам шкалы: «очень важная», «важная», «неважная», «затрудняюсь ответить». Тем не менее, для выявления значимой разницы в ответах типологических групп, в сводной таблице 4 указана только крайняя позиция индикатора: «очень важная».

Полученные результаты показали, что «практикующим» москвичам присуща более активная жизненная позиция и самостоятельность по сравнению с «непрактикующими». Им в большей степени близки ценности: «активная и деятельная жизнь», «саморазвитие», «свобода». «Непрактикующие» москвичи в своем большинстве «общественники»: им свойственен «общественный порядок», «коллективизм», «законность», «патриотизм», «жертвенность», «семейственность». Традиционные ценности этого порядка достигают до 86 % (см. Рисунок 4).

¹³ Указаны только типы ценностей, которые использованы в тематическом анализе.

Таблица 4

Ценностные ориентации «практикующих» и «непрактикующих» по классификации ценностей Шварца (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва, Белгородская область – 2024 г.¹⁴

Table 4

Value orientations of “practitioners” and “non-practitioners” according to the Schwartz's classification of values (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow, Belgorod region – 2024

Очень важные ценности / Very important values	Москва 2024 / Moscow 2024		Белгородская область 2024 / Belgorod region 2024	
	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing	Непрактикующие / Non-practicing	Практикующие / Practicing
1. Патриотизм (любовь к Родине, Отечеству, благополучие страны и своего народа) / Patriotism (love for the Motherland, Fatherland, well-being of the country and its people)	59	19	54	38
2. Общественный порядок / Public order	76	68	38	30
3. Безопасность / Security	77	66	60	50
4. Обеспечение прав человека (равенство всех граждан перед законом, свобода слова, и др.) / Ensuring human rights (equality of all citizens before the law, freedom of speech, etc.).	76	68	73	64
5. Счастье и благополучие других (близких, друзей, народа, человечества в целом) / Happiness and well-being of others (loved ones, friends, nation, humanity as a whole)	86	51	63	59
6. Семья и воспитание детей (счастливая семейная жизнь) / Family and parenting (happy family life)	86	49	78	60
7. Любовь (духовная и физическая близость с любимым человеком) / Love (spiritual and physical intimacy with a loved one)	34	49	51	62
8. Свобода (независимость в поступках и действиях) / Freedom (independence in deeds and actions)	28	49	53	64
9. Саморазвитие (работа над собой, постоянное физическое и духовное совершенствование) / Self-development (self-improvement, constant physical and spiritual improvement)	43	60	60	76
10. Активная и деятельная жизнь (максимально полное использование своих сил и способностей) / Active and active life (maximizing the use of one's strengths and abilities)	38	42	53	59

¹⁴ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

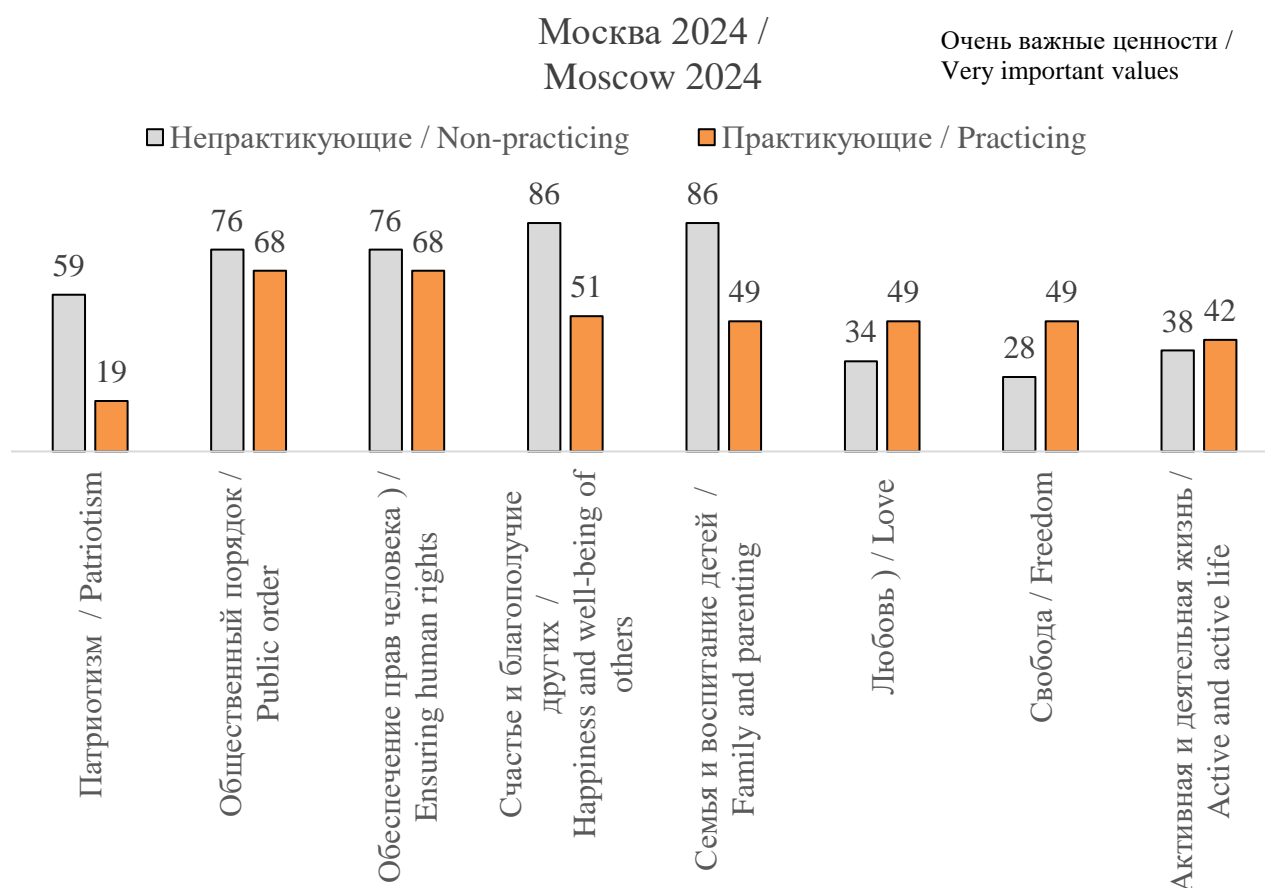

Рисунок 4. Ценностные ориентации «практикующих» и «непрактикующих» по классификации ценностей Шварца (в % от числа опрошенных в типологических группах). Москва – 2024 г.¹⁵
Figure 4. Value orientations of 'practitioners' and 'non-practitioners' according to the Schwartz's classification of values (% of the number of respondents in the typological groups). Moscow – 2024.

Хотелось бы отметить существенное различие в этих группах москвичей в оценке «патриотизма»: 59% «непрактикующих» и только 19% «практикующих» считают эту ценность очень важной для жизнедеятельности общества. Типологические группы

респондентов в Белгородской области полностью повторяют данную направленность ориентаций в отношении предложенных ценностей, несмотря на количественное различие в оценке важности тех или иных показателей (см. Рисунок 5).

¹⁵ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

Белгородская область 2024 /
Belgorod region 2024

Очень важные ценности /
Very important values

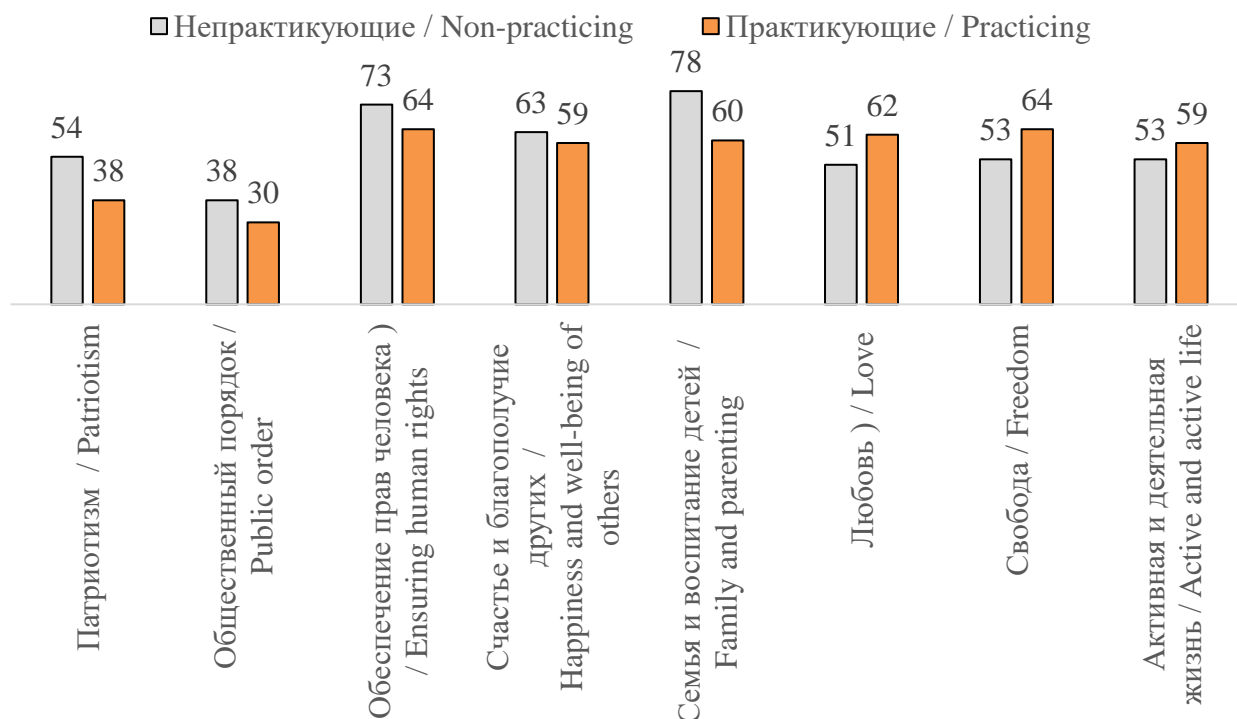

Рисунок 5. Ценностные ориентации «практикующих» и «непрактикующих» по классификации ценностей Шварца (в % от числа опрошенных в типологических группах). Белгородская область – 2024 г.¹⁶

Figure 5. Value orientations of 'practitioners' and 'non-practitioners' according to the Schwartz's classification of values (% of the number of respondents in the typological groups). Belgorod region – 2024.

В социологическом анализе также была использована шкала «идей и ценностей национального согласия», неоднократно апробированная в практике наших мониторинговых социологических исследований с 2003 года. Шкала определяет место идей и ценностей в структуре общенациональных идей консолидации. Строились четыре социальных среза ценностей. Выделение «знаковых» ценностных идей велось через показатели, характеризующие:

– социально-политические ценности («патриотизм», «социализм», «общественное самоуправление», самодержавие);

– социально-правовые ценности («безопасность», «общественный порядок», «права человека»);

– социально-нормативные ценности («социальная справедливость и равенство и равенство перед законом»);

– социальные духовно-культурные и этнорелигиозные ценности («духовность», «национальная гордость», «интернационализм», «религиозные традиции»).

Востребованность тех или иных идей «национального согласия» фиксировались через ранжированные оценки по 13-ти предложенным номинациям (Кублицкая, 2023).

¹⁶ Источник: Отдел этноконфессиональных, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН.

По результатам сопоставления номинаций предложенных респондентам шкал доказано, что наиболее значимыми для каждой типологической группы оказались одни и те же ценностные ориентации, или близкие по смыслу, за исключением «социальной справедливости». Эта номинация оказалась первой в рейтинге и в обоих субъектах РФ (Москва, Белгородская область), и в обеих группах «непрактикующие» – «практикующие». Ценности «свобода и права человека», «демократия» в группах «практикующих» в процентном отношении значительно превышают те же позиции у «непрактикующих». И с точностью наоборот, возможными объединительными ценностями «непрактикующие» в большей степени, чем «практикующие» считают «общественный порядок», «безопасность» и «патриотизм».

Заключение (Conclusions).

Тематический срез социологического поиска был направлен на выявление некоторых деструктивных идеологических факторов, препятствующих сохранению традиционных ценностей в религиозной сфере. В условиях непрерывного изменения религиозного ландшафта становится все более актуальным изучение системы ценностей, которые определяют поведение групп населения с нетрадиционными религиозными взглядами. Результаты социологического исследования должны были показать, существуют ли серьезные различия в традиционных социокультурных и семейных ценностных ориентациях у населения с разной степенью увлечения нетрадиционными религиозными учениями и мистическими течениями?

Решение поставленной цели осуществлялось путем отбора респондентов в типологические группы по показателям *отношения к нетрадиционным религиям и мистическим учениям*. Выделены группы: «практикующие», соответствующие всем показателям нетрадиционной

религиозности, и «непрактикующие», не участвующие в нетрадиционной культовой практике.

Исследуемые субъекты Российской Федерации (Москва и Белгородская область) были выбраны целенаправленно с учетом различия их социально-экономических и этноконфессиональных особенностей. Сравнительный анализ в социологическом поиске проводился в двух плоскостях:

1) межрегиональный сравнительный анализ социокультурных и семейных ценностей населения Москвы и Белгородской области;

2) сравнительный анализ системы ценностей типологических групп «практикующие» и «непрактикующие» верующие.

По результатам межрегионального сравнительного анализа выявлено то, что:

- москвичи проявляют больший интерес к нетрадиционным воззрениям и религиям, восточным религиям и мистическим учениям, и в большей степени включены в практики этих учений, по сравнению с белгородцами;

- семейным ценностям более привержено население Белгородской области, где (с учетом соотношения численности населения этих субъектов РФ) больше семейных пар и многодетных семей, чем у населения столичного мегаполиса.

Полученные социологические данные также показали значительную разницу в отношении семейного уклада изучаемых типологических групп. В группах «практикующих» по сравнению с группами «непрактикующих» больше респондентов, у которых нет детей, а также больше респондентов, состоящих в неофициальном браке. Вполне логично, что именно среди «непрактикующих» больше многодетных семей, которые более высоко ставят ценности семейных отношений.

Следует отметить, что социологические данные исследований 2024 года, проведенных в Москве и

Белгородской области (с использованием квалификационных шкал ценностей)

Ш. Шварца и шкалы «идей и ценностей национального согласия») фиксируют серьезные различия в оценках значимости семейных и основных социокультурных ценностей в типологических группах.

По квалификационной шкале Ш. Шварца (с коррекцией показателей универсальных ценностей, близких традиционным историческим российским ценностям):

- «практикующим» москвичам присуща более активная жизненная позиция и самостоятельность по сравнению с «непрактикующими». Им в большей степени близки типы ценностей: «активная и деятельная жизнь», «саморазвитие», «свобода»;

- «непрактикующие» москвичи в своем большинстве «общественники»: им близки ценностные ориентации на «общественный порядок», «коллективизм», «законность», «патриотизм», «жертвенность», «семейственность». Их ориентации на традиционные ценности этого типа достигают 86 %.

Типологические группы респондентов в Белгородской области полностью повторяют направленность ориентаций в отношении предложенных ценностей, несмотря на количественное различие в оценке важности тех или иных показателей.

Шкала «идей и ценностей национального согласия», определяя место идей и ценностей в структуре общенациональных идей консолидации, показала, что наиболее значимыми для каждой типологической группы оказались те же или близкие по смыслу ценностные ориентации. Ценности «свобода и права человека», «демократия» в группах «практикующих» значительно превышают в процентном отношении эти же позиции у «непрактикующих». И, наоборот, объединительными ценностями

«непрактикующие» в большей степени, чем «практикующие», считают «общественный порядок», «безопасность» и «патриотизм».

Следовательно, социологический анализ подтверждает, что группа «практикующих» респондентов, включенных в различные формы нетрадиционных религиозных отношений, менее ориентирована в своей жизнедеятельности на традиционные социокультурные и семейные ценности в отличие от респондентов, входящих в группу «непрактикующие». Напротив, ориентации на ценности «крепкой семьи», «гражданственности», «коллективизма» и «патриотизма» сохраняются в большей степени у группы респондентов, мало интересующихся нетрадиционными религиозными и оккультными верованиями («непрактикующие»).

Несмотря на то, что много трудов посвящено нетрадиционным/новым религиям и учениям, у социологов-религиоведов до сих пор нет полноценного методического инструментария, позволяющего определять респондентов с нетрадиционной религиозностью при проведении социологических исследований. В перспективе необходима дальнейшая разработка методических показателей и индикаторов нетрадиционной религиозности. Разработка методического инструментария необходима, в первую очередь, для определения уровня и степени нетрадиционной религиозности респондента, а, следовательно, распространенности нетрадиционной религиозности. Иными словами, для уточнения характеристик религиозной ситуации в российском обществе. Результаты объективного анализа изменения и характеристик религиозного ландшафта, выявления возможных негативных ценностных позиций некоторых новомодных религиозных течений могут использоваться в практике мероприятий, посвященных темам консолидации, многообразия

национальных и религиозных традиций и обычаев. Это будет способствовать налаживанию межкультурного и межрелигиозного взаимодействия в многонациональном российском обществе.

Список литературы

- Айзенк Г., Сарджент К. Объяснение необъяснимого. Тайны паранормальных явлений. Москва: Эксмо-Пресс, 2001. 384 с.
- Аналитика мистицизма / под ред. Е.Г. Балагушкина. Москва: Канон, 2011. 432 с.
- Базаров Б. В. Буддизм и вызовы XXI века // Вестник БНЦ СО РАН, 2014. № 3(15). С. 12-16.
- Балагушкин Е. Г. Критика современных нетрадиционных религий. Москва: Изд-во МГУ, 1984. 288 с.
- Баркер А. Новые религиозные движения. Практическое введение: пер. с англ. Санкт-Петербург: Изд-во Русского христианского гуманитарного института, 1997. 280 с.
- Васильева, Е.Н. Церковь и секта: развитие научных представлений. Саарбрюкен: ЛАП, 2011. 183 с.
- Гайдуков А. В. Новое язычество. Неоязычество. Родноверие: проблема терминологии // Язычество в современной России: опыт междисциплинарного исследования. Н. Новгород: Мининский ун-т, 2016. С. 24-46.
- Иванова С. Ю. Изменение ценностной парадигмы российского общества в эпоху транзита // Модернизация полиэтничного региона и сопредельных государств: опыт, проблемы, сценарии развития: материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 47-53.
- Инглхарт Р. И. Культурная эволюция: как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир / Рональд Инглхарт; пер. с англ. С. Л. Лопатиной, под ред. М. А. Завадской, В. В. Косенко, А. А. Широкаковой, научн. ред. Э. Д. Панарин. Москва: Мысль, 2018. 347 с.
- Кантеров, И. Я. Новые религиозные движения в России (религиоведческий анализ). Москва: МГУ им. М. Ломоносова, 2007. 472 с.
- Карандашев В. Н. Методика Шварца для изучения ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004. 70 с.
- Колосов Г. Н., Чингина Е. Н. Восприятие духовной и физической практики в йоге в мире и в России // E-Scio. 2019. № 10 (37). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatieduhovnoy-i-fizicheskoy-praktiki-v-yoge-v-mire-i-v-rossii> (дата обращения: 21.06.2024).
- Коноплева А. А., Кахута И. О. Причины популярности неоязычества в современном российском обществе // Манускрипт. 2019. № 10. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-populyarnosti-neoyazychestva-v-sovremennom-rossiyskom-obschestve> (дата обращения: 16.11.2024).
- Кублицкая Е. А. Основные ценности консолидации российского общества в представлениях религиозной и нерелигиозной студенческой молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2023. Т. 9, № 2. С. 26. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3>.
- Кублицкая Е. А. Традиционная и нетрадиционная религиозность: опыт социологического изучения // Социологические исследования. 1990. № 5. С. 95-103.
- Кублицкая Е. А., Лебедев С. Д. Религиозная ситуация в Белгородской области (мониторинговые исследования) // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaa-situatsiya-v-belgorodskoy-oblasti-monitoringovye-issledovaniya> (дата обращения: 07.11.2024).
- Кублицкая Е. А. Лютенко И. В. Религиозность в саморегуляции жизнедеятельности молодежи // Саморегуляция жизнедеятельности молодежи: методология и социальные практики: монография / Ю. А. Зубок, О. Н. Безрукова, Ю. Р. Вишневский и др.; науч. ред. Ю. А. Зубок. Белгород: ООО «Эпи-центр», 2021. С. 217-247.
- Кэмпбелл Д. Тысячеликий герой. Санкт-Петербург: Изд-во «Питер», 2019. 480 с.
- Ласточкина М. А. Жизненные ценности населения региона в социокультурном контексте // Вестник Омского университета. Сер. Экономика. 2015. № 3. С. 141-146.
- Лютенко И. В. Интерес к нетрадиционным религиям московской молодежи и мигрантов (сравнительный анализ 2021 г.) // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 28, № 4. С. 122-134. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.10>.

Митрохин, Л. Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). Санкт-Петербург: РХГИ, 1997. 480 с.

Митрохин Л. Н. Религия и культура: (Филос. очерки) / Л. Н. Митрохин; Рос. акад. наук. Ин-т философии. Москва: ИФРАН, 2000. 316 с.

Панкратова А. Изменение ценностей детей и взрослых в современной России (1992-2009) // Психологические исследования. 2011. № 4 (15). DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.875>.

Рыжов Ю. В. Ignoto Deo: новая религиозность в культуре и искусстве. Москва: Смысл, 2006. 328 с.

Уланов М. С. Буддизм в контексте глобализации // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2007. Т. 25, № 1-2. С. 252-261.

Шиженский, Р. В. Почвенник от язычества: мировоззренческие дискурсы волхва Велимира (Н. Н. Сперанского). Н. Новгород: Типография «Поволжье», 2014. 202 с.

Энгельштейн Л. Скопцы и царство небесное. Москва: НЛЮ, 2002. 328 с.

Яковлева Ю. А. Семейные установки российских носителей нетрадиционной религиозности // Система ценностей современного общества. 2015. № 40. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-ustanovki-rossiyskih-nositeley-netraditsionnoy-religioznosti> (дата обращения: 05.12.2024).

Bainbridge W. S. The Sociology of Religious Movements. New York: Routledge, 1997. 488 p. DOI: <https://doi.org/10.4324/978020376>.

Beckford J. A. Cult Controversies: The Societal Response to New Religio Movements. London-New York: Tavistock Publ., 1985. 335 p.

Bronner S. J. The Meanings of Tradition: An Introduction // Western Folklore. 2000. Vol. 59, № 2. Pp. 87-104.

Campbell C. The Cult, the Cultic Milieu and Secularization // A Sociological Yearbook of Religion in Britain. 1972. Vol. 5, Pp. 119-36.

Casanova J. Public Religions in the Modern World. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1994. 320 p.

Clarke P. B. Bibliography of Japanese New Religious Movements. London & New York: Routledge, 1999. 276 p.

Daniels T. Millennialism: an international bibliography. New York: Garland Publishing, 1992. 657 p.

Dawson L. L. The cultural significance of new religious movements and globalization A theoretical prolegomenon // Journal for the Scientific Study of Religion. 1998. № 4. Pp. 580-595. DOI: <https://doi.org/10.2307/1388142>.

Lillqvist O., Lindeman M. Belief in astrology as a strategy for self-verification and coping with negative life-events // European Psychologist. 1998. № 3 (3). Pp. 202-208. DOI: <https://doi.org/10.1027/1016-9040.3.3.202>

Shupe A. D. The Anti-cult Movement in America: A Bibliography and Historical Survey. New York: Garland, 1984. 169 p.

Stark R., Bainbridge W. Secularization and Cult Formation in the Jazz Age // Journal for the Scientific Study of Religion. 1981. Vol. 20, № 4. Pp. 360-373.

Stark R., Bainbridge W. S. The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation. Berkeley, 1985. 571 p.

Schwartz S. H. Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries / M. Zanna (ed.). // Advances in experimental social psychology. Vol. 25, New York: Academic Press, 1992. P. 1-65.

Tyson G. A. People who consult astrologers: A profile // Personality and Individual Differences. 1982. № 3 (2). Pp. 119-126. DOI: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(82\)90026-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(82)90026-5).

References

Eysenck, G., Sargent, K. (2001), *Objasnenie neobjasnimogo. Tajny paranormal'nyh javlenij* [Explaining the Unexplainable. Secrets of paranormal phenomena], Eksmo-Press, Moscow, Russia, 384. (In Russian)

Analitika misticizma [Analytics of Mysticism] (2011), in Balagushkin, E. G. (ed), Canon, Moscow, Russia, 432. (In Russian)

Bazarov, B. V. (2014), "Buddhism and the challenges of the XXI century", *Bulletin of the Buryat Scientific Center of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences*, (15), 12-16. (In Russian)

Balagushkin, E. G. (1984), *Kritika sovremennyh netradicionnyh religij* [Critique of modern non-traditional religions], Moscow State University Press, Moscow, Russia. (In Russian)

Barker, A. (1997), *Novye religioznye dvizhenija* [New religious movements], Publishers of Russian Christian Institute for the Humanities, St. Petersburg, Russia, 280. (In Russian)

- Vasilieva, E. N. (2011), *Cerkov' i sekta: razvitie nauchnyh predstavlenij* [Church and sect: the development of scientific ideas], LAP, Germany, 183. (In Russian)
- Gaidukov, A. V. (2016), "New paganism. Neo-Paganism. Rodnover: the problem of terminology", *Jazychestvo v sovremennoj Rossii: opyt mezhdisciplinarnogo issledovanija* [Paganism in modern Russia: the experience of interdisciplinary research], Mininsky University, N. Novgorod, Russia, 24-46. (In Russian)
- Ivanova, S. Yu. (2014), "Change of value paradigm of the Russian society in the era of transit", *Modernizacija polijetnichnogo regiona i sopredel'nyh gosudarstv: opyt, problemy, scenarii razvitiya: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii* [Modernization of multi-ethnic region and neighboring states: experience, problems, development scenarios: materials of the All-Russian scientific conference], Izd-vo UNC RAS, Rostov n/D, Russia, 47-53. (In Russian)
- Inglehart, R. I. (2018), *Kul'turnaja jevoljucija: kak izmenjajutsja chelovecheskie motivacii i kak jeto menjaet mir* [Cultural evolution: how human motivations change and how it changes the world], Translated by Lopatina, S. L., in Zavadskaya, M. A., Kosenko, V. V., Shirokanova, A. A., Panarin, E. D. (ed), *Mysl*, Moscow, Russia, 347. (In Russian)
- Kanterov, I. Ya. (2007), *Novye religioznye dvizhenija v Rossii (religiovedcheskij analiz)* [New Religious Movements in Russia (Religious Studies Analysis)], Lomonosov Moscow state university, Moscow, Russia, 472. (In Russian)
- Karandashev, V. N. (2004), *Metodika Shvarca dlja izuchenija cennostej lichnosti: koncepcija i metodicheskoe rukovodstvo* [Schwartz Methodology for the Study of Personal Values: Concept and Methodological Guidelines], Rech, SPb., Russia, 70. (In Russian)
- Kolosov, G. N., Chingina, E. N. (2019), "Perception of spiritual and physical practice in yoga in the world and in Russia", *E-Scio*, 10(37), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/vospriyatie-duhovnoy-i-fizicheskoj-praktiki-v-yoge-v-mire-i-v-rossii> (Accessed 21 June 2024). (In Russian)
- Konopleva, A. A., Kahuta, I. O. (2019), "Reasons for the popularity of neo-paganism in modern Russian society", *Manuskript*, (10), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-populyarnosti-neoyazychestva-v-sovremennom-rossijskom-obschestve> (Accessed 16 November 2024). (In Russian)
- Kublitskaya, E. A. (2023), "The main values of consolidation of the Russian society in the perceptions of religious and non-religious student youth", *Research Result. Sociology and Management*, 9 (2). DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2023-9-2-0-3>. (In Russian)
- Kublitskaya, E. A. (1990), "Traditional and non-traditional religiosity: the experience of sociological study", *Sociological Studies*, (5), 95-103. (In Russian)
- Kublitskaya, E. A., Lebedev, S. D. (2019), "Religious situation in the Belgorod region (monitoring research)", *Social and humanitarian knowledge*, (6), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/religioznaya-situatsiya-v-belgorodskoy-oblasti-monitoringovyie-issledovaniya> (Accessed 07 November 2024). (In Russian)
- Kublitskaya, E. A., Lyutenko, I. V. (2021), "Religiosity in the self-regulation of youth life activity", *Samoreguljacija zhiznedjatel'nosti molodezhi: metodologija i social'nye praktiki* [Youth life self-regulation: methodology and social practices], Zubok, Yu. A., Bezrukova, O. N., Vishnevsky, J. R. et al, Epicenter, Belgorod, Russia, 217-247. (In Russian)
- Campbell, D. (2019), *Tysjachelikij geroj* [Thousand-faced hero], Peter Publishing House, St. Petersburg, 480. (In Russian)
- Lastochkina, M. A. (2015), "Life values of the population of the region in the socio-cultural context", *Vestnik Omskogo universiteta. Serija Jekonomika*, (3), 141-146. (In Russian)
- Lyutenko, I. V. (2022), "Interest in non-traditional religions among Moscow youth and migrants (comparative analysis 2021)", *Science. Culture. Society*, 28 (4), 122-134. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2022.28.4.10> (In Russian)
- Mitrokhin, L. N. (1997), *Baptizm: istorija i sovremennost' (filosofsko-sociologicheskie ocherki)* [Baptism: History and Modernity (philosophical and sociological essays)], RCHGI, SPb., Russia, 480. (In Russian)
- Mitrokhin, L. N. (2000), *Religija i kul'tura: (Filos. ocherki)* [Religion and Culture: (Philos. Essays)], [L.N. Mitrokhin; Russian Academy of Sciences. Institute of Philosophy], IFRAN, Moscow, Russia, 316. (In Russian)

Pankratova, A. (2011), "Changing values of children and adults in modern Russia (1992-2009)", *Psychological Studies*, 4 (15), DOI: <https://doi.org/10.54359/ps.v4i15.875>. (In Russian)

Ryzhov, Yu. (2006), *Ignoto Deo: novaja religioznost' v kul'ture i iskusstve* [Ignoto Deo: New religiosity in culture and art], Mysl, Moscow, Russia, 328 (In Russian)

Ulanov, M. S. (2007), "Buddhism in the context of globalization", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 25 (1-2), 252-261. (In Russian)

Shizhensky, R. V. (2014), *Pochvennik ot jazychestva: mirovozzrencheskie diskursy volhva Velimira (N.N. Speranskogo)* [Pochvennik from paganism: worldview discourses of the Volkhov Velimir (Speransky N. N.)], Printing House "Povolzhye", N. Novgorod, Russia. (In Russian)

Engelstein, L. (2002), *Skopcy i carstvo nebesnoe* [Castration and the Heavenly Kingdom], NLO, Moscow, Russia, 328. (In Russian)

Yakovleva, Yu. A. (2015), "Family attitudes of Russian carriers of non-traditional religiosity", *Sistema cennostej sovremennogo obshchestva*, (40), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semeynye-ustanovki-rossijskih-nositeley-netraditsionnoy-religioznosti> (Accessed 05 December 2024). (In Russian)

Bainbridge, W. S. (1997), *The Sociology of Religious Movements*, Routledge, New York, 488. DOI: <https://doi.org/10.4324/978020376>

Beckford, J. A. (1985), *Cult Controversies: The Societal Response to New Religious Movements*, Tavistock Publ., London-New York, 335.

Bronner, S. J. (2000), "The Meanings of Tradition: An Introduction", *Western Folklore*, 59 (2), 87-104.

Campbell, C. (1972), "The Cult, the Cultic Milieu and Secularization", *A Sociological Yearbook of Religion in Britain*, 5, 119-36.

Casanova, J. (1994), *Public Religions in the Modern World*, The University of Chicago Press, Chicago and London, 320.

Clarke, P. B. (1999), *Bibliography of Japanese New Religious Movements*, Routledge, London & New York, 276.

Daniels, T. (1992), *Millennialism: an international bibliography*, Garland Publishing, New York, 657.

Dawson, L. L. (1998), "The cultural significance of new religious movements and globalization A theoretical prolegomenon", *Journal for the Scientific Study of Religion*, (4), 580-595. DOI: <https://doi.org/10.2307/1388142>.

Lillqvist, O., Lindeman, M. (1998), "Belief in astrology as a strategy for self-verification and coping with negative life-events", *European Psychologist*, 3(3), 202-208. DOI: <https://doi.org/10.1027/1016-9040.3.3.202>

Shupe, A. D. (1984), *The Anti-cult Movement in America: A Bibliography and Historical Survey*, Garland, New York, 169.

Stark, R., Bainbridge, W. (1981), "Secularization and Cult Formation in the Jazz Age", *Journal for the Scientific Study of Religion*, 20 (4), 360-373.

Stark, R., Bainbridge, W. S. (1985), *The Future of Religion: Secularization, Revival and Cult Formation*, Berkeley, 571.

Schwartz, S. H. (1992), "Universals in the content and structure of values: Theory and empirical tests in 20 countries", *M. Zanna (ed.). Advances in experimental social psychology*, 25, Academic Press, New York, 1-65.

Tyson, G. A. (1982), "People who consult astrologers: A profile", *Personality and Individual Differences*, 3 (2), 119-126. DOI: [https://doi.org/10.1016/0191-8869\(82\)90026-5](https://doi.org/10.1016/0191-8869(82)90026-5).

Статья поступила в редакцию 20 октября 2024 г. Поступила после доработки 03 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г. Received 20 October 2024. Revised 03 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Кублицкая Елена Александровна, кандидат философских наук, ведущий научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интегративных процессов Института демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Elena A. Kublitskaya, PhD in Philosophy, Leading Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS), Moscow, Russia.

Лютенко Ирина Викторовна, младший научный сотрудник Отдела этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института

демографических исследований – обособленного подразделения Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия.

Irina V. Lyutenko, Junior Researcher of the Department of Ethnodemographic, Religious and Integration Processes of the Institute of Demographic Research, a separate subdivision of the Federal State Budgetary Institution of Science of the Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences (IDI FNSC RAS), Moscow, Russia.

УДК 316.4

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

Оригинальная статья

Павлюткин И. В.

Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия)

Лаборатория «Социология религии»
Православного Свято-Тихоновского университета
улица Новокузнецкая, дом 23Б, Москва, 115184, Россия
vanya-ne@yandex.ru

Аннотация. Религия описывается в социальных науках как институт, который традиционно благоприятствует семье. В более религиозных обществах в целом выше уровень рождаемости и более устойчивые браки, а значит, высокая ценность семьи согласуется с определенными действиями в интересах семьи. Одновременно по мере усиления процессов секуляризации связь религии и семьи ослабевает, и одновременно снижается ценность семьи и распадаются практики семейной жизни. Вместе с тем, пример современной России показывает исключение из этого общего правила. Несмотря на последовательный более чем двукратный рост доли населения, связывающего себя с православием в последние 30 лет, а также высокую декларируемую ценность семьи, не наблюдается адекватного этому росту изменения в соотношении браков и разводов, а также в уровне рождаемости. Для объяснения данного разрыва между ценностями и действиями автор предлагает применить понятие культуры семейной жизни, которое в социальных науках ближе всего по значению к понятиям габитуса и этоса. Оно включает определенные ценностные образцы, схемы действия, компетенции, которые снижают страхи, неопределенности, конфликтность в совместной жизни на этапах ключевых семейных переходов. Де-традиционализация семьи как следствие процессов секуляризации в этом смысле означает не просто упадок ценности семьи, а прерывание процессов передачи культуры семейной жизни, что и приводит к кризису брака и низкой рождаемости. Опираясь на результаты нескольких исследований перехода к многодетности, связи социального измерения религиозности с установками на рождение детей и устойчивость браков, обосновывается гипотеза о значении сплачивающего и связывающего социального капитала, как социальных механизмов, которые по-разному обеспечивают приобщение молодых семей к культуре семейной жизни. Наш вывод заключается в том, что динамика связи религии и семьи в России зависит от расширения или же сжатия таких социальных структур (школ, клубов, лагерей и т.п.), которые обеспечивают связь между церковными приходскими группами, как носителями культуры семейной жизни с несколькими детьми, и группами, которые причисляют себя к православию, выражают ценности семьи, но являются слабо религиозными.

Ключевые слова: культура семейной жизни; устойчивость брака; социальный капитал; религия; диффузия; православные приходы

Благодарность. Исследование осуществлено в 2024-2025 годах при поддержке ПСТГУ и Фонда «Живая традиция».

Информация для цитирования: Павлюткин И. В. Социальные механизмы трансляции культуры семейной жизни: значение религиозной среды (на примере российского православия) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 31-49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

Original article

Ivan V. Pavlyutkin

Social mechanisms of transmission of family life culture through a religious network (case study of Russian Orthodox Christianity)

Sociology of Religion Laboratory, St. Tikhon's University,
23B Novokuznetskaya St., Moscow, 115184, Russia
vanya-ne@yandex.ru

Abstract. In the social sciences, religion is determined as an institution that traditionally favors the family. More religious societies generally have higher birth rates and more stable marriages, which means that the high value of the family is consistent with certain actions in the interests of the family. At the same time, secularization processes lead to a weakening of the coupling between family and religion, which affects the connection of values and practices in family life. However, the case of contemporary Russia shows an exception to this general rule. In the last 30 years, one can observe a consistent more than twofold increase in the proportion of the population affiliated with the Russian Orthodox Church, as well as the declared value of the family, according to various surveys. Nonetheless, there are no changes adequate to this growth in the ratio of marriages and divorces, as well as in the birth rate. To explain this gap between values and actions, we introduce the concept of family life culture, which in social sciences is close in meaning to the concepts of habitus and ethos. It includes certain value patterns, action patterns, and competencies that reduce fears, uncertainties, and conflicts in common life at the stages of family transitions. The detraditionalization of the family as a consequence of secularization processes in this sense means not just a decline in the value of the family, but an interruption of the processes of transferring the culture of family life, which leads to marriage failures and low fertility. Relying on the results of several studies on the life transition of families with many children, the relationship between the social dimension of religiosity and attitudes towards the birth of children and the stability of marriages, we formulate the hypothesis of the importance of uniting and binding social capital as social mechanisms that ensure the introduction of young families to the culture of family life is substantiated. In this sense, the dynamics of the relationship between religion and family depends on the compression or expansion of those social structures (schools, clubs, camps, etc.) that provide communication between church parish group, as bearers of a culture of family life with several children and groups that identify themselves as Orthodox, declare family values, but are weakly religious.

Keywords: Culture of family life; stability of marriage; social capital; religion; diffusion; Orthodox Christian parishes

Acknowledgment: The project was supported by Saint Tikhon's Orthodox University and The Active Tradition Foundation in 2024-2025.

Information for citation: Pavlyutkin, I. V. (2024), "The social mechanisms of transmission of family life culture through a religious network (case study of Russian Orthodox Christianity)", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 31-49. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-2

Введение (Introduction). В России слабо связаны ценности семьи, представленные в опросах населения, и действия, когда речь заходит о реальности семейной жизни – устойчивости брака и рождения детей. Опросы общественного мнения десятилетиями фиксируют, что ценность семьи является наиболее важной для подавляющего большинства россиян, вступление в брак является предпочтительной жизненной траекторией, а семья с тремя и более детьми является желаемым идеалом почти для половины населения страны¹. Результаты таких исследований показывают определенную вариативность по возрастным группам и поколениям, однако в целом на протяжении последних десятилетий они довольно стабильны и устойчивы к этим вариациям. Отчасти высокие «ценностные показатели» подтверждаются относительно более низким возрастом вступления в брак и рождения первенца в сравнении с большинством стран современной Европы. Вместе с тем они не находят своей реализации на практике. Статистика рождаемости, соотношения браков и разводов, соотношение ожидаемого и реального количества детей, показатели распространенности внебрачных рождений и сожительств указывают на парадоксальное расхождение между тем, что люди обозначают в качестве ценностей в социологических опросах и тем, как им на практике удастся выстроить свою семейную жизнь (Артамонова, 2018; Тындик, 2012; Spéder, Kapitány, 2014).

Наблюдаемый разрыв между представлениями о ценностях и действиями воспроизводится в России несколько десятилетий, что идет в разрез с аргументами ряда известных социологических и демографических теорий, которые объясняют фундаментальные изменения, происходящие в последние пятьдесят лет в сфере семьи и рождаемости в Европе. Одна из них, популярная теория «ценностных сдвигов» или теория «второго демографического перехода», в рамках которой изменения объясняются снижением ценности семьи в обществе в целом. Брак становится одной из жизненных альтернатив, в ряду других более индивидуализированных ценностей (самореализации, саморазвития), что откладывает вопрос создания семьи и рождения детей, увеличивает вероятность многократных сожительств в течение жизни (Каа, 2001; Артамонова, Митрофанова, 2018). В качестве одной из причин этого «ценностного сдвига» называют процесс секуляризации, то есть ослабления влияния религии, которая является одним из источников семейных ценностей и норм. Вместе с тем, предложенные в рамках данной теории гипотезы как правило не проблематизируют разрыв между ценностями и действиями. Напротив, они исходят из того, что люди меньше вступают в брак и рожают детей, поскольку меньше ценят такой образ жизни, а больше ценят другие. Фактически ценности и действия

¹ Источников для цитирования слишком много, поэтому приведем лишь несколько с результатами свежих опросов. ВЦИОМ: Семья в системе традиционных ценностей. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-v-sisteme-rossiiskikh-cennostei> (дата обращения: 22.11.2024); ВЦИОМ: Семья как

ценность. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/semja-kak-cennost> (дата обращения: 22.01.2024); ВЦИОМ: Многодетная семья: оценка и отношение. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/mnogodetnaja-semja-ocenka-i-otnoshenie> (дата обращения: 22.04.2024).

согласуются между собой. Как мы видим в России, ориентации на ценности и идеалы семейной жизни являются стабильно высокими (см. Рисунок 1). Более того доля населения, идентифицирующего себя с православием выросла в несколько раз с начала 1990-х годов. Несмотря на это, не видно, чтобы ценности семьи были согласованы с практиками семейной жизни.

Другая теория аргументирует фундаментальные изменения процессами «деинституционализации семьи», то есть ослабления религиозных и гражданских норм, которые регулируют рождаемость и семейную жизнь и позволяют удерживать ее от распада (Cherlin, 2004; Regnerus, 2020). Речь идет о тех официальных и неформальных нормах, которые сопровождают процесс вступления в брак, вероятный развод, а также нормы внутрисемейного разделения труда. Неустойчивость таких норм по мнению социологов создаёт почву для конфликтов внутри семей и не позволяет реализовать ожидания супругов от семейной жизни (Berger, Kellner, 1964).

В последние двадцать лет, во всем мире наблюдается трансформация законодательств и публичных норм, так или иначе ослабляющих регулирование семейных отношений и дающих многим людям «свободы» выбора, входа и выходы из семьи. Это касается временных и стоимостных ограничений как для вступления в брак, так и для развода. Строгость норм, может означать более «высокую цену», которую надо заплатить за вступление в брак и рождение детей, так и за выход из него, что делает для многих недоступным такой выбор в молодом возрасте. Однако, это не случай России, где на протяжении последних пятидесяти лет гражданские и религиозные институты, регулирующие вход и выход из брака, и так

были очень «слабыми» и не могли напрямую влиять на выбор в пользу семьи, или же наоборот². До сих пор средний возраст вступления в брак и рождения первенца остается невысоким, что говорит о доступности и привлекательности такого образа жизни для населения. Однако такая практика раннего брака и рождения детей, сопряжена с частыми разводами и внебрачными рождениями, что в целом не способствует семейному развитию и остается загадкой объяснения для многих исследователей семьи.

За последнее десятилетие значительно вырос интерес российских исследователей к анализу взаимосвязи религии и семьи. Традиционно считается, что религия благоприятствует семье, поскольку выступает источником ценностей и норм семейной жизни. Однако на фоне процессов секуляризации взаимосвязь между ними становится слабой. Для проверки этого предположения в России проведен ряд исследований, результаты которых представлены более чем десятком статей в журналах по демографии, социологии, религиоведению, в которых авторы включали в модели разнообразные переменные религиозности для объяснения параметров рождаемости и устойчивости браков (Захаров, Чурилова, 2022; Калачикова, Козлова, Архангельский, 2022; Забаев, Кострова, 2023; Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023). Религиозные переменные в моделях преимущественно отражают личные вопросы о вере в Бога, принадлежности к конфессии, субъективной оценке религиозности, частоте молитвы и посещения богослужений. Результаты данных исследований на уровне страны в целом говорят о том, что религиозность, по-разному измеренная, скорее способствует укреплению семьи и рождению детей. Вместе с тем также подчеркивается, что

² Речь идет о низкой распространенности практики «развода по вине», всего одном месяце для вступления в пары официальный брак и всего одном

месяце для принятия официального решения о разводе.

вклад этого фактора не является исключительным, а имеет значение наряду с другими экономическими и социальными факторами. Более того, в отдельных моделях показано, что значительных различий между религиозными и нерелигиозными респондентами не наблюдается, особенно когда речь заходит о ценностях и установках. Например, в нескольких статьях аргументировано, что индивидуальные признаки религиозности, такие как частота молитвы или регулярность посещения религиозных служб, не являются однозначными предикторами установок на большее число рождений в семье, а также связаны с неопределённостью в отношении норм добрачного сожительства (Захаров, Чурилова, 2022; Калачикова, Козлова, Архангельский, 2022; Алексева, 2023). Ряд признаков индивидуальной религиозности, которые считались устойчивыми предикторами просемейного поведения, не показывают «эффективного значения», либо указывают на размытость ценностно-нормативных представлений, связанных с семейной жизнью. Одно из возможных объяснений связано с тем, что поскольку на уровне целого общества доля религиозного

населения является низкой, нормы религиозных групп не транслируются на остальное общество. Даже наоборот, религиозная среда мимикрирует под «нормы» светского большинства.

На Рисунке 1 представлены основные тренды в сфере рождаемости, соотношения браков и разводов, религиозности и ценности семьи за последние три десятилетия. Пять показателей расположены на двух осях. Кроме значений суммарного коэффициент рождаемости³, значения остальных показателей отложены по правой оси: доля причащающихся раз в месяц и чаще⁴; доля россиян, которые считают семью важной ценностью⁵; соотношение коэффициента брачности и разводимости⁶; доля россиян, считающих себя православными⁷. На графике видно, что несмотря на более чем двукратный рост доли населения, причисляющей себя к православию, а также стабильно высокую долю населения, представляющего семью в качестве важной ценности, в России значительная доля браков заканчивается разводом, а уровень рождаемости в целом не отражает изменений в индивидуальной религиозности.

³ Федеральная служба государственной статистики (Росстат) - <https://rosstat.gov.ru/>.

⁴ Результаты по оценке причащающихся собраны на основании: (Синелина 2013; Емельянов 2018), Опрос «Ортодокс Монитор» (2011, 2020, 2021), полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение». Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг // Фонд «Общественное мнение» [<http://fom.ru/TSennosti/11587>, доступ от 13.11.2024].

⁵ Данные всемирного исследования ценностей (WVS), ВЦИОМ.

⁶ Щербакова Е.М. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2024. № 1043-10442. URL:

<https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (дата обращения: 22.09.2024); Демографический ежегодник России. 2023 и предыдущие выпуски ежегодника. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13207> (дата обращения: 22.09.2024).

⁷ Результаты по оценке доли россиян, считающих себя православными. (Емельянов 2018), Опрос «Ортодокс Монитор» (2011, 2020, 2021), полевой этап исследований проведен Институтом фонда «Общественное мнение». Воцерковленность православных. Индекс воцерковленности православных: мониторинг // Фонд «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/TSennosti/11587> (дата обращения: 13.11.2024).

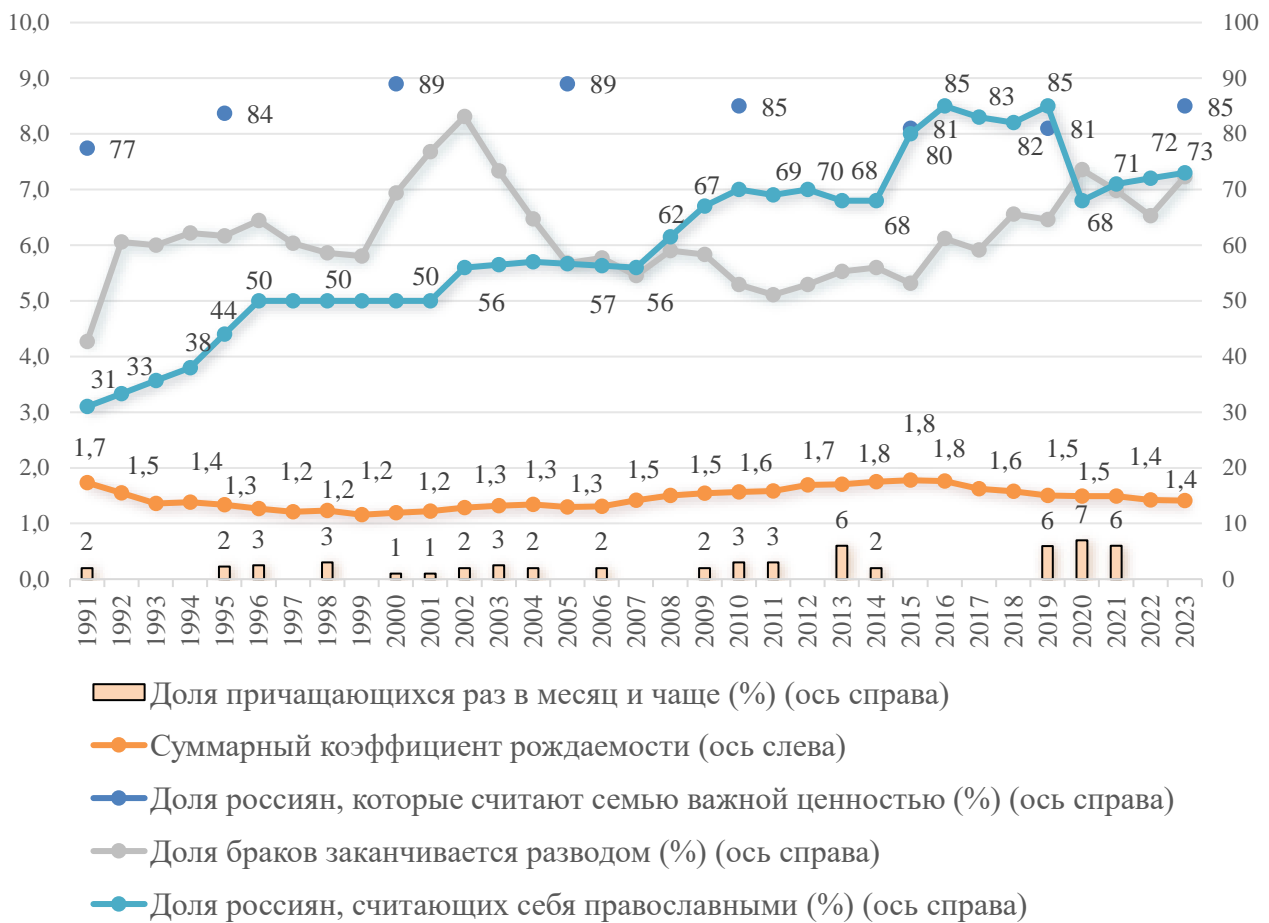

Рисунок 1. Динамика суммарного коэффициента рождаемости, признаков религиозности, поддержки ценности семьи и доли браков, заканчивающихся разводами в России (1991-2023)
Figure 1. Dynamics of total fertility rate, affiliation to Orthodox Christianity, church going and Eucharist, support of family values and the proportion of marriages ending in divorce in Russia (1991-2023)

Итак, религия определяется как источник семейных ценностей и норм, которые при высокой их оценке важности сегодня в России парадоксальным образом не реализуются на практике. В данной статье, опираясь на наблюдения, описанные в публикациях последних лет, мы предлагаем альтернативную гипотезу, объясняющую неустойчивость браков и низкую рождаемость. Она исходит из того, что парадоксальный разрыв между представлениями о ценностях и действиями в интересах семьи в России является следствием дестрадиционализации, то есть нарушения механизмов передачи культуры семейной

жизни. Одним из проявлений этого служит растущий спрос среди населения на социальные навыки и компетенции, образцы в сфере родительства и супружества, то есть приобщения к культуре семейной жизни. Отсутствие последних по мнению молодых людей делает очень неустойчивой семейную жизнь с детьми.

Методология и методы (Methodology and Methods). Мы обращаемся к понятию культуры семейной жизни, то есть определенным образцам, навыкам и компетенциям, которые приобретают значение для реализации в сфере супружества и родительства на

разных этапах совместной жизни. Это понятие указывает как на ценностное, так и на методическое (как выстроить семейную жизнь с несколькими детьми) измерение семейной жизни. Как правило, это понятие не выделяется и не проблематизируется, поскольку мы привыкли считать, что есть вещи, которые даются людям от природы или передаются «с молоком матери», а именно традиция того, как жить в семье.

Вслед за П. Бурдьё можно провести аналогию с понятием габитуса как диспозиции ума и тела, определенных схем мышления и действий, «необходимостей ставших добродетелями»⁸. Когда ученый вводит понятие габитуса для объяснения механизмов классового воспроизводства, он имеет ввиду прежде всего семейный габитус, то есть инкорпорированный культурный капитал, который ребенок получает в общении с родителями, что проявляется в развитии его талантов, вкусов, установок, взращиваемых в семье⁹. Бурдьё не обсуждает детально вопрос о том, как формируется габитус в семьях с разной структурой и насколько он устойчив как ресурс в случае неполных семей или семей с разным количеством братьев и сестер. В данном случае возможно также сделать обоснованное предположение, что формирование культурного капитала приобретает значение не только для возможностей человека на внешнем рынке труда, но и в сфере семейной жизни для создания семейного чувства сплоченности. «Чтобы понять, как семья превращается из номинальной фикции в реальную группу, члены которой объединены сильными

эмоциональными узами, необходимо принять во внимание всю практическую и символическую работу, которая превращает обязательство любить в любящий настрой (a loving disposition) и стремится наделить каждого члена семьи "семейным чувством", что порождает преданность, великодушие и солидарность. Это означает как присутствие бесчисленных будничных непрерывных обменов в повседневной жизни – обмен подарками, услугами, помощью, визитами, вниманием, добротой, – так и необычных и торжественных семейных мероприятий, которые часто санкционируются и увековечиваются фотографиями, символизирующими объединение всей семьи... Структуры родства и семьи как единого целого могут быть увековечены только путем постоянного создания семейных чувств, когнитивного принципа видения и разделения, который в то же время является эмоциональным принципом сплочения, т.е. сплоченность, которая жизненно важна для существования семейной группы и ее интересов» (Bourdieu, 1996: 22).

Опираясь на это видение П. Бурдьё можно предположить, разные кандидаты по-разному приобщаются к культуре, получая разный опыт, который в дальнейшем реализуется в практиках семейной жизни, искусстве родительства и супружеской жизни. Низкий уровень семейного культурного капитала может означать нехватку образцов, социальных навыков и компетенции для создания устойчивой семейной жизни с несколькими

⁸ «Согласно этому определению [Бурдьё], габитусы представляют собой "системы длительных и переносимых диспозиций, структурированные структуры, предрасположенные действовать в качестве структурирующих структур, иначе говоря, в качестве производящих и организующих принципов практик и представлений, которые могут быть объективно приспособлены к достижению целей, не предполагая сознательного целеполагания и строгого овладения операциями, необходимыми для их достижения. Они объективно

"отрегулированы" и "регулярны", не будучи следствием подчинения правилам и, являясь всем этим, коллективно "оркестрованы", не будучи произведением организующего действия дирижера» (Пьенкова 1996: 27).

⁹ Одновременно другой социолог Дж. Коулман обсуждает понятие закрытого социального капитала для объяснения того, почему возникает неравенство при формировании человеческого капитала в США в последующем поколении, в зависимости от вовлеченности или не вовлеченности семьи в общение с детьми-школьниками.

детьми. Как следствие это приводит к семейным неудачам или же наоборот к желанию восполнить возникшую нехватку семейных компетенций. Исследования воспроизводства разводов в поколениях, а также воспроизводства стилей родительства в целом делают релевантными данные предположения (Cherlin, Chase-Lansdale, McRae, 1998; Dronkers, Härkönen, 2008). Сложность использования понятия габитуса в перспективе семейного развития заключается, в том, что, будучи структурирующей структурой, он указывает на обреченность семей с разным уровнем семейного культурного капитала, одни из которых попадают в колею разводов, а другие в колею долгих и счастливых браков. В статье И. Забаева и Е. Костровой авторы сравнивают понятие габитуса у Бурдьё и понятие этоса, предложенное М. Вебером. Если первое связывается с традиционным действием, то есть опривыченными образцами действия, то последнее с ценностно-рациональным действием, которое скорее является рефлексивными (рефлексия моральных норм) и социальным, то есть по смыслу ориентированным на действия других людей (Забаев, Кострова 2020). В этом смысле культура семейной жизни сродни понятию этоса, если и поскольку вместе с ценностными образцами она включает в себя методическое действие, то есть способы разумной организации жизни, которая при этом позволит не отклоняться от тех ценностей (кодекса), которые разделяют носители этой культуры.

В последние годы вышло несколько исследований, которые с опорой на различные данные указывают на содержание той культуры, о которой мы говорим. Во-первых, речь идет о тех христианских добродетелях, которые также определяются как компетенции благоприятные для совместной семейной жизни – прощение, смирение, самопожертвование, благодарность и т.п. Последние подвергаются

операционализации и измерению в контексте семейных отношений. Анализ показывает, что обладание ими повышает удовлетворенность семейной жизнью в целом, солидарность и чувство общности в браке (Джеффрис, 2014; Павлюткин Голева, 2023). В одном из исследований на российских данных показано, что существует корреляция между частотой посещения религиозных служб и более положительными значениями суждений о качествах брака («В браке важно отказываться от своих желаний и интересов друг для друга», «В браке важно отказываться от своего мнения ради общего согласия»), которые связаны с отстраненностью от «Я» для «Мы» в браке. Они выступают признаками отношенческой рефлексивности, то есть компетенции, которая благоприятствует общности в браке (Павлюткин Голева, 2023; Маркина, 2016). В данном случае речь идет не следовании определенным предписаниям нормативного порядка семейной жизни, а о взаимной поддержке супругов в тех ситуациях, когда этот порядок нарушается. Ярким примером нарушения такого порядка служит рождение нескольких детей, что требует от обоих супругов значительной перестройки социальной организации семьи (Павлюткин, 2021). Во-вторых, речь идет о тех ценностно-нормативных принципах, сопровождающих христианские идеалы (кодекс этики) супружества и рождения детей, без которых они теряют смысл. В исследовании П. Алексеевой показано, что такие показатели как частота общения с священником, а также включенность в церковную общину значимо повышают однозначность оценок по следующим этическим суждениям, которые отражают отношение к семейной жизни: «Прежде чем официально заключать брак, люди обязательно должны съехаться, пожить вместе» (отрицание); «В браке важно не останавливать рождение детей» (принятие); «Секс без официального брака – это неправильно» (принятие) (Алексеева,

2023). В-третьих, речь также может идти о тех навыках, которые не напрямую связаны с религиозностью, но которые обусловлены жизнью в многодетных семьях, приобретаются с детства и помогают в организации собственного родительства и супружества. Одно из них было названо техниками детодержания, особым опытом необходимым для взаимодействия с несколькими детьми, а также организации жизни в доме (Забаев, Кострова, Голева, 2022). «Мы говорим о том опыте, которые получает человек, если у него есть младшая сестра или младший брат (или несколько) и он вынужденно или добровольно осваивает технику общения с маленьким ребенком, начиная от собственно общения и заканчивая уходом за ним. Проведенные интервью показывают, что люди, имевшие такой опыт, избавляются от определенного вида страха, возникающего от неумения и незнания того, как нужно себя вести с «этим непонятным существом», в то время как не имеющие такого опыта с такими страхами часто сталкиваются» (Забаев и др., 2012: 111).

Наблюдения за жизнью молодых семей показывают, что элементы этой культуры слабо выражены, о чем как минимум свидетельствует растущий спрос на познавательную, психологическую, педагогическую литературу, курсы, тренинги, очные и онлайн консультации, материнские форумы, медиа ресурсы. В ряде исследований фиксируется, что как переход в супружество, так и переход в родительство связаны с различного рода страхами и неуверенностями, которые повышают издержки для принятия решения о рождении новых детей. Опросы общественного мнения указывают на наличие запроса на подготовку к семейной жизни, как родительству, так и «искусству супружеской жизни»¹⁰. В научной

литературе появляется все больше терминов, выделяющих различные элементы культуры семейной жизни. Появляются такие понятия, как техники детодержания (как кормить, как лечить, как общаться и т.п.), семейная логистика, интенсивное родительство, управление временем в многодетной семье, супружеские компетенции, семейные добродетели, указывающие на то, что осознанная семейная жизнь сама по себе востребует как ценности, так и опытные практики, связывающие эти ценности с действиями (Забаев и др., 2012; Голева, 2019; Поливанова и др., 2023). Можно сделать обоснованное предположение, что переход к жизни с одним ребенком и к жизни тремя детьми предполагает разный уровень освоения социальных навыков и компетенций, которые снижают издержки значимых семейных переходов. Там, где их удастся освоить, переход к семье с несколькими детьми в устойчивом браке, то есть связь ценностей и практик будет более вероятной.

Количественные исследования последних лет показывают, что на фоне общих негативных процессов в сфере семьи и демографии выделяются группы населения, в которых ценности семьи реализуются на практике, то есть устойчивость брака в них связана с рождением нескольких детей (Павлюткин, Борисова, 2019; Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023). Как правило, речь идет о религиозных семьях священников и мирян, которые вовлечены в совместное общение на приходах. Как правило это семьи, которые вовлечены в жизнь церковных приходов (в том числе практику исповеди у общего духовника), а также участвуют в создании среды, поддерживающей семью – воскресные школы, семейные детские сады, молодежные клубы, семейные лагеря,

¹⁰ Павлюткин И.В., Голева М.А., Мелкумян Е.Б. Анализ суждений о важных и реализованных ожиданиях от брака (на данных онлайн-опроса,

2019). М.: Научная лаборатория «Социология религии» ПСТГУ, 2020. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/paradox> (дата обращения: 22.09.2024).

школы и т.п. (Павлюткин, Голева, Борисова, 2021). Они сегодня являются носителями культуры семейной жизни, то есть имеют отрефлексированный опыт жизни в длительном браке с несколькими детьми, позволяющий преодолевать трудности в совместной жизни (Емельянов, 2019)¹¹. Более того, нам удалось показать, что там, где удается обеспечить взаимодействие (коммуникацию) таких семей с молодыми неопытными семьями вне зависимости от их религиозности происходит приобщение последний к этой культуре. Мы назвали такие эффекты сетевыми, когда за счет организации неформального посредничества между разными типами семей, через школы, лагеря, клубы появляется возможность увидеть и «заразиться» определенным примером семей, приобрести определенные навыки и включиться в сеть взаимной поддержки (Павлюткин, Голева, Борисова, 2021).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как следствие, вместо обсуждения макроуровня влияния религиозных институтов на семью или микроуровня влияния индивидуальных переменных религиозности мы предлагаем обсуждение мезоуровня влияния, а именно того, что на языке социальных наук называется социальным измерением религиозности, то есть теми сообществами и социальными сетями, которые генерируют социальный капитал, а также связывают уровни макро и микроанализа (Грановеттер, 2009; Prutskova, 2020). Фактически речь идет о том, что в ситуации слабого сцепления между институциональным и индивидуальным влиянием религии на семью или ценностей на действия, именно на мезоуровне можно увидеть те

модерирующие факторы или механизмы, которые обеспечивают связанность.

В последние десять лет вышла серия публикации, в которых показывается, что социальное измерение религиозности имеет важное значение для объяснения процессов религиозной динамики. «В России особенно важно измерять социальные аспекты религиозности, так как «религиозность, замеренная на индивидуальном уровне, не показывает эффектов религии на иные сферы жизни» (Prutskova, 2021: 3; Алексеева, 2023). Взаимодействие религиозных и нерелигиозных индивидов в религиозной и в не религиозной среде – это качественно отличающиеся ситуации, когда речь заходит об изучении ценностей, установок и моделей принятия решений. Социальное измерение религиозности указывает на эффекты индивидуального и коллективного взаимодействия, которое может приобретать разные сетевые формы. Вслед за общей теорией социальной структуры, которая, как правило, обсуждает разные эффекты сетевых форм, мы предлагаем говорить о закрытом социальном капитале, который работает на усиление интенсивности связей тех, кто находится внутри приходской структуры, а также открытом социальном капитале, функция которого заключается в наведении мостов или посредничестве между теми, кто имеет низкую вероятность связи, например ядра церковной общины и теми, кто идентифицирует себя как православный, но не является практикующим верующим (Burt, 2001; Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014).

Сплачивающий социальный капитал. Сплачивающий социальный капитал состоит из ожиданий и обязательств, информационных потоков и норм, которые

¹¹ Этот опыт отличается от простых образцов, которые транслируются в медиа или же обсуждаются на просвещенческих курсах о семье. Речь идет о «живом» отрефлексированном на

практике опыте, компетенциях и принципах, которые помогают в жизни семьи с несколькими детьми.

обеспечивают связанность социальных структур, дают преимущества тем, кто в них включен, а не только одной стороне взаимодействия (Coleman, 1988; Coleman, 1994)¹². Как правило в рамках этнографических наблюдений речь идет о внутри приходском взаимодействии священников и мирян, однако можно отдельно выделить случаи описания праздников, клубов, лагерей, школы, групп взаимопомощи, которые рассматриваются как элементы среды социального взаимодействия, не обязательно территориально привязанные к приходу, но имеющими связующие нити (Врублевская 2016; Забаев, Пруцкова, 2013; Забаев и др., 2015). В количественных исследованиях включаются средовые или контекстуальные характеристики приходской организации такие как частота общения с священником, опыт религиозной социализации в семье и школе, вовлеченность в приходскую жизнь (воскресные школы, семейные лагеря, детские сады и т.п.), а также размер эго-сетей прихожан (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014; Алексеева, 2023; Пруцкова, Павлюткин, Борисова, 2023). Например, П. Алексеева показала, что ценностно-нормативные вопросы, связанные с браком и рождением детей, показывают большие коэффициенты корреляции именно с социальными, а не с индивидуальными компонентами религиозности. По ее мнению, индексы социальной религиозности позволяют выделить то сравнительно небольшое количество церковных православных, священников и мирян, которые составляют

«малое стадо» (Алексеева, 2023). «Вслед за предшествующими исследователями мы можем предположить, что нормы и ценности брака – социально укоренены. Это кажется оксюмороном, но в современном мире, где поиск пары сопровождается атомизированностью и дискурсом «личного выбора», этот вывод далеко не очевиден. Нормы и ценности брака скорее могут быть связаны с религиозной средой, чем с индивидуальной религиозностью. Во-первых, это может свидетельствовать о том, что для формирования православного взгляда на брак недостаточно индивидуального погружения в религию; во-вторых, мы можем предположить наличие некоей православной экологии выбора – особой социальной среды поиска и выбора пары» (Алексеева, 2023: 136). Исследования эффектов спланированного социального капитала в целом показывают, что приходские общины выступают элементом социальной (моральной) среды, в которой принимаются решения о браке и рождении детей, формируются межсемейные дружеские связи, способствующие созданию групп, клубов, организаций для совместного воспитания нескольких детей в браке (Павлюткин, 2021).

Связывающий социальный капитал. Связывающий социальный капитал представляет собой совокупность слабых связей, которые являются мостами между более замкнутыми структурами, то есть обеспечивают пути для трансляции идей, норм, информации (Грановеттер, 2009). Важность наличия таких мостов связана с тем, что они упрощают процессы

¹² Один из авторов теории социального капитала Дж. Коулман приводит множество примеров, доказывающих, что определенные социальные структуры могут приносить пользу не тем, кто их создает или образует ядро, а всем, кто в нее включен. «Например, там, где среди родителей детей, посещающих школу, существует множество комитетов, в них, как правило, участвует небольшое число матерей, которые не работают полный рабочий день вне дома. Однако сами матери получают лишь часть преимуществ от этого социального капитала, создаваемого школой. Если

кто-то из них решит отказаться от этих занятий, например, перейти на работу на полный рабочий день, это может быть вполне разумным поступком с личной точки зрения и даже с точки зрения ее семьи и детей. Преимущества нового вида деятельности для нее могут намного перевесить потери, связанные с сокращением контактов с другими родителями, чьи дети посещают школу. Но прекращение ею от этих занятий является потерей для всех других родителей, чьи ассоциации и контакты зависят от них» (Coleman, 1994: 316).

диффузии, преодолевая проблему сетевой избыточности (network redundancy) или замкнутости (Burt, 2001). Знание, которое накапливается внутри плотных сообществ, не выходит за их границы, пока не появится определенная степень открытости и не возникнет мостов, обеспечивающих пути во внешние среды. Проводя аналогию с религиозной средой, можно говорить о том, что даже если ядро церковных приходов является носителем культуры семейной жизни, источником важных образцов, социальных навыков и компетенций в сфере семейной жизни, то без наличия мостов, связывающих замкнутые общинами и с остальной частью православного населения такая диффузия будет затруднена или невозможна в принципе. Например, известно, что при 70% населения, идентифицирующего себя с православием, лишь около 10% можно назвать практикующими верующими. Однако это не значит, что эти две категории социально изолированы, никак не связаны между собой или представляют собой случайно распределенные множества. Несколько исследований показали, что каждый второй православный в России имеет сильную или слабую связь с теми, кто регулярно участвует в богослужениях и активно вовлечен в жизнь того или иного прихода (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014). «Открытые» церковные приходы вовлекают в себя не только церковных людей, создавая своеобразные клубы, а также нецерковных людей, создавая поводы для взаимодействия. Например, в одном из исследований социального капитала сделан вывод о том, что именно дети оказываются таким связывающим поводом, которые расширяют сеть контактов внутри православной среды. «Наличие детей в семье также способствует формированию более широких социальных сетей поддержки. Это влияние может быть

обусловлено расширением списка социальных контактов за счет включения в него семей друзей ребенка. Примечательно, что наилучшим образом в модели «сработало» не количество детей, а дихотомическая переменная, где «1» означает наличие двух или более детей в семье, «0» – наличие одного ребенка или отсутствие детей. Это означает, что различия в размере сетей поддержки, обусловленные наличием детей в семье, начинают проявляться наиболее ярко с момента появления второго ребенка» (Забаев, Орешина, Пруцкова, 2014: 55-56). В исследовании переходов к многодетности в России были выделены кластеры многодетных родителей, которые характеризуются разным количеством детей, очередностью рождений и количеством браков. Среди выделенных довольно представительный кластер, где больше 95% родителей состояли в единственном браке, в семьях с тремя-четырьмя детьми и средним интервалом рождений в 3,5 года. По уровню религиозности их можно отнести к периферии приходов. Однако их специфика в сравнении с другими типами заключается, в том, в сети общения этих родителей находится 10 и более друзей, которые также являются многодетными. При этом только треть из них сами были из многодетных семей и почти половина семей не имели многодетных среди родственников (Павлюткин, Борисова, 2019). Этот результат показывает, что переход к многодетности для таких семей осуществлялся не в одиночестве, а в сопровождении других, прошедших этот путь семей, не обязательно тесно связанных между собой. Мы показали неслучайность данного примера за счет опроса многодетных родителей в разных городах России.

Рисунок 2. Связь количества детей в многодетной семье и параметров социального окружения¹³

Figure 2. Relationship between the number of children in a large family and indicators of the social environment

Для интерпретации этой группы многодетных были собраны интервью с такими типами родителей, которые, описывая свою мотивацию перехода к многодетности, говорили о переживании связи с другими опытными многодетными родителями. Они говорили о последних как о важных источниках образцов, к которым надо стремиться (они вдохновляют), у которых можно поучиться и с которыми можно регулярно общаться в отсутствие позитивных образцов внутри семей родственников (Павлюткин, Голева, Борисова, 2021). На языке сетевых

исследований таких эффекты называются социальным заражением, социальным обучением и реципрокацией между семьями. Здесь мы можем вернуться к понятию культуры семейной жизни, элементы которой передаются посредством сетевых связей. Фактически мы увидели, как посредством праздников, лагерей, школ возникали эффекты от взаимодействия между ядром приходов, носителями культуры семейной жизни и нецерковными молодыми семьями, которые затем осуществляли семейной переход к многодетности.

¹³ Анализ проведен на результатах опроса 502 пар (1004 индивида соответственно). «По основным социально-демографическим характеристикам они распределились следующим образом. В парах, вошедших в исследование, насчитывалось от трех до шестнадцати детей (в среднем 3,7), средний интервал между рожденьями составляет 4,3 года. Средний возраст женщин 36,8 лет, мужчин – 39,5 лет. Четверть респондентов хотя бы раз была в разводе, в то же время 70% пар включают супругов с единственным браком. Половина респондентов посещают богослужения раз в год и реже, треть – чаще раза в месяц, при этом исповедуются и причащаются хотя бы раз в месяц 17%. В венчанном браке состоят треть пар. 12 пар являются семьями священнослужителей. Высшее образование есть у 52% женщин и 44% мужчин. Почти четверть семей описывает свое материальное положение как высокое, а 16% утверждают, что приходится ограничивать себя даже в ежедневных расходах. В 45% пар женщины не работают, примерно пятая часть мужчин занимают руководящие позиции, и 20% занимают рабочие должности» (Павлюткин, Борисова 2019: 134). Опрос родителей в многодетных семьях был реализован АНО «Социологическая мастерская Задорина». При сборе данных использовались средства государственной поддержки, выделенные в качестве гранта в соответствии с распоряжением Президента РФ от 01.04.2015 № 79-рп и на основании конкурса, проведенного Фондом ИСЭПИ.

Примером такой посреднической связи могут служить эффекты коллективной религиозной социализации, возникающие в православных школах. Такой эффект был продемонстрирован на уровне количественного исследования, когда выяснилось, что в странах, где большая доля детей проходила через разные формы религиозной социализации их вклад в итоговую рождаемость повышался в сравнении с индивидуальной религиозностью, а также нерелигиозными факторами (Berghammer, 2009; Пруцкова, Павлюткин, Борисова 2023). Вместе с тем, этот результат требует более содержательного примера., Одним из институтов такой религиозной социализации может выступать школа. Православная школа на языке сетевого взаимодействия может быть формой взаимодействия, генерирующей закрытый социальный капитал, когда она наполняется только детьми из многодетных семей ядра церковного прихода. Это позволяет создать безопасную моральную среду общения детей, которая способствует воспроизводству определенных норм и социальных навыков по отношению к семейной жизни. На примере исследований в разных странах показано, что те, кто проходят через религиозные школы в среднем раньше вступают в брак и рожают детей (Uecker, Hill, 2014). С другой стороны, православная школа может включать определенное соотношение детей из церковных и нецерковных семей, но которые хотели бы отдать детей именно в православную школу. В этом смысле, школа генерирует и открытый социальный капитал, создавая мосты для общения как детей, так и семей из разных групп по религиозности семей. В одной из крупных православных школ Москвы был проведен опрос выпускников, который выявил, что из ответивших выпускников 170 создали семьи среди которых (82%) – многодетные, в двадцати пяти семьях (12%) по два ребенка, в двенадцати (6%) – по одному. Также было проведено сравнение по

статистике детности выпускников православной школы и их родителей. «Сравнение семей родителей, из которых вышли выпускники, и нынешних семей школьников показывает это различие более рельефно: 12 семей против 110 имеет по одному ребенку, 25 против 62 – двое детей, уже 42 против 32 – трое детей, 44 против 28 – четверо детей, 27 против 11 – пятеро детей, 22 против шести – шестеро детей, 15 против четырех – семеро детей, уже девять семей – по восемь детей, каких не было у первого поколения родителей, шесть семей против двух – по девять детей и пять семей выпускников – по десять детей, каких не было у первого поколения родителей» (Постернак 2017: 63). На уровне общих данных видно, что дети, учившиеся в этой школе, не все были из многодетных семей, однако через общение внутри церковной среды в дальнейшем стали многодетными родителями, что говорит о важном значении как сильных, так и слабых связей, то есть мостов, которые обеспечивают эффект от связанности разных семей.

Заключение (Conclusions). В статье мы поставили вопрос о слабой связи между семейными ценностями и действиями, как следствием процессов секуляризации в России в 20-21 веке. Ученые по-разному обсуждают эффекты секуляризации для семейной жизни: как процесс девальвации ценностей брака и рождения детей, что приводит к согласованным изменениям в практиках, а также как процесс ослабления внешних и внутренних институтов, регулирующих семейную жизнь, что дает возможность альтернативных для устойчивого брака и рождения детей сценариев, а также повышает «цену» вступления в брак и рождения нескольких детей для тех, кто мотивирован на такой жизненный трек. Парадоксальным образом в России не происходит девальвации ценностей семьи, а формальные и неформальные институты, регулирующие семейную жизнь на протяжении последних десятилетий, являются слабыми. Наше предположение

исходит из того, что разрыв ценностей и действий в семейной жизни связан с разрушением механизмов передачи традиции или культуры семейной жизни в поколениях. В социальных науках можно назвать это эффектом детрадиционализации или потерей связи с определённым этосом, как следствие секуляризации. Определённые нормы семейной жизни существуют, но в ситуации семейных сложностей и без понимания их смысла они начинают восприниматься как «железная клетка». Культура семейной жизни включает в себя определённые образцы, навыки и компетенции, необходимые для того, чтобы реализовать на практике ценности семейной жизни: родительские компетенции, сценарии и стили общения с супругами и детьми в разном возрасте, принятие расширенных семейных отношений, установки на общение с детьми по различным вопросам и т.д. Их отсутствие может приводить к росту негативных оценок родительства и супружества каждый раз, когда молодые люди сталкиваются с сложностями, а также к росту запросов на «широкие знания» о семейной жизни. Мы обнаружили в ряде исследований, что недостаток «семейного культурного капитала» семьи, осуществляющие переход к многодетности, компенсировали за счет накопления социального капитала во взрослом возрасте, то есть за счет сильных и слабых связей с теми, кто являются носителями культуры семейной жизни, в частности, церковными семьями, в которых ценности и действия более согласованы. В этом случае социальный капитал создает замкнутую среду прямых связей между опытными и молодыми семьями, в которой им и их детям удается пройти раннюю религиозную или позднюю социализацию. Во втором случае социальный капитал представляет собой мосты, обеспечивающие не всегда прямую связанность между религиозными группами, являющимися носителями

семейной культуры и нецерковными православными семьями, которые востребуют образование в сфере семейной жизни. Чем больше появляется таких мостов и медиаторов между такими группами, тем больше возможностей для молодых людей для того, чтобы их слова и поступки в семейной жизни не расходились. Наши выводы имеют практические следствия для тех субъектов, кто заинтересован в реализации семейной политики как в государстве, так и в церкви. Они указывают на важность «инвестиций» в те социальные структуры (школы, клубы, лагеря и т.п.), которые позволяют расширять возможности коммуникации открытых семейных церковных приходов с внешними группами и организациями.

Список литературы

- Алексеева П. А. Связь религиозности и ценностно-нормативных представлений о браке: взгляд российской брачной молодежи // Мир России. 2023. Т. 32, № 3. С. 119-144.
- Артамонова А. В., Митрофанова Е. С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. Т. 5, № 1. С. 106-137.
- Артамонова А. В. Траектории формирования российской семьи: изменения и факторы, их определяющие // Социологический журнал. 2018. № 2. С. 110-134.
- Борисова О. Н., Павлюткин И. В. Вариативность моделей современной городской многодетности: возрождение традиции, новые браки или сетевые эффекты? // Мир России. Социология. Этнология. 2019. Т. 28, № 4. С. 128-151.
- Врублевская П. В. Круговорот детских вещей в приходской церкви: к вопросу о значении дарообмена // Религиоведческие исследования. 2016. Т. 13, № 1. С. 103-127.
- Емельянов Н. Н. Парадокс религиозности: откуда берутся верующие? // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2018. № 2 (144). С. 32-48.
- Емельянов Н. Н. Значение семьи православного священника в пастырском служении: богословский подход // Вестник Православного Свято-Тихоновского

гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2019. № 82. С. 34-50.

Грановеттер М. Сила слабых связей // Экономическая социология. 2009. Т. 10, № 4. С. 31-50.

Голева М. А. Сетевые эффекты рождаемости: случай многодетных семей в России // Экономическая социология. 2019. Т. 20, № 3. С. 136-163.

Голева М. А. Социальное значение времени в семье с детьми (на примере многодетных семей) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 3. С. 239-260.

Джеффрис В. Мораль добродетели и брачная солидарность // Социальная солидарность и альтруизм: социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. тр. / отв. ред. Д. В. Ефременко. Москва: ИНИОН РАН, 2014. С. 109-147.

Забаев И. В., Емельянов Н. Н., Павленко Е. С., Павлюткин И. В. Семья и деторождение в России: категории родительского сознания. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2021. 222 с.

Забаев И. В., Кострова Е. А. Российский парадокс религии и рождаемости. Спецификация проблемы и разработка объясняющей гипотезы // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. № 108. С. 89-111.

Забаев И. В., Кострова Е. А. Этнос vs габитус: этический компонент в «Протестантской этике» М. Вебера // Социология власти. 2020. Т. 32, № 4. С. 45-67.

Забаев И., Кострова Е., Голева М. Самореализация и дети: логики использования пространства в нарративах россиянок // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21, № 3. С. 127-154.

Забаев И., Орешина Д., Пруцкова Е. Социальный капитал русского православия в начале XXI в.: исследование с помощью методов социально- сетевого анализа // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2014. № 1 (32). С. 40-66.

Захаров С., Чурилова Е. Вероисповедание, религиозность и рождаемость в России. Есть ли взаимосвязь? //

Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 4. С. 77-104.

Калачикова О., Козлова О., Архангельский В. Религиозная детерминанта репродуктивных намерений россиян // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. 2022. Т. 40, № 4. С. 105-138.

Материнство: новые дискурсы, проблемы, практики / К. Н. Поливанова, Е. В. Сивак, Я. Я. Михайлова [и др.]; под науч. ред. К. Н. Поливановой. Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2023.

Маркина И. В. Семейные отношения в реляционной социологии Пьерпаоло Донати // Научный результат. Социология и управление. 2016. Т. 2, № 1 (7). С. 70-82.

Море жизни: Как рождаются многодетные семьи в современной России / И. В. Павлюткин, М. А. Голева, О. Н. Борисова. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2021. 224 с.

Павлюткин И. В. Как возникает общность в браке: логика взаимности в нарративах жён из многодетных семей // Экономическая социология. 2021. Т. 22, № 4. С. 11-34.

Павлюткин И. В., Голева М. А., Мелкумян Е. Б. Анализ суждений о важных и реализованных ожиданиях от брака (на данных онлайн-опроса, 2019). Москва: Научная лаборатория «Социология религии» ПСТГУ, 2020. URL: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/paradox> (дата обращения: 22.09.2024).

Павлюткин И. В., Голева М. А. Как создаются семьи с большим числом детей: типы жизненных переходов родителей // Социологические исследования. 2020. Т. 7, № 7. С. 106-117.

Павлюткин И. В., Голева М. А. Значение религии в объяснении российского парадокса брачности: обоснование гипотезы об отношенческих компетенциях на примере супругов, идентифицирующем себя с православием // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 1: Богословие. Философия. Религиоведение. 2023. № 106. С. 107-133.

Постернак А. В. Православная Школа мегаполиса в зеркале различных адресных групп // Этнодиалоги. 2019. № 1 (57). С. 57-67.

Пруцкова Е. В., Павлюткин И. В., Борисова О. Н. Связь религиозности и рождаемости в России на фоне других

европейских стран: эффект социального контекста // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 2 (174). С. 103-126.

Пьенкова А. В. Понятие «габитус» в социологии Пьера Бурдьё // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература: реферативный журнал. Серия. 1996. Т. 11, С. 26-47.

Синелина Ю. Ю. О динамике религиозности россиян и некоторых методологических проблемах его изучения (религиозное сознание и поведение православных и мусульман) // Социологические исследования. 2013. № 10. С. 104-115.

Тындик А. О. Репродуктивные установки населения в современной России // SPERO. 2012. № 16. С. 95-112.

Щербакова Е. М. Демографические итоги I полугодия 2024 года в России (часть I) // Демоскоп Weekly. 2024. № 1043-10442. URL: <https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (дата обращения: 22.09.2024).

Berger P., Kellner H. Marriage and the construction of reality: An exercise in the microsociology of knowledge // Diogenes. 1964. Vol. 12, № 46. Pp. 1-24.

Bourdieu P. On the family as a realized category // Theory, Culture & Society. 1996. Vol. 13, № 3. Pp. 19-26.

Buber-Ennser I., Berghammer C. Religiosity and the realisation of fertility intentions: A comparative study of eight European countries // Population, space and place. 2021. Vol. 27, № 6. Pp. 1-25.

Burt R. Structural holes versus network closure as social capital. In N. Lin, K. S. Cook, & R. S. Burt (Eds.) // Social capital: Theory and research. New York: Aldine de Gruyter. 2001. Pp. 31-56.

Coleman J. Foundations of Social Theory. Cambridge, 1990.

Coleman J. S. Social capital in the creation of human capital // American journal of sociology. 1988. Vol. 94, Pp. 95-120.

Cherlin A. J., Chase-Lansdale P. L., McRae C. Effects of parental divorce on mental health throughout the life course // American Sociological Review. 1998. Vol. 63, № 2. Pp. 239-249.

Dronkers J., Härkönen J. The intergenerational transmission of divorce in cross-national perspective: Results from the Fertility and

Family Surveys // Population studies. 2008. Vol. 62, № 3. Pp. 273-288.

Prutskova E. Social vs. individual centrality of religiosity: research in religious and non-religious settings in Russia // Religions. 2020. Vol. 12, № 1. Pp. 1-18.

Spéder Z., Kapitány B. Failure to realize fertility intentions: A key aspect of the post-communist fertility transition // Population Research and Policy Review. 2014. Vol. 33, Pp. 393-418.

Van de Kaa D. J. Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior // Population and Development Review. 2001. Vol. 27, Pp. 290-331.

Cherlin A. J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of marriage and family. 2004. Vol. 66, № 4. Pp. 848-861.

Regnerus M. The future of Christian marriage. Oxford University Press, 2020.

Uecker J. E., Hill J. P. Religious schools, home schools, and the timing of first marriage and first birth // Review of Religious Research. 2014. Vol. 56, № 2. Pp. 189-218.

References

Alekseeva, P. A. (2023), "The connection between religiosity and value-normative ideas about marriage: the view of Russian married youth", *Mir Rossii*, 32 (3), 119-144. (In Russian)

Artamonova, A. V., Mitrofanova, E. S. (2018), "Matrimonial behavior of Russians against the background of other Europeans", *Demographic review*, 5 (1), 106-137. (In Russian)

Artamonova, A. V. (2018), "Trajectories of the formation of the Russian family: changes and factors determining them", *Sociologicheskij zhurnal*, (2), 110-134. (In Russian)

Borisova, O. N., Pavlyutkin, I. V. (2019), "Variability of models of modern urban large families: revival of tradition, new marriages or network effects?", *Mir Rossii. Sociologija. Jethnologija*, 28 (4), 128-151. (In Russian)

Vrublevskaya, P. V. (2016), "Circulation of children's items in Christian Orthodox Parish: Observations to the gift exchange theory", *Researches in Religious Studies*, 1 (13), 103-27. (In Russian)

Emelyanov, N. N. (2018), "The paradox of religiosity: where do believers come from?", *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (2), 32-48. (In Russian)

Emelyanov, N. N. (2019), "The importance of the family of an Orthodox priest in pastoral ministry: a theological approach", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, (82), 34-50. (In Russian)

Granovetter, M. (2009), "The strength of weak ties", *Economic sociology*, 2009. 10 (4), 31-50. (In Russian).

Goleva, M. A. (2019), "Network effects of fertility: the case of large families in Russia", *Economic sociology*, 20 (3), 136-163.

Goleva, M. A. (2019), "The social significance of time in a family with children (on the example of large families)", *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (3), 239-260.

Jeffries, V. (2014), "Morality of virtue and marital solidarity", *Social'naja solidarnost' i al'truizm: sociologicheskaja tradicija i sovremennye mezhdisciplinarnye issledovanija* [Social solidarity and altruism: a sociological tradition and modern interdisciplinary research], Efremenko, D. V. (ed.), INION RAN, Moscow, Russia, 109-147. (In Russian)

Zabaev, I. V., Emelyanov, N. N., Pavlenko, E. S., Pavlyutkin, I. V. (2012), *Sem'ja i detorozhdenie v Rossii: kategorii roditel'skogo soznaniya* [Family and childbearing in Russia: categories of parental consciousness], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia. (In Russian)

Zabaev, I. V., Kostrova, E. A. (2023), "The Russian paradox of religion and fertility. Specification of the problem and development of an explanatory hypothesis", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, (108), 89-111. (In Russian)

Zabaev, I. V., Kostrova, E. A. (2020), "Ethos vs habitus: an ethical component in M. Weber's "Protestant Ethics"", *Sociology of Power*, 32 (4), 45-67. (In Russian)

Zabaev, I., Kostrova, E., Goleva, M. (2022), "Self-realization and children: the logic of using space in the narratives of Russian women", *Sociological Review*, 21 (3), 127-154. (In Russian)

Zabaev, I. V., Oreshina, D. A. and Prutskova, E. V. (2014), "Social Capital of the Russian Orthodox Christianity in the Early 21st Century: Applying Social Network Analysis", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 32 (1), 40-66. (In Russian)

Zakharov, S., Churilova, E. (2022), "Religion, religiosity and fertility in Russia. Is

there a relationship?", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 40(4), 77-104. (In Russian)

Kalachikova, O., Kozlova, O., Arkhangel'sky, V. (2022), "The religious determinant of the reproductive intentions of Russians", *Gosudarstvo, religija, cerkov' v Rossii i za rubezhom*, 40 (4). 105-138. (In Russian)

Polivanova, N., Sivak, E. V., Mikhailova, Ya. (2023), *Materinstvo: novye diskursy, problemy, praktiki* [Motherhood: new discourses, problems, practices], in Polivanova, K. N.(ed), Higher School of Economics, Moscow, Russia. (In Russian)

Markina, I. V. (2016), "Family relations in relational sociology by Pierpaolo Donati", *Research result. Sociology and Management*, 2 (7), 70-82. (In Russian).

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M. A., Borisova, O. N. (2021), *More zhizni: Kak rozhdajutsja mnogodetnye sem'i v sovremennoj Rossii* [The sea of life: How large families are born in modern Russia], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V. (2021), "How community arises in marriage: the logic of reciprocity in the narratives of wives from large families", *Economic sociology*, 22(4), 11-34. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M. A., Melkumyan, E.B. (2020), *Analiz suzhdenij o vaznyh i realizovannyh ozhidaniyah ot braka (na dannyh onlajn-oprosa, 2019)* [Analysis of judgments about important and realized expectations from marriage (based on online survey data, 2019)], Scientific Laboratory "Sociology of Religion" STU, Moscow, Russia, [Online], available at: <http://socrel.pstgu.ru/RU/grants/paradox> (Accessed 22 September 2024). (In Russian)

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M.A. (2020), "How families with a large number of children are created: types of life transitions of parents", *Sociological Studies*, 7 (7), 106-116. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V., Goleva, M. A. (2023), "The importance of religion in explaining the Russian Marriage Paradox: substantiation of the hypothesis of relational competencies on the example of spouses identifying themselves with Orthodoxy", *St. Tikhon's University Review. Theology. Philosophy. Religious Studies*, (106), 107-133. (In Russian)

- Posternak, A. V. (2019), "Orthodox School of megapolis in the mirror of various address groups", *Ethnology*, 1 (57), 57-67. (In Russian)
- Prutskova E. V., Pavlyutkin I. V., Borisova O. N. (2023), "The relationship of religiosity and fertility in Russia against the background of other European countries: the effect of social context", *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*, 2 (174), 103-126. (In Russian)
- Pienkova, A. V. (1996), "The concept of "habitus" in Pierre Bourdieu's sociology. Social sciences and humanities", *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura: referativnyj zhurnal*, 11, 26-47. (In Russian)
- Sinelina, Yu. Yu. (2013), "On the dynamics of religiosity of Russians and some methodological problems of its study (religious consciousness and behavior of Orthodox and Muslims)", *Sociological Studies*, (10), 104-115. (In Russian)
- Tyndik, A. O. (2012), "Reproductive attitudes of the population in modern Russia", *SPERO*, 16, 95-112. (In Russian).
- Shcherbakova, E. M. (2024), "Demographic results of the first half of 2024 in Russia (part I)", *Demoscope Weekly*, 1043-10442. [Online], available at: <https://demoscope.ru/weekly/2024/010431/barom01.php> (Accessed 22 September 2024). (In Russian).
- Berger, P., Kellner, H. (1964), "Marriage and the construction of reality: An exercise in the microsociology of knowledge", *Diogenes*. 12 (46), 1-24.
- Bourdieu, P. (1996), "On the family as a realized category", *Theory, culture & society*, 13(3), 19-26.
- Buber-Ennsner, I., Berghammer, C. (2021), "Religiosity and the realisation of fertility intentions: A comparative study of eight European countries", *Population, space and place*, 27 (6).
- Burt, R. (2001), "Structural holes versus network closure as social capital", in N. Lin, K. S. Cook, & R. S. Burt (Eds.), *Social capital: Theory and research*, Aldine de Gruyter, New York, 31-56.
- Coleman, J. (1990), *Foundations of Social Theory*, Cambridge, MA.
- Coleman, J. S. (1988), "Social capital in the creation of human capital", *American journal of sociology*, 94, S95-S120.

- Cherlin, A. J., Chase-Lansdale, P. L., & McRae, C. (1998), "Effects of parental divorce on mental health throughout the life course", *American Sociological Review*, 239-249.
- Dronkers, J., Härkönen, J. (2008), "The intergenerational transmission of divorce in cross-national perspective: Results from the Fertility and Family Surveys", *Population studies*, 62 (3), 273-288.
- Prutskova, E. V. (2021), "Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia", *Religions*, 12 (15), 1-18.
- Spéder, Z., Kapitány, B. (2014), "Failure to realize fertility intentions: A key aspect of the post-communist fertility transition", *Population Research and Policy Review*, 33, 393-418.
- Cherlin, A. J. (2004), "The deinstitutionalization of American marriage", *Journal of marriage and family*, 66 (4), 848-861.
- Regnerus, M. (2020), *The future of Christian marriage*, Oxford University Press.
- Van de Kaa, D. J. (2001), "Postmodern fertility preferences: From changing value orientation to new behavior", *Population and Development Review*, 27, 290-331.
- Uecker, J. E., & Hill, J. P. (2014), "Religious schools, home schools, and the timing of first marriage and first birth", *Review of Religious Research*, 56(2), 189-218.

Статья поступила в редакцию 28 октября 2024 г. Поступила после доработки 05 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г.
Received 28 October 2024. Revised 05 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Павлюткин Иван Владимирович, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Лаборатории «Социология религии» Православного Свято-Тихоновского университета, Москва, Россия.
Ivan V. Pavlyutkin, Candidate of Sociological Sciences, Senior Researcher at the Sociology of Religion Laboratory, St. Tikhon's University, Moscow, Russia.

УДК 316.4, 316.7

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3

Исследовательская статья

Пруцкова Е. В.
Байков М. Д.
Павлов Н. М.

Семья и община: межпоколенческая передача
религиозности на приходах Русской Православной Церкви

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
Лихов переулоч, дом 6, строение 1, Москва 127051, Россия
evprutskova@gmail.com
baykoff.md@gmail.com
nika.ss2203@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности процессов религиозной социализации в семьях прихожан Русской Православной Церкви. Анализ проводится на основе данных опросов прихожан 14 храмов на выходе после литургии, проведенных в 2012-2024 гг. (общий объем выборки – 1393 респондента). Многие исследования показывают, что именно семья является основным агентом первичной религиозной социализации. В то же время одним из ключевых факторов секуляризации считается смена возрастных когорт. В литературе отсутствует консенсус относительно причин, которые приводят к разрыву передачи религиозности от одного поколения к другому. Проведенное авторами исследование направлено на изучение факторов, влияющих на религиозную социализацию детей прихожан. С помощью логистических регрессионных моделей проводится анализ связи посещения церковных служб родителями, членами расширенной семьи и социальным окружением с межпоколенческой передачей религиозности. Также анализируется влияние социально-демографических характеристик (возраста, пола, семейного положения, образования, здоровья, материального положения) на процессы религиозной социализации. Результаты исследования показывают, что важную роль в межпоколенческой передаче религиозности играет регулярное посещение церкви не только в рамках нуклеарной семьи – родителями ребенка, но и старшим поколением расширенной семьи – бабушками и дедушками, и более широким социальным окружением – друзьями родителей, заметное влияние оказывает и вовлеченность семьи в жизнь общины в целом.

Ключевые слова: религиозная социализация; религиозность; приходская община; межпоколенческая передача религиозности; православный приход; социальное измерение религиозности; сакральный индивидуализм

Информация для цитирования: Пруцкова Е. В., Байков М. Д., Павлов Н. М. Семья и община: межпоколенческая передача религиозности на приходах Русской Православной Церкви // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 50-63. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3

Elena V. Prutskova
Mikhail D. Baikov
Nikita M. Pavlov

Family and community: intergenerational transmission of religiosity in Russian Orthodox Church Parishes

St. Tikhon's Orthodox University,
6/1 Likhov Ln., Moscow, 127051, Russia
evprutskova@gmail.com
baykoff.md@gmail.com
nika.ss2203@mail.ru

Abstract. The article examines religious socialization in the families of Russian Orthodox Church parishioners. The analysis is based on the survey of parishioners of 14 churches at the exit after the liturgy, conducted in 2012-2024 (the total sample size is 1393 respondents). Multiple studies show that family is the main primary religious socialization agent. At the same time, the replacement of age cohorts is considered one of the key factors of secularization. There is no consensus in the literature regarding the factors that lead to the gap in the intergenerational transmission of religiosity. The research, conducted by the authors, is aimed at studying the factors influencing the religious socialization of parishioners' children. Logistic regression models reveal the relationship between attendance at religious services by parents, extended family members and the social environment and the intergenerational transmission of religiosity. The influence of socio-demographic characteristics (age, gender, marital status, education, health, financial situation) on the processes of religious socialization is also analyzed. The results demonstrate an important role of regular church attendance not only within the nuclear family – by the child's parents, but also by the older generation of the extended family – grandparents, and the broader social environment – the parents' friends. Involvement of families in the parish community also has a noticeable effect on the successful religious socialization of young generations.

Keywords: religious socialization; religiosity; parish community; intergenerational transmission of religiosity; Orthodox parish; social dimension of religiosity; sacred individualism

Information for citation: Prutskova, E. V., Baikov, M. D., Pavlov, N. M. (2024), "Family and community: intergenerational transmission of religiosity in Russian Orthodox Church Parishes", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 50-63. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-3

Введение (Introduction). Люди склонны общаться, дружить и создавать семьи с теми, кто им близок по различным социальным характеристикам, среди которых выделяется религиозная принадлежность, а также уровень религиозности (McPherson, et al., 2001). Это явление может объясняться гипотезой социализации или гипотезой селекции (Vermeer, 2014). Гипотеза социализации

предполагает, что при взаимодействии происходит передача религиозности и религиозных ценностей, гипотеза селекции состоит в том, что при выборе друзей или партнеров люди ориентируются на социальное сходство, включая сходство по религиозным признакам. Например, известный «закон Грили» ("Greeley's Law") говорит о том, что люди чаще всего вступают в брак с представителями своей

религии, а в случае несовпадения существует тенденция смены религиозной принадлежности менее религиозным из супругов для достижения однородности семьи по вероисповеданию (Stark, R., Finke, 2000: 125). При этом и религиозная социализация, и религиозная социальная селекция могут действовать одновременно и однонаправленно, что, в частности, Чидл и Швейдель показали на данных панельного исследования социальных сетей дружбы учащихся небольших школ (Cheadle, Schwadel, 2012).

В статье рассматриваются особенности процессов религиозной социализации в семьях прихожан Русской Православной Церкви. Одним из важных компонентов процесса религиозной социализации считается совместное посещение религиозных служб. Некоторые прихожане посещают службы в одиночестве, в то время как другие приходят в храм вместе с членами нуклеарной и расширенной семьи, а также с друзьями и знакомыми. Исследование направлено на изучение факторов, влияющих на религиозную социализацию детей прихожан. В статье описывается, как посещение церковных служб родителями, бабушками и дедушками, братьями и сестрами, социальным окружением влияет на посещение церковных служб детьми прихожан. Также анализируется влияние социально-демографических характеристик (возраста, пола, семейного положения, образования, здоровья, материального положения) на процессы религиозной социализации.

Методология исследования и методы (Methodology and methods). Семья играет ключевую роль в процессе религиозной социализации и является важным институтом передачи религиозных ценностей и норм. Исследования показывают, что религиозность родителей является основным предиктором религиозности детей (Bengtson, et al., 2009; Bengtson, Putney, Harris, 2013; Kelley, De Graaf, 1997; Smith, Adamczyk, 2021;

Voas, Storm, 2020). В процессе воспитания детям передаются верования, нормы, ценности родителей.

Ряд факторов может усиливать или ослаблять передачу религиозности от родителей к детям. Так, например, Келли и де Грааф приходят к выводу, что в странах с более секулярным социальным контекстом религиозность родителей играет более важную роль в формировании религиозности детей, в то время как в более религиозных странах скорее важен общий религиозный социальный контекст, поскольку в секулярном социальном окружении родителям приходится прикладывать больше усилий, чтобы передать свои религиозные убеждения и образ жизни детям (Kelley, De Graaf, 1997). В более позднем исследовании Мюллер, де Грааф и Шмидт показали, что заметный эффект религиозности социального окружения более характерен для протестантских стран, чем для католических, поскольку в религиозном воспитании католики и протестанты в разной мере полагаются на социальные сети, выходящие за рамки семьи (Müller, De Graaf, Schmidt, 2014). Воас и Сторм оспаривают эти выводы, и приходят к заключению, что религиозность социального окружения и влияние семьи на религиозность детей – независимые факторы, и религиозность родителей оказывается довольно универсальным предиктором религиозности детей, независимо от общего уровня религиозности в стране (Voas, Storm, 2020). Другие исследования показывают, что экономическое благополучие, либеральные ценности и высшее образование родителей, а также развод и конфликты в семье могут ослаблять передачу религиозности последующим поколениям, в то время как традиционная структура семьи, доверие и теплые отношения между детьми и родителями – усиливать передачу (Bengtson, Putney, Harris, 2013; Müller, De Graaf, Schmidt, 2014; Myers 1996; Petts 2015). Примечательно, что не только

либеральные ценности и открытость секулярным альтернативам, но также и другая крайность – чрезмерная религиозная активность, религиозный фундаментализм и ограничение свободы выбора со стороны родителей могут провоцировать в детях сопротивление и ослаблять передачу религиозности в семье (Bengtson, Putney, Harris, 2013). Й. Штольц и соавторы, анализируя результаты панельного исследования более 8000 пар детей и родителей в Германии, не смогли обнаружить факторы, влияющие на разрыв в межпоколенческой передаче религиозности и пришли к выводу, что секуляризационные изменения происходят как будто сами по себе, в значительной мере независимо от характеристик родителей и отношений в семье. Значимыми факторами, немного увеличивающими этот разрыв, оказались лишь распад семьи и доля не относящих себя ни к какому вероисповеданию в социальном окружении (Stolz et al., 2024).

Религиозность передается в семьях не только от родителей к детям, но и через поколение – от бабушек и дедушек, что особенно заметно в ситуации неполной семьи или работающей матери, когда члены расширенной семьи, и в первую очередь – старшее поколение – активно включается в заботу о внуках (Bengtson, Putney, Harris, 2013; Copen, Silverstein, 2008; Silverstein, Bengtson, 2018). В. Г. Безрогов показывает, что этот канал передачи религиозности играл особенно важную роль в советский период: «Сохранению и воспроизведению религиозности помогали глубокие семейные религиозные традиции, сохраняемые особенно в том случае, если возникал момент коммуникации самого молодого и самого старого поколений через голову занятых на работе и в общественной жизни атеистов-взрослых» (Безрогов, 2006: 151).

Изучением характеристик религиозной социализации в России занимались многие исследователи (Безрогов, 2006; Фолиева, 2012; Складорова,

2009; Гузельбаева, 2015; Пруцкова, 2024), однако эти работы либо были ограничены вопросами теории, либо основывались на материалах качественных исследований, либо рассматривали эффекты религиозной социализации, не касаясь изучения процессов религиозной социализации и факторов, способствующих и препятствующих межпоколенческой передаче религиозности на основе количественных данных. Статья нацелена на заполнение этого пробела.

Уровень первичной религиозной социализации населения – религиозного воспитания, полученного в раннем возрасте в России – один из самых низких на фоне других стран (Пруцкова, 2024). Для старших возрастных когорт, взросление которых проходило в советский период, посещать религиозные службы в детстве было затруднительно, поэтому в процессах воцерковления на первый план выходила вторичная религиозная социализация, которая происходит во взрослом возрасте. Так, в 2005 г. С. Д. Лебедев писал: «Если фундаментальные основы светской культуры современный человек усваивает буквально “с молоком матери”, то инкультурация основ религиозной культуры – в том случае, если это состоится – происходит гораздо позже, в процессе “вторичной социализации”» (Лебедев, 2005: 55). В настоящее время ситуация в значительной степени меняется. Так, по данным Европейского исследования ценностей, среди относящей себя к православию молодежи (18-29 лет) доля никогда не посещавших религиозные службы в подростковом возрасте (в 12 лет) снизилась с 59% в 1999 г. до 38% в 2008 г. и до 22% в 2018 г., доля регулярно посещающих службы (раз в месяц и чаще) – выросла с 7% в 1999 г. до 16% в 2018 г. (Павлюткин, 2020: 165). Эти данные свидетельствуют об интенсификации процессов передачи религиозности от родителей к детям, что делает их изучение ещё более актуальным.

На базе количественного исследования прихожан храмов Русской Православной Церкви в статье описываются характеристики процессов религиозной социализации и факторы, связанные с межпоколенческой передачей религиозности. На основании обзора литературы можно предположить, что ключевым фактором является совместное посещение религиозных служб и частота религиозных практик членов нукlearной и расширенной семьи, а также социального окружения в целом. Помимо публичных религиозных практик влияние может оказывать вовлеченность в приходскую общину и общение с другими прихожанами.

Анализ проводится на основе данных опросов прихожан 14 храмов Русской Православной Церкви на выходе после литургии, проведенных в рамках ряда исследований научной лаборатории «Социология религии» ПСТГУ в 2012-2024 гг.¹ Опросы по формализованной анкете проводились методом основного массива в воскресный день после богослужения в храмах, расположенных в разных типах населенных пунктов: 1 храм в центре мегаполиса, 3 храма в спальных районах мегаполиса, 2 храма в городах-миллионниках, 2 храма в городах более 500 тыс. жителей, 2 храма в городах более 200 тыс. жителей, по одному храму в городе более 100 тыс. жителей, малом городе до 50 тыс. жителей, до 20 тыс. жителей, и селе. География опроса включает 8 регионов: Москва, Алтайский и Красноярский край, Ярославская, Калужская, Ростовская, Самарская и Иркутская области.

В большинстве случаев анкета заполнялась респондентом самостоятельно, в случае невозможности самостоятельного заполнения опрос

проводился интервьюером. Общий объем выборки – 1393 респондента.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Религиозные ценности и нормы передаются именно в процессе взаимодействия с другими людьми, являющимися их носителями. Таким образом, интерес представляют вопросы о социальном взаимодействии в храме, такие как количество людей, с которыми прихожанин поздоровался, разговаривал ли он с кем-то и скольких прихожан он знает по имени. Они отражают важный аспект религиозной социализации – степень вовлеченности в приходскую жизнь. Эти взаимодействия демонстрируют, насколько человек интегрирован в приходскую общину и насколько ему важны социальные связи в религиозной практике. Знание людей по имени и общение с ними способствует созданию поддерживающей среды, что, в свою очередь, укрепляет чувство религиозной общности и принадлежности к конкретной общине. Взаимодействие с другими прихожанами усиливает эмоциональную связь с приходом и дополнительно стимулирует продолжение религиозных практик.

Большинство опрошенных (25%) сообщают, что поздоровались в храме с более чем 10 прихожанами, при этом лишь 15% респондентов ни с кем не поздоровались.

На вопрос о разговорах в храме 35% ответили отрицательно, а 7% говорили с 10 и более людьми.

Вопрос о том, скольких прихожан храма респондент знает по имени, позволяет понять степень знакомства с членами общины. 37% опрошенных знают имена более 10 прихожан, никого не знают – 18%. В целом это означает наличие сплоченной социальной сети на приходах,

социальная и территориальная составляющая» – инициативный проект научной лаборатории «Социология религии» ПСТГУ (подробнее см.: <http://socrel.pstgu.ru/>).

¹ Исследование «Социальная сеть православной общины» проведено при поддержке гранта Президента РФ для поддержки молодых российских ученых и ведущих научных школ (Грант МК-4450.2012.6). Исследование «Выбор храма:

когда связь между людьми продиктована не столько правилами поведения и этикета, а простирается до личного знакомства и

взаимодействия на различных событиях жизни прихода.

Таблица 1

Социальное взаимодействие прихожан

Table 1

Social interaction of parishioners

Варианты ответа / Answer options	Со сколькими людьми Вы сегодня поздоровались в храме? / How many people did you greet at the church today?	Вы сегодня с кем- нибудь разговаривали в храме? / Did you talk to anyone at church today?	Скольких прихожан в этом храме Вы знаете по имени? / How many parishioners in this church do you know by name?
Ни с кем / None	15	35	18
1-2 человека / 1-2 people	23	31	14
3-5 человек / 3-5 people	17	15	14
6-10 человек / 6-10 people	13	6	13
Более 10 человек / More than 10 people	26	7	37
Затрудняюсь ответить / hard to answer	3	3	3
N (респ.) / N (resp.)	1323	1312	1334

Отдельного внимания заслуживает ответ на вопрос о том, с кем прихожане посещают богослужение. Совместное с детьми, родителями и супругами участие в литургии свидетельствует об устоявшихся традициях совместной религиозной практики в семьях. Ответы на этот вопрос указывают на происходящие в семье процессы религиозной социализации. Также стоит обратить внимание на то, как паттерны посещения церковных служб связаны с социально-демографическими факторами и наличием или отсутствием определенных социальных связей (нуклеарная семья, расширенная семья, друзья и знакомые).

42% респондентов пришли на службу в церковь в день опроса одни, 47% – вместе с родственниками или знакомыми. Довольно часто на службу приходят с детьми (25%) и с супругами (20%). 8% опрошенных пришли на службу со своими родителями, 6% – с другими

родственниками. 12% пришли на службу с друзьями, другими знакомыми прихожанами, с молодым человеком или девушкой.

Семья играет особую роль в процессах религиозной социализации, она становится первым и наиболее значимым источником религиозных знаний, норм, ценностей и практик. Именно в семейной среде закладываются основы отношения к религии, традициям и духовной жизни, которые, в свою очередь, могут определять дальнейшую вовлеченность в религиозную практику и участие в жизни приходской общины.

Родители, как правило, оказывают наибольшее влияние на религиозность детей, поскольку их личный пример, участие в церковных службах и религиозная воспитательная роль создают основу для формирования религиозных привычек и моделей поведения.

Таблица 2
Распределение ответов на вопрос «С кем сегодня Вы пришли в храм?»

Table 2
Distribution of answers to the question “With whom did you come to church today?”

Варианты ответа / Answer options	%
Ни с кем, пришел один / одна / came alone	42
С ребенком / детьми / with a child / children	25
С мужем / женой / with a husband / wife	20
С родителями / with parents	8
С другими родственниками / with other relatives	6
С друзьями/ знакомыми / с молодым человеком / девушкой / with friends / acquaintances / with a boyfriend / girlfriend	12
Затрудняюсь ответить / нет ответа / hard to answer / no answer	4
N (респ.) / N (resp.)	1393

В частности, на базе нашего опроса мы можем видеть, что церковные службы раз в месяц посещают 25% матерей и 9%

отцов прихожан (44% и 23% соответственно, если родители живы), а также 40% братьев или сестер.

Таблица 3
Распределение ответов на вопрос «Как часто отец и мать посещают церковные службы?»

Table 3
Distribution of answers to the question “How often do father and mother attend church services?”

Варианты ответа / Answer options	Отец / Father	Мать / Mother
Да, посещает раз в месяц или чаще / Yes, attends once a month or more often	9	25
Посещает службы реже, чем раз в месяц / Attends services less often than once a month	6	15
Никогда, практически никогда не посещает / Attends never, almost never	20	14
Затрудняюсь ответить / Hard to answer	2	2
Нет этого родителя / No parent	60	41
N (респ.) / N (resp.)	734	819

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос «Сколько братьев или сестер посещают церковные службы хотя бы 1 раз в месяц?»

Table 4
Distribution of answers to the question “How many brothers or sisters attend church services at least once a month?”

Варианты ответа / Answer options	Братья или сестры / Brothers or sisters	Только братья / Only brothers	Только сестры / Only sisters
Нет этих родственников / No siblings	14	34	28
Никто не посещает / Nobody attends	45	52	44
Ходят в храм / Attend church	40	28	38
N (респ.) / N (resp.)	824	824	824

Однако если семейное окружение влияет на первичную религиозную социализацию, то зачастую в поддержании религиозного интереса и в получении социального одобрения большую роль играют друзья. Взаимодействие с друзьями внутри церковной общины может стать важным катализатором для усиления вовлеченности в религиозную практику, поскольку оно создает возможность для совместных молитв, обсуждения духовных вопросов и участия в различных мероприятиях прихода. Среди опрошенных

прихожан различных храмов 63% имеют друзей, которые посещают службы хотя бы раз в месяц.

У некоторых прихожан дети также регулярно ходят в храм, в то время как у других дети оказываются не воцерковлены. Вопрос о том, сколько детей посещают церковные службы хотя бы раз в месяц, показывает, что регулярное посещение отмечает 51% респондентов. А у 30% респондентов никто из детей не посещает храм.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Сколько из Ваших детей посещают церковные службы хотя бы раз в месяц?»

Table 5

Distribution of answers to the question “How many of your children attend church services at least once a month?”

Варианты ответа / Answer options	%
Нет детей / No children	15
Никто из детей не посещает храм / None of the children go to church	30
1 ребенок / 1 child	29
2 ребенка / 2 children	15
3 и более / 3 or more children	7
Затрудняюсь ответить / Hard to answer	4
N (респ.) / N (resp.)	848

Далее мы попытались выявить факторы, влияющие на религиозность детей прихожан. Для этого были отобраны только анкеты прихожан, у которых есть дети, и был построен ряд логистических регрессионных моделей, где зависимой переменной является регулярное посещение религиозных служб детьми (1 – кто-то из детей посещает религиозные службы раз в месяц или чаще, 0 – никто из детей не посещает службы регулярно). В таблице представлены две модели: первая включает только значимые факторы, вторая – ряд дополнительных предикторов, которые были включены в модель на основании гипотез, сформулированных на базе обзора

литературы, но, по нашим результатам, не влияют на религиозность детей.

Вероятность, что кто-то из детей регулярно посещает храм, в наибольшей степени зависит от регулярной религиозной практики родителей, что согласуется с выявляемой большинством исследований на эту тему закономерностью. Так, если опрошенные посещают службы раз в месяц или чаще, соотношение шансов, что их дети также будут регулярно посещать службы и шансов, что никто из детей не будет регулярно участвовать в церковных службах, повышается более чем в два раза ($\exp(b)=2,35$ в Модели 1 и $\exp(b)=2,94$ в Модели 2).

Таблица 6
Регулярное посещение храма детьми прихожан. Коэффициенты логистической регрессии (b)
Table 6
Regular church service attendance by parishioner's children. Logistic regression coefficients (b)

Независимые переменные / Independent variables	Модель 1 / Model 1			Модель 2 / Model 2		
	B	Exp (B)	Знач. / Sig.	B	Exp (B)	Знач. / Sig.
Возраст / Age	-0,31	0,73	0,000	-0,34	0,71	0,000
Возраст ² / Age ²	0,0026	1,0026	0,000	0,0028	1,0028	0,000
Количество детей / Number of children	0,67	1,96	0,000	0,69	1,99	0,000
Посещение служб респондентом раз в месяц и чаще / Monthly service attendance by the respondent	0,86	2,35	0,007	1,08	2,94	0,001
Чувство принадлежности к общине / Sense of community	0,40	1,49	0,040	0,32	1,38	0,117
Посещение служб родителями респондента раз в месяц и чаще / Monthly service attendance by respondent's parents	0,69	2,00	0,026	0,63	1,89	0,047
Посещение служб друзьями респондента раз в месяц и чаще / Monthly service attendance by respondent's friends	0,41	1,51	0,030	0,43	1,54	0,032
Посещение служб сестрами или братьями респондента раз в месяц и чаще / Monthly service attendance by respondent's siblings				0,26	1,29	0,213
Посещение служб респондентом раз в месяц и чаще в возрасте 12 лет / Monthly service attendance by the respondent at the age of 12 y.o.				-0,16	0,85	0,737
Пол (1=мужской, 0=женский) / Gender (1=male, 0=female)				0,19	1,21	0,485
В браке / Married				-0,27	0,76	0,682
В незарегистрированном браке / Unregistered				-0,56	0,57	0,495
Разведены / Divorced				-0,48	0,62	0,480
Вдовец / вдова / Widow				-0,46	0,63	0,497
Материальной положение выше среднего / Financial wellbeing above average				-0,10	0,90	0,663
Высшее образование / Higher education				0,09	1,09	0,672
Константа / Intercept	6,79	888,64	0,000	7,53	1860,68	0,000
N (респ.) / N (resp.)	634			597		
R ² Кокса и Снелла / Cox & Snell R ²	0,19			0,21		
R ² Нэйджелкерка / Nagelkerke R ²	0,26			0,28		

Регулярная религиозная практика старшего поколения – бабушек или дедушек (т.е. родителей опрошенных прихожан) также значительно – в два раза повышает вероятность воцерковления внуков. При этом в расширенной семье на регулярную религиозную практику младшего поколения влияние оказывают именно бабушки и дедушки, в то время как связи с религиозной вовлеченностью других родственников (братьев и сестер опрошенных) выявлено не было.

Примечательно, что социальное окружение – друзья прихожан – также влияют на религиозность детей: регулярное посещение церковных служб кем-то из друзей опрошенных в 1,5 раза повышает соотношение шансов на воцерковление их детей. В той же мере на воцерковление детей влияет и включенность их родителей в церковную общину – выраженное чувство принадлежности к ней ($\exp(b)=1,49$ в Модели 1).

Среди факторов, связанных со структурой семьи, значительный вклад вносит количество детей в семье: в семьях с несколькими детьми вероятность их воцерковления выше, чем в однодетных семьях ($\exp(b)=1,96$ в Модели 1).

Чем старше становятся родители, тем меньше их влияние на вероятность регулярного посещения церкви их детьми: шансы, что кто-то из детей регулярно посещает службы — снижается с возрастом их родителей ($\exp(b)=0,73$ в Модели 1). Отрицательное влияние возраста родителей наиболее заметно для молодых и средних возрастов, однако нивелируется и даже меняется на обратное для наиболее старшего поколения прихожан. Об этом свидетельствует значимый положительный регрессионный коэффициент для квадрата возраста ($\exp(b)= 1,0026$ в Модели 1).

Другие социально-демографические факторы (семейное положение, образование, материальное благосостояние), по нашим результатам, не влияют на воцерковленность детей прихожан.

Заключение (Conclusions). Несмотря на то, что именно семья является местом первичной религиозной социализации, где формируется религиозная идентичность индивида, одним из ключевых факторов секуляризации считается смена возрастных когорт (Norris, Inglehart, 2004). Д. Воас и М. Чавес показывают, что даже в США, которые продолжительное время были контр-примером теории секуляризации, каждая последующая возрастная когорта оказывается чуть менее религиозной, чем предшествующие (Voas, Chaves 2016). При этом очень сложно выявить причины, которые приводят к разрыву передачи религиозности от одного поколения к другому (Stolz et al., 2024). В нашем исследовании единственным фактором, снижающим шансы, что дети опрошенных регулярно посещают церковные службы, был фактор возраста их родителей. Можно было бы предположить, что за фактором возраста родителей на самом деле скрывается не определенный этап жизненного цикла семьи, а именно поколенческий фактор – каждое последующее поколение оказывается менее религиозным, чем предыдущее, в силу изменений социального контекста на уровне общества в целом. Этот вопрос требует дальнейшего изучения с привлечением данных панельных исследований, однако имеющиеся результаты опросов населения в динамике свидетельствуют о том, что доля практикующих верующих среди православной молодежи в России за последние 25 лет постепенно растет (Павлюткин, 2020). Таким образом, полученный нами результат скорее можно проинтерпретировать в рамках теорий социализации: именно в раннем возрасте процессы передачи религиозности от родителей к детям протекают наиболее активно. В этом контексте исследовательский интерес для будущих работ в данной области представляет не только прямое, но и обратное религиозное социализирующее влияние в семье, которое

дети оказывают на родителей. Зарубежные исследования показывают, что это влияние может быть очень существенным: хотя стареющие родители оказывают все меньшее и меньшее влияние на своих взрослеющих детей, в то же время влияние религиозности взрослых детей на религиозность родителей – наоборот, усиливается с возрастом (Glass, Bengtson, Dunham, 1986; Sherkat, 2003).

Исследования подчеркивают важность социального компонента религиозности (Lenski 1961; Prutskova, 2021; Stark, Glock, 1968; и др.). Так, например, Бейнбридж и Старк утверждают: «живая религия – это социальное предприятие, и религиозные убеждения приобретают значимость для человеческих дел только тогда, когда они связаны с социальным обменом. Одинокие люди и даже пары партнеров по обмену редко способны поддерживать сильные ориентации на сверхъестественное ...» (Bainbridge, Stark, 1981: 325). Тем не менее, участие в церковных службах не обязательно предполагает возникновение социальных связей или общение прихожан. И. В. Забаев вводит понятие «сакрального индивидуализма» – специфического комплекса установок, в котором Церковь воспринимается не как сообщество, а как места для индивидуальной молитвы и общения с Богом (Забаев, 2011). Полученные нами результаты вносят вклад в научную дискуссию о роли социального измерения религиозности. На данных опроса прихожан Русской Православной Церкви мы показываем, что ключевыми факторами передачи религиозности следующим поколениям оказывается включенность в сообщество людей, регулярно посещающих религиозные службы. Важную роль в передаче религиозности играют регулярное посещение церкви не только в рамках нуклеарной семьи – родителями ребенка, но и старшим поколением расширенной семьи – бабушками и дедушками, и более широким социальным окружением –

друзьями родителей, заметное влияние оказывает и вовлеченность семьи в жизнь общины в целом.

В статье рассматривается лишь один из множества возможных индикаторов религиозности – частота посещения церковных служб, за рамками внимания остаются другие важные измерения (личные религиозные практики, вера, религиозный опыт, знания и размышление о религии). В будущих исследованиях было бы важно включить эти измерения в анализ и рассмотреть религиозную социализацию во всей полноте.

Список литературы

Безрогов В. Г. Между Сталиным и Христом: религиозная социализация детей в советской и постсоветской России (на материалах воспоминаний о детстве) // Антропологический форум. 2006. № 4. С. 130-162.

Гузельбаева Г. Я. Агенты религиозной социализации в постсекулярный период: роль в трансформации ценностно-нормативной системы // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2015. № 4 (17). С. 21-26.

Забаев И. В. «Сакральный индивидуализм» и община в современном русском православии // Приход и община в современном православии: корневая система российской религиозности / под ред. А. Агаджанян, К. Русселе. Москва: Весь Мир, 2011. С. 341-354.

Лебедев С. Д. Две культуры: религия в российском светском образовании на рубеже XX-XXI веков. Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. 250 с.

Павлюткин И. В. Динамика религиозности молодых людей в России // Научный результат. Социология и управление. 2020. Т. 6, № 3. С. 153-183.

Пруцкова Е. В. Религиозная социализация: связь религиозности с нормами и ценностями. Москва: Изд-во ПСТГУ, 2024. 256 с.

Склярова Т. В. Религиозная социализация: проблемы и направления исследований // Вестник ПСТГУ IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 7-17.

Фолиева Т. А. Религиозная социализация: понятия и проблемы // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2012. № 2 (9), ч. 1. С. 205-212.

Bainbridge W. S., Stark R. Friendship, Religion, and the Occult: A Network Study // Review of Religious Research. 1981. Vol. 22, № 4. Pp. 313-327.

Bengtson V. L., Copen C. E., Putney N. M., Silverstein M. A longitudinal study of the intergenerational transmission of religion // International Sociology. 2009. Vol. 24, № 3. Pp. 325-345.

Bengtson V. L., Putney N. M., Harris S. Families and faith: How religion is passed down across generations. New York: Oxford University Press, 2013. 267 p.

Cheadle J. E., Schwadel P. The “friendship dynamics of religion”, or the “religious dynamics of friendship”? A social network analysis of adolescents who attend small schools // Social Science Research. 2021. Vol. 41, № 5. Pp. 1198-1212.

Copen C. E., Silverstein M. The transmission of religious beliefs across generations: Do grandparents matter? // Journal of Comparative Family Studies. 2008. Vol. 39, № 1. Pp. 59-71.

Glass J., Bengtson V. L., Dunham C. C. Attitude similarity in three-generation families: Socialization, status inheritance, or reciprocal influence? // American Sociological Review. 1986. Vol. 51, № 5. Pp. 685-698.

Kelley J., De Graaf N. D. National context, parental socialization, and religious belief: Results from 15 nations // American Sociological Review. 1997. Vol. 62, № 4. Pp. 639-659.

Lenski G. E. The religious factor: A sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life. New York: Doubleday&Co, 1961. 381 p.

Lim C., Putnam R. D. Religion, Social Networks, and Life Satisfaction // American Sociological Review. 2010. Vol. 75, № 6. Pp. 914-933.

McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // Annual Review of Sociology. 2001. Vol. 27, № 1. Pp. 415-444.

Müller T. S., De Graaf N. D., Schmidt P. Which societies provide a strong religious socialization context? Explanations beyond the

effects of national religiosity // Journal for the Scientific Study of Religion. 2014. Vol. 53, № 4. Pp. 739-759.

Myers S. M. An interactive model of religiosity inheritance: The importance of family context // American Sociological Review. 1996. Vol. 61, № 5. Pp. 858-866.

Norris P., Inglehart R. Sacred and secular: Religion and politics worldwide, New York: Cambridge University Press, 2004. 329 p.

Petts R. J. Parental religiosity and youth religiosity: Variations by family structure // Sociology of Religion. 2015. Vol. 76, № 1. Pp. 95-120.

Prutskova E. Social vs. Individual Centrality of Religiosity: Research in Religious and Non-Religious Settings in Russia // Religions. 2021. Vol. 12, № 15. Pp. 1-18.

Sherkat D. E. Religious socialization: Sources of influence and influences of agency // Handbook of the sociology of religion / M. Dillon (ed.). Cambridge: Cambridge University Press, 2003. Pp. 151-163.

Silverstein M., Bengtson V. L. Linked religious lives across generational time in family lineages: Grandparents as agents of transmission // Social networks and the life course. Integrating the development of human lives and social relational networks / D. F. Alwin, D. H. Felmlee, and D. A. Kreager (eds). Cham: Springer International Publishing, 2018. Pp. 415-429.

Smith C., Adamczyk A. Handing Down the Faith: How Parents Pass Their Religion on to the Next Generation. Oxford: Oxford University Press, 2021. 264 p.

Stark R., Finke R. Acts of faith: Explaining the human side of religion. Berkeley: University of California Press, 2000. 343 p.

Stark R., Glock Ch. Y. American piety: The nature of religious commitment. Berkeley: University of California Press, 1968. 230 p.

Stolz J., Lipps O., Voas D., Antonietti J.-P. Can We Explain the Generation Gap in Churchgoing? // Journal for the Scientific Study of Religion. 2024.

Vermeer P. Religion and Family Life: An Overview of Current Research and Suggestions for Future Research // Religions. 2014. Vol. 5, № 2. Pp. 402-421.

Voas D., Chaves M. Is the United States a Counterexample to the Secularization Thesis? // American Journal of Sociology. 2016. Vol. 121, № 5. Pp. 1517-1556.

Voas D., Storm I. National Context, Parental Socialization, and the Varying Relationship Between Religious Belief and Practice // *Journal for the Scientific Study of Religion*. 2020. Vol. 60, № 1. Pp. 189-197.

Ysseldyk R., Haslam S. A., Haslam C. Abide with me: religious group identification among older adults promotes health and well-being by maintaining multiple group memberships // *Aging & Mental Health*. 2013. Vol. 17, № 7. Pp. 869-879.

References

Bezrogov, V. G. (2006), "Between Stalin and Christ: Religious Socialization of Children in Soviet and Post-Soviet Russia (Based on Childhood Recollections)", *Forum for Anthropology and Culture*, (4), 130-162. (In Russian)

Guzelbaeva, G. Ya. (2015), "Agents of religious socialization in the post-secular period: Their role in the transformation of the value-normative system", *Kazan Social and Humanitarian Bulletin*, 4 (17), 21-26. (In Russian)

Zabaev, I. V. (2011), "Sacred individualism and community in contemporary Russian Orthodoxy", *Prihod i obshhina v sovremennom pravoslavii: kornevaja sistema rossijskoj religioznosti* [Parish and community in contemporary Orthodoxy: The root system of Russian religiosity], in Agadjanian, A. and Russele, K. (eds), *Ves Mir*, Moscow, Russia, 341-354. (In Russian)

Lebedev, S. D. (2005), *Dve kul'tury: religija v rossijskom svetskom obrazovanii na rubezhe XX-XXI vekov* [Two cultures: Religion in Russian secular education at the turn of the 20th-21st centuries], BelSU Publishing, Belgorod, Russia. (In Russian)

Pavlyutkin, I. V. (2020), "Dynamics of religious commitments of young people in Russia", *Research Result. Sociology and Management*, 6 (3), 153-183. (In Russian)

Prutskova, E. V. (2024), *Religioznaja socializacija: svjaz' religioznosti s normami i cennostjami* [Religious socialization: association of religiosity with norms and values], Izd-vo PSTGU, Moscow, Russia, 256. (In Russian)

Sklyarova, T. V. (2009), "Religious socialization: Problems and directions of research", *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*.

Seriya IV: Pedagogika. Psihologija, 4 (15), 7-17. (In Russian)

Folieva, T. A. (2012), "Religious socialization: Concepts and problems", *Izvestija Irkutskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija «Politologija. Religiovedenie»*, 2 (9-1), 205-212. (In Russian)

Bainbridge, W. S., Stark, R. (1981), "Friendship, religion, and the occult: A network study", *Review of Religious Research*, 22 (4), 313-327.

Bengtson, V. L., Copen, C. E., Putney, N. M. and Silverstein, M. (2009), "A longitudinal study of the intergenerational transmission of religion", *International Sociology*, 24 (3), 325-345.

Bengtson, V. L., Putney, N. M. and Harris, S. (2013), *Families and faith: How religion is passed down across generations*, Oxford University Press, New York, USA.

Cheadle, J. E. and Schwadel, P. (2012), "The 'friendship dynamics of religion', or the 'religious dynamics of friendship'? A social network analysis of adolescents who attend small schools", *Social Science Research*, 41 (5), 1198-1212.

Copen, C. E. and Silverstein, M. (2008), "The transmission of religious beliefs across generations: Do grandparents matter?", *Journal of Comparative Family Studies*, 39(1), 59-71.

Glass, J., Bengtson, V. L. and Dunham, C. C. (1986), "Attitude similarity in three-generation families: Socialization, status inheritance, or reciprocal influence?", *American Sociological Review*, 51 (5), 685-698.

Kelley, J. and De Graaf, N. D. (1997), "National context, parental socialization, and religious belief: Results from 15 nations", *American Sociological Review*, 62 (4), 639-659.

Lenski, G. E. (1961), *The religious factor: A sociological study of religion's impact on politics, economics, and family life*, Doubleday & Co, New York, USA.

Lim, C. and Putnam, R. D. (2010), "Religion, social networks, and life satisfaction", *American Sociological Review*, 75 (6), 914-933.

McPherson, M., Smith-Lovin, L. and Cook, J. M. (2001), "Birds of a feather: Homophily in social networks", *Annual Review of Sociology*, 27 (1), 415-444.

Müller, T. S., De Graaf, N. D. and Schmidt, P. (2014), "Which societies provide a strong religious socialization context? Explanations

beyond the effects of national religiosity”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 53 (4), 739-759.

Myers, S. M. (1996), “An interactive model of religiosity inheritance: The importance of family context”, *American Sociological Review*, 61 (5), 858-866.

Norris, P. and Inglehart, R. (2004), *Sacred and secular: Religion and politics worldwide*, Cambridge University Press, New York, USA.

Petts, R. J. (2015), “Parental religiosity and youth religiosity: Variations by family structure”, *Sociology of Religion*, 76(1), 95-120.

Prutskova, E. (2021), “Social vs. individual centrality of religiosity: Research in religious and non-religious settings in Russia”, *Religions*, 12(15), 1-18.

Sherkat, D. E. (2003), “Religious socialization: Sources of influence and influences of agency”, in M. Dillon (ed.), *Handbook of the sociology of religion*, Cambridge University Press, Cambridge, UK, 151-163.

Silverstein, M. and Bengtson, V. L. (2018), “Linked religious lives across generational time in family lineages: Grandparents as agents of transmission”, in D. F. Alwin, D. H. Felmlee, and D. A. Kreager (eds). *Social Networks and the Life Course. Integrating the development of human lives and social relational networks*, Springer International Publishing, Cham, Switzerland, 415-429.

Smith, C. and Adamczyk, A. (2021), *Handing down the faith: How parents pass their religion on to the next generation*, Oxford University Press, Oxford, UK.

Stark, R. and Finke, R. (2000), *Acts of faith: Explaining the human side of religion*, University of California Press, Berkeley, USA.

Stark, R. and Glock, C. Y. (1968), *American piety: The nature of religious commitment*, University of California Press, Berkeley, USA.

Stolz, J., Lipps, O., Voas, D. and Antonietti, J.-P. (2024), “Can we explain the generation gap in churchgoing?”, *Journal for the Scientific Study of Religion*.

Vermeer, P. (2014), Religion and family life: An overview of current research and suggestions for future research”, *Religions*, 5 (2), 402-421.

Voas, D. and Chaves, M. (2016), “Is the United States a counterexample to the

secularization thesis?”, *American Journal of Sociology*, 121 (5), 1517-1556.

Voas, D. and Storm, I. (2020), “National context, parental socialization, and the varying relationship between religious belief and practice”, *Journal for the Scientific Study of Religion*, 60 (1), 189-197.

Ysseldyk, R., Haslam, S. A. and Haslam, C. (2013), “Abide with me: Religious group identification among older adults promotes health and well-being by maintaining multiple group memberships”, *Aging & Mental Health*, 17 (7), 869-879.

Статья поступила в редакцию 29 октября 2024 г. Поступила после доработки 02 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г.

Received 29 October 2024. Revised 02 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Пруцкова Елена Викторовна, доцент кафедры философии и религиоведения, старший научный сотрудник научной лаборатории «Социология религии», Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия.

Elena V. Prutskova, Associate Professor, Senior Research Fellow, Sociology of Religion Research Laboratory, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

Байков Михаил Денисович, студент кафедры философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия.

Mikhail D. Baikov, Student of the Department of Philosophy and Religious Studies, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

Никита Михайлович Павлов, студент кафедры философии и религиоведения Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета, Москва, Россия.

Nikita M. Pavlov, Student of the Department of Philosophy and Religious Studies, St. Tikhon's Orthodox University, Moscow, Russia.

УДК 316.014

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-4

Исследовательская статья

Шайхисламов Р. Б.
Асадуллина Г. Р.

Семейная идентификация в юности

ФГОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»
улица З. Валиди, дом 32, Уфа, 450074, Россия.
rafaelbadretdinovich@mail.ru
Asadullina-guzeliya@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы семейной идентификации как основания социокультурной идентификации в период юности. На основе эмпирических исследований, проведенных авторами статьи в 2023 году, анализируются особенности семейной идентификации в рамках «Я-концепции» и «Мы-концепции» респондентов в возрасте от 16 по 21 год, проживающих в Бурятии, Удмуртии, Башкортостане, Тюменской, Волгоградской и Архангельской областях. Изучение идентификационных процессов с точки зрения понятий, смыслов, значений, которыми респонденты наделяют свои «Я» и «Мы», дает возможность исследовать качественные параметры семейной и других форм социокультурной идентификации. В семейной (также, как и в других) идентификации в юности есть онтологическая (биографическая) и филогенетическая (традиционная) стороны. Семейная идентификация в онтологическом плане рассматривается с точки зрения ее осмысленности респондентами (носит ли она в основном сложившиеся смыслы, или находится в процессе осмысления или переосмысления, не имеет особого смысла). Также изучено соотношение в семейной идентификации значимости «Я» и Мы». В филогенетическом плане проанализировано значения, которые респонденты придают семейным корням – традициям, ценностям, передающимся от поколения к поколению по родственной линии. Сделан анализ взаимосвязи семейной идентификации в онтогенезе и филогенезе с этнической и российской идентификацией юношей и девушек. На основе анализа данных исследований авторы делают выводы о неоднозначной и многообразной взаимосвязи «Я-концепции» и «Мы-концепции» на уровне семейной идентификации, онтологической и филогенетической ее сторон.

Ключевые слова: юность; социокультурная идентификация; семейная идентификация; укорененная идентичность; стабильная идентификация; лабильная идентификация; «Я-концепция»; «Мы-концепция»

Информация для цитирования: Шайхисламов Р. Б., Асадуллина Г. Р. Семейная идентификация в юности // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 64-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-4

Rafael B. Shaikhislamov
Guzeliya R. Asadullina

Family identity in adolescence

Ufa University of Science and Technology,
32 Z. Validi St., Ufa 450074, Russia
rafaelbadretdinovich@mail.ru
Asadullina-guzeliya@yandex.ru

Abstract. The article examines the role of family identity as a foundation for socio-cultural identity formation during adolescence. The article presents the findings of empirical research conducted by the authors in 2023. The features of family identity are analysed within the framework of the “I-concept” and “We-concept” of respondents aged 16 to 21 years living in the Buryatia, Udmurtia, Bashkortostan, Tyumen, Volgograd and Arkhangelsk regions. The investigation of identification processes from the perspective of the concepts, meanings, and values ascribed by respondents to their “I” and “We” enables the examination of the qualitative attributes of family and other forms of socio-cultural identity. The identity of the family, as with other social entities, has two dimensions: the ontological (biographical) and the phylogenetic (traditional). The ontological sense of family identity is considered from the perspective of its significance to respondents. The focus is on whether the concept is primarily understood in a fixed sense or is undergoing a process of interpretation and reinterpretation. Furthermore, the relationship between the significance of the “I” and the “We” in family identity is also examined. From a phylogenetic perspective, the meanings ascribed to family roots – that is to say, traditions and values that have been transmitted from one generation to the next within the family – are subjected to analysis. This study examines the interrelationship between family identity in ontogenesis and phylogenesis, and the ethnic and Russian identity of young men and women. The analysis of the research data allows the authors to conclude that the relationship between the “I-concept” and the “We-concept” at the level of family identity, in both its ontological and phylogenetic aspects, is characterised by ambiguity and diversity.

Key words: youth; sociocultural identity; family identity; rooted identity; stable identity; labile identity; “I-concept”; “We-concept”

Information for citation: Shaikhislamov, R. B., Asadullina, G. R. (2024), “Family identity in adolescence”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 64-88. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-4

Введение (Introduction). В Указе Президента Российской Федерации №529 от 18 июня 2024 года в качестве одного из приоритетных направлений научно-технологического развития страны определено «укрепление социокультурной идентичности российского общества и

повышение уровня его образования». ¹ В условиях больших вызовов и роста неопределенности и турбулентности изменений в современном мире необходима социокультурная идентичность – от семейной до общегражданской, обладающая

¹ Указ Президента Российской Федерации от 18.06.2024 г. № 529. URL:

<http://www.kremlin.ru/acts/bank/50755>

(дата

обращения: 19.08.2024).

позитивным потенциалом, устойчивостью и адаптированностью к глобальным и региональным изменениям. Особое значение имеет формирование социокультурной идентичности детей и молодежи. Первоначальным социальным пространством, в рамках которого происходит формирование социокультурной идентичности детей, является семья. Семья же имеет фундаментальное значение и для социокультурной идентификации молодежи – как родительская в качестве ориентира и собственная в качестве жизненного проекта. То, какова будет семейная идентичность, во многом определит и другие идентичности человека. Осознанием особой актуальности семейной идентичности детей и молодежи обусловлены новые национальные проекты РФ «Молодежь и дети» и «Семья».

Этническая, конфессиональная, локальная, гражданская и другие формы социокультурной идентификации в детстве не выходят за рамки семейно-родственной идентификации. В этом смысле можно согласиться с выводом «все идет из семьи». Д. С. Лихачев писал, что любовь к Родине начинается и растет с любви к своей семье. С возрастом она становится также любовью к стране, ее народу. «Нельзя перескочить через какое-либо звено этого процесса, и очень трудно скрепить вновь всю цепь, когда что-нибудь в ней выпало или, больше того, отсутствовало с самого начала» (Лихачев, 1983). Семейная идентификация и сегодня является тем самым «основным звеном», способным «вытянуть» всю цепь социокультурной идентификации. Когда говорят, что все идет из семьи, имеются в виду и позитивные, и негативные формы идентификации и дезидентификации. Широко известно изречение Л. Н. Толстого в романе «Анна Каренина» – «Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». Негативная направленность социокультурной идентификации в детском, а в последующем – и в молодом и

зрелом, возрасте, обусловлена с самыми различными проявлениями «несчастливой» семьи.

Противоречивый, неоднозначный характер формирования социокультурной идентичности среди детей и молодежи требует учета современных вызовов, которые могут влиять по-разному на процесс становления молодого поколения. «Семейные ценности – это то, что важно, значимо для всех членов семьи, общее поле их интересов. Для большинства людей семейные ценности приблизительно одинаковы: любовь, родительство, верность, доверие, связь с предками, дом. Однако в результате изменения общества, под воздействием ряда социальных, экономических, политических факторов семейные ценности претерпевают существенные изменения, прежде всего это относится к ценности многодетности, большой многопоколенной семьи» (Ростовская, Кучмаева, 2024). Увеличение доли бездетных и неполных семей значительно влияет на социокультурное самочувствие детей и молодежи (одиночество, стрессы, дезинтеграция социальных связей). Дети и молодежь, выросшие в нестабильной социальной среде, часто сталкиваются с проблемами самовосприятия и адаптации, дезидентификации (утраты связи с традиционными нормами и ценностями). «Не помнящие родства» в узком (семейном) и широком (общероссийском) понимании молодые люди, даже с высоким уровнем образования, лидерскими качествами, новыми профессиональными компетенциями, не могут быть силой, способной обеспечить развитие страны.

Поэтому социокультурная идентификация не только «идет из семьи», но и должна «идти в семью». Укрепление и придание позитивной направленности общероссийской, этнической, конфессиональной, региональной и локальной идентичности необходимо начинать с укрепления и развития семьи – не абстрактной, а каждой. Иными словами,

основное внимание необходимо уделять формированию личности в семье, позитивной семейной идентичности, чтобы позитивный характер приобретали все другие формы социокультурной идентификации. Не будет ошибкой утверждать, что если это самое «основное звено» – семейная идентификация – окажется «слабым», то и всю «цепь» социокультурной идентификации «вытащить» будет невозможно. Придание позитивного характера семейной идентификации детей и молодежи, «оздоровление» семейных отношений, наряду с демографическими, образовательными, инфраструктурными задачами, должны стать важнейшей целью разрабатываемых национальных проектов РФ «Семья» и «Молодежь и дети».

Проблемы современной семьи исследуются представителями разных социально-гуманитарных наук (демографией, социологией, этнологией, педагогикой, психологией). Но что касается вопросов семейной идентификации, то они являются на сегодня преимущественно предметом психологической и педагогической науки и практики (Строкова, 2014; Лукьянченко, 2023; Тюрина, Грязева, 2020; Солынин, Маслова, 2024; Малышева, 2024; Вагапова, Перова, 2015; Васильченко, 2013). В то же время следует отметить, что исследования проблем семейной идентификации не находятся в авангарде в психологии и педагогике. Социология семьи относится к числу наиболее развитых отраслей социологической науки. Но проблематика семейной идентификации в ней остается периферийной. В последние годы ученые Института социологии ФНИЦС РАН изучают связь семейной и гражданской истории, семейной и исторической памяти как основы социокультурной идентификации россиян (Бараш, 2023; Горшков, Бараш, 2024). На примере молодежи Башкортостана особенности семейной идентичности рассматривает Г. Р. Камалова (Камалова, 2014).

Многочисленные исследования идентификационных процессов в последние тридцать лет неизменно фиксируют лидирующее положение идентификации с семьей. Однако основное внимание в них обращено на состояние и тенденции этнической и гражданской идентификации, а интерес к семейной идентификации является фоновым, «контрольным». Практически нет исследований семейной идентификации междисциплинарного характера, в том числе междисциплинарной методологической и методической интеграции.

В настоящей статье в качестве объекта изучения семейной идентификации рассматривается возрастная когорта молодежи – юность. К ней принято относить молодых людей в возрасте от 16 по 21 год. Эту когорту можно назвать «ранней молодостью», «первым этапом молодости». В советской социально-психологической литературе характеристику юности дал И.С. Кон в ряде своих книг (Кон, 1979; 1982; 1984; 1989). Если сформулировать суть юности, то ее можно определить по названию одной из книг И. С. Кона – «в поисках себя». В социологии юность как этап молодости мало изучена, хотя достаточно много исследований студенческой молодежи, старшеклассников.

В период юности происходят существенные объективные (социальные) и субъективные (личностные) изменения. В 16-17 лет одни девушки и юноши продолжают учебу в старших классах школ, другие – переходят на учебу в колледже. Вчерашние школьники становятся студентами, устраиваются на работу, часть юношей проходит срочную военную службу. Основная масса молодежи в возрасте по 21 год получает профессиональное образование и начинают поиск постоянной работы. Эти перемены в жизни связаны для значительной части молодежи со сменой места жительства, самостоятельной от родительской семьи

жизнью. Это наиболее романтическое время жизни человека, предшествующее началу собственной семейной жизни. Круг общения в этом возрасте заметно расширяется, появляются новые друзья и знакомые – представители разных этнических, конфессиональных, региональных, локальных культур. По терминологии Ф. Тённиса, в юности совершается переход от «Gemeinschaft» к «Gesellschaft»: круг идентификационных процессов расширяется от рамок семьи, родственников, друзей, соседей, школьного коллектива до корпоративного, регионального, общественного. В результате по-новому осмысливаются и представляются этническая, профессиональная, региональная, гражданская и другие формы идентификации. В юности, с одной стороны, сохраняются детские и подростковые представления о себе как части микро-, мезо- и макро-общностей, с другой стороны, формируются и понятия, содержащие смыслы и значения идентичностей. Юность – это период «поиска себя» среди других и в самом себе. Те идентичности, которые в детстве воспринимаются как внешне заданные, определяемые семьей, в юности начинают приобретать в той или иной степени осмысленный характер («я – сын, потому что...», «я – русский, потому что...», «я – россиянин, потому что...» и т.д.). Процесс осмысления идентичностей в современном обществе является пожизненным (в этом смысле говорят об идентификации), но на определенных этапах жизненного пути приобретает относительно устойчивые формы (т.е. идентичности). В юности процесс идентификации может иметь и относительно устойчивые, стабильные очертания, и неустойчивые, подвижные, лабильные черты. Не у всех в юности идентификация приобретает стабильную или лабильную форму.

Особенность тех, кому сегодня 16-21 год, определяется и тем, что они представляет собой так называемое

«поколение Z» («цифровые аборигены», «цифровые кочевники»). Этому поколению, по мнению ряда исследователей, присущи клиповое мышление, жизнь в потоке вытесняющих друг друга новостей, многозадачность, поиск ответов на различные вопросы не в собственном сознании, а в Интернете, а также глобалистское видение мира и стремление к общечеловеческой справедливости. В этом плане идентификационные процессы в современном юношестве достаточно специфичны, чем у предшествующих поколений (Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения, 2021).

Методология и методы (Methodology and Methods). Семья – одна из самых «труднодоступных» для социологического исследования групп в силу ее большей закрытости. Эта трудность особо проявляет себя в плане исследования семейных отношений, семейных ролей, семейных идентичностей. Поэтому исследование семейных идентичностей более эффективно на междисциплинарном поле, в том числе на стыке социологии и социальной психологии. В настоящей статье семейные идентификационные процессы в юношеском возрасте рассматриваются на основе «Я-концепции» и «Мы-концепции».

Образ «Я», «Я-концепция» – из числа наиболее популярных в западной социальной психологии терминов (Р. Бернс, Ч. Кули, Э. Эриксон и другие). В отечественной литературе внимание этим формам самопознания и самооценки человека уделяется гораздо меньше. Например, поиск работ с ключевым понятием «Я-концепция» в различных базах данных дает ограниченный результат – примерно 100 работ. Понятие «Я-концепция» зародилось в середине XIX в. в русле феноменологической, гуманистической психологии, представители которой стремились к рассмотрению целостного человеческого

«Я» как фундамента личности. Один из первых представителей «Я-концепции» американский философ и психолог У. Джеймс считал, что «Я» имеет два лика – духовное и эмпирическое. Индивид осознает себя как духовное Я в качестве субъекта познания, как эмпирическое Я – в качестве объекта познания (самопознания) (Джеймс, 2017). Р. Бернс определял «Я-концепцию» как иерархию всех представлений человека о себе (Бернс, 1986).

В большинстве работ отечественных исследователей «Я – концепция» и образ «Я» отождествляются что, на наш взгляд, методологически неприемлемо. Образ «Я» связан с чувственным уровнем познания – самовосприятием и представлениями человека о себе. «Я-концепция», хотя и может оперировать представлениями о себе, но включает их в понятийный аппарат, процесс суждений и умозаключений. «Я-концепция» дает ответ на вопрос не только «кто я такой», но и на вопросы «почему я такой», «в чем смысл того, что я такой», «в чем значение того, что я такой». Восхождение от образа к концепции – это результат психического и социального развития личности, признак ее зрелости. Существующие опросники социальных идентичностей, особенно в социологии, нацелены на получение ответов «кто я такой», но не дают нам знаний о осмысленности респондентами своих идентичностей.

Под идентичностью принято понимать процесс и результат самоопределения личности и социальной группы, с одной стороны, определения других, с другой стороны. При этом, как писал К. Маркс задолго до З. Фрейда, введшего понятие «идентичность» в науку, «человек сначала смотрится, как в зеркало, в другого человека. Лишь отнесясь к человеку Павлу как к себе подобному, человек Петр начинает относиться к самому себе как к человеку» (Маркс, 1983: 62). Социальное сравнение между «Я», «Он», «Мы», «Они», «Свои», «Чужие» как основа

идентификационных процессов на разных этапах развития личности осуществляется в различной социальной среде – сначала в микросреде, затем в мезо- и макросреде. Социальное сравнение осуществляется и на уровне чувственного познания (образы «Я», «Мы», «Они» и т.д.), и на уровне мышления (понятия «Я», «Мы», «Они» и т.д.). В последнем случае идентификация приобретает форму «Я-концепции» и «Мы-концепции».

Следует констатировать пока слабую теоретико-методологическую разработку «Мы – концепции» в отечественной и зарубежной научной литературе. Мы ее определяем следующим образом: «Мы-концепция» – это суждения и умозаключения о референтных для индивида группах. В отличие от «Я-концепции» в ней определяются значения референтных групп для «Я». Поскольку «Я-концепция» и «Мы-концепция» представляют собой суждения на основе понятий – необразных, отраженных и конструированных в вербальной форме общих и существенных свойств «Я» и различных референтных групп, исследование идентичностей строится на воспроизведении и реконструировании суждений респондентов.

Социокультурная идентификация является внутренне противоречивым процессом, производным от противоречий социокультурной дифференциации общества. С одной стороны, личность стремится к автономности от социальных и культурных систем, к определению своей уникальности, неповторимости. С другой стороны, в каждом человеке есть потребность в социальной принадлежности. Соотношение между автономностью и социальной принадлежностью в идентичности может быть различным – от тотального «Мы», в котором автономное «Я» не существует, до тотального «Я», в котором нет места для «Мы».

Социокультурная идентификация в рамках «Я-концепции» и «Мы-концепции» может быть представлена теоретической моделью «пирамида» (наподобие пирамиды потребностей А. Маслоу). В основании иерархии находится самоидентичность личности, «самость». Идеи антропологии и социальной психологии о «Самости», «Self» (Дж. Мида «Я как единство «I» и «Me», К. Юнга, Г. Салливана и других) как целостного ядра системы личности, в которой все части взаимосвязаны и не существуют отдельно, сами по себе, развивали в социальной антропологии и социальной психологии Дж. Мид, К. Юнг, Г. Салливан и другие. Дж. Мид различает два аспекта формирования самости: Я (I) – это то, что я думаю о других и о себе, это мой внутренний мир. Мне (Me) – это то, что, по моему мнению, обо мне думают другие, это моя внешняя социальная оболочка, как я её себе представляю. Чтобы взаимодействовать, люди должны интерпретировать значения и намерения других. Через принятие роли (установление себя на место человека, с которым ведется общение) индивиды развивают «самость» – способность представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли (Белик, 2011). Мы полагаем, что в этой «пирамиде» самоидентификация является базовой потому, что без «Я», без осознания самого себя как автономного существа личность не может устанавливать осмысленно степень тождества с другими. Познание других предшествует самопознанию, но в конструировании идентичностей личность опирается на суждения о себе (насколько она по своим качествам соответствует или не соответствует другим).

Самоидентичность является основой для микро-социальной идентификации – с семьей, друзьями, соседями, первичной группой в учреждении. Особое значение микро-социальная идентификация имеет в детском и юношеском возрасте. В значительной степени микро-социальная идентификация в детстве и юношеском

возрасте является одновременно мезо- и макросоциальной идентификацией. Так, этническая идентификация на микроуровне проявляет себя в виде отождествления себя с этничностью родителей, других родственников. То же самое можно сказать и относительно конфессиональной, локальной, гражданской идентификации, при этом в этом процессе задействована не только семья, но и школа, друзья, другие первичные группы.

В то же время в юности гражданская, конфессиональная, локальная, этническая идентификации выходят за пределы микросреды: важными факторами идентификации становятся новые друзья, представители различных этнических, конфессиональных и иных групп в вузах и колледжах, трудовых коллективах. Однако мезо- и макроуровни идентификации опираются на те понятия, представления, которые ранее сложились на микроуровне.

Трансформации в пирамиде социокультурных идентичностей идет не только снизу-вверх (от самоидентичности до макро-идентичности), но и сверху вниз. Те новые черты гражданской, этнической или иной идентификации, которые складываются на макроуровне под влиянием массовых коммуникаций – СМИ, кино, театра, учебников, художественной литературы и т.п., «приходят» в семью, в круг друзей, соседей, раскрываются в процессе непосредственной коммуникации.

«Пирамида» социокультурной идентификации – это теоретическая модель. В реальности взаимодействие уровней этой «пирамиды» – сложный и противоречивый процесс. В настоящей статье мы остановимся на некоторых аспектах взаимосвязи семейной идентификации с другими уровнями. В реальной действительности встречаются самые различные варианты «накладывания» друг на друга самоидентичности, микро-, мезо- и макро-идентичностей. Особо противоречивая и

зачастую парадоксальная связь между ними обнаруживается в юности.

В качестве гипотез мы рассматривали два положения: а) на этапе юности формируется «Самость» как основа идентичности («Self» Дж. Мида – «Я как единство «I» и «Me», К. Юнга, Г. Салливана и других), как целостное ядро системы личности, в которой все идентичности взаимосвязаны и не существуют отдельно, сами по себе (личность как «индивид»); б) положение о децентрации субъекта – дивида (делимом, фрагментирующемся, лишенном целостности человеке, в том числе разрозненность, несвязанность его идентичностей), в популяризации которого большую роль сыграл Ж. Лакан.

Мы также исходили из гипотез:

1) социокультурная идентификация происходит как в онтогенезе, в процессе развития личности с детства до старости, так и филогенезе, в процессе передачи от поколения к поколению традиций, архетипов сознания, идентификационных маркеров. Обе стороны являются неотъемлемыми компонентами исследования социокультурной идентификации, позволяющими полнее представить механизмы эволюции идентификации как на уровне отдельного индивида, так и на уровне общественного развития;

2) в условиях динамичных изменений и преобладания префигуративной культуры филогенетический и онтогенетический аспекты социокультурной идентификации утрачивают свое единство.

Для проверки этих гипотез мы рассмотрели значение, которое придают молодые люди своим социокультурным корням – традициям, ценностям истории и семьи, и общества в целом.

В статье использованы данные межрегионального исследования по инициативному проекту «Многообразие идентификаций в юности: анализ «Я-концепций» и «Мы-концепций» в 2023 году. Было опрошено 3180 респондентов в возрасте от 16 по 21 год в Архангельской, Волгоградской, Тюменской областях, республиках Бурятия, Удмуртия и Башкортостан². В каждом регионе были определены квоты респондентов по регионам, городским и сельским населенным пунктам, в дальнейшем была осуществлена выборка случайным методом. Мы учитывали то, что значительная часть молодых людей в этом возрасте меняют место жительства из-за учебы и работы. Поэтому в анкете был вопрос – о месте жительства респондента 5 лет тому назад. Таким образом учитывалась доля недавних сельских жителей, проживающих в настоящее время в городе. Эти молодые люди во многом сохраняют черты сельской культуры, в том числе и семейные. Часть юношей, проходивших срочную военную службу, обучающиеся в учебных заведениях силовых структур, не попала в выборку. Поэтому в выборке оказалось больше девушек, чем юношей. Погрешность выборки составила 4,8%.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как отметили выше, семейная, этническая, конфессиональная, российская идентичность формируется и в онтогенезе, и в филогенезе. В исследовании была поставлена задача изучения значимости для юношей и девушек своих культурных корней. Вопрос в анкете был сформулирован следующим образом: «Есть такое выражение – «человек с корнями». Эти «корни» передают нам культуру, традиции предшествующих поколений. Какое значение Вы придаете своим «корням»? На эмпирическом материале

² Руководитель проекта – д.с.н., проф. Р.Б. Шайхисламов (Уфа). Руководители полевых исследований в регионах – д.с.н., профессор С.П. Татарова (Улан-Удэ), д.с.н., проф. Н.Г.

Хайруллина (Тюмень), к.п.н., доцент Е.И. Михалёва (Ижевск), к.ф.н., доцент А.Б. Федулова (Архангельск), к.ф.н., доцент О.А. Карагодина (Волгоград), к.ф.н., доцент Г.Р. Асадуллина (Уфа).

требовался ответ на вопрос – является ли «укоренённая идентификация» (понимая под этим филогенетический аспект этого процесса) той основой, матрицей,

объединяющей различные «Я» в единое целое, способствующей формированию целостности, «индивидуальности» социальной идентичности.

Таблица 1

Оценка значимости социокультурных корней (в%)

Table 1

Assessment of the importance of socio-cultural roots (in %)

Значение корней* / The meaning of roots	всего / total	по полу / by gender		по возрасту / by age		проживали 5 лет тому назад / lived 5 years ago	
		жен.	муж.	16-18 лет	19-21 год	в городе	в селе
семейные корни / family roots							
первостепенное / primary	75,5	76,4	73,8	73,0	77,4	74,5	78,0
второстепенное / secondary	14,6	14,1	15,6	16,8	12,9	15,0	13,6
не имеют значения / irrelevant	9,9	9,6	10,6	10,3	9,7	10,5	8,4
религиозные (конфессиональные) корни / religious (confessional) roots							
первостепенное / primary	22,6	19,3	28,5	22,8	22,4	21,3	25,8
второстепенное / secondary	32,5	33,7	30,4	34,1	31,3	30,9	36,7
не имеют значения / irrelevant	44,9	47,0	41,1	43,2	46,3	47,9	37,5
национальные (этнические) корни / national (ethnic) roots							
первостепенное / primary	31,3	28,2	37,0	31,7	30,9	30,6	33,0
второстепенное / secondary	40,0	42,5	35,5	39,7	40,3	39,0	42,5
не имеют значения / irrelevant	28,7	29,3	27,5	28,6	28,8	30,4	24,5
метаэтнические (славянские, тюркские, угрофинские, монгольские и т.п.) корни / meta-ethnic (Slavic, Turkic, Finno-Ugric, Mongolian, etc.) roots							
первостепенное / primary	20,7	16,6	28,4	22,6	19,2	21,1	19,8
второстепенное / secondary	40,8	43,0	36,7	40,4	41,0	40,2	42,3
не имеют значения / irrelevant	38,5	40,4	34,9	36,9	39,7	38,7	37,9
российские корни / Russian roots							
первостепенное / primary	39,5	36,9	44,3	41,9	37,6	36,6	38,5
второстепенное / secondary	37,1	38,3	34,9	36,3	37,8	24,4	20,8
не имеют значения / irrelevant	23,4	24,8	20,8	21,8	24,7	39,0	40,7
общечеловеческие корни / universal human roots							
первостепенное / primary	50,0	47,8	53,8	48,7	50,9	50,9	47,5
второстепенное / secondary	30,1	30,7	29,1	31,9	28,7	28,9	33,1
не имеют значения / irrelevant	19,9	21,5	17,1	19,3	20,4	20,1	19,4

То, что семейные корни окажутся по сравнению с другими корнями самой самыми значимыми, было ожидаемо. Семья и сегодня является основным транслятором традиций, культурного опыта поколений. Что касается оценок семейных корней, как «второстепенное значение» (14,6% респондентов) или «не имеют значения» (9,9% респондентов), то они могут быть объяснены самыми разными причинами (дети-сироты, отсутствие полноценного общения между

родителями и детьми, особенности семейного общения и воспитания родителей в семьях своих родителей и т.д.). Различия оценок семейных корней по статусным характеристикам (по полу, возрасту, месту жительства) имеются, но они не так значимы, и не нуждаются в особом объяснении. Но нужно учитывать то, что семейные корни в той или иной степени трансляторами этнокультурных, конфессиональных, общероссийских традиций и ценностей. Каким образом

семейные корни связаны с этническими и российскими, и каким образом этнические и российские корни связаны с семейными,

можно судить по данным, приведенным в Таблице 2.

Таблица 2

Взаимосвязь семейных, этнических и российских корней

Table 2

Interrelationship between family, ethnic and Russian roots

Из числа тех, кто придает своим семейным корням... / Among those who attach importance to their family roots...	придают своим этническим корням... / give their family roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	36,3	41,4	22,3	100%
второстепенное значение / secondary importance	19,3	48,7	32,0	100%
не придают значения / not given importance	10,8	17,0	72,2	100%
Из числа тех, кто придает своим этническим корням / Among those who attach importance to their ethnic roots	придают своим семейным корням... / give their family roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	87,6	9,0	3,4	100%
второстепенное значение / secondary importance	78,0	17,8	4,2	100%
не придают значения / not given importance	58,7	16,3	25,0	100%
Из числа тех, кто придает своим семейным корням... / Among those who attach importance to their family roots...	придают своим российским корням... / give their Russian roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	43,8	38,1	18,1	100%
второстепенное значение / secondary importance	31,8	45,6	22,6	100%
не придают значения / not given importance	18,3	17,3	64,4	100%
Из числа тех, кто придает своим российским корням... / Among those who attach importance to their Russian roots...	придают своим семейным корням... / give their family roots...			
	первостепенное значение / primary importance	второстепенное значение / secondary importance	не придают значения / not given importance	итога / total
первостепенное значение / primary importance	83,6	11,8	4,6	100%
второстепенное значение / secondary importance	77,5	17,9	4,6	100%
не придают значения / not given importance	58,5	14,2	27,3	100%

Прежде всего отметим, что среди тех, кто придает своим семейным корням

первостепенное значение, далеко не все придают такое же значение своим

этническим корням. Семейные корни лишь для трети респондентов (36,3%), оценивающих их как первостепенную для себя значимость, представляются такими же значимыми в отношении трансляции в семье этнокультурных традиций и ценностей. Каждый пятый респондент, для которого семейные корни представляются первостепенной значимости, не придает значения своим этническим корням. Наибольшее совпадение (почти у половины) оценок семейных и этнических корней по шкале «второстепенное значение». Наиболее информативны данные по шкале «не придают значения» своим семейным корням – почти две трети респондентов также не придает значения и этническим корням. Одновременное равнодушие к семейным и этническим корням проявляют по большому счету одни и те же респонденты.

Обратная связь оценок этнических корней в плане оценок своих семейных корней выглядит иначе. Те, кто придает первостепенное значение своим этническим корням, в абсолютном большинстве своем дают такую же оценку и своим семейным корням. В то же время мы видим, что большинство респондентов, придающих второстепенное значение или не придающих значения своим этническим корням, оценивают свои семейные корни также как первостепенной значимости (78 и 58,7% соответственно). Четверть респондентов, оценивающих свои этнические корни как не имеющие значения, таким же образом оценивают и свои семейные корни.

Эти данные можно, на наш взгляд, следующим образом. Семейные корни респондентами оцениваются в слабой зависимости от трансляции этнокультурных традиций. Этническая составляющая семейных корней, семейных традиций и ценностей постепенно перестает быть доминирующей. Можно вполне обосновано предположить, что в условиях роста влияния средств массовой коммуникации, массовой культуры,

профессионализации этнической культуры родители, бабушки и дедушки все в меньшей степени играют роль проводников народной, этнической культуры. Немаловажное значение в ослаблении этнокультурной составляющей семейных корней снижение в семейном общении уровня языкового богатства. Дефицит времени на общение с детьми, преобладание разговоров на семейно-бытовые темы, не предполагающих использование всего потенциала языка, также способствуют уменьшению роли семьи как социального пространства сохранения этнических культур. Билингвизм подавляющего большинства юношей и девушек, их родителей, не относящих себя к русским, с одной стороны, создает больше возможностей для приобщения к культурам разных народов. С другой стороны, билингвизм является в большинстве случаев асимметричным: общение на семейном уровне ведется на «упрощенном» этническом языке, а вне семьи – на русском (не всегда «великом могучем») языке. К тому же в городских семьях (в ряде случаев и сельских тоже) нерусской этничности общение осуществляется на русском языке. В представлениях некоторых молодых людей нерусской этничности язык их этничности является архаичным, несовременным, символом отсталости народа. В результате язык этничности постепенно утрачивает свой этнокультурный потенциал. «Процесс передачи базовых ценностей от одного поколения к другому крайне важен для сохранения феномена идентичности как ощущения ценностной связи с прошлым – историей и культурой, этикой и телеологией. Передача ценностей происходит через язык, быт и организацию пространства» (Цвык, Радкевич, Шабага, 2024: 768).

Данные о взаимосвязи семейных и российских корней практически не отличаются от данных о взаимосвязи семейных и этнических корней. Первостепенное значение, придаваемое

семейным корням, не предполагает непременно такую же оценку российских корней. Большая часть респондентов, не придающих значения своим семейным корням, также не придает значения и российским корням. В то же время те, кто придает то или иное значение (первостепенное, второстепенное, или вовсе не признающие) российским корням, в большинстве своем оценивают свои семейные корни как первостепенной значимости.

Отношение к своим семейным корням, определение их значения во многом зависит от типа культур, которые описывала американский антрополог М. Мид (Мид, 1988). Данная типология строится по признаку – какое поколение учит, а какое – учится. В постфигуративной культуре, полностью господствующей в традиционном обществе, старшие по возрасту учат младших, передают им свой жизненный опыт. В кофигуративной культуре появляется новый элемент – младшие учатся не только у старших, но у своих сверстников. В префигуративной культуре младшие не только учатся у старших и своих сверстников, но и сами учат старших. В современном динамично меняющемся обществе опыт старших быстро устаревает, более востребованным оказывается новый опыт. Значение семейных, профессиональных, этнических, гражданских корней начинает подвергаться сомнению и зачастую – отрицанию, что особенно ярко проявляется в подростковом и юношеском возрасте. Поскольку тотальное отрицание традиций может привести к разрушению общества, появляется потребность в синтезе традиций и новаций, в новом формате продолжении традиций и инноваций, на основе сохранивших свой потенциал традиций.

По данным наших исследований по проекту «Межэтническая коммуникация в молодежной среде: интолерантность, толерантность, диалог» в рамках федеральной программы «Этнокультурное многообразие российского общества и

укрепление общероссийской идентичности» (2020-2022 гг.), реализованному в республиках Башкортостан и Татарстан, Алтайском крае, Тюменской и Белгородской областях (3000 респондентов в возрасте 16-21 год) эти три типа культуры не обнаруживают себя в чистом виде. Но если судить по тому, черты какой культуры преобладают, то постфигуративная культура характерна для 23%, кофигуративная культура – для 10%, и префигуративная культура – для 65% респондентов. Таким образом, те, кто предпочитает не только учиться у старших, но и учить их, составляют большинство современных юношей и девушек. Такая тенденция является закономерной, отражающей как динамику общественного развития, так и изменения социокультурных коммуникаций между поколениями. Доминирование префигуративной культуры в молодежной среде само по себе не предполагает нигилизм в отношении традиционных ценностей и норм. Важно, чтобы между поколениями, в том числе в семейных рамках, выстраивались диалоговые коммуникации, нацеленные на взаимопонимание и социокультурное творчество.

В формировании представлений о российских корнях ведущую роль играют система образования, художественная литература, кино. В том, что семья не играет ведущей роли в трансляции российских традиций, проявляется то обстоятельство, что родители нынешних юношей и девушек формировались как личности в условиях постсоветского общества, зарождающегося нового российского общества. Семейные истории в подавляющем большинстве не уходят в период дореволюционной России.

Ученые Института социологии ФНИСЦ РАН на основе исследований последних лет отмечают противоречивое развитие исторической памяти современного российского общества.

«Большинство (3/4) россиян активно интересуются отечественной историей, интерес с ней существенно коррелируется со знанием семейной истории, которую, впрочем, 4/5 россиян знают не дальше, чем на два-три поколения. В исторической памяти россиян ключевое место занимает Великая Отечественная война. В то же время не менее половины россиян даже не знают, на какой стороне были их предки во время революций 1917 г. и Гражданской войны» (Горшков, Бараш, 2024).

Таким образом, взаимосвязь семейных корней, с одной стороны, и более широких социокультурных корней, в том числе этнических и российских, в современных условиях носит неоднозначный и противоречивый характер. Эти социокультурные корни не образуют устойчивую систему, мало влияют друг на друга. Если в традиционном обществе семейные, конфессиональные, этнические, локальные корни неразрывно переплетены, а семья действительно представляет собой «ячейку общества» в смысле ведущего института этнической, конфессиональной, локальной социализации личности, то в современном обществе эти корни в значительной степени дифференцированы и рассогласованы. Но необходимо учесть, что «семья в конструировании образа социального мира и в происхождении семейной идентичности как социального переживания или целостного «гештальта» оказывается первой территорией, в пространстве и во времени функционирования которой ребенок включается в освоение межличностных отношений, обретая индивидуальный стиль взаимодействия, общения, социального поведения, эмоциональной жизненной тональности. И далее в своей жизни каждый человек сохраняет социальное переживание своей принадлежности к родительской семье и роду, обогащая этот опыт вместе с новыми переживаниями, сопровождающими все проблемы создания и функционирования уже новой, своей семьи» (Строкова, 2017).

Семейная идентификация и сегодня продолжает действовать в качестве триггера, пускового механизма укрепления социокультурной идентичности на всех ее уровнях. Поэтому необходимость сохранения и обогащения традиционных этнокультурных, конфессиональных, гражданских составляющих семейной идентификации детей и молодежи не только сохраняется, но с учетом больших вызовов и угроз приобретает характер первостепенной важности.

Рассмотрим особенности семейной идентификации в юношеском возрасте *в онтогенезе*. Семейные идентичности проявляют себя в двух ипостасях – «Я в семье» и «Мы – семья», то есть в виде «Я-концепции» и «Мы-концепции». В «Я-концепции» индивиды соотносят себя с семьей как сын и дочь, старшие/младшие сын/дочь, брат и сестра, муж и жена, мать и отец, бабушка и дедушка и т.д. В юности семейная идентичность в основном существует в виде «Я – сын/дочь».

Изучение идентичностей в рамках «Я-концепций» предполагает выявление уровня их осмысленности, смыслов и значений. Осмысление любой формы идентичности предполагает, что она конструируется на основе мотивации личности – внутренних побуждений. Мотивация идентичности – это поиск смысла «Кто Я» и «Кто Мы», объяснение той или иной степени социокультурного тождества, выбор из различных, не во всем совпадающих вариантов соотнесенности с различными группами и культурами наиболее приемлемого ориентира. Мотивация в условиях сложного и динамично меняющегося социума является противоречивым, неоднозначным психологическим процессом, требующим не только осмысления, но и определенного выбора и принятия решения. Если идентичность воспринимается личностью как само по себе разумеющееся, не требующей такой саморефлексии, то, согласно типологии М. Вебера, можем

определить ее как аффективную или традиционную.

На основе мотивации формируются социокультурные ориентации, придающие идентичности устойчивые формы, образующие «стержень» личности. Если в процессе мотивации идентичность носит лабильный (подвижный, неустойчивый) характер, то трансформация идентичности в систему социокультурных ориентаций личности придает ей относительную стабильность, устойчивость, неизменность. Таким образом, на уровне «Я – концепции» идентификация формируется мотивационной сфере и закрепляется в виде ценностных ориентаций. Если в детском возрасте идентификация во многом носит немотивированный характер, то в юности она в значительной мере связана с ее осмыслением, выбора между различными вариантами этнической, конфессиональной, гражданской тождественности. Это не означает, что мотивация идентификации у всех в этом возрасте идет одинаково: если у отдельных юношей и девушек формируются относительно устойчивое, стабильное осмысление идентичности, то другие идентичность пока еще не рефлексируется. Различные идентичности могут восприниматься личностью не более как предписанные социальные статусы. Концептуальное содержание идентичности приобретают тогда, когда личность задает себе вопрос – что лично для меня значит быть сыном/дочерью, другом, коллегой, человеком определенной этничности, гражданином. Прежде чем отвечать на подобные вопросы, человек должен установить не формальные соотнесенности, а понимать, «кто Я?», и на этой основе и понимать свои идентичности. Е. Ю. Рязанцева на основе психологических измерений приходит к выводу, что если в возрасте 16-17 лет молодые люди ориентированы на поддержку извне, то для молодых людей в возрасте 18-25 лет значимым становится поиск своей идентичности, где важны как

поддержка родных и близких, так и свой внутренний ресурс (Рязанцева, 2021).

Юность – это тот период жизни, когда личность «ищет себя» не столько в своем социальном окружении, сколько «в самой себе». Она начинает определять свои жизненные принципы, смысл жизни, обращается к своему чувственному миру, совести, характеру. По-другому, происходит самоидентификация («Я – это Я»). У одних в период юности самоидентификация приобретает относительно стабильный, устойчивый вид, у других она является лабильной, подвижной, неустойчивой, у третьих она остается не актуализированной. Без осмысления самой себя личность не может найти ответы на вопросы о смыслах идентификации с различными референтными группами. Самоопределение в форме соотнесения Я со своими жизненными принципами, моралью, совестью, смыслом жизни, миром чувств, характером, согласно нашим опросам, присуще примерно 60 процентам респондентов в возрасте 16-21 год. При этом у одних этот процесс носит относительно стабильный, у других – лабильный характер (и тех и других от четверти до трети респондентов). Около 40 процентов считают, что сущностные, имманентные качества личности не имеют для самоопределения особого смысла. Это может говорить, как о том, что у многих респондентов еще не сформировалась система ценностных ориентаций (жизненных смыслов), так и том, что жизненные смыслы носят пока абстрактный, отвлеченный от собственной индивидуальности, характер. Без такого «стержня Я» все остальные идентичности не могут быть скреплены воедино, и есть все основания полагать, что у примерно 40 процентов в юношеском возрасте идентификация носит немотивированный характер. Это и есть признак дивидентности, отсутствия целостности и «неделимости» «Я», в том числе «Я – концепции».

Характер самоидентификации обуславливает и процесс социальной

идентификации – начиная от семейной и завершая общероссийской. В таблице 3 мы приведены данные об уровне

осмысленности идентичностей «сын/дочь», «человек моей национальности» и «россиянин / россиянка».

Таблица 3

Осмысление социокультурных Я-идентичностей

Table 3

Understanding sociocultural self-identities

Осмысление «Кто Я» / Understanding “Who Am I”	всего / total	по полу / by gender		по возрасту / by age		проживали 5 лет тому назад / lived 5 years ago	
		жен.	муж.	16-18 лет	19-21 год	в городе	в селе
«Я – сын/дочь» / “I am a son/daughter”							
устойчивый смысл / stable meaning	27,2	28,5	24,8	28,3	26,3	27,9	25,5
(пере)осмысливается / (re)thought	34,6	37,0	30,3	32,5	36,4	34,2	34,6
не имеет смысла / doesn't make sense	38,2	34,5	44,9	39,3	37,3	34,3	34,2
«Я – человек моей национальности (этничности)» / “I am a person of my ethnicity”							
устойчивый смысл / stable meaning	33,1	35,1	29,5	31,4	34,5	33,4	32,4
(пере)осмысливается / (re)thought	32,3	33,0	31,0	32,3	32,3	32,9	30,8
не имеет смысла / doesn't make sense	34,6	31,9	39,4	36,3	33,2	33,7	36,8
«Я – россиянин / россиянка» / “I am a Russian”							
устойчивый смысл / stable meaning	32,8	33,9	30,7	31,6	33,7	32,8	32,7
(пере)осмысливается / (re)thought	31,5	33,5	27,8	30,8	32,1	31,7	31,1
не имеет смысла / doesn't make sense	35,7	32,5	41,6	37,5	34,3	35,5	36,1

По характеру осмысленности (стабильной, лабильной, бессмысленной формам) по большому счету семейная, этническая и гражданская идентификации не отличаются от самоидентификации (отклонения не превышают 5 п.). Это говорит о том, что осмысление «Кто Я» с точки зрения саморефлексии, самопереживания и саморегуляции является предпосылкой осмысления своего социального «Я». Осмысление семейной идентичности «Я – сын / дочь» предполагает, что личность видит в ней определенный смысл – сыновий / дочерний

долг перед родителями, заботу о семье, оправдание надежд, возлагаемых семьей и т.п. Такое осмысление является результатом не только онтологического (биографического), но и филогенетического (культурной преемственности поколений родственников) развития. Идентификация «не имеет смысла» означает, что индивид определяет себя как сына или дочь, гражданина или представителя этноса формально, как некую внешнюю для него данность.

Таблица 4

Связь значимости семейных корней с идентичностью «Я – сын / дочь»

Table 4

The relationship between the importance of family roots and the identity “I am a son / daughter”

Осмысление «Я – сын / дочь» / Understanding “I am a son / daughter”	среди определяющих значимость семейных корней как: / among those determining the importance of family roots as:		
	первостепенную / primary	второстепенную / secondary	не имеющих значения / unimportant
носит устойчивый смысл / has a stable meaning	36,0	29,8	31,4
(пере)осмысливается / (re)thought	25,1	37,3	28,1
не видят особого смысла / does not see a special meaning	38,9	32,9	40,5
всего / does not see a special meaning	100%	100%	100%

Если в целом как первостепенную значимость свои семейные корни определили 75,5% респондентов, то среди них есть и те, кто не видит смысла в идентичности «сын / дочь», и те, кто видит сложившийся или складывающийся смысл. Такая же картина по столбцам данных о второстепенной значимости или отсутствия значения семейных корней. Это свидетельствует о том, идентичность «сын / дочь» слабо связана с традиционными ценностями.

Семейная идентичность осмысливается и как «Я-концепция», и как «Мы-концепция». В последней проявляется тот или иной уровень осмысления «Мы –

семья». «Мы-концепция» формируется на основе сравнения, с одной стороны, «Я» и «Мы», а с другой стороны, «Мы» и «Они» (наподобие системы распознавания «свой – чужой» в военной авиации). В Таблице 5 приведены данные о соотношении «Я» и «Мы» по трем интересующим нас в рамках статьи идентификациям – семейной, этнической и российской (формулировка вопроса в анкете – «Помимо нашего «Я» каждый может сказать о себе и «Мы». Это самые разные группы людей – от глобальных до локальных, с которыми мы так или иначе связаны. Что значит лично для Вас быть представителем указанных ниже групп людей?»)

Таблица 5

Значение семейной, этнической и гражданской общности

Table 5

The Importance of family, ethnic and civil community

Значение «Мы» / The meaning of “We”	моя семья / my family	люди моей национальности / people of my ethnicity	российский народ / russian people
абсолютное значение, без них нет «Я» / absolute meaning, without them there is no “I”	34,7	6,1	8,4
большее значение, чем «Я» / greater meaning than “I”	23,4	4,6	6,9
такое же значение, что «Я» / the same meaning as “I”	23,1	19,5	21,3
какое-то значение, но главное – «Я» / some meaning, but the main thing is that “I”	6,7	21,6	19,9
не имеет значения, это формальность / doesn't matter, it's a formality	2,2	24,2	19,8

не думал, не знаю / didn't think, don't know	9,9	24,0	23,8
--	-----	------	------

«Мы – семья» имеет доминантное значение (абсолютное и большее) у более чем половины респондентов. «Я» является доминантой примерно у каждого десятого респондента, столько же тех, кто об этом не задумывался. Для четверти респондентов «Мы – семья» и «Я» являются равнозначными. В целом семья как самая близкая общность людей является «лидером» по сравнению с другими «Мы». В этнической и российской идентификации

соотношение «Мы» и «Я» иное. В этнической идентификации «Мы» имеет доминантное значение у каждого десятого респондента, в российской идентификации – у 15% респондентов.

Как связаны «Я» и «Мы» в семейной идентификации? Попробуем разобраться на основе сравнения данных идентификаций «Я – сын/дочь» и «Мы – моя семья».

Таблица 6

Идентичность «Мы – моя семья» в контексте идентичности «Я – сын/дочь»

Table 6

Identity “We are my family” in the context of identity “I am a son/daughter”

Значение идентичности «Мы – моя семья» / Identity “We are my family” in the context of identity	абсолютное, без них нет «Я» / absolute, without them there is no “I”	большее, чем «Я» / greater than “I”	такое же, что «Я» / the same as “I”	какое-то, но главное – «Я» / some, but the main thing is “I”	не имеет значения, это формальность / it doesn't matter, it's a formality	не думал, не знаю / didn't think, I don't know
всего / does not see a special meaning	34,7	23,4	23,1	6,7	2,2	9,9
в том числе по осмысленности идентичности «Я – сын/дочь»						
носит устойчивый смысл / has a stable meaning	39,8	21,4	23,4	7,2	1,7	6,5
(пере)осмысливается / (re)thought	27,3	24,6	27,9	9,2	2,1	8,8
не имеет смысла / doesn't make sense	35,4	24,3	19,5	4,3	2,7	13,8

Мы видим, что соотношение значений «Мы – моя семья» и осмысленности «Я – сын/дочь» практически не отличается от среднего распределения. Независимо от того, в какой степени идентичность «Я – сын/дочь» носит осмысленный (стабильный, лабильный или неосмысленный) характер, примерно одинаково определяют значение «Мы – семья». Среди респондентов, таким образом, обнаруживаются различные сочетания идентичностей, начиная от «для

меня моя семья – это все, и в этом смысл того, что я сын (дочь)» до «моя семья является для меня формальностью, и то, что я в семье – сын (дочь), не имеет особого смысла». При этом есть и парадоксальные на первый взгляд сочетания, например, «для меня моя семья имеет абсолютное значение, но то, что я сын (дочь) не имеет смысла». Эти данные можно объяснять по-разному. Отсутствие какой-либо заметной связи между этими двумя формами семейной идентификации обусловлено тем,

что в юношеском возрасте сохраняется сильная привязанность к семье, при этом автономия в семье, хотя и возрастает по сравнению с детским возрастом, все же не

является ведущим фактором. И в юности сохраняется большая зависимость (и материальная, и моральная) от родительской семьи.

Таблица 7

Этническая Мы-идентичность в соотнесенности с семейной Мы-идентичностью

Table 7

Ethnic We-identities in relation to family We-identity

Значение идентичности «Мы – моя семья» / The Meaning of Identity “We Are My Family”	абсолютное, без нее нет «Я» / absolute, without it there is no “I”	большее, чем «Я» / greater than “I”	такое же, что «Я» / the same as “I”	какое-то, но главное – «Я» / some, but the main thing is “I”	не имеет, это формальность / no, it's a formality	не думал, не знаю / I do not know the result	итога / total
«Мы – люди моей этничности» / “We are people of my ethnicity”							
абсолютное значение, без них нет «Я» / absolute meaning, without them there is no “I”	9,3	4,4	25,5	22,1	20,1	18,6	100
большее значение, чем «Я» / greater meaning than “I”	6,3	5,7	23,5	22,2	21,5	20,8	100
такое же значение, что «Я» / the same meaning as “I”	2,2	3,8	17,3	27,3	30,6	18,8	100
какое-то значение, но главное – «Я» / some meaning, but the main thing is that “I”	3,9	3,9	8,3	28,3	47,8	7,8	100
не имеет значения, это формальность / doesn't matter, it's a formality	4,4	4,4	4,4	8,8	60,4	17,6	100
не думал, не знаю / didn't think, don't know	5,2	5,2	5,6	3,6	6,0	74,4	100

Как соотносятся между собой, с одной стороны, семейная, и, с другой стороны, этническая идентичности? Среди респондентов с доминирующей этнической «Мы» идентичностью (абсолютное или большее значение этноса) от такое же абсолютное или большее значение идентичности «Мы – моя семья» придают от 4,4 до 9,3%. Из равновесных «Я» и «Мы» этнической идентичности, которые проявляют респонденты, 27,3% также равнозначными считают «Я» и «Мы» и в семейной идентичности. Среди респондентов, у которых «Я» доминирует в отношении «Мы» в этнической

идентичности, 28,3% также большее значение к «Я» придают в своей семейной идентичности. Игнорирующие значение «Мы – этнос», в большинстве своем являются таковыми и в отношении семейной идентичности (60,4%). Среди тех, кто не определился с этнической «Мы» идентичностью, абсолютное большинство – 74,4% – также не смогли определиться в отношении «Мы – моя семья». Мы видим связь между этнической и семейной идентичностью следующим образом: «индивидуализм» в этнической идентичности положительно связан с «индивидуализмом» в семейной

идентичности. Что касается «коллективистов» в этнической идентичности, то таких мало оказывается и в семейной идентичности.

Примерно такую же картину мы видим в российской идентичности («Мы – российский народ») в ее соотнесенности с семейной идентичностью («Мы – моя семья»).

Таблица 8
Российская Мы-идентичность в соотнесенности с семейной Мы-идентичностью
Table 8

Russian We-identity in relation to family We-identity

Значение идентичности «Мы – моя семья» / The Meaning of Identity "We Are My Family"	абсолютное, без нее нет «Я» / absolute, without it there is no "I"	большее, чем «Я» / greater than "I"	такое же, что «Я» / the same as "I"	какое-то, но главное – «Я» / some, but the main thing is "I"	не имеет, это формальность / no, it's a formality	не думал, не знаю / I do not know the result	итого / total
«Мы – российский народ» / "We are the Russian people"							
абсолютное значение, без них нет «Я» / absolute meaning, without them there is no "I"	12,9	7,6	25,0	19,7	16,4	18,4	100
большее значение, чем «Я» / greater meaning than "I"	7,9	8,8	27,3	18,2	18,5	19,3	100
такое же значение, что «Я» / the same meaning as "I"	4,2	4,5	20,7	27,3	23,1	20,2	100
какое-то значение, но главное – «Я» / some meaning, but the main thing is that "I"	5,8	5,9	9,8	28,8	41,0	8,7	100
не имеет значения, это формальность / doesn't matter, it's a formality	5,9	7,4	8,8	10,2	51,5	16,2	100
не думал, не знаю / didn't think, don't know	5,9	6,2	5,6	3,6	5,6	73,1	100

Среди тех, кто придает абсолютное значение «Мы» в российской идентичности, 13% респондентов такое же значение придают своей семейной идентичности. Среди тех, кто большее, чем «Я», значение придают «Мы» в семейной идентичности, 8,8% такое же значение придают российской идентичности. Среди одинаково оценивающих «Я» и «Мы» в семейной идентичности такую же позицию в отношении «Я» и «Мы» в российской идентичности занимают уже 20,7% респондентов. 28,8% «индивидуалистов» («главное – Я») в семейной идентификации являются таковыми и в российской идентификации. Отрицающих значение «Мы – моя семья» и одновременно считающих формальностью «Мы – российский народ» 51,5%.

В целом мы видим в возрастающей мере совпадения в этих трех идентичностях в сторону доминирования «Я» над «Мы». Иными словами, чем меньшее значение придают идентичности «Мы – моя семья», тем меньшее значение придают идентичностям «Мы – люди моей национальности» и «Мы – российский народ». Формальная, номинальная этническая и российская идентичность во многом действительно идет из семьи. Что касается доминантных формы «Мы»

семейных, этнических и российских идентичностей, то они слабо связаны друг с другом. Не будет ошибкой утверждать, что семья, хотя и остается «основным звеном» социокультурной идентичности детей и молодежи, становится все более слабым.

Если учитывать, что средний возраст вступающих в брак в России составляет 23-25 лет, то в подавляющем большинстве молодежь в юношеском возрасте не создает собственную семью. В то же время юность – это время, когда «проектируется» свой жизненный путь в целом и семейная жизнь в частности. Респондентам было предложено выбрать 7 из 15 вариантов вопроса «Как Вы много лет спустя хотели бы сказать себе – «Я состоялся в этой жизни, потому что...». Первую тройку показателей жизненного успеха составили надежные и верные друзья, разносторонняя развитость, профессиональная состоятельность и достижения. Что касается варианта «у меня есть любимый (любимая)», связанного с семейным проектом, то он расположился на четвертом месте. Что касается формулы жизни «построить дом, посадить дерево, вырастить сына», то она находится лишь на 9 месте из 15 вариантов показателей жизненного успеха.

Таблица 9

Критерии жизненного успеха в юношеском возрасте

Table 9

Criteria for life success in adolescence

Ранг	Критерии жизненного успеха / Criteria for life success in adolescence	всего / total	пол / by gender		возраст / by age		проживали 5 лет назад / lived 5 years ago	
			жен.	муж.	16-18	19-21	город	село
4	У меня есть любимый (любимая) / I have a loved one	36,5	39,8	30,3	32,5	39,6	36,5	36,4
9	Вырастил(а) и воспитал(а) детей / Raised and educated children	26,1	25,7	26,8	21,9	29,4	25,0	28,7

В юности семейный проект жизни пока не является приоритетным. Зрелое, ответственное отношение к браку и родительству в современном обществе наступает в более позднем возрасте. В

юношеском возрасте более важное значение имеют получение профессионального образования и последующая профессиональная карьера, саморазвитие и дружеское общение. В

связи с этим и не столь неактуальны в этом возрасте семейные идентичности (муж, жена, отец, мать) как в настоящем, так и в будущем. В то же время заметно, что по мере взросления меняются в положительную сторону семейные ориентации в представлениях о жизненном успехе. По сравнению с 16-18-летними (а это в основном старшеклассники, учащиеся колледжей на базе 9 классов, первокурсники вузов) у более старшего возраста – 19-21 год – большее значение приобретают такие критерии, как «есть любимый (любимая)» и «вырастил(а)и воспитала(а) детей». Такая тенденция сохраняется и в последующих возрастных группах молодежи (22-25 лет, 26-30 лет, 31-35 лет).

Заключение (Conclusions).

Интерпретировать изложенные выше результаты можно следующим образом. Во-первых, в юности социокультурные корни (трансляция традиций, норм и ценностей от поколения к поколению) значимы неодинаково. Наибольшей значимостью обладают семейные корни. Однако последние слабо связаны с этническими, конфессиональными, российскими корнями. Семья утрачивает роль транслятора общероссийских, этнических и иных традиций. Во-вторых, обнаруживается «нестыковка» между идентификациями в филогенезе и онтогенезе части юношества. Идентификация все в меньшей степени связана с социокультурными корнями, традициями, в том числе и семейными. В-третьих, идентификация, в том числе семейная, у трети респондентов не имеет смыслового наполнения. В условиях сложных и динамичных социокультурных процессов в обществе такая идентификация может быть подвержена противоречивым и неоднозначным изменениям, деформациям и де-идентификации. В-четвертых, не прослеживается логическая (осмысленная) связь между «Я-концепцией» и «Мы-концепцией». Все это позволяет говорить о значительной степени «дивидности»

социокультурной идентичности современных юношей и девушек.

Перспективы дальнейших исследований социокультурных, в том числе семейных, идентичностей мы видим в изучении спектра смыслов, которыми молодежь их наполняет, что возможно лишь на основе использования качественных методов опроса (фокусированное, нарративное, глубинное интервью). На данном этапе мы ограничились выявлением того, видят или не видят смыслы в своей самоидентичности и социальных идентичностях. Также необходимо более полное изучение мотивации в «Мы-концепциях» – в чем конкретно респонденты видят значение таки «мы», как семья, локальное и региональные сообщества, друзья, этнические общности, российский народ.

Актуальной проблемой сегодня становится эффективная семейная, детская и молодежная политика, нацеленная на формирование устойчивой и целостной социокультурной идентичности. Как подчеркивают авторы коллективной монографии под редакцией А. В. Бугаева и Т. К. Ростовский (Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи, 2018), молодежная политика должна исходить из установок выработки приоритета национально-государственной идентичности. Соглашаясь с данной позицией, мы бы то же самое отметили относительно социальной политики в отношении семьи и детства. В начале нашей статьи мы отмечали, что семейная идентификация следует рассматривать как «основное звено», которое способно «вытянуть» всю цепь социокультурной идентификации. Но сегодня этот потенциал представляется недостаточным для того, чтобы стать базой для укрепления всей системы социокультурной идентичности российского общества. Ослабление этого «основного звена», «ячейки общества»

обусловлено многими факторами – объективными и субъективными. Возможности работы школы с семьями учащихся заметно ослабли в связи с тем, что образование стали рассматривать как оказание услуг, а не как средство формирования личности. Существуют не только угрозы, отрицательно влияющие на семейные отношения, но и благоприятные возможности для того, чтобы увязать в единое целое социокультурную идентичность детей и молодежи на основе семейных ценностей, традиций и позитивных новаций.

На наш взгляд, одной из главных задач стартующих в 2025 году новых национальных проектов – «Семья» и «Молодежь и дети» и должно быть укрепление этого «основного звена». Если в этих проектах основное внимание будет уделено «материальным» (финансовым, инфраструктурным) аспектам, проведению затратных, но малоэффективных мероприятий, а «идеологические», мировоззренческие аспекты будут носить второстепенный характер, то семья может оказаться «самым слабым звеном» в социокультурной идентичности российского общества.

Список литературы

Бараш Р. Э. История семьи и история страны как грани единого прошлого. Российский опыт в социологическом измерении // Россия: единство и многообразие: к 10-летию образования Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 2023. С. 137-156.

Бараш Р. Э. Семейная история и семейная память в России 2020-х годов // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журнал политической философии и социологии политики). 2023. № 4 (111). С. 141-162.

Белик А. А. Теория «Я» Дж. Г. Мида и психологическая антропология // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2, № 1. С. 31-43.

Вагапова А. Р., Перова С. А. Семейная идентичность супругов и их оценка степени удовлетворенности браком // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития. 2015. Т. 4, № 1. С. 72-76.

Беспалов А. М., Макарова О. Н., Власов М. С. Этническая идентичность кумандинских подростков: её проявления и связь с семейной идентичностью // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 484. С. 207-217. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/484/23>.

Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. Москва: Прогресс, 1986. 420 с.

Васильченко О. Н. Репродуктивная идентичность в структуре Я-концепции личности // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 1. С. 447.

Горшков М. К., Бараш Р. Э. Историческая память современных россиян (история России XX века сквозь призму семейных историй) // Социологические исследования. 2024. № 9. С. 125-137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119>.

Джеймс У. Психология. Санкт-Петербург: Питер, 2017. 352 с.

Камалова Г. Р. Семейная идентичность современной российской молодежи (по материалам социологического исследования в Республике Башкортостан) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 20. С. 19-21.

Кон И. С. Психология ранней юности: книга для учителя. Москва: Просвещение, 1989. 254 с.

Кон И. С. Открытие «Я»: [Самосознание]. Рига: Авотс, 1982. 336 с.

Кон И. С. В поисках себя: личность и ее самосознание. Москва: Политиздат, 1984. 335 с.

Кон И. С. Психология юношеского возраста: Проблемы формирования личности: [Учеб. пособие для пед. ин-тов]. Москва: Просвещение, 1979. 175 с.

Лихачев Д. С. Земля родная. Москва: Просвещение, 1983. 256 с.

Лукуянченко Н. В. Семейная идентичность субъектов разных типов семейных союзов в современном российском обществе: монография. Красноярск, 2023. 156 с.

Мальшева Е. Н. Организация социально-педагогической поддержки развития семейной

идентичности у подростков из многодетных семей // *Время науки*. 2024. № 3-2. С. 9-13.

Маркс К. Капитал. Т. I. Кн. 1. Москва: Политиздат, 1983. 905 с.

Мид М. Культура и мир детства. Москва: Наука, 1988. 429 с.

Молодежная политика в системе формирования гражданской идентичности современной молодежи: коллективная монография / под ред. А. В. Бугаева, Т. К. Ростовской. Москва: Издательство РГСУ, 2018. 198 с.

Поколение Z: многообразие идентичностей, ориентаций, поведения. Коллективная монография / Под ред. Р. Б. Шайхисламова. Уфа: РИЦ БашГУ, 2021. 228 с.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Семья в системе социальных институтов общества. 3-е издание, переработанное и дополненное. Москва: Юрайт, 2024. 331 с.

Рязанцева Е. Ю. Взаимосвязь личностных проектов и смысложизненных ориентаций в юности и молодости // *Вестник Самарского государственного технического университета. серия «Психолого-педагогические науки»*. 2021. Т. 18, № 3. С. 171-180. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.12>

Строкова С. С. Направления изучения семейной идентичности в психологии // *Консультативная психология и психотерапия*. 2014. № 3. С. 8-22.

Солынин Н. Э., Маслова Н. А. Семейная идентичность подростков из неполной семьи: структурно-функциональный анализ // *Проблемы современного педагогического образования*. 2024. № 82-1. С. 485-489.

Тюрина Т. А., Грязева Д. В. Стремление к самоактуализации и особенности Я-концепции в раннем юношеском возрасте // *Научно-методический электронный журнал «Концепт»*. 2020. № 11. URL: <http://e-koncept.ru/2020/202045.htm>. (дата обращения: 19.08.2024).

Цвык В. А., Радкевич К. В., Шабага А. В. Язык и пространство как идентификационные ценности // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология*. 2024. Т. 24, № 3. С. 764-776.

References

Barash, R. E. (2023), "Family history and country history as facets of a single past. Russian

experience in the sociological dimension", *Rossija: edinstvo i mnogoobrazie: k 10-letiju obrazovanija Soveta pri Prezidente Rossijskoj Federacii po mezhnacional'nym otnoshenijam. Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Russia: unity and diversity: on the 10th anniversary of the formation of the Council under the President of the Russian Federation on Interethnic Relations. Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference], Moscow, Russia, 137-156. (In Russian)

Barash, R. E. (2023), "Family history and family memory in Russia in the 2020s", *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz (Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki)*, (4), 141-162. (In Russian)

Belik, A. A. (2011), "J. G. Mead's Theory of the "I" and Psychological Anthropology", *Social Psychology and Society*, 2 (1), 31-43. (In Russian)

Vagapova, A. R., Perova, S. A. (2015), "Family identity of spouses and their assessment of the degree of satisfaction with marriage", *Izvestiya of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 4 (1), 72-76. (In Russian)

Bespalov, A. M., Makarova, O. N., Vlasov, M. S. (2022), "Ethnic identity of Kumandin adolescents: its manifestations and connection with family identity", *Tomsk State University Journal*, (484), 207-217. DOI: <https://doi.org/10.17223/15617793/484/23> (In Russian)

Burns, R. (1986), *Razvitie Ja-koncepcii i vospitanie* [Development of the self-concept and education], Progress, Moscow, Russia, 420. (In Russian)

Vasilchenko, O. N. (2013), "Reproductive identity in the structure of the self-concept of personality", *Sovremennye problemy nauki i obrazovanija*, (1), 447. (In Russian)

Gorshkov, M. K., Barash, R. E. (2024), "Historical memory of modern Russians (the history of Russia in the twentieth century through the prism of family histories)", *Sociological studies*, (9), 125-137. DOI: <https://doi.org/10.31857/S0132162524090119> (In Russian)

James, W. (2017), *Psihologija* [Psychology], Piter, St. Petersburg, Russia, 352. (In Russian)

Kamalova, G. R. (2014), "Family identity of modern Russian youth (based on the materials of a sociological study in the Republic of

Bashkortostan)", *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya*, (20), 19-21. (In Russian)

Kon, I. S. (1989), *Psihologiya rannej junosti: kniga dlja uchitelja* [Psychology of early adolescence: a book for a teacher], Education, Moscow, Soviet Union, 254. (In Russian)

Kon, I. S. (1982), *Otkrytie «Ja»: [Samosoznanie]* [Discovery of "I": [Self-awareness]], Avots, Riga, Soviet Union, 336. (In Russian)

Kon, I. S. (1984), *V poiskah sebja: lichnost' i ee samosoznanie* [In Search of Oneself: Personality and Its Self-Awareness], Politizdat, Moscow, Soviet Union, 335. (In Russian)

Kon, I.S. (1979), *Psihologiya junosheskogo vozrasta: Problemy formirovaniya lichnosti* [Psychology of Adolescence: Problems of Personality Formation], Education, Moscow, Soviet Union, 175. (In Russian)

Likhachev, D. S. (1983), *Zemlja rodnaja* [Native Land], Education, Moscow, Soviet Union, 256. (In Russian)

Lukyanchenko, N. V. (2023), *Semejnaja identichnost' sub#ektov raznyh tipov semejnyh sojuzov v sovremennom rossijskom obshhestve* [Family identity of subjects of different types of family unions in modern Russian society]: monograph, Krasnoyarsk, Russia, 156. (In Russian)

Malysheva, E. N. (2024), "Organization of social and pedagogical support for the development of family identity in adolescents from large families", *The Times of Science*, (3-2), 9-13. (In Russian)

Marx, K. (1983), *Kapital* [Capital], I (1), Politizdat, Moscow, Soviet Union, 905. (In Russian)

Mead, M. (1988), *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood], Nauka, Moscow, Soviet Union, 429. (In Russian)

Molodezhnaja politika v sisteme formirovaniya grazhdanskoj identichnosti sovremennoj molodezhi [Youth policy in the system of formation of civil identity of modern youth] (2018), collective monograph, by Bugaev, A.V., Rostovskaya, T.K., Publishing house of RSSU, Moscow, Russia, 198. (In Russian)

Pokolenie Z: mnogoobrazie identichnostej, orientacij, povedenija [Generation Z: Diversity of identities, orientations, and behavior] (2021),

collective monograph, by Shaikhislamov, R. B., RIC BashSU, Ufa, Russia, 228. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2024), *Sem'ja v sisteme social'nyh institutov obshhestva* [Family in the System of Social Institutions of Society], Yurait, Moscow, Russia, 331. (In Russian)

Ryazantseva, E. Yu. (2021), "The Relationship between personal projects and life-meaningful orientations in adolescence and young adulthood", *Vestnik of Samara State Technical University. Series: Psychological and Pedagogical Sciences*, 18(3), 171-180. DOI: <https://doi.org/10.17673/vsgtu-pps.2021.3.12> (In Russian)

Stroková, S. S. (2014), "Directions for the study of family identity in psychology", *Counseling Psychology and Psychotherapy*, (3), 8-22. (In Russian)

Solynin, N. E., Maslova, N. A. (2024), "Family identity of adolescents from a single-parent family: structural and functional analysis", *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya*, (82-1), 485-489. (In Russian)

Tyurina, T. A., Gryazeva, D. V. (2020), "The desire for self-actualization and features of the self-concept in early adolescence", *The Concept journal*, (11), [Online], available at: <http://e-koncept.ru/2020/202045.htm> (Accessed 19 August 2024). (In Russian)

Tsvyk, V. A., Radkevich, K. V., Shabaga, A. V. (2024), "Language and space as identity values", *RUDN Journal of Sociology*, 24 (3), 764-776. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 30 октября 2024 г. Поступила после доработки 09 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г.

Received 30 October 2024. Revised 09 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шайхисламов Рафаэль Бадретдинович, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия.

Rafael B. Shaikhislamov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Асадуллина Гузелия Рауфовна, кандидат философских наук, доцент кафедры

социологии и работы с молодежью Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия.

Guzeliya R. Asadullina, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Work with Youth, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА, СОЦИАЛЬНЫЕ ИНСТИТУТЫ И ПРОЦЕССЫ SOCIAL STRUCTURE, SOCIAL INSTITUTIONS AND PROCESSES

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5

Исследовательская статья

Благорожева Ж. О. | **Матримониальные стратегии региональной молодежи**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
улица Преображенская, дом 78, Белгород, 308000, Россия
blagorozheva@bsuedu.ru

Аннотация. Эффективные матримониальные стратегии молодежи являются фундаментом реализации задач национальной политики, условием перехода к оптимистическому сценарию демографического развития, а в методическом плане становятся основой демографического прогнозирования и результатом воздействия социализационных институтов на систему ценностей молодежи. Целью статьи является определение потенциалов и рисков показателей матримониальных диспозиций и стратегий региональной молодежи в отношении региональной демографии и развития регионального человеческого капитала. В статье проанализированы результаты исследования 2023 года, посвященного изучению жизненных стратегий региональной молодежи, респондентами онлайн опроса стала молодежь Белгородской области в количестве 5881 человека в возрасте от 14 до 35 лет, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов. В качестве основы анализа использованы данные по матримониальным диспозициям молодежи и жизненным планам в матримониальных стратегиях. Определено, что агентные модели социальных групп имеют определенную специфику в матримониальных диспозициях и жизненных планах, что позволило говорить о потенциалах и рисках матримониальных стратегий молодежи для национальной политики и демографического развития. Важным научным результатом является вывод о том, что молодые люди, принадлежащие к традиционному типу матримониальных диспозиций, демонстрируют более эффективные, социально значимые выборы относительно матримониальных планов и других социальных стратегий. Такой результат может стать научным основанием для национальной идеи и национальных программ.

Ключевые слова: молодежь; матримониальные стратегии; матримониальные диспозиции; традиционная семья; традиционные семейные ценности; жизненные стратегии

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Информация для цитирования: Благорожева Ж. О. Матримониальные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 89-110. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5

Research article

Zhanna O. Blagorozheva | **Typology of matrimonial dispositions of youth as a basis for life choice**

Belgorod State National Research University,
78 Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
blagorozheva@bsuedu.ru

Abstract. Effective matrimonial strategies of youth are the foundation for the implementation of national policy objectives, a condition for the transition to an optimistic scenario of demographic development, and in methodological terms they become the basis for demographic forecasting and the result of the impact of socialization institutions on the value system of youth. The purpose of the article is to determine the potentials and risks of indicators of matrimonial dispositions and strategies of regional youth in relation to regional demography and the development of regional human capital. The article analyzes the results of a 2023 study devoted to the study of life strategies of regional youth. The respondents of the online survey were 5881 young people of the Belgorod region, a quota sample in relation to gender, age, type of settlement and territory of residence of respondents. The analysis is based on data on matrimonial dispositions of young people and life plans in matrimonial strategies. It was determined that agent-based models of social groups have a certain specificity in matrimonial dispositions and life plans, which made it possible to talk about the potentials and risks of matrimonial strategies of young people for national policy and demographic development. An important scientific result is the conclusion that young people belonging to the traditional type of matrimonial dispositions demonstrate more effective, socially significant choices regarding matrimonial plans and other social strategies. Such a result can become a scientific basis for a national idea and national programs.

Keywords: youth; matrimonial strategies; matrimonial dispositions; traditional family; traditional family values; life strategies

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic “Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space”.

Information for citation: Blagorozheva, J. O. (2024), “Typology of matrimonial dispositions of youth as a basis for life choice”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 89-110. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-5

Введение (Introduction). Молодежь представляет социально-демографическую группу, характеризующуюся определенным возрастом, социальным статусом, социально-психологическими характеристиками, что особым образом отражается на матримониальных

стратегиях. Но самое главное – молодой возраст является тем периодом, где закладывается ценностно-мотивационный матримониальный комплекс, формируются матримониальные установки, в том числе на основе первичной социализации, пробуются и утверждаются образцы

матримониального поведения. По эталонным нормам, молодежный возраст определяет границы реализации всех основных этапов матримониальных стратегий – выбор партнера, вступление в брачные отношения, становление молодой семьи, рождение детей, укрепление семьи. Под эталонными нормами понимаются нормы, специально созданные в качестве образцов для подражания¹.

Согласно данным Росстата, возрастной интервал молодежи как социально-демографической группы составляет 15-29 лет², но данный интервал существенно раздвигает принятый закон о молодежной политике, который расширяет возрастные границы молодого возраста до 35 лет³. Нижняя граница предполагает половое созревание, получение общеобразовательного и начало профессионального образования. Юридическое совершеннолетие, окончание профессионального обучения, экономическая самостоятельность, рождение первого ребенка характеризует среднюю границу молодежи как социально-демографической группы. Активная профессиональная деятельность, карьерная реализация, развитие и укрепление (возможно и расширение) семьи – все это можно отнести к добавленному законом о молодежной политике возрастному интервалу молодого возраста. Каждая возрастная группа характеризуется определенным этапом реализации матримониальных стратегий.

Младшая молодежная группа (15-18 лет) – это, как правило, учащиеся, которые находятся на иждивении родителей, продолжая или завершая общее образование. Молодежь этого возраста еще не имеет гражданских прав, позволяющих

им вступать в брачные союзы, но при этом происходит активное формирование матримониальных установок, ценностей, формируются и трансформируются матримониальные мотивы, складывается образ идеального партнера, формируется опыт отношений, которые также становится основой модели будущего матримониального поведения.

Средний молодежный возраст (от 18 до 24 лет) представлен студентами, молодыми рабочими, которые могут жить с родителями или самостоятельно от родителей, имея определенный доход. В этом возрасте матримониальные установки активно проверяются через матримониальное поведение, корректируется образ партнера, образ семьи и семейных отношений. В зависимости от выбранных стратегий идет поиск партнера, поддерживающего их, молодежь в этом возрасте активно вступает в брак, формируя молодые семьи и рождая первых детей.

К старшей молодежной группе (25-29 лет) относят молодых взрослых, сделавших профессиональный выбор, имеющих определенную профессиональную квалификацию и опыт. Матримониальные установки уже оформлены, как правило появляются устойчивые модели матримониального поведения, которые проявляются либо в продолжающихся поисках партнера, либо в выстраивании с ним семейных отношениях. Для имеющих детей появляются новые задачи, связанные с их воспитанием и обеспечением достойного существования. При этом данную возрастную группу характеризует повышенная конфликтность, что часто является источником распада браков. В

¹ Флиер А. Я. Религиозные и художественные образы как воплощение эталонных культурных норм // Вестник культуры и искусств. 2018. № 1 (53). С. 35-42.

² Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/statistic> (дата обращения: 05.05.2024).

³ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации». URL: <https://base.garant.ru/400156192/?ysclid=lxisrvjyiv330160044> (дата обращения: 05.05.2024).

этом возрасте возможно обращение и к институту повторного брака.

И, наконец, «новая молодежь», группа в возрасте 30-35 лет, характеризуется, как правило, устойчивым социально-экономическим положением, семейной определенностью, наличием детей. Одновременно с этим возрастает количество разводов, повторных браков, часто на основе возрастных кризисов, которые оказывают свое влияние на матримониальные стратегии, способны трансформировать установки и мотивационные аспекты брачно-семейных отношений.

Таким образом, молодежь в рамках своего возрастного периода способна реализовать все этапы *матримониального воспроизводственного цикла*, под которым мы понимаем циклично самоорганизованный процесс реализации этапов формирования матримониальных отношений в течении жизни индивида, с сохранением результатов каждого этапа в ресурсном, социальном и культурном капитале человека. *Этапы воспроизводства* включают в себя формирование матримониальных установок, ценностей и моделей поведения, выбор брачного партнера, вступление в брачные отношения (с учетом разнообразия их форм), функционирование семьи, деторождение.

Это определяет актуальность изучения ее матримониальных стратегий для прогнозирования демографических тенденций и рисков, способных оказать негативное влияние на достижения национальных показателей развития, отраженных в национальных программах и стратегиях.

Для приграничного региона, которым является Белгородская область, внимание к матримониальным стратегиям молодежи имеет повышенную остроту, связанную с

угрозами демографической структуре региона, обусловленными миграционными процессами, вымыванием человеческого капитала, прежде всего молодежи по причине повышенной опасности территории.

В этой связи, целью статьи является установление потенциалов и рисков, отраженных в матримониальных диспозициях и стратегиях региональной молодежи, для воспроизводства регионального человеческого капитала.

Методология и методы исследования (Methodology and methods).

Тема изучения матримониальных стратегий молодежи, под которыми мы понимаем формируемый у молодежи и реализуемый в определенных условиях комплекс матримониальных установок и мотивов, ценностных диспозиций, моделей поведения, жизненного планирования и выборов, связанных с матримониальными отношениями, широко представлена в пространстве научного дискурса и исследовательской повестки.

Особую роль в формировании методологии изучения матримониального поведения играют работы отечественных авторов, посвященных социологии семьи (Антонов, 1998; Голод, 1996; Харчев, Мацковский, 1978). Также, матримониальное поведение россиян исследуется в работе А. Я. Артамоновой, Е. С. Митрофановой (Артамонова, Митрофанова, 2018), Н. А. Бухаловой (Бухалова, 2011), но особенно важны для нашей статьи работы, посвященные особенностям матримониального поведения молодежи (Ростовская, 2015; Миронова, 2016).

Как правило, научные публикации по теме нашего исследования посвящены ценностным диспозициям, установкам и мотивам матримониального поведения молодежи: методологическую основу для

национальной идеи представляют исследования по изучению семейных ценностей молодежи (Вержибок, 2018) и брачно-семейных установок (Ростовская, Шабунова, Калачикова, 2023; Семенцова, 2022).

Важным, в контексте демографического прогноза, являются исследования и анализ репродуктивных установок молодежи, которые мы находим в работах Т. К. Ростовской (Ростовская, Князькова, 2021), Л. А. Поповой (Попова, 2022), коллектива Ю. Р. Вишневого (Вишневикий, Дидковская, Зырянова, 2024)

Матримониальные стратегии оказывают влияние на все жизненные сферы (и в целом на социальное здоровье) и одновременно могут трансформироваться под влиянием жизненных планов (например, в сфере образования, относительно миграционных стратегий). Такие связи также отражены в научном дискурсе (Сигарева, Сивоплясова, Муртузалиева, 2018; Поленова, Лазуренко, Подпоринова, Королева, 2023).

Особенно важным, по-нашему мнению, является системное изучение матримониальных стратегий групп молодежи, относящихся к группам социальной уязвимости, имеющих повышенные риски, связанные с экономическими возможностями, трудностями адаптации к новым ролям и параллельными интенсивными процессами обучения, профессионализации, решения трудной ситуации (болезнь, инвалидность и т.д.) – с этой позиции представлен анализ стратегий благополучия студенческих семей в работах авторского коллектива под руководством Т. К. Ростовской, где проблемы студенческих семей рассмотрены с точки зрения влияния сложной конфигурации внутренних и внешних факторов, создающих потенциалы и риски приобретения такими семьями

показателей благополучия (Ростовская, Васильева, 2023). Ученые и в других работах поднимают проблему благополучия молодых семей как результата успешных (эффективных) матримониальных стратегий (Ростовская, Безвербная, 2022).

С позиции региона, специфики региональной ситуации, задач региональной политики, интересны работы, показывающие статику и динамику показателей матримониальных стратегий молодежи – анализ проблемных компонентов может быть использован в последствии органами управления на разных уровнях (Благорожева, 2022).

Наличие широкого научного дискурса не снижает важности задачи мониторинга показателей элементов матримониальных стратегий для региональной политики, фиксации рисков и потенциалов в вопросе достижения показателей регионального развития в свете национальной идеи и проектов.

Для реализации цели статьи были использованы материалы мониторинга социальных стратегий молодежи, который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2023 года, респондентами онлайн опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5881 человека в возрасте от 14 до 35 лет, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (Таблица 1).

Характеристики выборки исследования, %

Таблица

Table

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
14-15	992	16,9
16-17	1137	19,3
18-21	2418	41,1
22-25	621	10,6
26-30	363	6,2
31-35	350	6,0
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	2377	40,4
женский / female	3504	59,6
Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Средний город – областной центр / Medium-sized city – regional center	2643	44,9
Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	1472	25,0
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1766	30,0
Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Обучаются в школе, гимназии, колледже, училище / They study at school, gymnasium, college, vocational school	2374	40,4
Обучаются в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	2350	40,0
Работают / They are working	1127	19,2
Окончили учебное заведение, но временно не работают / Graduated from an educational institution, but are temporarily unemployed	30	0,5
Итого ответивших / Total number of respondents	5881	100,0

Показателями исследовательской модели выступили экономическая, политическая, карьерная, семейная, образовательная, общественная, духовно-нравственная, миграционная, досуговая, самосохранительная, самореализационная и коммуникативная стратегии. В качестве индикаторов в 2023 году для каждой стратегии были продиагностированы типы стратегических диспозиций, направления жизненного планирования (жизненные стратегии), ключевые и ценностные диспозиции, проблемный компонент и инвестиционные возможности молодежного человеческого капитала для

региона. В рамках статьи авторы ограничиваются типологией стратегических диспозиций и жизненными планами по каждой социальной стратегии.

Операционализация типов, положенная в основу типологии для каждой стратегии, основана на возможных вариантах отношения к данной стратегии или ее ценностному ядру (например, семья для семейных стратегий, здоровье – для самосохранительных, ценность и важность самореализации для самореализационных, миграционные ориентации для миграционных, важность карьеры для карьерных стратегий и т.д.). В вопросах,

касающихся типологии стратегических диспозиций, молодым респондентам предлагались вопросы определения ведущей жизненной установки относительно стратегии, которая определяла бы их дальнейшее поведение (предлагалось ответить на вопрос «К какой из групп Вы себя относите?»). Выборы по данному вопросу были даны в закрытой форме и на альтернативной основе (не предусмотрено множественного выбора и открытых вариантов ответов). Это позволило получить более четкую структуру типов для региональной молодежи. Результаты предыдущих исследований были отражены в публикациях коллектива (Кисиленко, Шаповалова, 2023; Шаповалова, 2021; Шаповалова, 2023).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Основой исследовательской модели изучения матримониальных стратегий региональной молодежи стало выделение четырех типов матримониальных диспозиций. Были выделены:

- традиционный тип, отличающийся приверженностью традиционным семейным ценностям, традиционной семье и распределению ролей среди мужчины и женщины (к нему относятся абсолютное большинство региональной молодежи, 54,5%);

- либеральный тип, показывающий определенные свободы в выборе матримониальных стратегий, вольное восприятие семьи, приверженность к альтернативным матримониальным идеологиям (также представляет значительное количество мнений среди молодых людей, 33,6%);

- эгоцентричный тип, для которого семья не является приоритетной ценностью, гораздо более значима ценность самореализации (8,1%);

- неформальный тип, отрицающий институт семьи и брака, не считающий семью в ее традиционном понимании значимой ценностью (3,8%) (Рисунок 1).

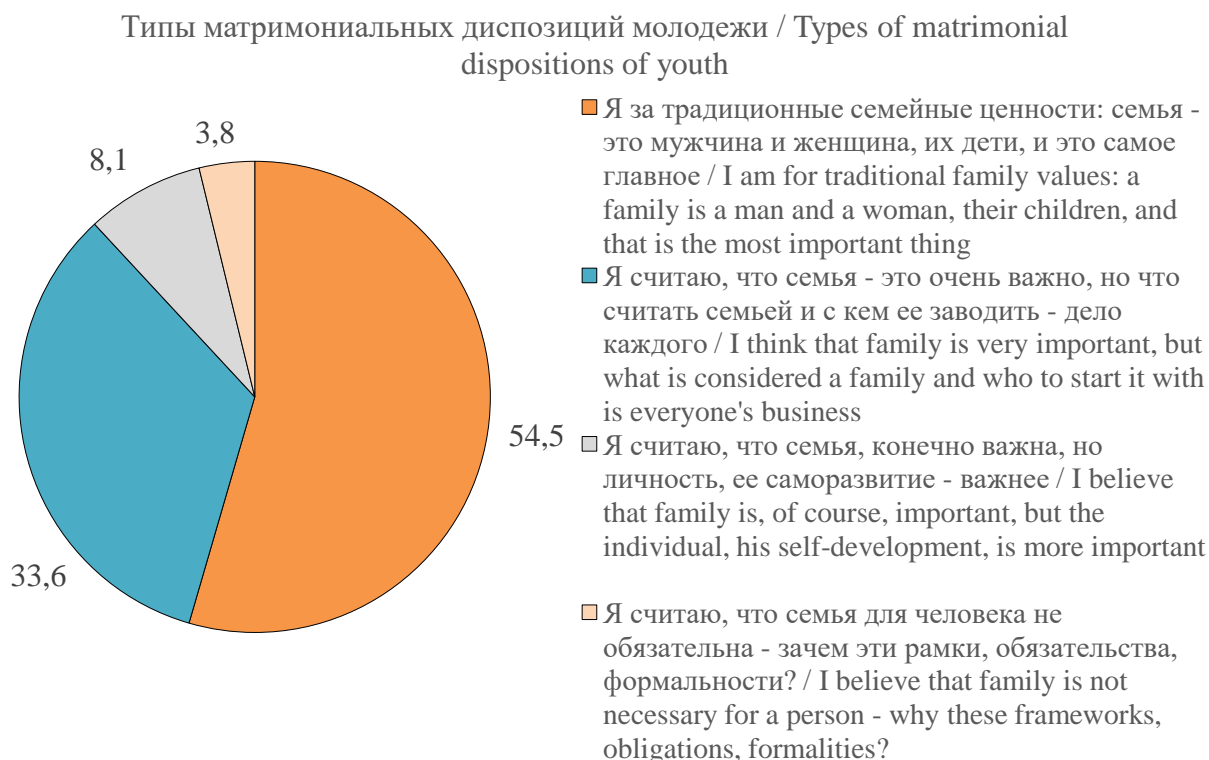

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?»
Figure 1. Respondents' answers to the question: "Which group do you belong to?"

Трехгодичная динамика показателей мониторинга демонстрирует значительный рост молодежи традиционного типа в 2022 году (с 45,0 до 55,5%) и сохранение этих показателей для 2023 года, снижение доли молодежи либерального типа (с 39,6% в 2021 году до 32,8% в 2023 году) и небольшое снижение групп для эгоцентричного (с 10,9% в 2021 году до 9,4% в 2023 году) и неформального типа (с 4,4% в 2021 году до 2,9% в 2023 году).

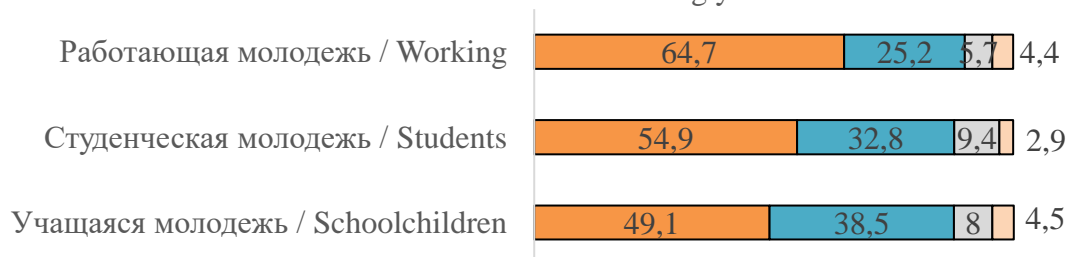
Рассматривая гендерный выбор для матримониальных диспозиций, можно отметить, что несмотря на приоритет для обоих полов консервативного типа, мужчины более тяготеют к нему (58,2% к 52% у женщин), менее чем женщины поддерживают либеральный (31,0% к

35,3% у женщин) и эгоцентричный тип (6,4% к 9,3% у женщин).

По-нашему мнению, это обусловлено некоторой феминизацией матримониальной идеологии для девушек. Но, в любом случае, даже если в основе такого выбора лежит возрастной фактор, есть риск формирования определенного спектра установок, способных повлиять на воспроизводственный цикл матримониальных стратегий и их конечную эффективность (так как ведущая роль в их реализации должна быть отведена все-таки женщине).

В структуре разных групп молодежи можно зафиксировать следующий статистический ландшафт (Рисунок 2).

Типология матримониальных диспозиций учащейся, студенческой и работающей молодежи / Typology of matrimonial dispositions of students, students and working youth

- Я за традиционные семейные ценности: семья - это мужчина и женщина, их дети, и это самое главное / I am for traditional family values: a family is a man and a woman, their children, and that is the most important thing
- Я считаю, что семья - это очень важно, но что считать семьей и с кем ее заводить - дело каждого / I think that family is very important, but what is considered a family and who to start it with is everyone's business
- Я считаю, что семья, конечно важна, но личность, ее саморазвитие - важнее / I believe that family is, of course, important, but the individual, his self-development, is more important
- Я считаю, что семья для человека не обязательна - зачем эти рамки, обязательства, формальности? / I believe that family is not necessary for a person - why these frameworks, obligations, formalities?

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от статуса респондентов

Figure 2. Respondents' answers to the question: "Which group do you belong to?" depending on the respondents' status

Консервативный тип максимально превалирует для работающей молодежи и в структуре ее собственного выбора и по отношению к такому же выбору других групп (64,7%), но при этом стоит отметить и отрицательную динамику – так, в 2022 году среди данной группы традиционный тип составлял 80,6%. Либеральный выбор более других групп характерен для учащейся молодежи, что может объясняться, в том числе, возрастной динамикой – период становления собственного мировоззрения в совокупности с повышенной потребностью самопрезентации и демонстрации, характерной для поколения Z, все это приводит к выборам, которые с возрастом нивелируются. Эгоцентричный тип чаще представлен в группах студенческой и учащейся молодежи (9,4%), и, по нашему мнению, это сопряжено с возрастными периодами поиска собственных путей самореализации. Неформальный тип как модель поведения более других выбирается учащейся и работающей молодежью (4,4-4,5%).

Исходя из выявленных возрастных тенденций, можно считать, что соотношение типов матримониальных диспозиций, представленное в группе работающей молодежи, является именно тем соотношением, которое можно обозначить как характеристику человеческого капитала региона, и значительное преобладание традиционного типа, с одной стороны, показывает правильный вектор социального воздействия на молодежь, с другой – выявленная отрицательная динамика представленности традиционного типа демонстрирует, что в данную группу вошла когорта молодежи (первые годы поколения Z, 2000-2002), приверженность которой либеральным ценностям в матримониальных стратегиях является не возрастной особенностью, а интериоризированным убеждением (установкой).

Для молодежи различных поселений также есть своя специфика матримониальных ориентаций (Рисунок 3). Консервативный тип более других присутствует на селе (56,2%) и малом городе (57,6%), либеральный представлен более в среднем городе и там же чуть более, чем в остальных группах, представлен неформальный тип. Таким образом, среда среднего города, несмотря на обилие мероприятий социальной направленности (прямо и косвенно влияющих на формирование традиционных семейных ценностей), формирует социализационный результат, отражающий большие риски формирования либерального отношения к семье – то, что с одной стороны является показателем качества жизни (например, большая информационная и досуговая обеспеченность, повышенные коммуникативные навыки, цифровые компетенции), создает полярный отклик в виде снижения социально эффективных типов в матримониальных стратегиях.

В отношении жизненного выбора матримониальных стратегий стоит отметить, что вступление в брак, как обязательное жизненное решение, предусмотрено только для 57,4% молодежи (в 2022 году такой выбор сделали 51,0%), а вот необязательным такой шаг для себя считают 12,7% (Рисунок 4). 12% не считающие обязательным для себя вступление в брак, с одной стороны, не представляются настолько критичным показателем, особенно с учетом положительной динамики по данным выборам (в 2022 году – 17,7%), но с другой – соответствующий процент выборов мы видим в группе молодежи идентифицирующих себя с такой альтернативной матримониальной идеологией как «безбрачие» (добровольный отказ от вступления в брак) (Благорожева, Шаповалова, 2024), что повышает риски нарушения воспроизводственного цикла матримониальных стратегий.

Типология матримониальных диспозиций молодежи в зависимости от места проживания / Typology of matrimonial dispositions of youth depending on place of residence

- Я за традиционные семейные ценности: семья - это мужчина и женщина, их дети, и это самое главное / I am for traditional family values: a family is a man and a woman, their children, and that is the most important thing
- Я считаю, что семья - это очень важно, но что считать семьей и с кем ее заводить - дело каждого / I think that family is very important, but what is considered a family and who to start it with is everyone's business
- Я считаю, что семья, конечно важна, но личность, ее саморазвитие - важнее / I believe that family is, of course, important, but the individual, his self-development, is more important
- Я считаю, что семья для человека не обязательна - зачем эти рамки, обязательства, формальности? / I believe that family is not necessary for a person - why these frameworks, obligations, formalities?

Рисунок 3. Ответы респондентов на вопрос: «К какой из групп Вы себя относите?» в зависимости от места проживания респондентов

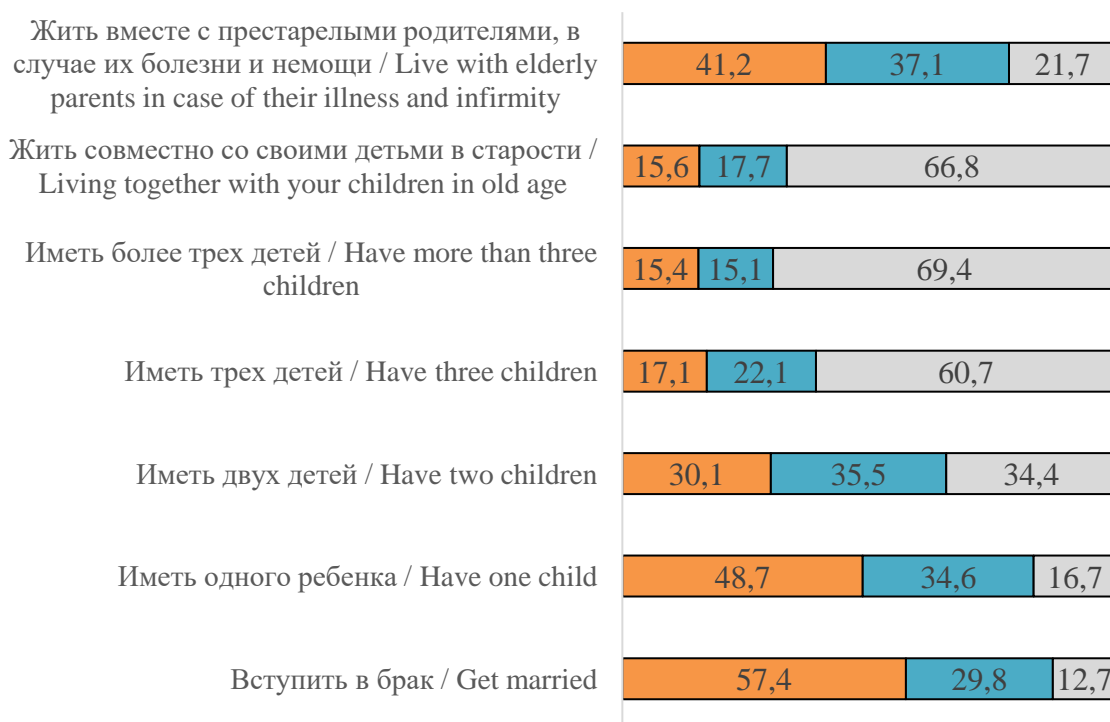
Figure 3. Respondents' answers to the question: "Which group do you belong to?" depending on the respondents' place of residence

Обязательным для 48,7% молодежи становится рождение одного ребенка, для 16,7% этот шаг не является обязательным к планированию. Рождение второго ребенка уже предусмотрено как обязательный шаг для 30,0%, необязательным его считают уже 34,4%; а вот третий ребенок в обязательных планах только у 17,1% – 60,7% не планируют этот шаг (было 70,9%). Соответственно, по нисходящей прогрессии рождение более трех детей предусмотрено у 15,4% и не планируется у 69,4%. В принципе, такое распределение, с

учетом ответов желательно, является даже оптимистичным, позволяющим демографам более точно рассчитать будущий прирост населения региона, с учетом даже процентной оправданности таких прогнозов.

Жить вместе с родителями, оказавшимися в трудной ситуации, обязательно планируют 41,2%, 21,7% не считают это обязательным. А вот жить со своими детьми в старости обязательно планируют только 15,6%, 66,8% будут стараться этого избежать.

Матримониальные жизненные стратегии молодежи / Matrimonial life strategies of young people

■ Обязательно / Necessarily ■ Желательно / Necessarily □ Не обязательно / Not necessarily

Рисунок 4. Ответы респондентов на вопрос: «Насколько важно для вас в будущем предпринять следующие шаги?»

Figure 4. Respondents' answers to the question: "How important is it for you to take the following steps in the future?"

Динамику в отношении жизненных планов молодежи в матримониальных стратегиях можно назвать достаточно весомой, она показывает некоторое отличие от практически совпадающих показателей 2021-2022 года, что, по нашему мнению, обусловлено акцентами национальной политики, введением тематических воспитательных программ, направленных на семейные ценности и традиционную семью. В обязательных и положительных выборах отмечается увеличение показателя желания вступить в брак (на 6 пунктов) и соответствующие уменьшение показателя незначимости данного выбора для молодежи, что

сокращает риск выбора таких матримониальных стратегий как безбрачие и отложенный брак.

Несколько сложнее и неоднороднее обстоит ситуация с динамикой репродуктивного планирования – так, обязательный выбор рождения одного ребенка падает на 4% с 2021 года, при том, что на такой же процент вырастает общий положительный выбор и уменьшается необязательный выбор первого деторождения, сокращая риск выбора неэффективных стратегий чайлдфри и отложенного деторождения. Во всех остальных случаях жизненного планирования, связанного с рождением

двух, трех и более детей, идет прогрессирующий разрыв в росте показателей обязательного и положительного выбора: так, если динамика по обязательному и положительному выбору в рождении двух детей составляет 1,1% и 3,3%, то для планирования последующих детей это уже практически 7% и 8%, при аналогичном уменьшении показателей необязательного выбора. Стоит обратить внимание, что положительные выборы рождения трех детей при этом достигают уже 39,2%, а более чем трех детей – 30,5%. Таким образом, можно говорить о возникновении жизненных планов у трети молодежи, связанных с многодетной семьей. Безусловно, устойчивость тренда покажут следующие 2-3 года мониторинга, но эффект существующего мягкого воздействия (а также социализационный результат поколения) очевиден.

В плане межпоколенческого взаимодействия и поддержки, а также вероятности выхода матримониальных стратегий на расширенную семью, наблюдается динамика показателей включения себя (как родителя) в семью детей, но при этом динамика включения собственных родителей в свою семью отсутствует, что нивелируется высокими показателями обязательного и положительного выбора (согласия) принять родителей в свою семью в их старости (41,2% и 78,3%) и достаточно низким процентом необязательного выбора по этому жизненному шагу (21,7%).

Различие в жизненных планах для молодежи разных социальных групп показывает нам специфику жизненного выбора, обусловленного факторным структурным комплексом матримониальных стратегий (Приложение). Гендерное различие в отношении жизненного планирования в матримониальных стратегиях дает нам

возможность увидеть вероятностные матримониальные установки, формируемые в отношении разных полов, а также некоторые тенденции в будущей реализации матримониальных стратегий. Так, в отношении принятия решения о браке, мы видим, что и обязательный выбор, и совокупный положительный выбор в этом отношении более характерен для мужчин, как и для женщин решение, что брак не так уж и обязателен. Статистический разрыв увеличивается в положительных (и прежде всего обязательных) выборах определения рождения одного, двух, трех и более детей, при превалировании показателя необязательного выбора со стороны молодежи женского пола. Особенно беспокоит показатель необязательного выбора в отношении рождения одного ребенка – он составляет 18,1% (при мужском аналогичном выборе в 14,6%). Данные показатели потенциально свидетельствуют о поддержке идеологии чайлдфри, способствуют отсроченному деторождению как минимум и выбор практически пятой части молодых женщин может привести к серьезным демографическим кризисам и в принципе сделать неосуществимой прогнозную демографическую стратегию. Похожую ситуацию мы наблюдаем и относительно решений совместного проживания с детьми или с родителями – мужчины выражают большую готовность к проживанию в обоих случаях.

Рассматривая жизненные планы молодежи разных поселений, стоит отметить, что, хотя обязательный выбор относительно брака и рождения первого ребенка несколько выше у сельской молодежи, совокупный положительный выбор данных решений нивелирует эту разницу, которая приводит к отсутствию различий в необязательном выборе – таким образом, нельзя говорить о серьезных

отличиях в данном вопросе, обусловленном процессом социализации в различных поселенческих культурах. Но относительно дальнейшего деторождения наблюдается существенная разница в принятии решений для жителей среднего города по отношению к малым городам и сельским поселениям – особенно она очевидна при ответах на вопрос о рождении трех и более детей – городская молодежь (молодежь среднего города) более ориентирована на такие решения, нежели сельская и молодежь малых городов. И здесь мы приходим, с одной стороны, к парадоксу, с другой – к закономерной реакции на существующие различия в качестве жизни. Парадокс заключается в противопоставлении данных исследования стереотипу сельского менталитета, в котором есть определенные установки на многодетную семью, а закономерность показывает нам ответную реакцию на более низкие показатели уровня жизни в малых городах и сельских поселениях, не способствующие принятию решения о деторождении.

Различительный признак, связанный со статусом молодежи, не показывает нам существенных различий относительно планирования брака, но по отношению к рождению первого ребенка учащаяся молодежь дает нам несколько меньшее количество необязательных выборов. Так как, такие факторы как статус, возраст и генерация пересекаются в определенном смысле, мы можем предположить, что введение акцентов в школьном воспитании (а иногда и образовании), смещает установки учащейся молодежи в сторону от возможного отказа от деторождения. Чуть большие показатели обязательных и положительных выборов получены в отношении учащейся молодежи и для всех позиций по деторождению. Но, одновременно с этим, все эти выборы в минимальных значениях представлены для

студенческой молодежи. Апеллируя одновременно к возрасту и социальной ситуации (студенчество, как время активного становления и самореализации, а включение мероприятий «семейного воспитания» на этапе вторичной социализации), а также с учетом того, что у работающей молодежи все показатели поддержки деторождения выше чем у студенческой (но ниже, чем у учащейся), можно выдвинуть два варианта объяснения: имеет место возрастная динамика, возврат ценностей института семьи на этапе взросления и перехода к следующим этапам реализации матримониальных стратегий; второй вариант – ядерные представители поколения Z (начальные и центральные годы рождения для периода этого поколения) имеют меньшую ориентацию на деторождение, что может отразиться в последующих шагах по реализации жизненных планов.

Стратификационный фактор, связанный с экономическим благополучием молодежи и их семей, дает явно выраженную прямую зависимость поддержки всех жизненных матримониальных планов от роста такого благополучия. Высокие показатели необязательных выборов для групп молодежи, чьи семьи имеют уровень жизни ниже среднего, создают высокие риски выбора ими неэффективных матримониальных стратегий, в том числе и отказ от брака, деторождения, поддержки родителей. По-нашему мнению, связано это с отсутствием ресурсов для видения в ближайшей перспективе возможности осуществления таких шагов. По сути, пресловутая пирамида потребностей не дает возможности ощутить потребность в создании семьи и рождении детей без удовлетворения потребностей первичных, находящихся на более низком уровне.

Возраст, как фактор, влияющий на формирование матримониальных стратегий, с одной стороны, показывает уже обозначенные нами аспекты молодежных статусов в выборе матримониальных жизненных планов, с другой – показывает более точно возрастные группы, которые формируют рисковую зону необязательных выборов относительно важных в демографическом плане шагов. Так, относительно решения вступить в брак, наибольшее количество необязательных выборов получено от молодежи 18-21 года и 26-31 (около 14%). В отношении последней группы риск, возникающий на основе такого показателя наиболее очевиден – возраст брачного определения (конечного выбора брачного партнера, брачной формы, вступления в брак, создания семьи) диктует

необходимость реализации соответствующих этапов воспроизводственного цикла матримониальных стратегий, задержка или отказ от их реализации могут привести к их неэффективности в дальнейшем.

В реализации репродуктивных шагов рискованной становится группа молодежи 18-21 год (как правило студенческая молодежь). Выше данный феномен был разобран, в контексте позитивного сценария (возрастная динамика) и негативного сценария (социальная черта ядра поколения).

В рамках анализа были установлены связи выборов молодежи разных типов матримониальных диспозиций с жизненными стратегиями в этой сфере (Рисунки 5).

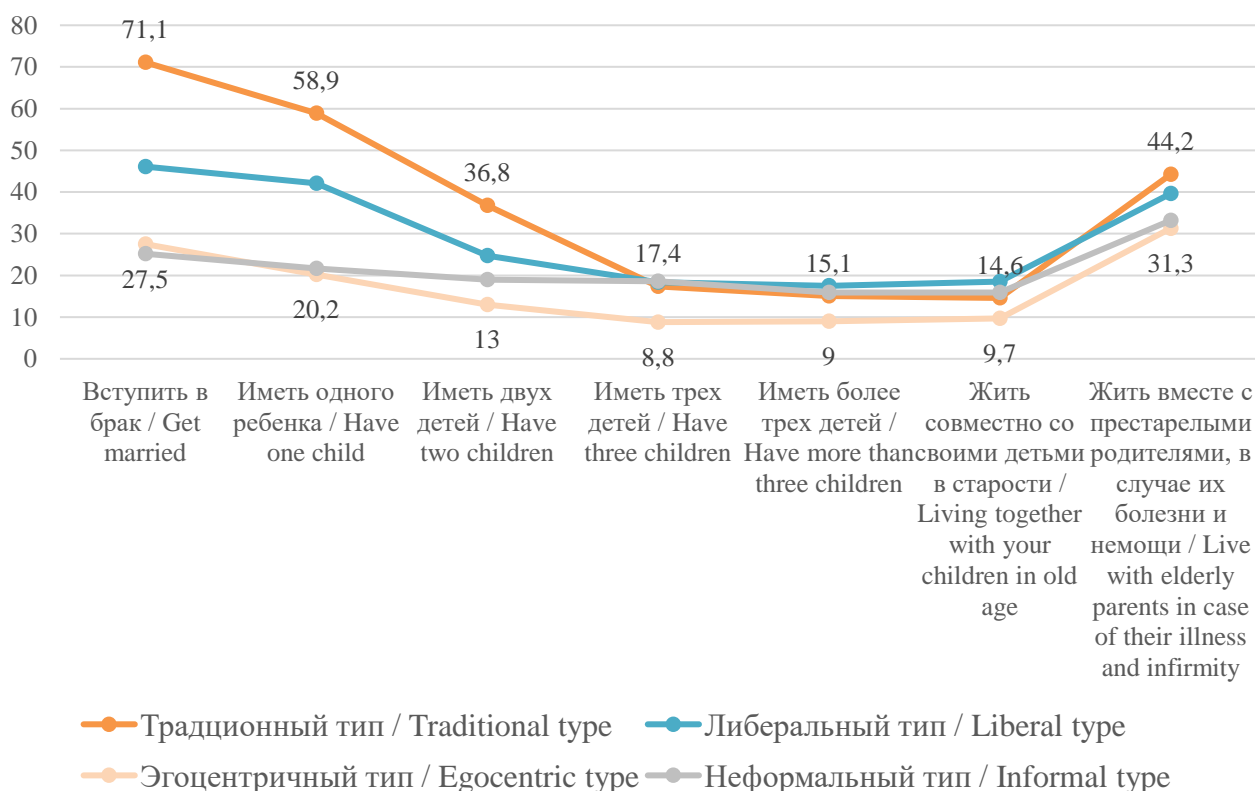

Рисунок 5. Жизненные планы в зависимости от типа матримониальных диспозиций (обязательный выбор)

Figure 5. Life plans depending on the type of matrimonial dispositions (obligatory choice)

Данные исследования показывают разрыв матримониальных планов, относительно брачного намерения разных типов. Так, консервативный тип имеет брачные намерения в качестве обязательного жизненно шага на 25 пунктов превышающие аналогичные для либерального типа и в 3 раза превышающие намерения остальных. Конечно, можно говорить о положительных ответах в той или иной степени по этому вопросу, суммируя варианты «обязательно» и «желательно», но и здесь мы получаем видимую разницу значений (95,1%, 85,1%, 64,7%, 42,5% соответственно для каждого типа). Если смотреть на остальное поле жизненного планирования матримониальных стратегий, можно сделать однозначный вывод – традиционный тип имеет гораздо больше предпосылок, заложенных в жизненном планировании, к реализации эффективных матримониальных стратегий. Это очевидно и в отношении обязательных выборов относительно одного и двух детей, также в отражении обязательного жизненного плана, где видна и большая вероятность объединения с родителями, в случае их критического положения. Но в реализации стратегии многодетности все стратегии выходят на близкие показатели жизненного планирования, и как обязательные шаги такие планы даже несколько больше представлены для либерального и

неформального типа. В рассмотрении жизненных планов разных типов очевидна закономерность, связанная с наименьшими жизненными выборами всех шагов матримониального воспроизводства для эгоцентричного (типа, концентрированного на себе и своих потребностях) и неформального типов, таким образом можно предположить, что именно данные типы являются основными продуцентами неэффективных матримониальных стратегий среди молодежи.

Для будущего развития региона важна позиция молодежи относительно планирования жизненных стратегий их детей. В планировании будущего молодежью для собственных детей относительно привязки к региону, 31,1% молодежи выбирает закрепление детей в месте проживания (Рисунок 6). 20,3% выбирают для них стратегию академической мобильности, с последующим возвратом в Белгородскую область – таким образом порядка 50% видят идентичность и будущее своих детей с родным регионом. 12,1% видят в качестве стратегии для своих детей межрегиональную миграцию, а 5,8% будут ориентировать на эмиграцию. 26,5% затруднившихся с ответом, это прежде всего учащаяся молодежь, для которой такое долгосрочное планирование затруднительно.

Планируемые молодежью стратегии для собственных детей / Strategies planned by young people for their own children

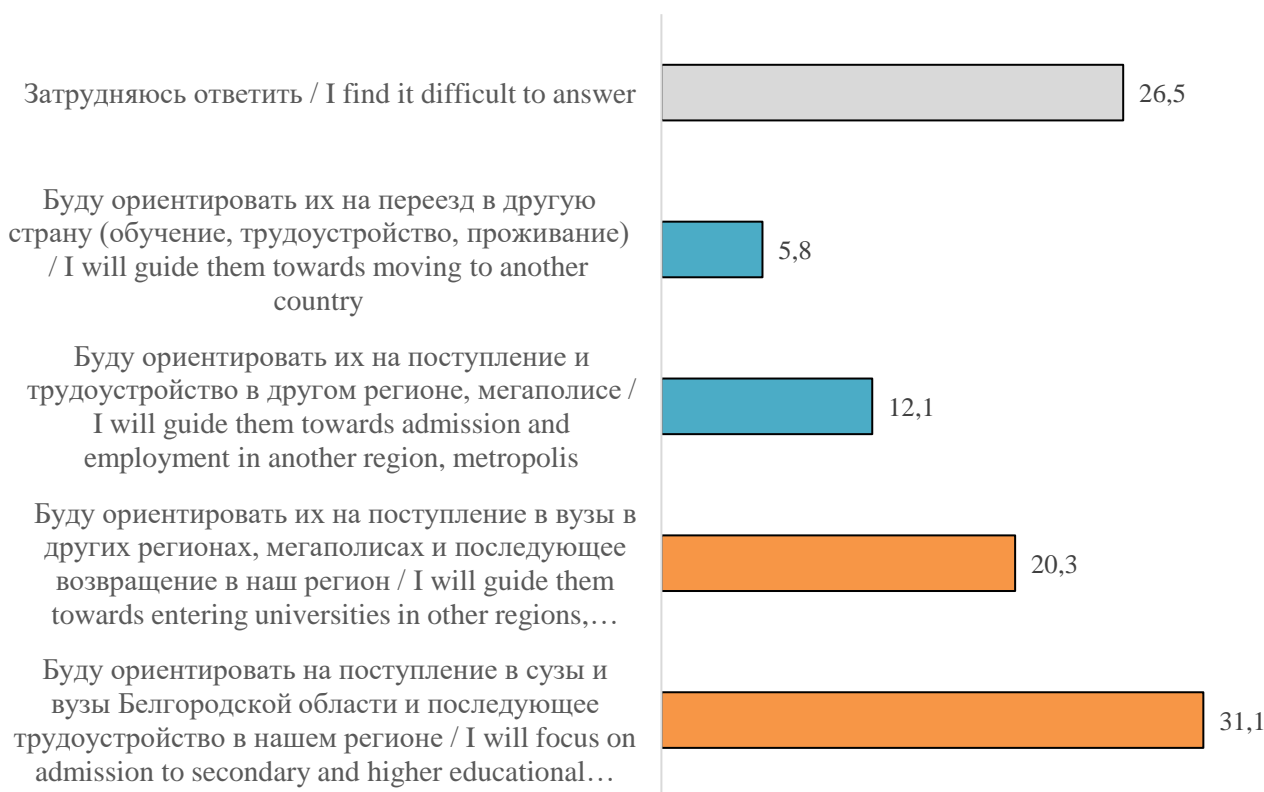

Рисунок 6. Ответы респондентов на вопрос: «Когда у Вас будут собственные дети (или они у Вас уже есть) и они закончат школу, как Вы будете ориентировать их?»

Figure 6. Respondents' answers to the question: "When you have your own children (or you already have them) and they finish school, how will you guide them?"

Заключение (Conclusions). По результатам исследования можно сделать вывод о том, что в региональном пространстве превалирует тип молодежи, ориентированный на традиционный семейные ценности и, судя по положительной динамике данного типа за последние годы, рост его приверженцев связан, в том числе, с проводимой федеральной и региональной политикой, воспитательным воздействием институтов образования. Нельзя однозначно утверждать, что показатель в 54,5% является оптимистичным – он показывает лишь небольшой перевес молодежи, выбирающей традиционную семью и ценности, при том, что 45,5% имеют риск выбора неэффективных матримониальных

стратегий, снижающих вероятность достижения задач национальной политики по повышению демографических показателей населения.

Построение агентных моделей для матримониальных стратегий показало, что есть определенная специфика в их формировании для разных социальных групп, что, в том числе, обозначило и риски для национальных политик: например, гендерные различия матримониальных диспозиций определили большую склонность мужчин к традиционным семейным ценностям и большую ориентацию на «правильные» матримониальные жизненные шаги (вступление в брак, рождение детей и их количество). Такая расстановка показывает

риски деформации для молодых девушек семейных ролей и в целом, нарушение линейности матримониального воспроизводства.

В агентных моделях учащейся, студенческой и работающей молодежи однозначна возрастная динамика, приводящая к выводу о «дозревании» молодежи до ценности семьи, ее традиционности и ее ценностях. Но, несмотря на данный позитивный момент, есть риски, связанные с невысокими выборами многодетности, а также выборами альтернативных стратегий (бездетности, чайлдфри) и сохранении их значимости в возрастном диапазоне.

В рамках анализа было выявлено, что качество жизни молодежи и их семей напрямую коррелирует с готовностью разделять традиционные ценности, делать значимые жизненные выборы в матримониальных стратегиях – такая связь ставить определенные задачи перед национальной политиками и программами ее развития.

Было определено, что существуют различительные черты в социальных портретах молодых людей, построенных на основе типов матримониальных диспозиций, и эти портреты показывают, как правило, что ценности, отраженные в матримониальной стратегии, связаны с ценностями и моделями поведения, лежащими в основе реализации других стратегий. В этой связи определено, что молодежь, относящаяся к традиционному типу матримониальных диспозиций, склонна выбирать более эффективные (с позиции государства) типы диспозиций и жизненные планы относительно важных стратегических направлений жизненной реализации.

Данные исследования могут быть востребованы органами государственной и муниципальной власти (в том числе и на федеральном уровне), органами управления молодежной политикой региона, а также образовательными организациями, для построения

воспитательных и образовательных программ, направленных на формирование традиционных ценностей современной молодежи.

Список литературы

Антонов А. И. Микросоциология семьи. Москва: Nota Bene, 1998. 357 с.

Артамонова А. Я., Митрофанова Е. С. Матримониальное поведение россиян на фоне других европейцев // Демографическое обозрение. 2018. № 1. С. 106-137.

Благорожева Ж. О. Семейные стратегии региональной молодежи // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 3. С. 91-102.

Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39.

Бухалова Н. А. Особенности матримониального поведения людей в позднем возрасте // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. № 2 (22). С. 19-24

Вержибок Г. В. Семейные ценности студенческой молодежи как матрица построения будущего // Южно-российский журнал социальных наук. 2018. Т. 19, № 3. С. 75-95.

Вишневский Ю. Р., Дидковская Я. В., Зырянова О. Б. Матримониальные и репродуктивные установки молодежи в контексте безопасности молодой семьи // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 40-55.

Голод С. И. Современная семья: плюрализм моделей // Социологический журнал. 1996. № 3-4. С. 15-20

Кисиленко А. В., Шаповалова И. С. Проектирование жизненного пути или каким молодежь видит свое будущее? // Социологические исследования. 2023. № 2. С. 83-94.

Миронова Ю. Г. Особенности матримониального поведения современной молодежи // Дискуссия. 2016. № 4 (67). С. 106-112.

Поленова М. Е., Лазуренко Н. В., Подпорошина Н. Н., Королева К. Ю. Матримониальное поведение студенческой молодежи в контексте изучения социального

здоровья (гендерный аспект) // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2023. Т. 31, № S1. С. 765-773.

Попова Л. А. Репродуктивные установки молодых реальных поколений в условиях усиления мер демографической политики // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2022. № 2. С. 95-111.

Ростовская Т. К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-52.

Ростовская Т. К., Безвербная Н. А. Благополучная молодая семья: поиск баланса между самореализацией и демографическими стратегиями // ЦИТИСЭ. 2022. № 3 (33). С. 203-214.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. Стратегии формирования благополучия студенческих семей (по результатам глубинного интервью) // Logos et Praxis. 2023. Т. 22, № 2. С. 67-80

Ростовская Т. К., Князькова Е. А. Репродуктивные установки в российском обществе: по данным всероссийского социологического исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14, № 2. С. 121-129.

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Трансформация образа желаемой модели семьи у разных поколений: результаты всероссийского социологического исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2020. Т. 20, № 3. С. 527-545.

Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Калачикова О. Н. Брачно-семейные представления студенческой молодежи: по результатам авторского исследования // Женщина в российском обществе. 2023. № 3. С. 31-42.

Семенцова К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. Т. 12, № 4. С. 109-113.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Муртузалиев С. И. Особенности брачных,

семейных и миграционных намерений современной молодежи российского кавказа // Социодинамика. 2018. № 11. С. 33-44.

Харчев А. Г., Мацковский М. С. Современная семья и ее проблемы. Москва: Статистика, 1978. 224 с.

Шабунова А. А., Ростовская Т. К. О необходимости разработки модели оптимальных условий для формирования и реализации демографических установок // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13, № 4. С. 38-57.

Шаповалова И. С. Самооценка материального положения и социальные стратегии молодежи // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 3. С. 150-163.

Шаповалова И. С. Проблемы реализации государственной молодежной политики в рефлексии региональной молодежи // Регионология. 2021. Т. 29, № 4 (117). С. 902-932.

References

Antonov, A. I. (1998), *Mikrosotsiologiya semi* [Microsociology of the family], Nota Bene, Moscow, Russia, 357. (In Russian)

Artamonova, A. Ya., Mitrofanova, E. S. (2018), "Matrimonial behavior of Russians against the background of other Europeans", *Demograficheskoe obozrenie*, (1), 106-137. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O. (2022), "Family strategies of regional youth", *Research result. Sociology and management*, 8 (3), 91-102. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O., Shapovalova, I. S. (2024), "The influence of alternative values and attitudes on matrimonial strategies of young people", *Social'naya politika i sociologiya*, 23 (2), 30-39. (In Russian)

Bukhalova, N. A. (2011), "Features of matrimonial behavior of people at a late age", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Seriya: Social'nye nauki*, (2), 19-24. (In Russian)

Verzhibok, G. V. (2018), "Family values of student youth as a matrix for building the future", *Yuzhno-rossijskij zhurnal social'nykh nauk*, 19 (3), 75-95. (In Russian)

Vishnevsky, Yu. R., Didkovskaya, Ya. V., Zyryanova, O. B. (2024), "Matrimonial and reproductive attitudes of young people in the

context of the security of a young family”, *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (1), 40-55. (In Russian)

Golod, S. I. (1996), “Modern family: pluralism of models”, *Sociological Journal*, (3-4), 15-20. (In Russian)

Kisilenko, A. V., Shapovalova, I. S. (2023), “Designing a Life Path or How Young People See Their Future?”, *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (2), 83-94. (In Russian)

Mironova, Yu. G. (2016), “Features of matrimonial behavior of modern youth”, *Diskussiya*, 4 (67), 106-112. (In Russian)

Polenova, M. E., Lazurenko N. V., Podporinova, N. N., Koroleva, K. Yu. (2023), “Matrimonial behavior of student youth in the context of studying social health (gender aspect)”, *Problemy sotsialnoy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 31 (S1), 765-773. (In Russian)

Popova, L. A. (2022), “Reproductive attitudes of young real generations in the context of strengthening demographic policy measures”, *Vestnik Permskogo natsionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Sotsialno-ehkonomicheskie nauki*, (2), 95-111. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2015), “Features of the matrimonial behavior of Russian youth”, *Chelovek v mire kul'tury*, (3), 46-52. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Bezverbnaya, N. A. (2022), “Prosperous young family: finding a balance between self-realization and demographic strategies”, *CITISEH*, (3), 203-214. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. (2023), “Strategies for Forming the Well-Being of Student Families (Based on the Results of an In-Depth Interview)”, *Logos et Praxis*, 22 (2), 67-80. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Knyazkova, E. A. (2021), “Reproductive Attitudes in Russian Society: According to the All-Russian Sociological Survey”, *Vestnik Yuzhno-Rossiyskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta (NPI). Seriya: Sotsialno-ehkonomicheskie nauki*, 14 (2), 121-129. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2020), “Transformation of the Image of the Desired Family Model in Different Generations: Results of the All-Russian Sociological Survey”, *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya*, 20 (3), 527-545. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Kalachikova, O. N. (2023), “Marital and family

ideas of student youth: based on the results of the author's study”, *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve*, (3), 31-42. (In Russian)

Semenova, K. R. (2022), “Marital and family behavior of young people in modern Russian society: attitudes and values”, *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta*, 12 (4), 109-113. (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Murtuzaliev, S. I. (2018), “Features of marriage, family and migration intentions of modern youth of the Russian Caucasus”, *Sociodinamika*, (11), 33-44. (In Russian)

Kharchev, A. G., Matskovsky, M. S. (1978), *Sovremennaya semya i ee problemy* [Modern family and its problems], Statistics, Moscow, Russia, 224. (In Russian)

Shabunova, A. A., Rostovskaya, T. K. (2020), “On the Need to Develop a Model of Optimal Conditions for the Formation and Implementation of Demographic Attitudes”, *Ekonomicheskie i sotsialnye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz*, 13 (4), 38-57. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2023), “Self-assessment of financial situation and social strategies of young people”, *Nauka. Kultura. Obshchestvo*, 29 (3), 150-163. (In Russian)

Shapovalova, I. S. (2021), “Problems of implementation of state youth policy in the reflection of regional youth”, *Regionologiya*, 29 (4), 902-932. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 20 октября 2024 г. Поступила после доработки 01 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г.
Received 20 October 2024. Revised 01 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Благорожева Жанна Олеговна, старший преподаватель кафедры социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Zhanna O. Blagorozheva, Senior Lecturer of the Department of Sociology and Work with Youth, Belgorod State National Research University (Belgorod, Russia)

Стратификация матримониальных жизненных планов региональной молодежи

Жизненные планы / Life plans	Варианты / Options	Мужчины / Men	Женщины / Women	Средний город – областной центр / Medium-sized city – regional center	Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	Учащаяся молодежь / Schoolchildren	Студенческая молодежь / Student youth	Работающая молодежь / Working youth	Высокий уровень экономического достатка / High level of economic	Экономический достаток выше среднего / Economic wealth is above average	Средний уровень экономического достатка / Average level of economic wealth	Экономический достаток ниже среднего / Below average economic wealth	14-15 лет / 14-15 years old	16-17 лет / 16-17 years old	18-21 год / 18-21 years old	22-25 лет / 22-25 years old	26-30 лет / 26-30 years old	31-35 лет / 31-35 years old
Вступить в брак / Get married	Обязательно / Necessarily	59,8	55,8	56,9	56,3	59,1	57,5	57	58,3	65,2	59,6	53,6	42,6	54,4	61,8	56,2	58,1	55,9	60,3
	Желательно / Desirable	28,3	30,9	29,5	32,3	28,4	30,4	29,8	28,8	24,4	28,7	33,5	31,3	32,6	29,5	29,1	30,3	30	27,7
	Не обязательно / Not necessarily	11,9	13,3	13,6	11,4	12,5	12,1	13,2	13	10,4	11,7	12,9	26,1	13	8,7	14,7	11,6	14	12
Иметь одного ребенка / Have one child	Обязательно / Necessarily	51,4	46,9	48,6	47,1	50,2	48,1	49,4	48,4	54,7	51,4	45,2	33,4	44,6	52,2	48,6	51,9	46,3	46,9
	Желательно / Desirable	34	35	34,9	36,7	32,4	36,7	32,5	34,5	30,4	34,3	36,8	36,2	39,8	35,4	32	31,7	37,7	37,1
	Не обязательно / Not necessarily	14,6	18,1	16,5	16,2	17,4	15,2	18	17,1	14,9	14,4	18	30,4	15,6	12,4	19,4	16,4	16	16

Иметь двух детей / Have two children	Обязательно / Necessarily	36,2	26,1	31,7	29,1	28,7	33	25,1	34,6	40,5	31,4	25,2	20,4	34,8	32,5	24,9	33,5	28,7	41,1
	Желательно / Desirable	34,2	36,3	33	36,8	38	32,7	38,1	35,7	30,4	36	37,8	32,2	31,7	34,4	36,9	35,4	43,8	30,9
	Не обязательно / Not necessarily	29,7	37,6	35,3	34	33,3	34,3	36,8	29,7	29	32,5	37	47,4	33,6	33,2	38,1	31,1	27,5	28
Иметь трех детей / Have three children	Обязательно / Necessarily	23,8	12,6	20,2	14,6	14,7	23	11,1	17,3	26,6	19,4	10,3	15,2	24	24,5	10,6	16,3	14,9	22,3
	Желательно / Desirable	24,6	20,5	21,6	22,8	22,4	21,6	20,9	25,9	21,6	21,5	23,1	21,9	22,5	21,1	19,9	23,7	29,8	29,1
	Не обязательно / Not necessarily	51,7	66,9	58,2	62,6	63	55,4	68	56,8	51,7	59,1	66,6	62,9	53,5	54,4	69,4	60,1	55,4	48,6
Иметь более трех детей / Have more than three children	Обязательно / Necessarily	23	10,3	19,1	13,3	11,7	22,8	8,5	14,3	26,5	17,6	8,3	11,6	24,8	23,8	8,4	14	10,5	17,4
	Желательно / Desirable	17,1	13,8	14,6	15,8	15,3	15,6	13,5	17,5	15,4	14,8	14,8	18,5	18,1	14,3	12,3	16,1	19,8	22,3
	Не обязательно / Not necessarily	59,9	75,9	66,3	70,9	72,9	61,6	78	68,1	58,1	67,6	76,9	69,9	57,1	61,8	79,3	69,9	69,7	60,3

Жить совместно со своими детьми в старости / Living together with your children in old age	Обязательно / Necessarily	22,8	10,6	18,4	13,6	13	22,2	9,3	14,8	26,7	17,2	9	11,6	22,8	24,5	9,1	14,7	10,7	17,7
	Желательно / Desirable	21,2	15,3	16,6	18,3	18,7	19,9	14	20,4	19,1	16,6	17,2	23,7	24	16,5	14,2	16,9	19,3	27,1
	Не обязательно / Not necessarily	56	74,1	65	68,1	68,3	57,9	76,7	64,8	54,2	66,3	73,8	64,7	53,2	58,9	76,8	68,4	70	55,1
Жить вместе с престарелыми родителями, в случае их болезни и немощи / Live with elderly parents in case of their illness and infirmity	Обязательно / Necessarily	44,6	39	42,9	36,5	42,6	46,8	37	38,5	50,1	42,3	37,2	31	45,5	48,2	38,3	35,6	39,9	38,3
	Желательно / Desirable	34,2	39,1	33,1	40,9	39,9	33,3	41,6	35,9	32,2	36,9	40,2	34	32,3	35,8	39,8	38	32,5	40
	Не обязательно / Not necessarily	21,2	22	24	22,6	17,4	20	21,4	25,7	17,7	20,8	22,5	35	22,3	16	22	26,4	27,5	21,7

УДК 316.444

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6

Оригинальная статья

¹ Валиахметов Р. М.

² Туракаев М. С.

Семейный статус и этническая принадлежность
как факторы миграции и трудовой мобильности населения
(на примере Республики Башкортостан)

¹ Уфимский университет науки и технологий,
улица Карла Маркса, дом 3/4, Уфа, 450076, Россия
rim_m_sifat@inbox.ru

² Уфимский университет науки и технологий,
улица Карла Маркса, дом 3/4, Уфа, 450076, Россия;
Институт социологии Федерального научно-исследовательского
социологического центра РАН,
улица Большая Андроньевская, дом 5, строение 1, Москва, 109544 Россия
mturakaev@gmail.com

Аннотация. В отечественной и зарубежной литературе активно исследуются и анализируются актуальные проблемы миграции и трудовой мобильности населения. При этом, сравнительно большее внимание уделяется социально-экономическим и демографическим аспектам, факторам и причинам миграционных процессов и социально-трудовых отношений. Между тем, как и всякое социальное явление, трудовая и миграционная подвижность населения испытывает влияние целого ряда других, в том числе неэкономических, факторов. В данной статье авторы проанализировали влияние двух из них, а именно, семейного положения/брачного статуса и принадлежности к определённой этнической группе. Цель статьи заключается в выявлении влияния семейного статуса и этнической принадлежности на трудовую мобильность и миграционное поведение населения Республики Башкортостан. Эмпирической базой статьи стали результаты социологических опросов «Качество занятости и человеческое развитие» (2020 г.) и «Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения республик Российской Федерации» (2024 г.). Объект исследования – представители трех крупнейших этносов Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 64 лет, постоянно проживающие в регионе: башкиры, русские, татары. Результаты нашего исследования показали, что семейное положение и брачный статус оказывает существенное влияние на трудовую траекторию и миграционную подвижность населения. Принадлежность к той или иной этнической группе имеет значение, но оно менее выражено и, в условиях Республики Башкортостан, скорее имеет отношение к особенностям сельского или городского расселения этнических групп. Авторы статьи допускают, что в иных условиях, в других регионах, республиках или странах возможно менее, или, наоборот, более выраженное влияние этнической принадлежности на трудовую и, в особенности, на миграционную мобильность населения.

Ключевые слова: семья; брак; семейный статус, этнос, этническая группа; трудовая мобильность; миграция

Благодарности. Статья выполнена в рамках Программы научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление общероссийской идентичности 2023-2025 гг. (руководитель академик РАН В. А. Тишков).

Информация для цитирования: Валиахметов Р. М., Туракаев М. С. Семейный статус и этническая принадлежность как факторы миграции и трудовой мобильности населения (на примере Республики Башкортостан) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 111-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6

Original article

¹ Rim M. Valiakhmetov

² Marcel S. Turakayev

**The influence of family status and ethnicity
on of the population
(on the example of the Republic of Bashkortostan)**

¹) Ufa University of Science and Technology,
3/4 Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia
rim_m_sifat@inbox.ru

²) Ufa University of Science and Technology,
3/4 Karl Marx St., Ufa, 450076, Russia;
Institute of Sociology, Federal Center for Theoretical and Applied Sociology,
Russian Academy of Sciences
5 Bolshaya Andronyevskaya St., Moscow, 109544, Russia
mturakaev@gmail.com

Abstract. The current issues surrounding migration and population mobility are subject to active study and analysis within both domestic and international literature. Concurrently, greater attention is accorded to the socio-economic and demographic aspects, factors and causes of migration processes and social and labour relations. Consequently, as with any social phenomenon, the labour and migration mobility of the population is influenced by a number of additional factors, including those that are not economic in nature. In this article, the authors examine the influence of two factors: family status and belonging to a particular ethnic group. The objective of this article is to ascertain the impact of ethnicity and family status on the labour mobility and migration behaviour of the population of the Republic of Bashkortostan. The empirical basis of this article is formed by the results of two sociological surveys: “Quality of Employment and Human Development” (2020) and “Ethnic Features of Employment and Labor Mobility of the Population of the Republics of the Russian Federation” (2024). The study focuses on individuals belonging to the three largest ethnic groups in the Republic of Bashkortostan, aged between 18 and 64 years, and residing in the region on a permanent basis. The three largest ethnic groups in the Republic of Bashkortostan are the Bashkirs, Russians, and Tatars. The findings of our study indicate that family and marital status exert a considerable influence on the labour trajectory and migration mobility of the population. While belonging to a particular ethnic group is significant, its impact is less pronounced in the context of the Republic of Bashkortostan, where it is more closely associated with the distinctive characteristics of rural or urban settlement of ethnic groups. The authors of the article

concede that the influence of ethnicity on labour and migration mobility of the population may be less pronounced or, conversely, more pronounced in other Russian regions, republics or countries.

Keywords: family; marriage; marital status; ethnicity; ethnic group; labor mobility; migration

Acknowledgments. The article was Prepared within the Framework of the Program of Scientific Research Related to the Study of the Ethnocultural Diversity of Russian Society and Aimed at Strengthening the All-Russian Identity 2023-2025 (Headed by Academician of the Russian Academy of Sciences V. A. Tishkov).

Information for citation: Valiakhmetov, R. M., Turakayev, M. S. (2024), "The influence of family status and ethnicity on of the population (on the example of the Republic of Bashkortostan)", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 111-129. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-6

Введение (Introduction).

Исследования, посвященные анализу факторов, влияющих на миграционное поведение и трудовую мобильность населения условно можно разделить на две группы. Первую группу образуют публикации о проблемах семьи и брака, семейного статуса и брачных отношений. Они стали одними из актуальных тем современного социологического анализа. Большое внимание уделяется этой теме в исследованиях Ф.Б. Бурхановой (Бурханова, 2004, 2023; Бурханова, Асадуллина, 2022). Ф.Б. Бурханова в одной из новых своих публикаций, на основе данных переписей населения 2002, 2010 и 2020 гг., выявила, что для русских характерна городская модель брачной структуры, предполагающая низкую долю лиц, состоящих в официальном браке, и высокую долю разведенных и разошедшихся. Для татар типична сельская модель с высокой долей лиц, состоящих в официальном браке, и низкой долей разведенных и разошедшихся. Наконец, для башкир свойственна промежуточная модель брачной структуры (Бурханова, 2023: 211).

В последние годы активизировались исследования в этом направлении в Институте демографических исследований ФНИСЦ РАН. Проблемы семьи и семейных отношений рассматриваются в контексте современной демографической политики и общей структуры ценностей.

Примечательным в этом смысле являются работы коллектива авторов под руководством С. В. Рязанцева и Т. К. Ростовской (Ростовская и др., 2024; Рязанцев и др., 2023; Бекарев и др., 2017). Этим коллективом ежегодно издаются национальные демографические доклады, в первом выпуске которого содержится исследование проблем семьи, анализ экономических и социальных трудностей, с которыми сталкивается современная семья (Рязанцев и др., 2020). Выпуск Национального демографического доклада за 2024 г. обращает внимание на проблемы молодых, в частности студенческих семей, сохранению традиционных семейных ценностей, необходимости большего вовлечения мужчин в воспитательные процессы и др. (Ростовская и др., 2024). Целый ряд работ рассматривают проблемы семьи и семейных отношений в контексте молодежной политики и специфики ее реализации в регионах России (Шаповалова, Маликова, 2018; Ростовская, Саралиева, 2018). И. С. Шаповаловой рассматриваются также проблемы этнической идентичности и межличностной толерантности молодежи приграничных регионов (Шаповалова и др., 2021).

Имеются, пусть и не в большом количестве, исследования семьи в контексте миграции и трудовой мобильности населения. Одной из подобных работ является исследование

Г. Ф. Хилажевой (Ахметовой) (Хилажева, 2021). Автор отмечает, что несмотря на рост благосостояния подобных семей фиксируется ослабление внутрисемейных социальных связей вследствие длительного раздельного проживания. В частности, мужчины меньше реализуют семейные роли отцов и мужей. В работах М. С. Туракаева рассматривается влияние вахтового труда на рождаемость в семьях вахтовиков и их удовлетворенность семейной жизнью, а также отмечается тенденция роста вовлеченности женщин во временную трудовую миграцию (Туракаев, 2021; Туракаев, Баймурзина, 2022). Взаимосвязь проблемы семейных отношений и трудовой миграции исследуется, в том числе, и на материале республик бывшего СССР. Так, в работе С. В. Рязанцева и соавторов (Рязанцев и др., 2017) на примере Таджикистана показано как длительное отсутствие мигрантов в семьях ведет к деформации семейных отношений, в частности, отмечается снижение прочности семейных связей, падение рождаемости и увеличение разводов.

Вторая группа публикаций посвящена проблемам этнической принадлежности как одного из естественных факторов трудовой мобильности и миграции населения. Наибольшее количество таких публикации основано на материалах социологических данных, полученных в республиках, входящих в состав РФ. Особой проработанностью проблемы характеризуется социальное пространство Дагестана, как одного из наиболее многонациональных регионов России. Так, Ш. М. Гимбатов анализируя делает вывод, что одним из ключевых этнорегиональных факторов в миграционных процессах «являются психофизические потребности и ценностные ориентации человека» (Гимбатов, 2010), связанные с определенным этносом, культурой и религиозной принадлежностью. К числу публикаций по данному региону относятся

также монография (Карпов, Капустина, 2011), затрагивающая проблему миграции и разрушения традиционных этнокультурных сообществ (в частности, переселение горцев Дагестана в равнинную местность) и связанную с ней трансформацию межэтнических отношений в регионе. Специальное внимание в работе уделено исследованию временной трудовой миграции дагестанцев за пределы республики. Данная проблема исследуется и на уровне других регионов. Например, работа Л. В. Намруевой (Намруева, 2011) базируется на материале по Республике Калмыкия. Автор отмечает, что миграция – это один из маркеров невысокого уровня жизни калмыцкого общества. В процессе адаптации мигрантов-калмыков в полиэтнической среде возникает отчуждение людей от традиционной этносреды, что в свою очередь ведет к исчезновению уникальных традиций. Интерес представляет исследование факторов миграционного процесса в российской Арктике, отраженное в работе А. В. Ухановой и соавторов (Уханова и др., 2021). В состав этнического фактора авторы включают межэтнические противоречия как между коренными народами, так и между коренными и «пришлым» населением. Отдельный аспект проблемы – адаптация иноэтнических трудовых мигрантов. Так, М. С. Савоскул (Савоскул, 2011) отмечает «тормозящую» роль личностных характеристик человека в данном процессе, так как устойчивые культурные паттерны поведения не позволяют человеку интегрироваться в иную культурную среду. Интересными являются исследования, стоящие на стыке социологии и экономики, в которых исследуется влияние международной трудовой миграции в контексте экономического развития. Например, В. В. Антропов (Антропов, 2020) говорит об увеличении демографической значимости международной миграции в развитии экономически развитых стран и социально-

экономических и культурных последствиях данного процесса.

Методология и методы (Methodology and Methods). В статье были использованы результаты социологических опросов «Качество занятости и человеческое развитие» (2020 г.)¹ и «Этнические особенности занятости и трудовой мобильности населения республик Российской Федерации» (2024 г.). В первом опросе объектом исследования было постоянное население Республики Башкортостан в возрасте 18 лет и старше. Выборка стратифицированная по социально-экономическим зонам Республики Башкортостан и типу населенного пункта, квотированная по полу, возрасту и уровню образования. Метод сбора данных: самозаполнение анкеты опроса по месту жительства респондента. Объем выборки: 1 566 человек. Сроки проведения опроса: октябрь – декабрь 2020 г. Во втором опросе методика сбора данных и формирования выборки повторяет предыдущее исследование за исключением того, что в 2024 году опрашивались только самые крупные этнические группы Башкортостана от 18 до 64 лет: русские, татары и башкиры. Объем выборки: 1 004 человека. Сроки проведения опроса: май-сентябрь 2024 г. В статье результаты исследования 2020 года используются в качестве дополнительных комментариев с указанием года опроса.

Объект исследования – представители трех крупнейших этносов Республики Башкортостан в возрасте от 18 до 64 лет, постоянно проживающие в регионе: башкиры, русские, татары. Цель работы заключается в исследовании степени влияния семейного статуса и этнической принадлежности на трудовую мобильность

и миграционное поведение населения Республики Башкортостан. Задачи исследования: 1) определить особенности реализации прав и возможностей в сфере труда в зависимости от семейного статуса и этнической принадлежности; 2) рассмотреть роль семейного статуса и этнической принадлежности респондентов в трудовой, профессиональной и миграционной мобильности населения Башкортостана.

Основная гипотеза исследования – брачный статус, количество членов домохозяйства и наличие несовершеннолетних детей влияет на трудовую, профессиональную и миграционную мобильность населения Башкортостана по-разному, в зависимости от этнической принадлежности.

В статье представлен анализ ответов только наемных работников и самозанятых, не имеющих наемных работников, т.к. работодатели отвечали на другие вопросы анкеты, касающихся их организации, а неработающие вообще не отвечали на содержательные вопросы анкеты. Из всех наемных работников относительно больше таковых среди опрошенных башкир (37,2%) и русских (34,4%), чем среди татар (28,3%), а из всех самозанятых без наемных работников ощутимо больше таких среди респондентов русских (43,3%), чем среди башкир (32,2%) и татар (24,4%). По данным переписи населения в 2021 году (ВПН-2020) в Башкортостане подавляющее большинство занятого населения являлись наемными работниками (92,7%). Самозанятых оказалось 2,8%, индивидуальных предпринимателей 1,9%, владельцев бизнеса 0,7%, помогающих членов семьи 0,13% и остальных трудозанятых 1,8% от всех указавших статус занятости².

¹ Свидетельство о государственной регистрации базы данных № 2021620175 Российская Федерация. Качество занятости и человеческое развитие. Население: заявл. 21.01.2021; опублик. 26.01.2021 / Г. Р. Баймурзина, Р. М. Валиахметов, Е. В. Кабашова [и др.]; заявитель Федеральное государственное

бюджетное учреждение науки Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук.

² Итоги ВПН-2020. Том 10 Рабочая сила // Росстат. URL:

Этническую принадлежность мы выявляли при помощи вопроса «Кем Вы себя считаете по национальности?» Семейный статус мы определяли через идентификацию семейного (брачного) положения респондента («Состою в зарегистрированном браке», «Состою в незарегистрированном браке», «Вдовец (вдова)», «Разведен (а)», «Никогда не состоял (а) в браке»), наличие несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства. При этом мы объединили подвыборки респондентов, состоящих в зарегистрированном и незарегистрированном браке, в одну группу.

В целях анализа статистически значимой связи между этнической принадлежностью, семейным статусом и показателями трудовой мобильности и миграции населения Республики Башкортостан был использован статистический критерий Хи-квадрат Пирсона.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

Социально-демографические характеристики этносов (Social and Demographic Characteristics of Ethnicities). По результатам опроса населения Республики Башкортостан в конечной выборке получилось 35,2% башкир, 36,6% русских и 28,3% татар. Состоят в браке (зарегистрированном или незарегистрированном) 61,6% ответивших на вопрос о семейном положении, 3,7% вдовых, 7,9% разведенных и 26,8% никогда не состоявших в браке. Респондентов, имеющих несовершеннолетних детей, 41,8% и одиноко проживающих респондентов 9,9%.

По данным опроса 2024 года в сельской местности в процентном соотношении чаще проживали башкиры (53%), затем татары (41,9%) и русские (28,3%). По данным переписи населения России в 2021 году в сельской местности проживало 54,4% башкир, 36,5% татар и 23,6% русских¹.

Среди башкир больше лиц, состоящих в зарегистрированном или незарегистрированном браке (67,1%), чем среди татар (60,7%) и русских (56,9%), постоянно проживающих в Республике Башкортостан. Никогда не состоявших в браке немного больше среди русских (29,7%), чем среди татар (27,5%) и башкир (23,4%). 10,1% опрошенных русской этнической группы, 8,4% опрошенных татарской этнической группы и 5,4% респондентов башкирской этнической группы относятся к разведенным. Остальное незначительное количество респондентов по семейному положению относится к вдовым. Опрошенные башкиры (44,3%) и татары (42,1%) сравнительно чаще русских (38,8%) имели несовершеннолетних детей. У башкир (9,4%) и русских (8,5%) немного меньше, чем у татар (12,4%) доля одиноко проживающих респондентов. По данным ВПН-2020 среди населения Башкортостана больше всего лиц, состоящих в браке: русские (55,3%), башкиры (57,0%), татары (59,7%); на втором месте идут лица, никогда не состоявшие в браке (русские – 20,4%, башкиры – 20,9%, татары – 19,0%), затем вдовы (русские – 12,1%, башкиры – 12,1%, татары – 11,2%), также разведенные и разошедшиеся (русские – 12,2%, башкиры – 9,9%, татары – 10,1%)². Также по данным переписи в Республике Башкортостан доля домохозяйств,

https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila (дата обращения: 10.10.2024).

¹ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos

tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

² Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos_tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

имеющих детей моложе 18 лет, составляет 26,8%, а доля домохозяйств с одним членом семьи – 36,4% от общего числа частных домохозяйств³.

По результатам опроса мы получили примерно одинаковые пропорции опрошенных представителей трех основных этносов Республики Башкортостан по полу: башкиры (54,4% мужчин и 45,6% женщин), русские (52,3% мужчин и 47,7% женщин) и татары (52,5% мужчин и 47,5% женщин). Мужчин оказалось немного больше, хотя по данным ВПН-2020 в республике доля мужчин среди башкир составляет 47,8%, среди русских 46,3% и среди татар 47%⁴.

Распределение этнических групп респондентов по возрасту также почти равномерное (Таблица 1). Для сравнения по данным ВПН-2020 в группу жителей Башкортостана в возрасте от 16 до 24 лет попадает 14,6% русских, 14,7% башкир и 13,6% татар. В возрастной группе от 25 до 34 лет 20,8% русских, 20,7% башкир и 21,3% татар; в группе от 35 до 44 лет 25,5% русских, 22,5% башкир и 23,5% татар; в группе от 45 до 54 лет 18,7% русских, 18,7% башкир и 18,1% татар и в возрастной группе от 55 до 64 лет 20,4% русских, 23,4% башкир и 23,5% татар⁵.

Таблица 1
Распределение этнических групп по возрастным группам, % от всех ответивших
Table 1

Distribution of ethnic groups by age group, % of all respondents

Возрастные группы / Age Groups	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar
18–24 года / years	9,3	10,6	10,2
25–34 года / years	23,5	24,3	24,3
35–44 года / years	29,5	29,4	29,2
45–54 года / years	24,4	22,3	22,2
55–64 года / years	13,3	13,4	14,1
Всего / Totals	100,0	100,0	100,0

Трудовая мобильность (Labor Mobility). Рассмотрим влияние национальности на трудовую мобильность и возможности в сфере труда опрошенных жителей Республики Башкортостан. Представители башкирской этнической группы чаще сталкивались с дискриминацией по национальному признаку, «при выдвижении на руководящую должность» (Таблица 2). Русские более, чем в два раза чаще

остальных этносов отмечали ущемление их прав при назначении зарплаты и повышении зарплаты, а также премировании. Татары чуть чаще говорили, что сталкивались с дискриминацией «при приеме на работу» и «когда решался вопрос, кого послать на повышение квалификации». Однако влияние этнической принадлежности по этому вопросу статистически незначимо, поэтому мы можем делать только предположения.

³ Итоги ВПН-2020. Том 8 Число и состав домохозяйств // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom8_Chislo_i_sostav_domohozhaystv (дата обращения: 10.10.2024).

⁴ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos

tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

⁵ Итоги ВПН-2020. Том 5 Национальный состав и владение языками // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos_tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 10.10.2024).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Есть ли на Вашем предприятии/в организации, где Вы работаете, явления, когда ущемляются права и возможности каких-либо национальностей? И если есть, то как часто это проявляется ...?» в зависимости от этноса, % от всех ответивших*

Table 2

Distribution of responses to the question “Are there any phenomena at your enterprise/organization where you work, when the rights and opportunities of any nationalities are infringed? And if so, how often does this occur...?” Depending on ethnicity, % of all Respondents*

Права и возможности в сфере труда / Rights and Opportunities at Work	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar
При приеме на работу / When Hiring	4,7	5,6	6,3
При выдвижении на руководящую должность / When Promoting to a Management Position	5,1	3,5	4,5
При назначении зарплаты, при повышении зарплаты, премировании / When Setting a Salary, when Raising a Salary, when Giving a Bonus	1,7	4,2	1,3
Когда решался вопрос, кого послать на повышение квалификации / When Deciding who to Send for Advanced Training	1,7	1,4	2,7
Когда решался вопрос, кого сократить с работы / When Deciding who to Lay off from Work	2,0	2,4	1,8
Нет, не приходилось попадать ни в одну из перечисленных ситуаций / No, I have never had to End up in any of the above Situations	77,0	77,3	75,8
Всего / Totals	103,7	104,2	102,7

* Сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа.

Семейный статус респондентов значительно влияет на опыт дискриминации по национальному признаку, если сравнивать ответы лиц, состоящих в браке, вдовых, разведенных и никогда не состоявших в браке. Так, опрошенные жители республики, никогда состоявшие в браке (82,7% ответили, что никогда не сталкивались с подобной дискриминацией), и разведенные (86,6% соответственно) относительно реже лиц, состоящих в браке (74,7% соответственно), сталкивались с вышеперечисленными нарушениями трудовых прав и возможностей по национальному признаку (Хи-квадрат Пирсона=8,5, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). Это может быть связано с тем, что преимущественно молодые люди, никогда не состоявшие в браке, имеют мало опыта работы по сравнению с более старшими группами, состоящими в браке, а также вдовыми

(72,9% лиц, никогда не состоявших в браке, являются молодыми людьми в возрасте до 34 лет).

Среди респондентов, имеющих негативный опыт дискриминации по национальному признаку, чуть больше семей, в которых есть несовершеннолетние дети: 21,1 против 15,7% соответственно сталкивались с ущемлением прав (различия в ответах статистически незначимы, Хи-квадрат Пирсона=3,1, $p > 0,05$). Это снова влияние возраста: 46,1% респондентов, не имеющих несовершеннолетних детей, в возрасте до 34 лет. В то время как респондентов, имеющих несовершеннолетних детей, в возрасте до 34 лет 19,8%. Размер домохозяйства также влияет на этот дискриминационный опыт. Респонденты, ответившие, что живут одни, реже сталкивались с ущемлением трудовых прав и возможностей по национальному признаку (10,1%), чем респонденты,

имеющие как минимум одного члена семьи, проживающего вместе с ними (20%) (Хи-квадрат Пирсона=3,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5).

По данным опроса 2024 года доля башкир, сменивших место работы за последние 5 лет (33,6%), меньше, чем доля русских (45%) и татар (39,3%), которые меняли место работы за этот период времени (Хи-квадрат Пирсона=7,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). По данным опроса 2020 года различия по этому вопросу между этносами незначимы: башкиры (33,5%) русские (39,5%) и татары (37,8%) (Хи-квадрат Пирсона=0,7, $p > 0,05$). Все же видна тенденция, согласно которой русских и татар, сменивших место работы, чуть больше, чем башкир данной республики. Однако башкиры гораздо чаще меняли место работы за эти 5 лет (среднее значение=5,6), чем русские (среднее значение=4,2) и татары (среднее значение=4,0). По данным опроса 2020 года башкиры также чаще меняли место работы за последние 5 лет (среднее значение=1,7), чем русские (среднее значение=1,5) и татары (среднее значение=1,4) республики, что только подтверждает эту тенденцию.

Это может быть связано не столько с этнической принадлежностью, сколько с тем, что башкир, проживающих в сельской местности Башкортостана гораздо больше, чем русских и татар. А жители сел и деревень чаще, чем жители городов республики, работают вахтовым методом, что предполагает повышение социально-трудовой мобильности в целом (Туракаев, Баймурзина, 2022).

Доля лиц, никогда не состоявших в браке, сменивших место работы за последние 5 лет, больше доли остальных групп респондентов по семейному положению, менявших место работы за последние 5 лет (Таблица 3). Если мы рассматриваем частоту смены места работы, то разведенные (среднее значение=7,9) и состоящие в браке (среднее значение=4,8) сравнительно чаще меняли место работы за этот период времени. Лица, никогда не состоявшие в браке (среднее значение=2,9) относительно реже меняли место работы за последние 5 лет. Это, скорее всего, связано с тем, что люди, никогда не состоявшие в браке, чаще всего молодежь, и они еще не успели несколько раз сменить место работы по сравнению с более старшими группами респондентов.

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам менять место работы в течение последних 5 лет» в зависимости от семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 3

Distribution of answers to the question "Have you had to change jobs in the last 5 years?"
Depending on marital status, % of all respondents*

Семейный статус / Marital Status	Нет, не приходилось / No, I didn't have to	Да, приходилось / Yes, I had to	Всего / Totals
Состою в браке / Married	63,8	36,2	100,0
Вдовец (вдова) / Widower	66,7	33,3	100,0
Разведен (а) / Divorced	68,2	31,8	100,0
Никогда не состоял (а) в браке / Never married	50,3	49,7	100,0

* Хи-квадрат Пирсона= 12,8, $p < 0,01$, 0% ячеек со значением меньше 5.

Семейный статус респондентов определялся также при помощи вопросов о количестве детей в семье и количестве членов семьи, постоянно проживающих вместе с ними. Последний вопрос не был

понят всеми респондентами однозначно. Часть респондентов не включала в это число себя, а другая часть, наоборот, считала общее число проживающих вместе с собой. Так, было установлено, что

количество детей до 18 лет не влияет на факт смены места работы респондентами. Меняли место работы как минимум один раз за последние 5 лет 39,7% опрошенных, не имеющих детей до 18 лет, проживающих вместе с ними, и 36,7% опрошенных, имеющих от 1 и больше детей до 18 лет, проживающих вместе с ними. В то же время количество членов семьи заметно оказывает влияние на смену места работы. Среди тех, кто указал, что у него нет членов семьи, проживающих вместе с ними, 52,2% меняли за последние 5 лет работу, а среди тех, у кого есть от 1 и более членов семьи, проживающих вместе с ними, меняли место работы за последние 5 лет уже 37,1% (Хи-квадрат Пирсона=5,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5).

Среди причин смены места работы респонденты чаще всего выбирали варианты ответа: «не устраивала зарплата» (55,9%), «не устраивал график работы, другие условия труда» (23,3%), «не устраивала должность, не видел перспектив для карьеры» (23,3%), «не устраивало содержание работы, не было к ней интереса» (17,7%). Для всех трех основных этнических групп республики эти причины являются самыми распространенными. Семейный статус, количество несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства также не влияют на выбор основных причин смены места работы по нашим данным.

Профессиональная мобильность (Occupational Mobility). Как видно из таблицы 4, различия в ответах представителей трех этносов можно наблюдать только в «переобучении на курсах на другую специальность» опрошенных жителей Республики Башкортостан за последние 3 года. Башкиры сравнительно реже переобучались на другую специальность,

чем татары и русские данного региона. Хотя во всех подвопросах различия в ответах респондентов статистически незначимы, что говорит о том, что у всех трех этносов равные возможности в сфере образования.

Респонденты, никогда не состоявшие в браке, сравнительно чаще учились в профессиональном учебном заведении, т.к. они в среднем моложе других групп респондентов (Таблица 4). Разведенные респонденты по каким-то причинам менее активны относительно повышения своего образования и квалификации. В связи с тем, что различия в ответах респондентов статистически незначимы, это может быть случайным распределением ответов. Однако в сумме русские и татары все же чаще проявляли активность в этой сфере. Хотя в подвопросе «Обучаться в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза» различия в ответах значимы, и разведенные также реже остальных получали профессиональное образование, чем остальные группы респондентов. Профессиональное образование получали в два раза чаще те, у кого отсутствуют несовершеннолетние дети, в отличие от тех, у кого они есть (Хи-квадрат Пирсона=13,6, $p < 0,01$, 0% ячеек со значением меньше 5). Обучались в профессиональном учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза также на 15% чаще те, кто живет один в домохозяйстве в отличие от тех, кто проживает как минимум с одним членом семьи (Хи-квадрат Пирсона=9,0, $p < 0,01$, 0% ячеек со значением меньше 5). Здесь снова играет роль возраст. Как уже упоминалось выше, для молодежи чаще характерно отсутствие детей и других членов домохозяйства.

Таблица 4
Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам в течение последних 3-х лет...?»
в зависимости от этноса и семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 4
Distribution of Answers to the Question “Have you had to... in the Last 3 years?”
Depending on ethnicity and marital status, % of all respondents*

Ответы / Answers	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar	Состою в браке / Married	Разведен (а) / Divorced	Никогда не состоял (а) в браке / Never Married
Обучаться на курсах повышения квалификации по своей специальности / Take Advanced training courses in your specialty	41,4	44,7	43,3	45,5	31,8	39,0
Переобучаться на курсах на другую специальность / Re-train in courses for another specialty	15,4	22,7	20,2	18,5	16,9	21,0
Обучаться на курсах, не связанных с Вашей работой / Take courses unrelated to your job	27	27,8	25,9	27,2	16,9	28,5
Обучаться в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза / Study at an educational institution to obtain a diploma from a school, college, or university	19,9	22,4	23	15,5	9,2	38,6
Всего / Totals	103,7	117,6	112,4	106,7	74,8	127,1

* Семейный статус (подвопрос «Обучаться в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа, вуза» (Хи-квадрат Пирсона = 50,7, $p < 0,01$)). Сумма ответов превышает 100%, т.к. респонденты могли выбрать несколько вариантов ответа. Наблюдений по группе «вдовец (ва)» мало, поэтому они не включены в таблицу.

Профессию среди респондентов Башкортостана меняли сравнительно больше также русские, чем татары и башкиры (Таблица 5). По данным опроса 2020 года доля русских, сменивших профессию за последние 10 лет, также чуть больше (34,7%), чем у башкир (31,4%) и татар (29,5%) (Хи-квадрат Пирсона = 2,1, $p > 0,05$). Разведенные и никогда не состоявшие в браке сравнительно чаще

меняли профессию. Это может быть также связано с влиянием семейного бремени на профессиональную мобильность. Однако по этносам и семейному статусу различия в ответах на этот вопрос статистически незначимы. Наличие несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства не влияет на факт смены профессии / специальности.

Таблица 5

Распределение ответов на вопрос «Приходилось ли Вам за последние 10 лет менять профессию (специальность) и работать по ней?» в зависимости от этноса и семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 5

Distribution of answers to the question “Have you had to change your occupation (specialty) and work in it in the last 10 years?” Depending on ethnicity and family status, % of all respondents*

Ответы / Answers	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar	Состою в браке / Married	Разведен (а) / Разведен (а) / Divorced	Никогда не состоял (а) в браке / Never Married
Приходилось один раз / I had to Once	17,4	20,9	21,5	17,3	22,7	21,1
Приходилось несколько раз / I had to Several Times	12,4	13,9	9,3	13,4	9,1	9,7
Нет, не приходилось / No, I didn't have to	66,3	59,7	63,1	66,1	59,1	61,1
У меня нет определенной профессии / специальности / I don't have a Specific Occupation/Specialty	3,9	5,5	6,1	3,2	9,1	8,1
Всего / Totals	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Этнос (Хи-квадрат Пирсона=12,8, $p>0,05$). Семейный статус (Хи-квадрат Пирсона=16,1, $p>0,05$). Наблюдений по группе «вдовец (ва)» мало, поэтому они не включены в таблицу.

Основные этнические группы Республики Башкортостан чаще всего меняли профессию из-за «низкой заработной платы в прежней профессии» (51,4%), «желания попробовать себя в новой профессиональной области» (27,3%), «неудовлетворенности содержанием работы» (22,0%), «невозможности реализоваться в профессии, добиться успеха» (20,8%) и «плохих условий труда» (18,4%).

Миграция (Migration). Относительное большинство опрошенных жителей, имеющих миграционный опыт, переезжали в пределах Башкортостана (72,1%). Из них 18,6% респондентов меняли постоянное место жительства внутри своего населенного пункта и столько же процентов – внутри своего муниципального района. В пределах России переезжали 31% опрошенных

жителей республики. Жили и работали за рубежом 3,9% респондентов. Стоит отметить, что доля русских, менявших постоянное место жительства внутри республики, самая высокая и составляет 88,1% от всех наблюдений. Для сравнения 68% башкир и 59,4% татар переезжали внутри Республики Башкортостан. Если доля татар, затруднившихся ответить на этот вопрос, относительно большая (8,1%), то ни один опрошенный башкир не затруднился ответить на этот вопрос. Сложно комментировать большую направленность представителей русской этнической группы Башкортостана на внутрирегиональную миграцию. Однако это может быть связано с небольшим общим количеством респондентов, имеющих миграционный опыт среди всех трех рассматриваемых этносов республики (129 человек).

Доля лиц, состоящих в браке, и, менявших постоянное место жительства внутри региона, относительно большая и составляет 78,9%. Таковых среди никогда не состоявших в браке меньше – 64,8%. Семьи с несовершеннолетними детьми сравнительно чаще семей без детей до 18 лет переезжали на постоянное проживание в пределах данного региона (83,7 и 61,2% соответственно). Одинок проживающие в своем домохозяйстве также меньше переезжали внутри республики по сравнению с респондентами, имеющими в составе домохозяйства других людей (74,7 и 35,7% соответственно). Хотя различия в ответах статистически незначимы, в данном случае видна отчетливая тенденция, согласно которой наличие семьи и детей сокращает дальность миграции до своего населенного пункта, муниципального района или региона.

По нашим данным представители русской этнической группы чаще башкир и татар меняли постоянное место жительства в связи с работой (вопрос «Сколько всего раз за последние 10 лет Вам приходилось менять место жительства в связи с работой?»). Так, 42,9% русских респондентов меняли место жительства в связи с работой за последние 10 лет. Среди башкир таковых 22,7%, а среди татар 15,2% (Хи-квадрат Пирсона=7,3, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). Никогда не состоявшие в браке чаще меняли место жительства в связи с работой по сравнению с респондентами, состоящими в браке, хотя различия в ответах респондентов статистически незначимы. В свою очередь есть статистически значимые различия в ответах на этот вопрос в зависимости от наличия несовершеннолетних детей: респонденты без детей до 18 лет чаще меняли место жительства из-за работы (31,8 и 6,3% соответственно). Похожая тенденция частоты смены места жительства в связи с работой наблюдается и по количеству членов семьи (хотя различия в ответах по данному параметру статистически незначимы). Одинок

проживающие чаще меняли место проживания, чем те, у кого есть другие члены домохозяйства (45,5 и 20% соответственно).

Респондентам также задавали вопрос о том, остались бы они жить в предыдущем месте постоянного проживания, если бы там была подходящая для них работа. Чаще всего выражали желание остаться башкиры (57,5%), затем татары (34,6%), и меньше всего – русские (25,8%) (Хи-квадрат Пирсона=7,9, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). В то время как мы не обнаружили влияния состояния в браке и количества членов домохозяйства на готовность остаться жить в предыдущем месте жительства, мы определили, что респонденты без несовершеннолетних детей (55,0%) чаще хотели бы остаться в предыдущем месте жительства, чем респонденты, имеющие в составе семьи детей до 18 лет (29,2%) (Хи-квадрат Пирсона=4,0, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5).

Как и предполагалось, доля опрошенных башкир, вовлеченных во временную трудовую миграцию относительно большая (Таблица 6). Мы уже упоминали выше о высокой распространенности вахтовой трудовой миграции среди башкир, преимущественно из сельской местности. Свежие данные только подтверждают выводы наших предыдущих исследований. К тому же Республика Башкортостан находится на втором месте после Московской области среди всех субъектов РФ по общему количеству занятых в возрасте от 15 лет, чье место работы находится в другом населенном пункте, отличном от места их постоянного проживания. При этом Башкортостан занимает первое место в РФ по общему количеству временных (вахтовых) трудовых мигрантов от 15 лет и старше, которые выезжают на работу «несколько раз в месяц» или «1 раз в месяц и реже» с большим отрывом от субъекта, идущего на втором месте (Башкортостан – 130 044 чел. и Саратовская область – 52 595

чел.)⁶. Лица, состоящие в браке, сравнительно чаще вовлечены в вахтовую (временную) и маятниковую (ежедневную) трудовую миграцию. Это также согласовывается с нашими предыдущими исследованиями, согласно которым вахтовые работники являются семейными людьми. Если наличие несовершеннолетних детей никак не влияет на временные отъезды из дома на работу, то наличие других членов домохозяйства связано с большей вовлеченностью жителей Башкортостана как во временную,

так и в маятниковую трудовую миграцию. Так, 32,4% респондентов, имеющих членов в своем домохозяйстве, и 17,9% одиноко проживающих сказали, что имеют вахтовиков и маятниковых мигрантов в семье (Хи-квадрат Пирсона=7,7, $p < 0,05$, 0% ячеек со значением меньше 5). При этом 47% респондентов ответили, что сами ездят в другой населенный пункт республики, регион России или страну. Стоит отметить, что башкиры (38,8%) чаще русских (20,9%) и татар (33,3%) ездят в другой регион страны на вахту.

Таблица 6

Распределение ответов на вопрос «Есть ли у Вас в домохозяйстве (семье) люди, работающие в другом населенном пункте?» в зависимости от этноса и семейного статуса, % от всех ответивших*

Table 6

Distribution of answers to the question “Do you have people in your household (family) working in another locality?” Depending on ethnicity and family status, % of all respondents*

Ответы	Башкир (ка) / Bashkir	Русский (ая) / Russian	Татарин (ка) / Tatar	Состою в браке / Married	Разведен (а) / Разведен (а) / Divorced	Никогда не состоял (а) в браке / Never Married
Да, есть вахтовики, выезжающие в другой населенный пункт, регион, страну на несколько дней, недель, месяцев / Yes, there are long-distance commuters who travel to another locality, region, country for several days, weeks, months	25,4	18,4	18,8	23,2	17,2	18,5
Да, есть те, кто ездит каждый день или через день в другой населенный пункт / Yes, there are those who travel every day or every other day to another locality	10,6	13,5	8,9	12,2	9,4	8,2
Нет, все работают в том же городе/ селе, где и живут / No, everyone works in the same city/village where they live	64,0	68,0	72,3	64,6	73,4	73,4
Всего / Totals	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

* Этноты (Хи-квадрат Пирсона=7,6, $p > 0,05$). Семейный статус (Хи-квадрат Пирсона=6,0, $p < 0,05$). Наблюдений по группе «вдовец (ва) мало, поэтому они не включены в таблицу.

⁶ Итоги ВПН-2020. Том 10 Рабочая сила // Росстат. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom10_Rabochaya_sila (дата обращения: 10.10.2024).

Мы не обнаружили статистически значимой взаимосвязи между этнической принадлежностью, брачным статусом, наличием несовершеннолетних детей, размером домохозяйства и трудовой, профессиональной и миграционной мобильностью населения республики. Однако есть пропорциональные различия в ответах респондентов по семейному статусу и этнической принадлежности, на основании которых можно делать предположение об одновременном взаимосвязанном влиянии этнического и семейного фактора на миграционную подвижность населения региона. Основная тенденция, которую мы обнаружили, заключается в том, что у башкир, состоявших в браке (38,5%), относительно больше доля членов семьи, работающих вахтовым методом (26,2%), чем у татар (20,3%) и русских (22,1%), также состоявших в браке. У русских к тому же сравнительно меньше доля никогда не состоявших в браке, вовлеченных в вахтовый труд (12,1%), чем у татар (22,2%) и башкир (21,9%). В семьях с несовершеннолетними детьми вахтовики есть чаще у башкир (26,7%) и татар (19,4%) по сравнению с русскими (14,9%).

Заключение (Conclusions). Таким образом, трудовая, профессиональная и миграционная мобильность основных этносов Башкортостана не всегда имеет этническую специфику. Так, примерно одинаковая доля башкир, татар и русских (23–24%) сталкивались с фактами ущемления прав по национальному признаку в сфере труда.

Представителей русской этнической группы, которые меняли место работы, профессию и место жительства в связи с работой, сравнительно больше, чем башкир и татар. Хотя доля башкир, сменивших место работы за последние 5 лет, относительно меньше, они чаще меняли место работы за этот период, чем русские и татары республики. Это может быть связано с тем, что башкиры больше чем русские и татары проживают в сельской

местности Башкортостана и чаще вовлекаются во временную (вахтовую) трудовую миграцию. В свою очередь, русские больше проживают в городской местности Башкортостана, что также может влиять на их повышенную трудовую мобильность.

Семейный статус, который мы определяли через семейное (брачное) положение, наличие несовершеннолетних детей и количество членов домохозяйства влияет на трудовую мобильность и миграцию населения республики. Несмотря на то, что различия в ответах респондентов на содержательные вопросы не всегда статистически значимы, мы выявили отчетливые тенденции. Отсутствие семьи и несовершеннолетних детей способствует повышению как социально-трудовой, так и социально-профессиональной мобильности населения основных этносов Республики Башкортостан. С реализацией прав и возможностей в сфере труда по национальному признаку сравнительно реже сталкивались респонденты, не имеющие семейных обязательств. Это преимущественно представители молодого поколения, не состоящие в браке, респонденты без несовершеннолетних детей и живущие одни в домохозяйстве. Значимой зависимости от этнической принадлежности здесь мы не обнаружили.

Установлено, что у всех трех основных этносов Башкортостана имеются равные возможности в сфере получения образования и повышения профессиональной квалификации. Респонденты, никогда не состоявшие в браке, сравнительно чаще обучались в учебном заведении для получения диплома училища, колледжа или вуза, т.к. они в среднем моложе других групп респондентов по семейному положению.

Отсутствие семейных обязательств и несовершеннолетних детей способствует увеличению миграционной подвижности населения региона. В свою очередь, наличие семьи и детей сокращает дальность

миграции до своего региона постоянного проживания. Вахтовая трудовая миграция больше всего распространена среди семейных башкир, преимущественно из сельской местности. Это согласовывается с нашими предыдущими исследованиями, согласно которым вахтовые работники являются в основном семейными людьми.

Список литературы

- Антропов В. В. Международная трудовая миграция: современные тенденции и экономические последствия // Социально-трудовые исследования. 2020. № 4 (41). С. 155-167. DOI: <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167>.
- Бурханова Ф. Б. Современный брак в Башкортостане. Уфа: РИО БашГУ, 2004. 325 с.
- Бурханова Ф. Б. Изменения брачной структуры этносов Башкортостана по данным всероссийских переписей населения // Уфимский гуманитарный научный форум. 2023. № 4 (16). С. 193-215. DOI: <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2023-4-193-215>.
- Бурханова Ф. Б., Асадуллина Г. Р. Условия и факторы жизни семей с детьми у башкир и тувинцев (опыт социологического анализа) // Научный результат. Социология и управление. 2022. Т. 8, № 4. С. 31-46. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>.
- Влияние трудовой миграции на семейные отношения в посылающих странах Центральной Азии (на примере Таджикистана) / С. В. Рязанцев, Е. Е. Письменная, С. Ю. Сивоплясова, Ш. Ю. Акрамов, Ш. Ш. Гафурова // Сегодня и завтра Российской экономики. 2017. № 83-84. С. 35-52. DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2017-83-84-02>.
- Гимбатов Ш. М. Этнорегиональные особенности трудовой миграции в республике Дагестан // Труд и социальные отношения. 2010. Т. 21, № 12. С. 21-25.
- Демографическое развитие России: тенденции, прогнозы, меры. Национальный демографический доклад – 2020 / С. В. Рязанцев, В. Н. Архангельский, О. Д. Воробьева, Т. К. Ростовцева [и др.]. Отв. ред. С. В. Рязанцев. Москва: ООО «Объединенная редакция», 2020. 156 с.
- Демографическое самочувствие регионов России. Национальный демографический доклад – 2023 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова [и др.]. Отв. ред. Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова; ФНИСЦ РАН. Вологда: Вологодский научный центр, 2024. 336 с.
- Карпов Ю. Ю., Капустина Е. Л. Горцы после гор. Миграционные процессы в Дагестане в XX-начале XXI века: их социальные и этнокультурные последствия и перспективы. Санкт-Петербург: Центр «Петербургское востоковедение», 2011. 450 с. (Ethnographica Petropolitana).
- Намруева Л. В. Влияние миграции молодежи на сохранение этничности (на примере калмыков) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2011. № 2. С. 87-92.
- Российская молодежь: социально-демографический портрет и система ценностей в контексте многонациональной основы российского государства / А. М. Бекарев, В. А. Бондаренко, М. М. Бичарова [и др.]. Москва: Общество с ограниченной ответственностью «Издательско-торговый Дом «ПЕРСПЕКТИВА», 2017. 600 с.
- Российское общество и государство в условиях становления нового мирового порядка: демографическая ситуация в 2022 году / С. В. Рязанцев, Т. К. Ростовская, В. Н. Архангельский [и др.]. Москва: Издательство Проспект, 2023. 448 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023>.
- Ростовская Т. К. Развитие института молодой семьи в современном обществе // Государственный советник. 2013. № 2 (2). С. 46-52.
- Ростовская Т. К., Саралиева З. Х. М. Особенности и жизненные стратегии молодых мигрантов из национальных республик Российской Федерации, проживающих в Нижегородской области // Научный результат. Социология и управление. 2018. Т. 4, № 1. С. 72-85. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-1-72-85>.
- Рязанцев С. В., Леденева В. Ю., Мищук С. Н. Влияние миграции на трансформацию этнического состава населения России: тенденции и подходы к политике адаптации мигрантов // Журнал Сибирского федерального

университета. Серия: Гуманитарные науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 104-116.

Савоскул М. С. Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2011. № 5 (105). С. 103-112.

Студенческая семья в России: барьеры и возможности благополучия / Т. К. Ростовская, Е. Н. Васильева, О. Н. Калачикова [и др.]. Иваново: Ивановский государственный университет, 2024. 448 с.

Туракаев М. С. Временная трудовая миграция в России: актуальные вопросы и социологические исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. 2021. Т. 24, № 4. С. 34-58. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.2>.

Туракаев М. С., Баймурзина Г. Р. Работа вахтовым методом глазами временных трудовых мигрантов из Башкортостана // Проблемы развития территории. 2022. Т. 26, № 6. С. 115-133. DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>.

Уханова А. В., Смиреникова Е. В., Воронина Л. В. Классификация факторов миграции населения российской Арктики // Фундаментальные исследования. 2021. № 4. С. 123-129. DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43011>.

Хилажева Г. Ф. Современная семья в контексте транслокальной миграции (на примере семей вахтовых мигрантов Башкортостана) // Женщина в российском обществе. 2021. № 1. С. 68-82. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>.

Шаповалова И. С., Заводян И. С., Валиева И. Н. Молодежь российского приграничья: проблема этнической идентичности и толерантности // Научный результат. Социология и управление. 2021. Т. 7, № 1. С. 21-38. DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2>.

Шаповалова И. С., Маликова Е. В. Реализация государственной молодежной политики в России: региональный аспект // Теория и практика общественного развития. 2018. № 6 (124). С. 22-26. DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>.

References

Antropov, V. V. (2020), "International Labor Migration: Current Trends and Economic Consequences", *Social'no-trudovye issledovaniya*, 4(41), 155-167, DOI:

<https://doi.org/10.34022/2658-3712-2020-41-4-155-167>. (In Russian)

Burkhanova, F. B. (2004), *Sovremennyy brak v Bashkortostane* [Modern Marriage in Bashkortostan], RIO BashGU, Ufa, Russia. (In Russian)

Burkhanova, F. B. (2023), "Changes in the Marriage Structure of Ethnic Groups in Bashkortostan According to All-Russian Population Censuses", *Ufimskij gumanitarnyj nauchnyj forum*, 4 (16), 193-215, DOI: <https://doi.org/10.47309/2713-2358-2023-4-193-215>. (In Russian)

Burkhanova, F. B., Asadullina, G. R. (2022), "Living Conditions and Factors of Families with Children among the Bashkirs and Tuvans (Sociological Analysis)", *Research Result. Sociology and Management*, 8 (4), 31-46, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2022-8-4-0-4>. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Pismennaya, E. E., Sivoplyasova, S. Yu., Akramov, Sh. Yu., Gafurova, Sh. Sh. (2017), "The Impact of Labor Migration on Family Relations in Sending Countries of Central Asia (using Tajikistan as an Example)", *Segodnja i zavtra Rossijskoj jekonomiki*, (83-84), 35-52, DOI: <https://doi.org/10.26653/1993-4947-2017-83-84-02>. (In Russian)

Gimbatov, Sh.M. (2010), "Ethnoregional Features of Labor Migration in the Republic of Dagestan", *Trud i social'nye otnosheniya*, 21 (12), 21-25. (In Russian)

Ryazantsev, S.V., Arkhangelsky, V.N., Vorobyova, O.D., Rostovtseva, T.K. et al. (2020), *Demograficheskoe razvitie Rossii: tendencii, prognozy, mery. Nacional'nyj demograficheskij doklad – 2020* [Demographic Development of Russia: Trends, Forecasts, Measures. National Demographic Report – 2020], ООО "Obedinennaya Redaktsiya", Moscow, Russia. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. et al. (2024), *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii. Nacional'nyj demograficheskij doklad – 2023* [Demographic Well-Being of the Regions of Russia. National Demographic Report – 2023], Vologodskiy nauchnyy tsentr, Vologda, Russia. (In Russian)

Karpov, Yu. Yu., Kapustina, E. L. (2011), *Gorcy posle gor. Migracionnye processy v Dagestane v HH-nachale XXI veka: ih social'nye i jetnokul'turnye posledstviya i perspektivy* [Highlanders after the Mountains. Migration Processes in Dagestan in the 20th–Early 21st

Century: Their Social and Ethnocultural Consequences and Prospects], Peterburgskoye vostokovedeniye, St. Petersburg, Russia. (In Russian)

Namrueva, L. V. (2011), "The Impact of Youth Migration on the Preservation of Ethnicity (using the Kalmyks as an Example)", *RUDN Journal of Sociology*, (2), 87-92. (In Russian)

Bekarev A. M., Bondarenko V. A., Bicharova M. M. et al. (2017), *Rossijskaja molodezh': social'no-demograficheskij portret i sistema cennostej v kontekste mnogonacional'noj osnovy rossijskogo gosudarstva* [Russian Youth: Social and Demographic Portrait and Value System in the Context of the Multinational Foundation of the Russian State], Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu «Izdatel'sko-torgovyy Dom «PERSPEKTIVA», Moscow, Russia. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Rostovskaya, T. K., Arkhangel'skiy, V. N. et al. (2023), *Rossijskoe obshchestvo i gosudarstvo v uslovijah stanovlenija novogo mirovogo porjadka: demograficheskaja situacija v 2022 godu* [Russian Society and the State in the Context of the Emergence of a New World Order: The Demographic Situation in 2022], Izdatelstvo Prospekt, Moscow, Russia, DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr.978-5-392-38629-1.2023>. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2013), "Development of the Institute of Young Family in Modern Society", *Gosudarstvennyj sovetnik*, 2 (2), 46-52. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Saraliev, Z. Kh. M. (2018), "Characteristics and Life Strategies of Young Migrants from the National Republics of the Russian Federation Living in the Nizhny Novgorod Region", *Research Result. Sociology and Management*, 4 (1), 72-85, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2018-4-1-72-85>. (In Russian)

Ryazantsev, S. V., Ledeneva, V. Yu., Mishchuk, S. N. (2023), "The Impact of Migration on the Transformation of the Ethnic Composition of the Population of Russia: Trends and Approaches to the Policy of Adaptation of Migrants", *Zhurnal Sibirskogo federal'nogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki*, 16 (1), 104-116. (In Russian)

Savoskul, M. S. (2011), "Adaptation Strategies for Ethnic Migrants in Local Communities", *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (5), 103-112. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N., Kalachikova, O. N. (2024), *Studencheskaja sem'ja*

v Rossii: bar'ery i vozmozhnosti blagopoluchija [Student Family in Russia: Barriers and Opportunities for Well-Being], Ivanovskiy gosudarstvennyy universitet, Ivanovo, Russia. (In Russian)

Turakayev, M. S. (2021), "Temporary Labor Migration in Russia: Current Issues and Sociological Research", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 24 (4), 34-58, DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.2>. (In Russian)

Turakayev, M. S., Baimurzina, G. R. (2022), "Shift Work through the Eyes of Temporary Labor Migrants from Bashkortostan", *Problems of Territory's Development*, 26(6), 115-133, DOI: <https://doi.org/10.15838/ptd.2022.6.122.7>. (In Russian)

Ukhanova, A. V., Smirennikova, E. V., Voronina, L. V. (2021), "Classification of Factors of Migration of the Population of the Russian Arctic", *Scientific Journal «Fundamental Research»*, (4), 123-129, DOI: <https://doi.org/10.17513/fr.43011>. (In Russian)

Khilazheva, G. F. (2021), "Modern Family in the Context of Translocal Migration (on the example of families of shift migrants from Bashkortostan)", *Woman in Russian Society*, (1), 68-82, DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.1.6>. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Zavodyan, I. S., Valieva, I. N. (2021), "Youth of the Russian Borderland: The Problem of Ethnic Identity and Tolerance", *Research Result. Sociology and Management*, 7 (1), 21-38, DOI: <https://doi.org/10.18413/2408-9338-2021-7-1-0-2>. (In Russian)

Shapovalova, I. S., Malikova, E. V. (2018), "Implementation of State Youth Policy in Russia: Regional Aspect", *Theory and Practice of Social Development*, (6), 22-26, DOI: <https://doi.org/10.24158/tipor.2018.6.4>. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 15 октября 2024 г. Поступила после доработки 01 декабря 2024 г. Принята к печати 10 декабря 2024 г. Received 15 October 2024. Revised 01 December 2024. Accepted 10 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Валиахметов Рим Марсович, кандидат социологических наук, заведующий, научная лаборатория социальных и демографических исследований, профессор, кафедра социологии и работы с молодежью, Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия.

Rim M. Valiakhmetov, Candidate of Sociology, Head of the Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Professor, Department of Sociology and Youth Work, Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

Туракаев Марсель Салаватович, кандидат социологических наук, старший преподаватель, кафедра социологии и работы с молодежью, главный специалист, научная лаборатория

социальных и демографических исследований, Уфимский университет науки и технологий; старший научный сотрудник, лаборатория региональных исследований качества жизни, центр изучения регионов России, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Уфа, Россия.

Marcel S. Turakayev, Candidate of Sociology, Senior Lecturer, Department of Sociology and Youth Work, Chief Specialist, Scientific Laboratory for Social and Demographic Research, Ufa University of Science and Technology; Senior Researcher, Laboratory for Regional Studies of Quality of Life, Centre of Russian Regions Research, Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

УДК 316.356.2

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-7

Оригинальная статья

Лушникова О. Л.

**Межнациональные браки в Хакасии:
проблема смешанного происхождения**

Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
улица Щетинкина, дом 23, Абакан, 655017, Россия
oltolt@mail.ru

Аннотация: Интенсивная миграция в условиях современного мира приводит к изменению национального состава отдельных стран и регионов. Увеличивается количество межнациональных браков и людей, рожденных от представителей разных национальностей, что актуализирует проблему смешанного происхождения. В статье ставится цель – оценить положительные стороны этого процесса и выявить негативные последствия этнического смешения или метисации (исследование проведено на примере Хакасии). Эмпирической базой послужили данные опроса экспертов (n=10) и людей смешанного происхождения (n=50). Выявлено разное отношение к межэтническим бракам со стороны разных этнических групп региона. Проживающие в республике русские относятся к смешанным бракам в целом нейтрально, но случаи неодобрения встречаются. Хакасы относятся к смешанным бракам положительно или нейтрально. Выделены основные факторы, влияющие на формирование этнической идентичности метисов: национальный состав места проживания, близкое окружение, особенности фенотипа, знание языка и др. Межэтнические браки положительно сказываются на обновлении генофонда титульного этноса (хакасов), способствуют межнациональному согласию, уменьшению противоречий. Метисы могут выступать в качестве культурных брокеров разных культур. Однако ускорение темпов метисации актуализирует проблему сохранения титульного этноса республики (хакасов), в том числе языка, культуры, традиций. Сделан вывод о неизбежности и необратимости процессов метисации в регионе.

Ключевые слова: межнациональные браки; межэтнические браки; национально-смешанные браки; смешанное происхождение; этническая идентичность; национальность; метисы

Благодарность: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда «Метисация населения как один из ключевых трендов этноэволюционных процессов Хакасии», № 23-28-10040.

Информация для цитирования: Лушникова О. Л. Межнациональные браки в Хакасии: проблема смешанного происхождения // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 130-143. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-7

Olga L. Lushnikova

**Interethnic marriages in Khakassia:
the problem of mixed origin**

Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
23 Schetinkina St., Abakan, 655017, Russia
oltolt@mail.ru

Abstract. The phenomenon of intensive migration has resulted in significant shifts in the national composition of individual countries and regions across the contemporary global landscape. The issue of mixed origins has become increasingly prevalent due to the rise in interethnic marriages and the growing number of individuals born to parents from different nationalities. The purpose of this article is to evaluate the positive aspects of this process and to identify the negative consequences of ethnic mixing or mestizaje. The study was conducted with reference to the example of Khakassia. The empirical basis for this study was a survey of experts (n=10) and people of mixed origin (n=50). Attitudes towards interethnic marriages vary considerably among the region's diverse ethnic groups. The attitude of rural Russians towards mixed marriages is, in general, one of neutrality. However, there are instances where disapproval is expressed. The Khakass people tend to view mixed marriages in a favourable or neutral light. The formation of the ethnic identity of mestizos is primarily influenced by a number of factors, including the national composition of their place of residence, their immediate surroundings, the characteristics of their phenotype, their level of language proficiency, and other factors. The formation of interethnic marriages has a positive effect on the renewal of the gene pool of the titular ethnic group. The latter is conducive to interethnic harmony and the mitigation of contradictions. Mestizos can act as cultural intermediaries between different cultures. Nevertheless, the acceleration of the process of mestization serves to highlight the challenge of preserving the titular ethnic group of the republic, including its language, culture and traditions. The author concludes that the processes of mestizaje in the region are inevitable and irreversible.

Keywords: interethnic marriages; nationally mixed marriages; mixed origin; ethnic identity; nationality, mestizos

Acknowledges: Study was supported by Russian Science Foundation “Miscegenation or the population as one of the key trends of the ethnoevolutionary processes in Khakassia”, № 23-28-10040.

Information for citation: Lushnikova, O. L. (2024), “Interethnic marriages in Khakassia: the problem of mixed origin”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 130-143. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-7

Введение (Introduction). Этническая карта мира в современных условиях меняется: из-за интенсивной миграции, роста межнациональных и межрасовых браков увеличивается число людей смешанного происхождения, в том числе с неопределенной этнической идентичностью. С одной стороны, и

миграционные процессы, и межнациональные браки способствуют сближению культур, увеличению контактов, обмену знаниями, опытом и т.п. С другой стороны, обостряется вопрос сохранения небольших по численности народов и этносов, которые активно взаимодействуют с доминирующими

этническими сообществами. Учитывая противоречивый характер этих процессов, мы видим необходимым выявить и позитивные, и негативные последствия этнического смешения или *метисации* населения в современных условиях.

Смешанное происхождение: идентичность, маргинальность, последствия. Основные традиции изучения межнациональных вопросов, в том числе национально-смешанных браков, в отечественной науке были заложены в конце 1980-х гг. В фокусе исследователей были и общие этносоциальные процессы (Бромлей, 1987; Гурвич, 1989), и этнокультурная жизнь (Дробижева, Арутюнян, 1987), и межэтнические браки (Сусоколов, 1987), и собственно идентичность людей смешанного происхождения (Галкина, 1989) и др. В тот период интерес к этой проблематике объяснялся необходимостью понимания межэтнических отношений, в частности через брачное поведение, в условиях многонационального советского государства. Несмотря на большое количество эмпирических исследований, по мнению Ю.В. Арутюняна, серьезных теоретических разработок в тот период не было (Арутюнян, 1998: 197).

В современных условиях интерес к изучению межнациональных браков не угас, что объясняется интенсивными миграционными потоками, которые приводит к изменению этнического облика нынешнего общества: растет число межнациональных, межрасовых браков, увеличивается численность людей смешанного происхождения, актуализируется вопрос межкультурного взаимодействия, обостряется проблема этнической идентичности таких людей и т.д. Эти вопросы по-прежнему интересны современным исследователям, особенно изучение межэтнических браков (Трифонова, 2014; Хачатрян, Чадова, 2016; Кривоногов, 2023; Ростовская, Кучмаева, 2023), вопросы идентичности людей смешанного происхождения (Даровских, 2015; Лурье, 2020; Пятницкая, 2023) и др.

Методология и методы (Methodology and Methods). В зарубежных исследованиях эта проблема часто рассматривается сквозь призму мультикультурализма, в основе которого лежат принципы культурного, этнического, языкового, конфессионального и т.п. многообразия (Banting, Kymlicka, 2006; Modood, 2013 и др.). Хотя среди них встречаются работы, подвергающие критике политику мультикультурализма в современном обществе (Lentin, Titley, 2011; Mahtani, 2014 и др.). Проблема идентичности людей смешанного происхождения также освещается зарубежными исследователями на протяжении многих лет (Wilson, 1987; Song, 2003; Alcoff, 2006 и др.). В последнее время появляются работы, поднимающие вопрос постэтничности, пострасовой политики и т.п. (Wise, 2010; Goldberg, 2015 и др.).

В современной отечественной литературе также много работ, посвященных разным аспектам межнациональных браков. Есть работы, рассматривающие проблему межэтнических браков комплексно (Намруева, 2013; Хачатрян, Чадова, 2016; Кривоногов, 2023 и др.). Исследователи отмечают, что члены межнациональных семей чаще встречаются с конфликтами или даже социальным исключением (Озеров, 2015: 40). Некоторые исследователи фокусируют внимание на том, каким образом национально-смешанные браки влияют на этнодемографические процессы (Рубцов, Рожко, Биктимиров, 2020; Тиникова, 2023 и др.). Исследователи рассуждают о возможных вариантах развития демографических процессов, перспективах сохранения численности контактирующих этносов и др.

Много работ посвящено вопросам идентичности людей национально-смешанного происхождения (Низамова, 2011; Даровских, 2015; Лурье, 2020; Пятницкая, 2023 и др.). Большинство

исследователей подчеркивает проблемный характер процесса самоидентификации таких людей. Так, при изучении еврейской идентичности у потомков смешанных браков исследователи выявили «космополитическую» группу и группу с «расколотой» самоидентификацией: первая – это те, кто не хочет причислять себя к какому-то отдельному народу, не хочет об этом думать; вторая – те, кто не может причислить себя к какому-то отдельному народу, хотя много об этом думает (Носенко, 2004: 51-52).

Исследователи обращают внимание на то, что выбор этнической идентичности людей национально-смешанного происхождения зависит от разных факторов (места проживания, окружения, отношений с родственниками, внешности и др.). При этом важно различать номинальную и действительную идентичности: в первом случае мы имеем дело с обозначением (или именем) этничности, то во втором – с практическим опытом. Так, люди могут идентифицировать себя одинаково, но проявлять свою идентичность совершенно по-разному (Jenkins, 2008: 112). Существует мнение, что смешанное население имеет, как правило, ослабленные этнические признаки меньшего из двух контактирующих этносов... даже если метисы по самосознанию относят себя к меньшему из двух этносов, то по языковым, культурным характеристикам чаще приближаются к показателям более многочисленного этноса (Кривоногов, 2023: 5).

Распространенным является определение этнической идентичности по отцу, хотя случаи выбора национальности матери тоже нередки. По мнению исследователей, такой выбор обусловлен её более высоким социально-культурным статусом и нахождением семьи на территории коренной этнической среды матери (Рубцов, Рожко, Биктимиров, 2020: 55). Значительное влияние на выбор национальности оказывает место

проживания. В исследовании межэтнических браков в Калмыкии приводятся слова девушки из межнациональной семьи (мать – калмычка, отец – лезгин), которая на вопрос «Кем она себя считает по этническому происхождению?» находчиво отвечает, что это будет зависеть от того, где ее семья будет проживать (Намруева, 2013: 173). Вообще исследователи считают, что во втором поколении смешанных семей обрывается этническая линия одного из родителей, исключается его роль в воспроизводстве коренной для него этнической общности (Мендешева, 2020: 55).

Существует мнение, что смешанное происхождение ассоциируется с маргинальностью. Еще Р. Парк в своих исследованиях описывал маргинала как человека смешанной крови, который живет в двух мирах, в обоих из которых он в большей или меньшей степени чужой (Park, 1928: 893). Вообще концепт «familiar stranger» (Hall and Schwarz, 2017) по отношению к людям национально-смешанного происхождения является довольно распространенным. Исследователи вообще считают, что социально-психологический портрет людей, имеющих смешанное происхождение, противоречив, что, видимо, является следствием одновременно позитивной и негативной оценки их социумом (Низамова, 2011: 173). Действительно у некоторых народов, например, есть особые обозначения людей смешанного происхождения с некоторым неодобрительным оттенком, например, *шала-казах* («полуказах») (Уалиева, Эдгар, 2011). Однако другие исследователи полагают, что каждый народ, представители которого чаще или реже вступают в национально-смешанные браки, задает совершенно разное видение этнической идентичности у своих «полукровок», и далеко не всегда это маргинальность (Лурье, 2021: 283). Например, человека русско-бурятского

происхождения называют *карымом* (Галиндабаева, Карбаинов, 2020), а потомков российских корейцев – *тягубя* (Лурье, 2020). Часто людей смешанного происхождения называют просто *метисами* (Крылова, Прожогина, 2004; Мальцева, 2015), хотя это слово и не является общеупотребительным.

В целом, межэтнические браки оцениваются положительно с точки зрения обновления крови того или иногда народа, особенно немногочисленного. Распространенным также является представление о некоторой «особости» людей смешанного происхождения (по физиологическим, биохимическим, фенотипическим и др. характеристикам). Однако исследователи считают, что этот эффект не наследуется, он проявляется только в первом поколении и в дальнейшем затухает (Рубцов, Рожко, Биктимиров, 2020: 54).

В этой статье ставится *цель* – выявить положительные стороны и негативные последствия процесса метисации населения через межэтнические браки в Хакасии. Основные задачи этого исследования связаны с пониманием общих тенденций развития межнациональных отношений в республике; с оценкой влияния миграционных процессов на изменение национального состава региона; с восприятием разных групп населения к проблеме этнического смешения; с оценкой вопроса этнической идентичности метисов; а также с прогнозом развития межнациональной ситуации в ближайшей перспективе.

В статье использовались материалы опроса 2023 г., который проводился методом неформализованного интервью среди экспертов¹ (n=10) и людей, имеющих национально-смешанное происхождение² (n=50). Гайды для экспертов и метисов

включали разные вопросы: в первом случае вопросы касались оценки межнациональной, миграционной ситуации в регионе и т.п., во втором – преимущественно вопросы, связанные с личным жизненным опытом респондентов. В качестве экспертов выступили представители научного сообщества региона, чиновники, журналисты). По мнению исследователей, оптимальный количественный состав группы экспертов варьируется в пределах 5-7 (Кузьменко, 2017: 436). Количество опрошенных метисов определялось по принципу доступных случаев.

Также в исследовании использовались статистические данные, в частности результаты переписи населения 2020 г., отражающие сведения о национальном составе Республики Хакасия. Интенсивная миграция населения в Хакасию из соседних регионов и трудовых мигрантов из стран Ближнего зарубежья в последние годы приводят к изменению национального состава республики, поэтому исследование вопроса национально-смешанного происхождения сегодня представляется особенно актуальным. Подобные исследования в республике проводились в 2007 г. (Кривоногов, 2023), изменившиеся условия требуют исследование вопроса национально-смешанного происхождения с учетом реалий современного времени, что подтверждает научную новизну проведенного исследования.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Хакасия представляет собой полиэтничный регион, в котором проживают представители более 100 национальностей, однако численное большинство в республике образуют русские (82,1%), доля титульного этноса (хакасов) составляет 12,7%³. Среди других

¹ Э1 – преподаватель, Э2 – общественный деятель, Э3 – преподаватель, Э4 – чиновник, Э5 – чиновник, Э6 – журналист, Э7 – преподаватель, Э8 – руководитель, Э9 – чиновник.

² При ссылке на слова респондентов в скобках мы приводим данные о поле и национальности их родителей.

³ Вычислено по: Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками

наиболее крупных национальностей: немцы, тувинцы, украинцы и др. В таких условиях количество межнациональных браков растет и соответственно увеличивается численность людей смешанного происхождения. Результаты последней переписи показали, что 18,9% населения не указали свою национальную принадлежность, причем 2,3% из них именно отказались отвечать на этот вопрос⁴. Кроме того, больше 2 тыс. чел. указали другие ответы о своей национальности (которых не было в переписных листах) и 1 тыс. чел. ответили, что у них нет национальности. Вероятно, отказ указывать свою этническую принадлежность связан с разными факторами, но мы допускаем, что одной из причин, является в том числе и смешанное происхождение. Это мнение подтверждают и опрошенные эксперты *«по переписи...неопределившихся у нас стало прямо гораздо больше людей, которые не определились, не стали называть свою национальность, я подозреваю, что там наших метисов очень много именно в той категории»* (Э9).

По мнению экспертов, в условиях неравной численности этносов метисы склонны выбирать идентичность доминирующего большинства, что соответственно влияет на сокращение численности этнического меньшинства. В Хакасии наиболее подвержен ассимиляции титульный этнос, численность которого, по данным переписей населения, с 2002 по 2020 гг. уменьшилась на 10,3 тыс. чел.⁵

[электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos_tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 02.02.2023).

Удельный вес рассчитан от количества указавших национальную принадлежность.

⁴ Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL:

https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos

Говоря о хакасах, эксперты с сожалением отмечают, что это своего рода *«стресс меньшинства», «капитуляция перед всеми ассимиляционными процессами»* (Э1), хакасское население *«прямо на моих глазах оно тает»* (Э5).

Почти все эксперты в целом отмечают существенные изменения национального состава республики и за счет внешней миграции, и за счет внутренней. Так, в межпереписной период заметно увеличилась численность тувинцев в Хакасии, по мнению экспертов, *«это видно невооруженным взглядом...просто нужно пройти по Абакану и посмотреть»* (Э3). Причем приезжающие в республику тувинцы *«с хорошим социальным багажом, это люди, как правило, либо с высшим образованием, либо они приезжают сюда учиться, а потом здесь остаются массово»* (Э1). Присутствуют в регионе и внешние мигранты, которые часто занимают определенные экономические ниши. Например, киргизы активно занимаются торговлей; армяне и азербайджанцы значительно представлены в дорожном строительстве, осетины – работают в строительном-монтажной отрасли. Один из экспертов высказал мнение, что с появлением мигрантов количество межэтнических браков увеличилось, однако, учитывая малочисленность (пока что) приезжих, в общей массе количество таких браков невелико. Другой эксперт считает, что *«много браков между русскими и хакасами, хотя есть браки между хакасами и*

[tav_i_vladenie_yazykami](https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos_tav_i_vladenie_yazykami) (дата обращения: 02.02.2023).

⁵ *Высчитано по:* Национальный состав и владение языками, гражданство. Москва: ИИЦ «Статистика России», 2004. (Итоги Всероссийской Переписи населения 2002 г.: В 14 т. / Федер. служба гос. статистики; Т. 4. Кн. 1). С. 98–99; Итоги ВПН-2020. Т. 5. Национальный состав и владение языками [электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom5_Nacionalnyj_sos_tav_i_vladenie_yazykami (дата обращения: 02.02.2023).

тувинцами, есть браки между хакасами и киргизами – такие, наверное, самые часто встречающиеся» (Э8). На наш взгляд, именно браки между русскими и хакасами как наиболее крупными этническими группами региона в большей степени влияют на изменение национального состава республики.

С одной стороны, изменение национального состава республики происходит довольно интенсивно, причем не только количественно, но и качественно, но, с другой стороны, не все изменения приводят к увеличению межнациональных браков. Несмотря на присутствие в республике трудовых мигрантов из стран Ближнего зарубежья на протяжении многих лет, количество браков между ними и местным населением существенно не увеличивается, хотя увеличение числа браков, например, хакасов с тувинцами более заметно.

Отношение к межнациональным бракам варьируется и от национального состава региона, и от ближайшего этнического окружения, и от исторически сложившихся отношений между основными этническими группами, и от устойчивости традиций и др. С одной стороны, распространенным является мнение об установках на моноэтнический брак, особенно среди хакасов. Это подтверждают слова экспертов, один из которых, рассказывая о личном опыте при выборе супруги, привел слова своей бабушки: «если ты хакас, надо жениться на хакаске» (Э5). С другой стороны, существует и другая точка зрения, согласно которой национальность в браке не имеет значения. Однако, по мнению экспертов, отношение к межэтническому браку в большей степени зависит от места проживания: в городской или сельской местности. Один из экспертов считает, что в селе отношение «практически нейтральное... смешанные браки они воспринимаются нормально, в городе более остро» (Э7). А другой эксперт высказал прямо противоположное мнение: «в

Аскизском районе они очень остро реагируют, если ребенок уходит замуж или женится на другой национальности» (Э6).

Можно говорить и о том, что у представителей разных этнических групп различное отношение к смешанным бракам. Результаты опроса экспертов выявили разность мнений об отношении хакасов к браку представителя своего этноса с, например, русскими. С точки зрения социальной адаптации в условиях нетитульного большинства такие браки поощряются: «насколько я знаю, брак с русскими приветствуется» (Э7). Это доказывают и другие исследования: неоднократно в беседе с калмыцкими родителями, чьи дети получают высшее образование в Москве или Петербурге, слышала, как с гордостью они заявляют, что их чадо выходит замуж за москвича, петербуржца, женится на столичной девушке. Это, безусловно, свидетельствует об успешной социализации молодых людей по происхождению калмыков, что дает большие преимущества им в дальнейшей жизни (Намруева, 2013: 173). Однако с точки зрения сохранения титульного этноса смешанные браки, наоборот, не приветствуются: «я встречалась со своим парнем, дядя сказал: ну что, типа непорядок, надо за хакасов, надо свою кровь сохранять хакасскую» (женщина, мать – метиска, отец – хакас).

По мнению экспертов, со стороны русских отношение к межэтническим бракам «либо нейтрально, либо с определенной долей негативного восприятия» (Э7). Выходцы из смешанных семей приводили примеры из собственного жизненного опыта, подтверждающие эту точку зрения. Девушка-метиска вспоминает: «мою маму не воспринимали очень долго в семье, что она хакаска» (женщина, мать – хакаска, отец – русский). Негативные сценарии также связаны с языковыми различиями: «бабушка мне рассказывала, что ее муж не очень любил, когда она на хакасском разговаривала, потому что он не понимал, ему не

нравилось, у них было принято в семье говорить на русском» (женщина, мать – метиска, отец – метис).

На выбор спутника жизни среди людей смешанного происхождения оказывают влияние разные факторы, в том числе окружение. Сын женщины из межнациональной семьи объясняет ее выбор отсутствием иных вариантов: «Мама, а тебе куда деваться было? Там же одни хакасы живут в деревне» (женщина, мать – хакаска, отец – русский). Безусловно, выбор супруга во многом зависит от личных предпочтений, но у некоторых метисов формируется смешанный привлекательный образ. Из интервью с метисом: «такие чистокровные хакаски меня не привлекали абсолютно, меня привлекали женщины, которые были сложением, цветом кожи, как хакаски, а вот лицо, чтобы было более европейское...у меня был всегда такой сложный образ привлекательной женщины» (мужчина, мать – хакаска, отец – метис).

Можно сказать, что отношение к межнациональным бракам даже (или особенно) в условиях полиэтничного общества противоречивое. Несмотря на высокую частоту браков между представителями наиболее крупных этнических групп (в нашем случае между русскими и хакасами), отношение к ним неоднозначное, поскольку лежит не только в плоскости межличностных отношений, но в плоскости межкультурного взаимодействия.

Вопрос этнической идентификации для выходцев из национально-смешанных семей – наиболее острый. По мнению исследователей, проблема этнической самоидентификации таких людей стоит на уровне дилемм личного выбора, который в меньшей степени зависит от самого факта рождения в семье определенной этнической группы, а в большей степени – от внутрисемейных и внешних социальных факторов (Пятницкая, 2023: 231). С этим мнением соглашаются опрошенные

эксперты: этническая идентичность метисов «зависит даже не от самих родителей, а, скорее, от социального окружения, то есть кого из родственников больше, и самое главное, с кем у него отношения ближе» (Э3); «выбирают, как правило, именно по дому, где они, с кем они больше общаются, с семьей мамы, допустим, хакасами или с семьей папы, русскими» (Э7). Однако ключевую роль, по мнению экспертов, в процессе идентификации играет мама: «если мать хакаска, а супруг любой иной, дети воспринимаются этническим сообществом как хакасы...если же мама европеоидной, зависит от ее позиции» (Э4). Также подчеркивается особая роль матери в процессе передачи культуры, языка: «у нас фамилии передаются по линии отца, по мужской линии, но на мировоззрение и на язык по линии матери конечно больше все-таки» (Э8).

Место проживания тоже сказывается на выборе той иной национальности. С точки зрения нивелирования проблем адаптации часто выбор осуществляется в пользу этнического большинства: «когда ты большинство, не выделяешься, легче добиться успеха» (Э6). Хотя, по мнению другого эксперта, «численное доминирование представителей славянских этносов заставляет ориентироваться на русскую культуру» (Э7). Вообще смешанное происхождение позволяет варьировать и выбирать более «выгодную» идентичность (Кривоногов, 2020: 45). Например, в разных этнических средах метисы могут позиционировать себя по-разному: «здесь позиционируют себя так, здесь – по-другому» (Э3). Значение имеет и то, «где в этот момент проживает эта семья: если это где-то за пределами Хакасии, это однозначно, русские» (Э5).

Согласно исследованиям, фенотип также влияет на формирование идентичности и, главным образом, через восприятие со стороны окружения: «было бы смешно с моей внешностью называть

себя русским» (Даровских, 2016: 39). Интервью с метисами подтверждают это: *«люди тоже на внешность мою смотрят, у меня глаза большие, белая кожа, и, скорее всего, люди меня воспринимают как человека русского»* (мужчина, мать – хакаска, отец – русский). Причем, по мнению респондентов, фенотип в процессе метисации является более устойчивым, чем, например, язык: *«язык точно не сохранится, хакасское лицо сохранится»* (женщина, мать – хакаска, отец – русский). Для некоторых экспертов именно знание языка является ключевым фактором отнесения человека смешанного происхождения к той или иной этнической группе: *«если он говорит на языке, его воспринимают как хакаса, если человек не знает языка, он не воспринимается как хакас»* (Э8). Сами метисы по-другому относятся к знанию родных языков своих родителей: *«если бы я свободно владел и русским, и хакасским в одинаковой степени, я бы тоже не мог себя как-то отнести к какой-то национальности, я бы, скорее всего, называл себя либо русским хакасом, либо хакасским русским»* (мужчина, мать – хакаска, отец – русский).

Вообще бинарность в процессе идентификации метисов – довольно распространенный сценарий, однако эксперты и сами метисы оценивают эту бинарность по-разному. Эксперты чаще делают акцент на гибкости поведения людей смешанного происхождения в зависимости от потенциальной выгоды: *«вторая этническая группа, она тоже для него... как бы не совсем чужая, и мало того, иногда, особенно когда выгодно, он этим пользуется»* (Э3); *«среди хакасов себя хакасом считает, придет к русским, он говорит, я русский»* (Э8). Метисы эту двойственность ощущают с позиции *«familiar stranger»* (Hall and Schwarz, 2017): *«среди русских я хакас, а среди хакасов я русский»* (мужчина, мать – хакаска, отец – метис).

В целом, процесс идентификации людей национально-смешанного

происхождения довольно сложный, так, по мнению экспертов, *«метисы не всегда непосредственно понимают свою бинарность»* (Э7) и естественно *«очень много зависит от того, как себя сам человек позиционирует»* (Э3). Кроме того, определение этнической идентичности носит динамичный характер, так как может меняться под воздействием внешних условий, жизненных событий и т.п., причем неоднократно.

Процессы метисации в Хакасии в целом носят бесконфликтный характер, что объясняется относительно спокойной общей межнациональной ситуацией в республике. Эксперты отмечали такие черты характера хакасов, как толерантность, приветливость, дружелюбность, которые благоприятствуют мирному сосуществованию с представителями других национальностей. Однако хакасы чаще выказывают опасения по поводу сохранения титульного этноса, в том числе и из-за увеличения числа межнациональных браков: *«Мы теряем, нам охота сохранить это, поэтому мы острее реагируем»* (Э6). Негативные кейсы встречаются нечасто, но имеют место быть. Так, например, смешанное происхождение может стать предметом конфликта в личных отношениях. Из интервью с женщиной хакасско-русского происхождения: *«ты не чистокровная, вот если бы ты была хакасской... это была претензия лично ко мне, то есть это претензия к моей крови»* (женщина, мать – хакаска, отец – русский).

Практически все эксперты сходятся во мнении, что процессы метисации способствуют обновлению крови, что очень важно для небольших по численности этнических групп, однако предостерегают *«главное, чтобы не было потери этноса»* (Э6). Распространенным также является представление о смешанной крови как некотором преимуществе метисов, и в плане внешности, и в плане качеств личности: *«идеальное отсюда,*

идеальное отсюда, максимально, что можно было взять лучшего» (Э5); «любовь к природе, Наверное, какая-то доброта, смиренность, спокойствие внутреннее – это, мне кажется, от хакасов... иногда у меня проявляется холерик... может, это от русских» (женщина, мать – метиска, отец – метис).

В определенных условиях люди смешанного происхождения могут играть роль брокеров (Wolf, 1956: 1072) (политических, экономических, культурных). Согласно исследованиям, такие брокеры оказались востребованы в современной Бурятии в политической сфере, а именно во взаимодействии федеральных и региональных элит после возвращения прямых выборов губернаторов (Галиндабаева, Карбаинов, 2020: 219). По мнению экспертов, в Хакасии метисы вряд ли могут пока рассматриваться в качестве самостоятельного политического субъекта: «если бы они себя позиционировали именно как метисы, то тогда можно было бы говорить о том, что метисация является некоторым этапом формирования этнической группы, но я визуально этого не вижу» (Э3). Но учитывая непредсказуемый, изменчивый характер самоидентификации людей этнически смешанного происхождения сложно сделать однозначный прогноз относительно динамики численности метисов в Хакасии.

Заключение (Conclusions). В условиях полиэтничного региона национально-смешанные браки, равно как и появление людей смешанного происхождения – вполне естественное явление, и при статистической норме они не оказывают существенного влияния на изменение национального состава региона. Однако в условиях численного дисбаланса основных этнических групп (как, например, в Хакасии) последствия метисации населения более ощутимы. Во-первых, численность хакасов заметно сокращается, так как выходцы из

межнациональных семей не всегда идентифицируют себя в качестве представителей титульного этноса. Во-вторых, сокращается число людей, говорящих на хакасском языке, поскольку в национально-смешанных семьях чаще всего разговаривают на русском языке (как доминирующем в регионе). В-третьих, этническая самоидентификация метисов носит проблемный характер и иногда становится причиной трудностей социализации, особенно в территориях с моноэтническим национальным составом.

Вместе с тем увеличение числа межнациональных браков способствует межнациональному согласию, сглаживанию конфликтов на национальной почве, преодолению межкультурных противоречий. Метисы (особенно дети) часто выступают посредниками на уровне семейно-родственных отношений, соединяя представителей разных этнических групп.

Учитывая динамичный, непредсказуемый и противоречивый характер процесса идентификации людей национально-смешанного происхождения, сложно сделать однозначный прогноз относительно формирования особой этносоциальной группы метисов в Хакасии, но можно с уверенностью заключить, что метисация в республике является одним из ключевых трендов межнациональных процессов, причем неизбежным и необратимым.

Список литературы

- Арутюнян Ю. В., Дробизева Л. М., Сусоколов А. А. Этносоциология. Москва: АСПЕКТ-ПРЕСС, 1998. 270 с.
- Бромлей Ю. В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. Москва: Наука, 1987. 333 с.
- Галиндабаева В. В., Карбаинов Н. И. Карымы и метисы в Бурятии: маргинальные люди и/или культурные посредники // Журнал социологии и социальной антропологии. 2020. № 23 (4). С. 204-232. DOI: <https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.8>

Галкина Е. М. Этническая идентичность у выходцев из национально-смешанных семей (этносоциологический и этнопсихологический аспекты) // Этнография, антропология и смежные дисциплины: соотношение предмета и методов. Сборник статей / Отв. ред. В. В. Коротеева М.: Академия наук СССР, 1989. С. 11-19.

Даровских О. В. Межэтнические браки в Республике Алтай: типология // Алтай – Россия: через века в будущее. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, посвященной 260-летию добровольно вхождения алтайского народа в состав Российского государства и 25-летию образования Республики Алтай: в 2 томах. Т 1. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2016. С. 35-40.

Даровских О. В. Родовая принадлежность как атрибут этнического самосознания метисов // Уровень жизни населения регионов России. 2015. № 2 (196). С. 156-160.

Дробижина Л. М., Арутюнян Ю. В. Многообразие культурной жизни народов СССР. Москва: Мысль, 1987. 303 с.

Кривоногов В. П. К вопросу об этнической идентификации сойотов Бурятии // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2020. № 4 (28). С. 43-50.

Кривоногов В. П. Национально-смешанные браки и метисация у коренных малочисленных народов. Красноярск: Сиб. фед. ун-т, 2023. 308 с.

Крылова Н. Л., Прожогина С. В. Метисы: кто они? Проблемы социализации и самоидентификации. Москва: Российская академия наук, 2004. 273 с.

Кузьменко Т. В. Экспертный опрос как основа принятия управленческих решений // Социологический альманах. 2017. № 8. С. 434-443.

Лурье С. В. «Многокровки»: особенности формирования идентичности «тягубя» – потомков межэтнических браков российских корейцев // Петербургская социология сегодня. 2020. № 13-14. С. 61-85.

Лурье С. В. Что такое народ для молодого поколения россиян? (Этническая самоидентификация потомков от смешанных браков в контексте мировоззренческих парадигм века сего). // Идеи и идеалы. 2021.

Т. 13, № 3. Ч. 2. С. 281–297. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-281-297>.

Мальцева Д. А. Стратегический менеджмент и феномен «метис» как факторы построения эффективных стратегических моделей в политическом пространстве // Власть. 2015. № 2. С. 82-87.

Мендешева Н. Г. Национально-смешанные браки в Республике Алтай как форма межнационального взаимодействия на современном этапе // Диалог культур и толерантность общения. Сборник статей по материалам V Межрегиональной научно-практической конференции. Горно-Алтайск: Горно-Алтайский гос. ун-т, 2020. С. 52-56.

Намруева Л. В. Отношение к межэтническим бракам в современной Калмыкии // Этнографическое обозрение. 2013. № 2. С. 168-176.

Низамова Л. Р. Смешанные этнические идентичности в мультикультурном обществе // Ученые записки Казанского университета. Серия: гуманитарные науки. 2011. Т. 153, № 5. С. 166-176.

Носенко Е. Э. Быть или чувствовать? (Основные аспекты формирования еврейской идентичности у потомков смешанных браков в современной России). М.: ИВ РАН: Крафт+, 2004. 400 с.

Озерова К. А. Межэтнические браки в Татарстане: на страже этнических границ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2015. № 2 (15). С. 34-41.

Пятницкая Н. А. Дети межэтнических браков: проблема этнической идентичности // Наука XXI века: актуальные направления развития. 2023. № 3-1. С. 230-233. DOI: <https://doi.org/10.46554/ScienceXXI-2023.02-1.1-pp.230>

Ростовская Т. К., Кучмаева О. В. Кросскультурные браки как резерв демографического развития России // Наука. Культура. Общество. 2023. Т. 29, № 1. С. 159-172. DOI: <https://doi.org/10.19181/nko.2023.29.1.12>.

Рубцов В. А., Рожко, М. В., Биктимиров, Н. М. Межнациональные браки и их влияние на этнодемографические процессы (на примере Республики Татарстан) // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6, № 3. С. 51-57. DOI: <https://doi.org/10.37279/2309-7663-2020-6-3-51-57>.

Современные этнические процессы в СССР / Ред. кол. Ю. В. Бромлей и др.; АН СССР Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Москва: Наука, 1975. 543 с.

Сусоколов А. А. Межнациональные браки в СССР. М.: Мысль, 1987. 144 с.

Тиникова Е. Е. Метисация хакасов как фактор ассимиляции коренного населения Хакасии // *Oriental Studies*. 2023. Т. 16. № 6. С. 1562-1571. DOI:

<https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1562-1571>

Трифорова Т. Л. Современные межнациональные семьи: ценностные ориентации. Улан-Удэ: Изд-во БГУ, 2014. 128 с.

Уалиева С., Эдгар, Э. Межэтнические браки, смешанное происхождение и «дружба народов» в советском и постсоветском Казахстане // *Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре*. 2011. № 6. URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (дата обращения: 05.09.2023).

Хачатрян Л. А., Чадова А. А. Межэтническая семья в современном российском обществе // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2016. Вып. 1 (25). С. 127-135.

Этнокультурные процессы в национально-смешанной среде / Отв. ред. И. С. Гурвич. Москва: Ордена дружбы народов Институт этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1989. 219 с.

Alcoff L. M. *Visible identities: Race, gender, and the self*. New York: Oxford University Press, 2006. 326 p.

Banting K., Kymlicka W. (eds.) *Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies*. Oxford: Oxford University Press, 2006. 405 p.

Goldberg D. T. *Are We All Postracial Yet?* Cambridge: Polity Press, 2015. 199 p.

Hall S., Schwarz B. *Familiar Stranger: A Life Between Two Islands*. Durham: Duke University Press, 2017. 320 p.

Jenkins R. *Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations*. Los Angeles: Sage Publication, 2008. 207 p.

Lentin A., Titley G. *The Crises of Multiculturalism: Racism in a neoliberal age*. London: Zed Books, 2011. 296 p.

Mahtani M. *Mixed race amnesia: Resisting the Romanticization of Multiraciality*. Vancouver: University of British Columbia Press, 2014. 288 p.

Modood T. *Multiculturalism: a Civic Idea*. Cambridge: Polity. 2013. 193 p.

Park R. E. *Human Migration and the Marginal Man* // *American Journal of Sociology*. 1928. Vol. 33, № 6. pp. 881-893.

Rostovskaya T. K., Kuchmaeva O. V. *Cross-cultural marriages as a reserve of demographic development in Russia* // *Science. Culture. Society*. 2023. Vol. 29, № 1. Pp. 159-172. DOI 10.19181/nko.2023.29.1.12.

Song M. *Choosing Ethnic Identity*. Cambridge: Polity Press, 2003. 192 p.

Wilson A. *Mixed Race Children: A Study of Identity*. London: Unwin Hyman Ltd., 1987. 230 p.

Wise T. *Color-Blind: The Rise of Post-Racial Politics and the Retreat from Racial Equality*. San Francisco: City Lights Press, 2010. 213 p.

Wolf E. R. *Aspects of group relationship in a complex society: Mexico* // *American Anthropologist. New Series*. 1956, Vol. 58, № 6. Pp. 1065-1078.

References

Arutyunyan, Yu. V., Drobizheva, L. M. and Susokolov, A. A. (1998), *Jetnosociologija* [Ethnosociology], ASPEKT-PRESS, Moscow, Russia, 270. (In Russian)

Bromley, Yu. V. (1987), *Jetnosocial'nye processy: teorija, istorija, sovremennost'* [Ethnosocial processes: theory, history, modernity], Nauka, Moscow, Russia, 333. (In Russian)

Galindabaeva, V. V. and Karbainov, N. I. (2020), "Karyms and mestizos of Buryatia: marginal man and/ or cultural broker", *The Journal of Sociology and Social Anthropology*, 23(4), 204-232. DOI:

<https://doi.org/10.31119/jssa.2020.23.4.8> (In Russian)

Galkina, E. M. (1989), "Ethnic identity of people from nationally mixed families (ethnosociological and ethnopsychological aspects)", *Jetnografija, antropologija i smezhnye discipliny: sootnoshenie predmeta i metodov* [Ethnography, anthropology and related disciplines: the relationship of the subject and methods], collection of articles, in Koroteeva, V. V. (ed.), *Akademija nauk SSSR*, Moscow, USSR, 11-19. (In Russian)

Darovskikh, O. V. (2016), "Interethnic marriages in the Altai Republic: typology", *Altaj – Rossija: cherez veka v budushhee. Materialy*

Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem, posvjashhennoj 260-letiju dobrovol'no vhozhdenija altajskogo naroda v sostav Rossijskogo gosudarstva i 25-letiju obrazovanija Respubliki Altaj [Altai – Russia: Through the centuries into the future. Materials of the All-Russian Scientific and Practical conference with international participation dedicated to the 260th anniversary of the voluntary entry of the Altai people into the Russian state and the 25th anniversary of the formation of the Altai Republic], in 2 volumes, 1, Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russia, 35-40. (In Russian)

Darovskikh, O. V. (2015), “Tribal Affiliation as an Attribute of Ethnic Identity of Metis”, *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, (2), 156-160. (In Russian)

Drobizheva, L. M. and Arutiunian, Yu. V. (1987), *Mnogoobrazie kul'turnoj zhizni narodov SSSR* [The diversity of the cultural life of the peoples of the USSR], Mysl, Moscow, Russia, 303 p. (In Russian)

Krivosnogov, V. P. (2020), “To the question of the ethnic identity of the Soyots of Buryatia”, *Nauchnoe obozrenie Sajano-Altaja*, (4), 43-50. (In Russian)

Krivosnogov, V. P. (2023), *Nacional'no-smeshannye braki i metisacija u korenyh malochislennyh narodov* [Nationally mixed marriages and mestization among indigenous minorities], Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, 308. (In Russian)

Krylova, N. L., Prozhogina, S. V. (2004), *Metisy: kto oni? Problemy socializacii i samoidentifikacii* [Mestizos: who are they? Problems of socialization and self-identification], Rossiyskaya akademiya nauk, Moscow, Russia, 273. (In Russian)

Kuzmenko, T. V. (2017), “Expert survey as the basis for management decision-making”, *Sociologicheskij al'manah*, (8), 434-443. (In Russian)

Lourié, S. V. (2020), “‘Multibloods’: a feature of the formation ethnic identity ‘Tyagubya’ – descendants from inter-ethnic marriages of Russian Koreans”, *St. Petersburg Sociology Today*, (13-14), 61-85. DOI: <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.3.2-281-297>. (In Russian)

Lourié, S. V. (2021), “What is a nation for the younger generation of Russians? (Ethnic self-identification of descendants from mixed marriages in the context of the ideological

paradigms of this century)”, *IDEAS AND IDEALS*, 13 (3-2), 281-297. (In Russian)

Maltseva, D. A. (2015), “The main factors of the development of effective strategic models in politics”, *Vlast'*, (2), 82-87. (In Russian)

Mendesheva, N. G. (2020), “Nationally mixed marriages in the Altai Republic as a form of interethnic interaction at the present stage”, *Dialog kul'tur i tolerantnost' obshhenija* [Dialogue of cultures and tolerance of communication], Collection of articles based on the materials of the V Interregional Scientific and practical Conference, Gorno-Altai State University, Gorno-Altaysk, Russia, 52-56. (In Russian)

Namrueva, L. V. (2013), “The attitude toward interethnic marriages in the present-day Kalmykia”, *Ethnographic Review*, (2), 168-176. (In Russian)

Nizamova, L. R. (2011), “Mixed ethnic identities in a multicultural society”, *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Serija: gumanitarnye nauki*, 153 (5), 166-176. (In Russian)

Nosenko, E. E. (2004), *Byt' ili chuvstvovat'?* (*Osnovnye aspekty formirovaniya evrejskoj identichnosti u potomkov smeshannyh brakov v sovremennoj Rossii*) [To be or to feel? (The main aspects of the formation of Jewish identity among the descendants of mixed marriages in modern Russia)], IV RAN-Kraft+, Moscow, Russia, 400. (In Russian)

Ozerova, K. A. (2015), “Inter-ethnic marriages in the Republic of Tatarstan: protecting ethnic boundaries”, *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik*, (2), 34-41. (In Russian)

Pyatnitskaya, N. A. (2023), “Children of interethnic marriages: the problem of ethnic identity”, *Nauka XXI veka: aktual'nye napravlenija razvitiya*, (3-1), 230-233. DOI: <https://doi.org/10.46554/ScienceXXI-2023.02-1.1-pp.230>. (In Russian)

Rostovskaja, T. K., Kuchmaeva, O. V. (2023), “Cross-cultural marriages as a reserve for Russia's demographic development”, *Science. Culture. Society*, 29 (1), 159-172.

Rubtzov, V. A., Rozhko, M. V. and Biktimirov, N. M. (2020), “Interethnic marriages and their influence on ethno-demographic processes (on the example of the Republic of Tatarstan)”, *Geopolitics and Ecogeodynamics of regions*, 6 (3), 51-57. DOI: <https://doi.org/10.37279/2309-7663-2020-6-3-51-57>. (In Russian)

Sovremennye jetnicheskie processy v SSSR [Modern ethnic processes in the USSR] (1975), in Bromley, Ju. V. (ed.), Nauka, Moscow, USSR, 543. (In Russian)

Susokolov, A. A. (1987), *Mezhnacional'nye braki v SSSR* [Interethnic marriages in the USSR], Mysl, Moscow, Russia, 144. (In Russian)

Tinikova, E. E. (2023), "Indigenous population of Khakassia: miscegenation as an assimilation factor", *Oriental Studies*, 16 (6), 1562-1571. DOI: <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-70-6-1562-1571>

Trifonova, T. L. (2014), *Sovremennye mezhnacional'nye sem'i: cennostnye orientacii* [Modern interethnic families: value orientations], Buryat State University, Ulan-Udje, Russia, 128. (In Russian)

Ualieva, S. and Edgar, E. (2011), "Interethnic marriages, mixed parentage and 'friendship of peoples' in Soviet and post-Soviet Kazakhstan", *Neprikosnovennyj zapas. Debaty o politike i kul'ture*, (6), [Online], available at: <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/u18.html> (Accessed 5 September 2023). (In Russian)

Hachatryan, L. A. and Chadova, A. A. (2016), "Multiethnic family in modern Russian society", *Perm university herald. Series philosophy. Psychology. Sociology*, 1 (25), 127-135. (In Russian)

Jetnokul'turnye processy v nacional'no-smeshannoj srede [Ethnocultural processes in a nationally mixed environment], in Gurvich, I. S. (ed.), Ordena druzhby narodov Institut etnografii im. N. N. Mikluho-Maklaya AN SSSR, Moscow, USSR, 219. (In Russian)

Alcoff, L. M. (2006), *Visible identities: Race, gender, and the self*, Oxford University Press, New York, USA, 326.

Banting, K. and Kymlicka, W (eds.) (2006), *Multiculturalism and the Welfare State: Recognition and Redistribution in Contemporary Democracies*, Oxford University Press, Oxford, UK, 405.

Goldberg, D. T. (2015), *Are We All Postracial Yet?*, Polity Press, Cambridge, UK, 199.

Hall, S. and Schwarz, B. (2017), *Familiar Stranger: A Life Between Two Islands*, Duke University Press, Durham, USA, 320.

Jenkins, R. (2008), *Rethinking Ethnicity. Arguments and Explorations*. Sage Publication, Los Angeles, USA, 207.

Lentin, A. and Titley, G. (2011), *The Crises of Multiculturalism: Racism in a neoliberal age*, Zed Books, London, UK, 296.

Mahtani, M. (2014), *Mixed race amnesia: Resisting the Romanticization of Multiraciality*, University of British Columbia Press, Vancouver, BC, 288.

Modood, T. (2013), *Multiculturalism: A Civic Idea*, Polity, Cambridge, UK, 193.

Park, R. E. (1928), "Human Migration and the Marginal Man", *American Journal of Sociology*, 33 (6), 881-893.

Song, M. (2003), *Choosing Ethnic Identity*, Polity Press, Cambridge, UK, 192.

Wilson, A. (1987), *Mixed Race Children: A Study of Identity*, Unwin Hyman Ltd., London, UK, 230.

Wise, T. (2010), *Color-Blind: The Rise of Post-Racial Politics and the Retreat from Racial Equality*, City Lights Press, San Francisco, USA, 213.

Wolf, E. R. (1956), "Aspects of group relationship in a complex society: Mexico", *American Anthropologist. New Series*, 58 (6), 1065-1078.

Статья поступила в редакцию 12 апреля 2024 г. Поступила после доработки 25 октября 2024 г. Принята к печати 01 декабря 2024 г.
Received 12 April 2024. Revised 25 October 2024.
Accepted 01 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Лушникова Ольга Леонидовна, кандидат социологических наук, старший научный сотрудник сектора экономики и социологии, Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Абакан, Россия.

Olga L. Lushnikova, Candidate of Science (Sociology), Senior Scientific Worker of the Department of Economics and Sociology, Khakass Research Institute for Language, Literature, and History, Abakan, Russia.

УДК 316.354:351/354

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-8

Оригинальная статья

Натсак О. Д.

**Одинокие отцы в России:
социальное положение и проблемы**

Государственное бюджетное учреждение
«Тувинский институт гуманитарных и прикладных
социально-экономических исследований при Правительстве Республики Тыва»
улица Кочетова, дом 4, Кызыл, 667000, Россия,
nod695596@gmail.com

Аннотация. Представленная статья посвящена обзору теоретико-методологических подходов к одинокому отцовству в зарубежной и российской научной литературе, анализу статистико-демографических данных о распространённости отцовских семей в России, изучению причин формирования неполных отцовских семей, социального положения и проблем одиноких отцов на основе контент-анализа нормативных правовых документов, материалов сетевых сообществ в социальных медиа и публикаций СМИ. В статье показано, что на современном этапе происходит диверсификация семейных структур, в том числе рост доли неполных отцовских семей, которые расширяют традиционные гендерные и отцовские роли мужчин за счёт появления новых идентичностей единственного воспитателя, единственного лица, осуществляющего уход за детьми, в дополнение идентичности главы семьи и кормильца. Обоснована целесообразность внесения дополнений в национальный стандарт РФ «Социальное обслуживание населения. Термины и определения», уточняющих понятия «одинокый отец», «одинокый родитель», «единственный родитель», «лица, воспитывающие детей без матери». Анализ специфики причин формирования неполных отцовских семей, проблем, с которыми они сталкиваются, социальной инфраструктуры поддержки одиноких отцов показал необходимость разработки нового национального стандарта «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги мужчинам», включающего в себя объем и характер социальных услуг одиноким отцам. Сделан вывод о необходимости унификации деятельности социальных учреждений в части работы с одинокими отцами, обучения сотрудников социальных учреждений, работающих с семьями, современным стандартам, инструментам и методам работы, учитывающим особые потребности и проблемы отцовских семей и детей.

Ключевые слова: неполные семьи; отцовские семьи; одинокое отцовство; инфраструктура социальной поддержки; сетевые сообщества одиноких отцов; алименты; бедность неполных семей

Информация для цитирования: Натсак О. Д. Одинокие отцы в России: социальное положение и проблемы // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 144-166. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-8

Organa D. Natsak | Single fathers in Russia: social status and problems

Tuvan Institute of Humanitarian and Applied Socio-Economic Research under
the Government of the Republic of Tuva,
4 Kochetov St., Kyzyl, 667000, Russia
nod695596@gmail.com

Abstract. This article presents a review of theoretical and methodological approaches to single fatherhood in foreign and Russian scientific literature. It also analyses statistical and demographic data on the prevalence of paternal families in Russia, studies the causes of the formation of single-father families, and examines their social status and problems. The author has conducted content analysis of normative legal documents, materials from online communities on social media, and media publications. The article demonstrates that at the present stage, there is a diversification of family structures, including an increase of the proportion of single-parent paternal families. This phenomenon expands the traditional gender and paternal roles of men due to the emergence of new identities of the sole caregiver, the only person caring for children. The author has concluded that there is a need to clarify the concepts of “single father”, “single parent”, and “persons raising children without a mother” in legislation. A detailed examination of the underlying causes of the emergence of single-father families, the challenges they encounter, and the social infrastructure supporting single fathers has highlighted the necessity for the development of a novel national standard, namely “Social services for the population”. The term “social services for men” encompasses the scope and nature of social services for single fathers. The author underscores the necessity for unification of the activities of social institutions in regard to their work with single fathers, as well as the importance of training employees of social institutions working with families in contemporary standards, tools, and methods of work that take into account the specific needs and problems of paternal families and children.

Key words: single-parent families; paternal families; single fatherhood; social support infrastructure; network communities of single fathers; alimony; poverty of single-parent families

Information for citation: Natsak, O. D. (2024), “Single fathers in Russia: social status and problems”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 144-166. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-8

Введение (Introduction).

Исследование неполных семей в современных обществах является одной из актуальных социологических тем не только в контексте трансформации семьи как института, но и как одно из важнейших направлений изучения социальной стратификации и неравенства, поскольку именно неполные семьи чаще подвержены риску бедности. Имеющаяся дифференциация в уровне жизни, ресурсов

и инвестиций в детей в полных семьях и семьях с одним родителем формируют разницу в качестве человеческого капитала, жизненных шансах и закладывают основы будущего социального неравенства. Структура семьи приобретает важный контекстуальный признак, определяющий объективное и субъективное благополучие родителей и детей. На риски деформированных семейных и репродуктивных установок неполных

семей, способствующих демографической неустойчивости указывали Т. К. Ростовская, О. Д. Натсак (Ростовская, Натсак, 2024: 4).

В научной литературе большое внимание уделяется монородительским практикам женщин, и неполная семья преимущественно ассоциируется с женщиной, одиноко воспитывающей детей, поскольку в статистическом измерении подавляющая часть неполных семей возглавляются именно женщинами. В меньшей степени изученными, но не менее важными научными проблемами являются феномены одинокого отцовства и нерезидентного отцовства после распада брака. Обращение исследовательского внимания к этим вопросам актуализируется возросшей важностью темы ответственного и вовлечённого отцовства в контексте повышения статуса мужчины в семейной сфере (См.: Ростовская, 2023 (b): 159). В этом контексте не случайным является разработка членами Научного Совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН «Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства» (Ростовская, 2023 (c):169; Ростовская, 2023(a): 40).

Объектом представленного исследования выступают одинокие отцы, предметом – социальное положение и ключевые проблемы, с которыми они сталкиваются в родительских практиках.

Целью исследования явилось анализ социального положения и проблем современных одиноких отцов в России. Достижение указанной цели требовало решения следующих исследовательских задач: анализ статистико-демографических данных о распространённости и причин формирования отцовских семей; обзор подходов к неполным семьям и одинокому отцовству в зарубежной и российской научной литературе; анализ

законодательства для определения социально-правового положения одиноких отцов; изучение социальной инфраструктуры поддержки одиноких отцов; выявление проблем одиноких отцов путём контент-анализа пабликов в социальных медиа, формирующих сетевые комьюнити одиноких отцов, материалов СМИ и онлайн-ресурсов.

Основные гипотезы исследования: одинокое отцовство становится всё более распространяющимся социальным явлением, а отцы как единственные родители, осуществляющие уход и воспитание детей, сталкиваются с комплексом социально-экономических, социально-психологических проблем, свойственным семьям с неполной структурой, однако существуют и специфические трудности совмещения роли отца и матери в силу устоявшихся норм гендерного уклада. Институционализация социально-правового положения одиноких отцов не завершена в полной мере, именно этим фактом объясняется гендерные асимметрии в социальной инфраструктуре поддержки одиноких родителей.

Методология и методы (Methodology and methods). В подготовке статьи были использованы методы описания и анализа демографических данных, методы контент-анализа документов, социальных медиа, СМИ.

Информационной базой статьи стали материалы Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг. В качестве правовых источников были использованы законы и нормативные правовые акты РФ в сфере труда, семьи и социальной поддержки населения, нормативные технические документы РФ о национальных стандартах оказания социальных услуг.

Эмпирической основой статьи послужили жизненные истории одиноких отцов (# 39), отражённые в 9 интервью,

опубликованных в российских СМИ¹ и в сетевых ресурсах, в том числе региональных² в 2009-2022 гг. Объектом анализа также стали сообщества в социальных медиа ресурсы, аудиторией которых является целевая группа одиноких родителей³.

Обзор подходов к неполным семьям и одиноким отцовским практикам в зарубежной и российской научной литературе. В научной литературе достаточно полно представлено работ, которые сосредоточены на различиях в социально-экономическом, социально-психологическом положении полных и неполных семей, последствиях воспитания детей в семьях, в которых ядро составляют мать и дети. Как правило, бедность, социальная уязвимость, низкий уровень

субъективного благополучия и самооценки здоровья родителей и детей, склонность детей к девиантному поведению связываются, прежде всего, со структурой семьи, а именно, с неполной семьей.

Необходимость изучения неполных семей связана с отрицательным влиянием пребывания в них на текущее и будущее социальное благополучие детей. Британские ученые К. Кирнан, С. Кроссман и А. Фимистер, исследовавшие разные типы семей и вопросы неравенства, полагают, что дети, родившиеся и выросшие в неполных семьях, сталкиваются с самым неравным началом жизни, а структура семьи в раннем детстве является сильным предиктором когнитивного развития и последующей успеваемости в школе, указывает на

¹ «Объяснить отсутствие мамы оказалось проще, чем я думал». О жизни отцов-одиночек. Материал Анны Алексеевой // Сноб. 23 января 2018 г. [сайт]. URL: <https://snob.ru/entry/156870/?ysclid=m0xr3blns5506139078> (дата обращения: 04.09.2024 г.); «Отказался сдать сына в детдом, и жена ушла»: истории российских отцов-одиночек». Материал Елены Кривякиной // Комсомольская правда. 8 июня 2021 г. [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27287/4425609/?ysclid=m0xq5nojly293224565> (дата обращения: 10.09.2024 г.); Как живут и воспитывают детей одинокие папы. Материал Татьяны Владыкиной // Российская газета. 06.10.2021 г. [сайт]. URL: <https://rg.ru/2021/10/06/kak-zhivut-i-vospityvaiut-detej-odinokie-papy.html?ysclid=m0xp2wdx4953461830> (дата обращения: 07.09.2024 г.); «У нас царит казарменная романтика» – каково быть отцом-одиночкой // Афиша Daily. 21 июля 2015 г. [сайт]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/u-nas-carit-kazarmennaya-romantika-kakovo-eto-byt-otcomodinochkoy-v-rossii/> (дата обращения: 07.09.2024 г.).

² Почему одиноки отцы-одиночки // MR7.ru. 21 мая 2009 г. [сайт]. URL: <https://mr7.ru/articles/2009/05/21/pochemu-odinoki-ottsy-odinochki> (дата обращения: 05.09.2024 г.); «Жена отказалась от сына, чтобы устроить личную жизнь»: три истории ростовских отцов-одиночек // 161.ru. Ростов-на-Дону онлайн [сайт]. 10 ноября 2019 г. URL: <https://161.ru/text/reasons/2019/11/10/66301570/?yscl>

<id=m0xqlrrdqo460018051> (дата обращения: 04.09.2024 г.); «Маму? Ищем, но всех хороших уже разобрали» // Новосибирск онлайн. 27 ноября 2015 г. [сайт]. URL: <https://ngs.ru/text/family/2015/11/27/2316713/> (дата обращения: 10.09.2024 г.); «Раньше сын спрашивал про маму, а сейчас перестал». Монологи отцов-одиночек. Материал Ирины Кравцовой // Chips Journal. 19 мая 2022. URL: <https://chips-journal.ru/reviews/monologi-lonely-otcov> (дата обращения: 10.09.2024 г.).

³ «Родители-одиночки» // Вконтакте. URL: <https://vk.com/club7233528?ysclid=m0xl8cc93u613857501> (дата обращения: 07.09.2024 г.); «Мамы-и-отцы-одиночки» // Вконтакте. URL: <https://vk.com/club50754622?ysclid=m0xlakmvmt172123912> (дата обращения: 07.09.2024 г.); «Для мам и пап, воспитывающих детей в одиночку»- https://vk.com/project_od?ysclid=m0utje6pzh777990860 (дата обращения: 11.09.2024 г.); «Отцы и дети» // Вконтакте. URL: <https://vk.com/papason?ysclid=m0utblhdwu989438788> (дата обращения: 11.09.2024 г.); «Одинокий отец. Клуб пап-одиночек» // Вконтакте. URL: <https://vk.com/onlyonedad> (дата обращения: 11.09.2024 г.); «Отцы-одиночки» (г. Тюмень) // Вконтакте. URL: <https://vk.com/otezmama?ysclid=m0ximdddgu643859188> (дата обращения: 11.09.2024 г.); «Отцовский Комитет" (МОК) Fathers International» // Вконтакте. URL: https://vk.com/mok_shtab?ysclid=m0qm0kfq1b465511921 (дата обращения: 11.09.2024 г.).

центральную роль семьи в определении образовательного благополучия детей (Kiernan, Crossman, Phimister, 2024: 6671). Развод не только снижает экономическое и психологическое благополучие родителей, но и уменьшает ресурсы, необходимые их детям для получения образования (там же).

Однако есть и другие точки зрения, согласно которым, например, в самооценках здоровья и благополучия детей, первичен психологический климат в семье, а не фактическая её структура (Herke, Knöchelmann, Richte, 2020). В связи с тем, что структура семьи, прежде всего, определяет её ресурсы, преобладающим теоретическим подходом является рассмотрение неполной семьи как наиболее подверженный риску бедности тип семьи.

Одинокое родительство вне зависимости от пола родителя исследователи склонны связывать с такими социально-демографическими характеристиками, как уровень образования. П. Дж. Смок, Р. Шварц считают, что высокообразованные индивиды чаще вступают в брак, чаще ведут совместное проживание, которое приводит к браку, реже разводятся, в их семьях меньше нестабильности и рождаемости вне брака (Smock, Schwartz, 2020: 20).

Значимым дифференцирующим признаком является также пол одинокого родителя. Исследований, посвящённых родительским практикам одиноких отцов, сравнению отцовских и материнских неполных семей значительно меньше, чем работ, анализирующих разные аспекты формирования и функционирования неполных семей в целом. Отличаются ли отцы-одиночки от матерей-одиночек, существуют ли специфические проблемы неполных семей, детерминированных полом одинокого родителя? Рассмотрим с этой позиции современные зарубежные и российские исследования.

Немецкие ученые Э. Гейслер, М. Крейенфельд, задаваясь вопросом о том, почему одиноким матерям живётся хуже,

чем одиноким отцам, провели сравнительный гендерный анализ зависимости одиноких родителей от социальных пособий на основе данных микропереписи населения 2007 и 2012 гг. С помощью метода бинарной логарифмической регрессии было выявлено, что риск получения социального пособия среди одиноких отцов ниже, чем среди одиноких матерей по причине того, что одинокие отцы имеют более высокий уровень образования, трудовых доходов (Geisler, Kreyenfeld, 2019: 61, 77).

О том, что отцы-одиночки, как правило, живут лучше матерей-одиночек с точки зрения дохода, при этом они часто не имеют права на получение государственной помощи, доступной матерям-одиночкам, сообщает А. Изтаева, исследовавшая положение отцов-одиночек в США до и во время эпидемии COVID-19 (Iztayeva, 2021: 2). В США матери-одиночки чаще участвуют в программах государственной помощи, чем отцы-одиночки, а многие отцы-одиночки рискуют остаться без средств к существованию. Выполнение отцами функций содержания и заботы в этой стране осложняется тем, что отсутствуют национальная политика в отношении работы и семьи, универсальная система медицинского обслуживания, всеобщее социальное страхование и минимальные стандарты в отношении отпусков и больничных (Цит. по Iztayeva, 2021: 3).

Исследованию неравенства показателей бедности и доходов между одинокими отцами и матерями в США была посвящена работа другой группы ученых Ю-Ч. Лу, Р. Уокер, П. Ричарда, М. Юниса (Lu et al, 2019). Ими было выявлено, что налогооблагаемый доход, совокупный доход и материальное положение были выше у отцов-одиночек, чем у матерей, в то время как доход, не связанный с работой, был выше у матерей-одиночек, чем у отцов. И одинокие матери с гораздо большей вероятностью попадали в кризисную категорию, чем отцы-одиночки (Lu et al,

2019: 1). Распределяя семьи на четыре уровня бедности – кризисный, подверженный риску, безопасный и процветающий, авторы показали, что в кризисной группе преобладали одинокие матери – 32,6%, лишь 7,4% одиноких отцов можно было отнести к ней. К группе преуспевающих, наоборот, преимущественно относились одинокие отцы – 66% и 37,9% одиноких матерей (Lu et al, 2019: 12).

Сравнительных работ об уровне стресса одиноких матерей и одиноких отцов мы не нашли, есть исследование, проведённое в Японии, согласно которому распространённость психологического стресса у отцов-одиночек (8,5%) превышает аналогичный показатель отцов, воспитывающих детей в браке (5%) (Dhungel et al, 2023: 301). Однако уровень стресса среди одиноких отцов имеет разные показатели в зависимости от характера занятости: те, кто работал не по найму или были директорами, значительно реже сообщали о психологическом стрессе, чем те, кто работает по найму и вынужден был искать баланс между работой и семьей (Там же).

Таким образом, в ряде работ подчеркивается, что одинокие отцы в меньшей степени подвержены социально-экономическим проблемам, чем одинокие матери. Полагаем, что причиной такого явления выступает гендерная специфика структуры причин формирования неполных семей. Одной из главных причин возникновения материнских семей выступает внебрачное рождение детей в молодом возрасте, когда девушки не обладают необходимым социальным и финансовым капиталом для материального обеспечения семьи в одиночку. Одинокое отцовство же возникает в более поздний жизненный этап в результате развода или вдовства, когда мужчины имеют образование, работу, материальные ресурсы, необходимые для поддержания приемлемого уровня жизни.

Общими проблемами, характерными как для матерей, так и для отцов, одиноко воспитывающих детей, остаются трудности выполнения в одном лице разных гендерных ролей – «кормильца», ассоциируемого с отцами, и заботливого родителя, связываемого с матерями, совмещения экономической активности с воспитательными функциями, а также дефицит ресурсов – времени и финансов, повышающий уровень стресса.

Зарубежные и российские авторы отмечают периферийность проблем одинокого родительства мужчин как в исследованиях, так и в государственной политике.

Работ российских авторов, посвящённых одиноким отцам, немного. Основные нарративы, встречающиеся в них, следующие:

- государство и общество не проявляют должной заинтересованности к отцам, одиноко воспитывающим детей (Романова, Михайлова, 2013: 56).

- в российском законодательстве не определено понятие «одиноким отцом» (Стасенко, 2010: 78; Ситникова, Кузнецова, 2011: 3; Кузнецова, 2013: 2021; Шевченко, 2014: 164-165; Попов, Аникина, 2014: 73);

- система социальной помощи одиноким отцам отсутствует (Егорова, Янак, 2014: 42);

- недостаточно развита социальная инфраструктура поддержки одиноких отцов (Ситникова, Кузнецова 2011: 3);

- одинокие отцы сталкиваются с рядом бытовых, социально-психологических проблем, в решении которых нужна помощь субъектов социальной помощи (Шевченко, 2014: 169, 171; Егорова, Янак, 2014: 43);

- одинокие отцы испытывают трудности и проблемы во взаимодействии с органами социальной политики, государственными структурами, сталкиваются с бюрократическими барьерами (Кириллова, Петрова, 2014: 128; Попов, Аникина, 2014: 74);

- одинокие отцы, испытывают неудовлетворённость своим положением, но всё же показывают в целом высокий уровень интернальности, и полагаются, прежде всего, на себя, а не на государство (Романова, Михайлова, 2014: 90);

- одинокие матери и одинокие отцы нуждаются в индивидуальном подходе и психолого-педагогической работе с ними (Гажа, Ромашина, Старов, 2020: с. 77);

- одинокие отцы не в полной мере реализовывают репродуктивные и брачные планы при наличии потенциала создания благополучной, полной семьи (Ростовская, Васильева, 2023: 12).

В обзорных статьях И. О. Шевченко, О. И. Безруковой, В. А. Самойловой, анализируется опыт зарубежных и российских исследований отцовства, в том числе одинокого отцовства (Шевченко, 2023; Самойлова, Безрукова 2020). И. О. Шевченко делает вывод о том, что в большей части работ, изучающих одиноких отцов, последние рассматриваются как потенциальные получатели социальных услуг (Шевченко, 2023: 182). О. И. Безрукова, В. А. Самойлова отмечают, что одинокие отцы испытывают дефицит ресурсов, социальной поддержки и воспитательской компетенции, помимо которых они сталкиваются с институциональными барьерами (Самойлова, Безрукова, 2020: 244).

Исследовательское внимание российских авторов, таким образом, было направлено на изучение одиноких отцов и их семей как объекта управления и социальной политики, их социально-правового статуса, системы и инфраструктуры социальной помощи данной категории, социального самочувствия и реализации ими своего репродуктивного и брачного потенциала. Проведение сравнительных исследований положения, социального самочувствия одиноких отцов и матерей ограничивается

отсутствием репрезентативных панельных данных об одиноких отцах в масштабах страны. Кроме того, в проводимых выборочных наблюдениях денежных доходов населения, обследованиях уровня жизни, проводимых Росстатом, отсутствует внутренняя дифференциация социально-демографической группы неполных семей по полу единственного родителя. Эти обстоятельства связаны с тем, что статистическая значимость неполных отцовских семей существенно ниже, чем значимость материнских семей. Вместе с тем неполные семьи, возглавляемые отцами, как социальное явление, имеющее тенденцию к численному росту, представляют собой важный объект изучения и управления.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion).

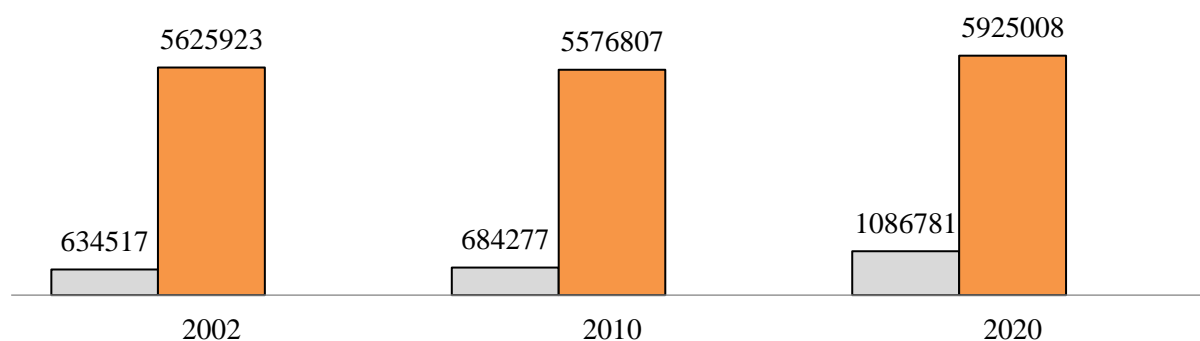
Статистико-демографические данные о распространённости отцовских семей. По материалам Всероссийских переписей населения наблюдается рост нуклеарных отцовских неполных семей. Если в 2002 г. домохозяйств, имеющих в своём составе отца с детьми, было почти в 9 раз меньше по сравнению с домохозяйствами в составе матери с детьми, то в 2010 г. – в 8 раз, в 2020 г. – в 5 раз (Рисунок 1).

С 2002 г. до 2010 г. число домохозяйств, имеющих в своём составе отца с детьми, показывало рост на 7,8%, а с 2010 г. до в 2020 г. – на 58,8%⁴.

Средний размер домохозяйств, состоящих из отца с детьми, ниже, чем домохозяйств, состоящих из матери с детьми, при этом данный показатель также вырос с 2,2 в 2002 г. до 2,3 в 2020 г. в целом, средний размер домохозяйств с детьми до 18 лет вырос. В 2002 г. он составлял 2,4, в 2020 г. – 2,5 (Таблица 1).

Домохозяйства, в составе которых отцы с детьми, преимущественно однодетные.

⁴ Расчёты сделаны автором.

- Домохозяйства, состоящие из отца и детей / Households consisting of a father and children
- Домохозяйства, состоящие из матери и детей / Households consisting of a mother and children

Рисунок 1. Домохозяйства, имеющие в своём составе отца и детей, мать и детей (по материалам Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.)⁵
Figure 1. Households consisting of a father and children, a mother and children (based on the materials of the All-Russian Population censuses of 2002, 2010, 2020)

Таблица 1

Домохозяйства, состоящие из отца с детьми, матери с детьми по количеству детей и среднему размеру (по материалам Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.)⁶

Table 1

Households consisting of a father with children, a mother with children by number of children and average size (materials of the All-Russian population censuses of 2002, 2010, 2020)

Показатели / Indicators	2002		2010		2020	
	В составе отца и детей / Consisting of a father and children	В составе матери и детей / Consisting of a mother and children	В составе отца и детей / Consisting of a father and children	В составе матери и детей / Consisting of a mother and children	В составе отца и детей / Consisting of a father and children	В составе матери и детей / Consisting of a mother and children
Число всех домохозяйств / Number of all households	634 517	5625923	684277	5576807	1086781	5925008
Число домохозяйств, имеющих в	250781	2709431	226334	2095281	493681	2727132

⁵ Всероссийская перепись населения 2002 г. [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 28.08.2024 г.); Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.); Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.).

⁶ Всероссийская перепись населения 2002 г. [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 28.08.2024 г.); Всероссийская перепись населения 2010 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.); Всероссийская перепись населения 2020 г. // Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.).

своём составе детей до 18 лет / Number of households with children under the age of 18						
Число домохозяйств, имеющих 1 ребёнка / Number of households with 1 child	202999	2060341	184248	1611593	354823	1759792
Число домохозяйств, имеющих 2-х детей / Number of households with 2 children	39762	544695	35572	404147	111275	747110
Число домохозяйств, имеющих 3-х и более детей / The number of households with 3 or more children	8020	104395	6514	79541	25583	220230
Средний размер домохозяйства / The average size of households	2,2	2,3	2,2	2,3	2,3	2,4
Средний размер домохозяйств с детьми до 18 лет / The average size of households with children under 18 years of age	2,4	2,5	2,4	2,4	2,5	2,6

Данные переписей населения в разрезе семейных ячеек более чётко показывает рост доли отцовских семей. В 2010 г. в общей структуре семейных ячеек в России они составляли 3,6%, с детьми до 18 лет – 1,56%, в 2020 г. – 5,69% и 3,18%⁷.

По сравнению с 2010 г. в 2020 г. почти в два раза увеличилось число детей,

воспитываемых в неполных отцовских семьях. В 2010 г. в 648 038 семейных ячейках, состоящих из отца с детьми до 18 лет, содержалось 821 929 детей, в 2020 г. в 1 128 280 аналогичных семейных ячейках насчитывалось 1 618 296 детей⁸.

Причины формирования отцовских семей. В структуре причин возникновения

⁷ Всероссийская перепись населения 2010 г.// Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.); Всероссийская перепись населения 2020 г.// Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.).

⁸ Там же.

неполных отцовских семей превалируют негативные факторы, связанные с разными жизненными событиями, которые ведут к травмирующему психоэмоциональному стрессу как для отца, так и детей:

- распад брака вследствие развода, в том числе по причине ухода из семьи матери детей, нервно-психических заболеваний; измен; девиантных форм поведения матери; несовпадения ценностей и жизненных планов супругов;

- распад брака вследствие смерти супруги и вдовство;

- безвестное исчезновение матери;

- лишение матери родительских прав через суд по инициативе отцов несовершеннолетних детей, органов опеки и попечительства;

- отбывание матерью детей наказания в виде лишения свободы;

- установление отцовства в отношении родных детей, рождённых вне официального брака, чьи матери умерли, были лишены родительских прав или отказались от детей и передали их в социальные учреждения.

К основаниям образования неполных отцовских семей относятся усыновление

ребёнка со стороны мужчины, не состоящего в браке, а также рождение ребенка через суррогатное материнство.

С учётом установившейся судебной практики можно отметить, что при обычных разводах брачных пар, когда их причины не ассоциированы с девиантными формами поведения матери, невыполнением ею родительских обязанностей, суд определяет место жительства детей с матерью. В этой связи образование неполной отцовской семьи вследствие развода по сравнению с неполными материнскими семьями чаще связано с отрицательными событиями. Полагаем, что именно это обстоятельство актуализирует необходимость повышенного внимания социальных служб, органов власти к отцовским семьям в части оказания им комплекса услуг и помощи, между тем, как будет показано ниже, национальный стандарт оказания социальных услуг мужчинам, в том числе одиноким отцам отсутствует.

На увеличение доли неполных отцовских семей влияет рост разводов и вдовства мужчин. Рассмотрим материалы всероссийских переписей населения.

Таблица 2

Динамика числа мужчин с деформированным брачным статусом по материалам Всероссийских переписей населения 2002, 2010, 2020 гг.⁹

Table 2

The dynamics of the number of men with deformed marital status based on the materials of the All-Russian Population Censuses in 2002, 2010, 2020

Годы	Мужчины (с 16 лет и старше)	Разведённые официально	Разошедшиеся	Вдовы
2002	54 154 219	4 089 507 (7,55% ¹⁰)		1 930 033 (3,56%)
2010	54 187 599	3 229 195 (5,96%)	814 972 (1,5%)	1 967 048 (3,63%)
2020	55 775 112	3 201 072 (5,74%)	1 282 289 (2,3%)	2 027 072 (3,63%)

⁹ Всероссийская перепись населения 2002 г. [сайт]. URL: <http://www.perepis2002.ru/index.html?id=18> (дата обращения: 28.08.2024 г.); Всероссийская перепись населения 2010 г.// Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/cr oc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.); Всероссийская перепись населения

2020 г.// Федеральная служба государственной статистики [сайт]. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/perepis2010/cr oc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 28.08.2024 г.).

¹⁰ Проценты рассчитаны автором от общего числа мужчин 16 лет и старше, а также до 16 лет, указавших состояние в браке.

Общая доля мужчин с деформированным брачным статусом (разведённые, разошедшиеся, вдовы) в 2002 г. составила 11,11%, в 2010 г. – 11,09%, в 2020 г. – 11,67%. Общее число и доля вдовых также выросли, суммарное число разведённых и разошедшихся выросло с 4 044 167 в 2010 до 4 483 361.

Таким образом, эти тенденции влияют на рост неполных отцовских семей.

Социально-правовое положение одиноких отцов рассмотрим с точки зрения возможности получения мер государственной поддержки семей с детьми, льгот, предоставляемых в сфере труда, а также оказания социальных услуг. Как выше было показано, практически все исследователи, изучавшие проблемы одиноких отцов, подчеркивали факт отсутствия в российском законодательстве понятия «одинокый-отец». Вместе с тем в нормативных правовых документах применяются термины, обозначающие одиноких родителей вне зависимости от пола – «одинокий родитель», «единственный усыновитель», «единственный родитель». Кроме того, одинокие отцы могут входить в число «лиц, воспитывающих детей без матери».

В настоящее время мужчины могут получить материнский (семейный) капитал. В статье 3 ФЗ №256-ФЗ от 29 декабря 2006 г. указано, что дополнительные меры поддержки могут получить мужчины, которые имеют статус единственных усыновителей второго, третьего ребёнка и последующих детей с 1 января 2007 г.; являются единственными усыновителями

первого ребёнка с января 2020 г.; отцы, воспитывающие второго, третьего и последующих детей, рождённых с 1 января 2007 г., первого ребёнка с 1 января 2020 г., после смерти женщин, не имевших гражданства РФ, объявленных умершей¹. Права женщин на дополнительные меры поддержки прекращаются после их смерти, объявления умершей, лишения родительских прав, совершения ими преступления против личности в отношении ребёнка, оставления ребёнка, а также ограничения родительских прав². Соответствующие права возникают у отцов детей.

Родителям, в одиночку воспитывающим детей, предоставляется ежемесячное пособие, если второй родитель умер, пропал без вести, не был вписан в свидетельство о рождении³. Статус единственного родителя выступает основанием для применения «правила нулевого дохода», которое позволяет ему получать пособие, даже если не имеет доходов в расчётном периоде, если второй родитель умер; сведения о нём отсутствуют в свидетельстве о рождении или записаны со слов матери, признан безвестно отсутствующим или умершим⁴. Получателями могут быть одинокие родители обоих полов.

Если имеется решение суда об уплате алиментов со стороны одного из родителей, то второй родитель детей имеет право на получение ежемесячного пособия на ребёнка в возрасте от 8 до 17 лет, при среднедушевом доходе семьи ниже величины прожиточного минимума⁵.

¹¹ Федеральный закон о дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей от 29 декабря 2006 г. №256-ФЗ // КонсультантПлюс [сайт]ю URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872/?ysclid=m0vzciqcb6355131443 (дата обращения: 22.08.2024 г.).

¹² Там же.

¹³ Значение статуса единственного родителя для выплат на детей от 8 до 17 лет // Социальный фонд Российской Федерации [сайт]. URL:

<https://sfr.gov.ru/branches/sevastopol/news/~2022/07/19/237979> (дата обращения: 25.08.2024 г.).

¹⁴ Постановление Правительства РФ от 28 июня 2021 г. № 1037 "Об утверждении Правил назначения и выплаты ежемесячного пособия женщине, вставшей на учет в медицинской организации в ранние сроки беременности, и ежемесячного пособия на ребенка в возрасте от 8 до 17 лет в части, не определенной Федеральным законом "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей", а также перечня документов (копий документов, сведений), необходимых для назначения указанных пособий, и

Кроме того, отцы имеют право на предоставление отпуска по уходу за ребёнком¹⁵ и получать соответствующее пособие¹⁶.

Один из родителей имеет право получать единое пособие в связи с рождением и воспитанием ребёнка до 17 лет с учётом среднедушевых доходов семьи¹⁷.

При оказании государственной поддержки семей с детьми учитываются структура семьи, уровень доходов. Если родитель детей единственный, то вне зависимости от его пола (и одинокий отец, и одинокая мать) при соответствии критериям предоставления мер, он может получать их. В части государственных монетарных мер поддержки, что чрезвычайно важно для материального благополучия неполных семей, мы не обнаружили какого-либо неравного или неравноправного доступа одиноких родителей по признаку пола.

Кроме того, бывший супруг после развода имеет право в судебном порядке получить решение о взыскании алиментов от бывшего супруга, если он фактически выполняет уход за общим ребёнком на протяжении трёх лет с момента его рождения, а также за общим ребёнком с инвалидностью до достижения им восемнадцатилетнего возраста, ребёнком-инвалидом с детства I группы¹⁸. Одинокие

форм заявлений об их назначении" // Гарант.Ру [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401316416/?ysclid=m0w4babnjs176772042#1050> (дата обращения: 22.08.2024 г.).

¹⁵ До достижения 1, 5 лет.

¹⁶ Ежемесячное пособие по уходу за ребенком (до 1,5 лет) // Социальный фонд Российской Федерации [сайт]. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/families_with_children/care?ysclid=m0w7n5qqi4335712008 (дата обращения: 25.08.2024 г.).

¹⁷ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 декабря 2022 г. №2330 «О порядке назначения и выплаты ежемесячного пособия в связи с рождением и воспитанием ребёнка» // Гарант.Ру [сайт]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/4058706>

отцы, оставшиеся с ребёнком или детьми после развода, имеют право на получение алиментов от матерей детей.

Обратимся к российскому трудовому законодательству. Ограничения и льготный режим труда, предоставляемые одиноким матерям, распространяются и на лиц, воспитывающих детей без матери. Так, запрещается использование их труда в ночное время, привлечение к сверхурочным работам, к труду в выходные, праздничные дни, направление в командировки, а также предусмотрено предоставление дополнительных отпусков, льготного режима труда¹⁹. К лицам, воспитывающим детей без матери, относятся отцы, оставшиеся с детьми после смерти их матери, в условиях лишения или ограничения матери родительских прав, признания недееспособной, безвестного отсутствия, отбывания наказания в виде лишения свободы, уклонения от воспитания детей²⁰.

Как показывает обзор Верховного суда РФ судебной практики решения споров бывших супругов, переживающих развод, относительно дальнейшего места проживания ребёнка, суды преимущественно выносят решения в пользу совместного проживания ребёнка с матерью, но вместе с тем отмечается тенденция роста принятых решений о проживании с отцом²¹. Именно это

39/?ysclid=m0w3lztghf82837825 (дата обращения: 23.08.2024 г.).

¹⁸ Статья 90 Семейного кодекса Российской Федерации // КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/6862910114b47d2bd1f33b39f7026b38c230a42b/ (дата обращения: 28.08.2024 г.).

¹⁹ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. №197-ФЗ // КонсультантПлюс [сайт]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683/?ysclid=m0w81tf5kh478684031 (дата обращения: 29.08.2024 г.).

²⁰ Там же.

²¹ Обзор практики разрешения судами споров, связанных с воспитанием детей, утверждённый Президиумом Верховного суда Российской Федерации от 20 июля 2011 г. // Верховный суд

обстоятельство, когда после развода дети остаются с матерью, является одной из причин статистического разрыва в числе неполных семей с детьми, возглавляемых матерями, и отцовских неполных семей.

Рассмотрим термины, применяемые в отношении одиноких родителей разного пола в национальных стандартах оказания социальных услуг. В национальном стандарте РФ «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» дефиниция неполной семьи сформулирована следующим образом: «неполная семья – семья, в которой детей или ребёнка воспитывает один из родителей»²². В данном определении не указываются основания формирования неполной семьи, пол родителя, принципиальным является факт выполнения родительских функций без участия второго родителя. В национальном стандарте «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье» содержатся наименования и формы оказания социальных услуг для 12 разных групп семей, в том числе для неполных семей, столкнувшихся со сложными жизненными обстоятельствами²³. В этом стандарте неполные семьи не дифференцируются по полу родителя, одиноко воспитывающего детей. Кроме него существует отдельный стандарт оказания социальных услуг женщинам, который направлен на поддержку 19

разных категорий лиц женского пола, оказавшихся в сложной жизненной ситуации²⁴. В их число входят 6 категорий, связанных с неполными семьями: вдовы; матери, одиноко воспитывающие несовершеннолетних детей; юные матери, не достигшие совершеннолетия; беременные, в том числе несовершеннолетние и одинокие; женщины из неполных семей; женщины, находящиеся на разных этапах распада брака – развода, предразводной или постразводной ситуациях²⁵. Стандарта, направленного на оказание социальной помощи мужчинам, оказавшимся в аналогичном положении вдовства, развода, отцовства в несовершеннолетнем возрасте, одинокого отцовства, нет. Социальные услуги одиноким отцам оказываются в рамках общего стандарта оказания поддержки семей, в части неполных семей. В этом вопросе, как мы полагаем, заключается неравные позиции одиноких матерей и одиноких отцов. Между тем помимо общих социально-экономических проблем, характерных для неполных семей в целом, существуют специфические проблемы отцовских семей социально-психологического, социально-педагогического, медицинского и бытового характера, для помощи в решении которых целесообразно разработать отдельный стандарт для мужчин, по форме аналогичный стандарту оказания

Российской Федерации [сайт]. URL: <https://www.vsrf.ru/documents/thematics/15101/?ysclid=m0wb76wz1q764436828> (дата обращения: 28.08.2024 г.)

²² ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Термины и определения», утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 30.12.2005 г. №532-ст (ред. от 17.10.2013) // КонсультантПлюс [сайт]. URL: <https://legalacts.ru/doc/gost-r-52495-2005-natsionalnyi-standart-rossiiskoi-federatsii/?ysclid=m0m0a8gaq439723049> (дата обращения: 22.08.2024 г.).

²³ ГОСТ Р 52885-2013. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги семье», утв.

приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 17.10.2013 г. №1183 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200107238?ysclid=m0>

²⁴ ГОСТ Р 52886-2017. Национальный стандарт Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги женщинам», утв. приказом Федерального агентства по техническому регулированию и метрологии от 05.10.2017 г. №1334 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200156995?ysclid=m0wcxm1qda727497978> (дата обращения: 22.08.2024 г.).

²⁵ Там же.

социальных услуг женщинам, но по содержанию учитывающий особые потребности мужчин и отцов, в том числе одиноких отцов.

Такую же асимметричность, как в случае с нормативными документами о стандартах оказания социальных услуг женщинам и мужчинам, мы наблюдаем и в государственной *социальной инфраструктуре поддержки отцов, в том числе, одиноких отцов*. Это известный факт, описанный некоторыми исследователями еще 10 лет назад. Следует отметить, что принципиальных изменений не произошло, как и десятилетие назад в сети государственных социальных учреждений единицы оказывают специализированные услуги для одиноких отцов. В научной литературе, посвящённой проблемам отцовства, более известен Алтайский краевой кризисный центр для мужчин, который был открыт в 1995 г. и оказывает социально-психологическую поддержку лицам в кризисных состояниях, вызванных семейными конфликтами, предразводной ситуацией, разводом, потерей близкого человека, работы, а также мужчинам, воспитывающим ребенка или детей в одиночку²⁶. Данный центр долгое время был единственным государственным учреждением, оказывающим такую поддержку мужчинам. В центре социальной помощи семье и детям в Хабаровске функционирует клуб одиноких отцов «Папа рядом», открытый для оказания комплекса психолого-

педагогических, медико-социальных, правовых услуг семьям одиноких отцов²⁷.

На существующий среди одиноких отцов запрос на поддержку и помощь реагируют общественные движения, объединения, некоммерческие организации. Идею создания центров поддержки и взаимопомощи одиноких отцов, а также оказания социальной, материальной помощи неполным отцовским семьям начинают реализовывать институты гражданского общества на российском и региональном уровнях. К ним можно отнести совместную программу адресной помощи неполным отцовским семьям с несовершеннолетними детьми «Ты не один» Всероссийского общественного движения «Отцы России»²⁸ и Фонда поддержки ответственного отцовства «Истоки»²⁹. Программа реализуется, как указано на сайте движения, в 40 регионах, и имеет партнеров в 80 субъектах РФ. Есть инициативы региональных общественных организаций об открытии центра для одиноких отцов, как например, у общественной организации «Ангаардас аҕалар» (Отцы-одиночки) в Республике Саха-Якутия³⁰.

В инфраструктуру социально-психологической помощи мужчинам входят услуги некоммерческих организаций, направленные на оказание срочной психологической помощи по телефону, или психологической помощи и коррекции лиц, которые проявляли насилие в семье³¹.

²⁶ О центре // Краевое государственное бюджетное учреждение социального обслуживания Министерства социальной защиты Алтайского края «Краевой кризисный центр для мужчин» [сайт]. URL: <http://www.criscentr.ru> (дата обращения: 20.08.2024 г.).

²⁷ Клуб одиноких отцов «Папа рядом» // Краевое государственное казенное учреждение «Хабаровский центр социальной помощи семье и детям» [сайт]. URL: <https://cspsdhab.mszn27.ru/projects/klub-odinokikh-ottsov> (дата обращения: 25.08.2024 г.).

²⁸ Адресная помощь // Всероссийское общественное движение «Отцы России» [сайт]. URL:

<https://отцыроссии.рф/deyatelnost/blagotvoritelnaya-programma-ty-ne-odin/> (дата обращения: 25.08.2024 г.).

²⁹ Ты не один // Фонд поддержки ответственного отцовства [сайт]. URL: <https://www.istokiotsovstva.ru/> (дата обращения: 25.08.2024 г.).

³⁰ Региональная общественная организация Республики Саха-Якутия «Ангаардас аҕалар» [сайт]. URL: <https://anaardas-agalar.ru/category/novosti/> (дата обращения: 27.08.2024 г.).

³¹ Телефон психологической поддержки для мужчин «Прямой диалог» [сайт]. URL: <https://p-d.tel/about/>

Существует ряд общественных организаций, чья деятельность направлена на поддержку и пропаганду ценностей ответственного отцовства, как всероссийская общественная организация «Союз отцов»³².

Полагаем, что именно отсутствие отдельного современного стандарта оказания социальных услуг мужчинам, отцам, в том числе одиноким отцам, приводит к отсутствию равномерно развитой, унифицированной инфраструктуры поддержки на базе тех же региональных и муниципальных социальных учреждений.

В последние годы развиваются *сетевые сообщества, объединяющие одиноких родителей*. Мониторинг таких сообществ в социальной сети «ВКонтакте» показал, что есть ресурсы, объединяющие одиноких родителей обоих полов («Родители-одиночки» – 1409 подписчиков³³; «Мамы-и-отцы-одиночки»³⁴ – Калининград, 450 подписчиков; «Для мам и пап, воспитывающих детей в одиночку» – г. Томск, 942 подписчика³⁵, «Отцы и дети» – 4034 подписчика³⁶), а также те, целевой аудиторией которых являются исключительно одинокие отцы («Одинокий отец. Клуб пап-одиночек» – 5774 подписчиков³⁷; «Отцы-одиночки»³⁸ – г. Тюмень, 299 подписчиков). Количество участников (подписчиков) варьируется от нескольких сотен до нескольких тысяч,

география охвата также разная – от городских и региональных сообществ до российских и международных.

Такие паблики представляют собой неформальные сети взаимной поддержки, коммуникации, обмена информацией, в том числе об офлайн-активности одиноких родителей – встречах, семинарах, фестивалях, конкурсах.

Следует отметить сообщества, ориентированные на разведённых мужчин, которые имеют перспективы стать одинокими отцами, если будут оспорены решения судов о воспитании ребенка матерью после развода. Эти ресурсы декларируют «защиту прав отцов, защиту прав детей из насильственно разделённых семей» («Международный отцовский комитет» – 1254 подписчиков)³⁹, и оказывают правовую, консультационную, информационную поддержку отцам, отчужденным от детей после развода. Появление таких сообществ является результатом несогласия с судебными решениями по спорам о воспитании детей после развода родителей, не до конца решенных имущественных споров, в частности, жилищных, разногласиями бывших супругов в вопросе алиментов на содержание детей. Как указано на странице данного сообщества в социальной сети ВКонтакте, «в 90% случаях развод инициируют женщины, в 96% случаях после развода детей оставляют с матерью,

(дата обращения: 25.08.2024 г.); Автономная некоммерческая организация поддержки инициатив в области семьи, материнства, отцовства и детства «Новый взгляд» [сайт]. URL: <https://newvision29.ru/about> (29.08.2024 г.); Центр «Не Терпи» [сайт]. URL: <https://neterpi.com/?ysclid=m0qo58d854973845779> (дата обращения: 29.08.2024 г.).

³² Союз отцов [сайт] URL: <https://союзотцов.рф/> (дата обращения: 29.08.2024 г.).

³³ «Родители-одиночки» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club7233528?ysclid=m0xl8cc93u613857501> (дата обращения: 07.09.2024 г.).

³⁴ «Мамы-и-отцы-одиночки» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/club50754622?ysclid=m0xlakmvm172123912> (дата обращения: 07.09.2024 г.).

³⁵ «Для мам и пап, воспитывающих детей в одиночку»- https://vk.com/project_od?ysclid=m0utje6pzh777990860 (дата обращения: 11.09.2024 г.).

³⁶ «Отцы и дети» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/papason?ysclid=m0utblhdwu989438788> (дата обращения: 11.09.2024 г.).

³⁷ «Одинокий отец. Клуб пап-одиночек» // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/onlyonedad> (дата обращения: 11.09.2024 г.).

³⁸ «Отцы-одиночки» (г. Тюмень) // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/otezmama?ysclid=m0ximdddgu643859188> (дата обращения: 11.09.2024 г.).

³⁹ «Отцовский Комитет» (МОК) Fathers International // ВКонтакте. URL: https://vk.com/mok_shtab?ysclid=m0qm0kfqlb465511921 (дата обращения: 11.09.2024 г.).

2/3 отцов борются за своих детей в судах, 60% матерей скрывают детей от отцов». Ссылки на источники этих цифр отсутствуют. Кроме того, на данном ресурсе отмечается неравноправие матерей и отцов, выражающееся в том, что приняты государственные стратегии, программы, направленные на защиту прав и интересов женщин, а также существует сеть социальных учреждений, работающих с женщинами, в то время как аналогичных им документов, организаций, направленных на поддержку мужчин, нет⁴⁰.

Такие сообщества позиционируют себя как ресурсы, объединяющие усилия отцов за изменение «несправедливых», по их мнению, законов, судебных решений.

Контент-анализ материалов, размещённых в сетевых пабликах одиноких отцов, позволил обобщить *проблемы, с которыми сталкиваются современные одинокие отцы в России*. К ним относятся:

- *ресурсные* – дефицит времени, финансовых средств;
- *профессиональные и карьерные* – риски потери карьеры и престижной работы по причине ухода и воспитания ребёнка вне полной семьи, что требует значительных временных затрат со стороны одинокого родителя;
- *бытовые* – трудности совмещения трудовой деятельности с выполнением домашнего труда, ухода за детьми;
- *проблемы, требующие решения в правовой плоскости* – неурегулированные материальные, моральные споры с бывшими брачными партнерами, а также споры, связанные с участием нерезидентных матерей в воспитании и уходе за детьми, которые остались с отцом после развода;
- *социально-психологические* – барьеры и затруднения, которые испытывают одинокие отцы при посещении коллективных родительских мероприятий по месту обучения ребёнка, в

которых преимущественное участие принимают матери;

- *социально-педагогические* – недостаток бытовых и родительских компетенций;

- *семейно-демографические* – сложность создания новой семьи, связанная с возникающим конфликтом между приоритетностью и ценностью отцовско-детских отношений и необходимостью реализации брачного и репродуктивного потенциала одинокого отца;

- Анализ материалов российских СМИ, в которых опубликованы жизненные истории одиноких отцов, выявил следующие проблемы.

В интервью СМИ одинокие отцы отмечают:

- склонность судов и органов опеки занимать сторону матерей при рассмотрении исков отцов на лишение родительских прав матерей с асоциальными моделями поведения (злоупотребляющих алкоголем; не выполняющих родительские обязанности; оставляющих детей без присмотра);
- препятствование со стороны матерей в общении разделённых при разводе детьми с отцами и сиблингами, оставшимися с отцами, и получение графика общения с ними через суд;
- трудности в розыске матерей, которые скрывают местонахождение одного или нескольких детей, разделённых при разводе от отцов и родных сестёр и братьев;
- отсутствие помощи и содействия одиноким отцам от органов опеки и социальной помощи;
- недоверие одиноким отцам со стороны органов опеки и социальных служб;
- трудности в коммуникациях с органами власти, необходимость сбора разных справок при получении социальных услуг;

⁴⁰ «Отцовский Комитет» (МОК) Fathers International // Вконтакте. URL: https://vk.com/mok_shtab?ysclid=m0qm0kfqlb465511921 (дата обращения: 11.09.2024 г.).

- материальные трудности;
- проблемы детско-родительских отношений на этапе переходного возраста детей;
- проблемы интеграции нового партнёра отца (женщины) в устоявшиеся детско-родительские отношения в неполных отцовских семьях;
- конфликт между необходимостью поиска более высоких доходов и ухода за детьми, который требует больших временных затрат со стороны одиноких отцов по сравнению с мужчинами, воспитывающими детей в условиях полной семьи;
- психологическое неприятие жалости по отношению к себе и своим детям;
- сложности объяснения детям отсутствия матери в жизни семьи.

Адаптационные практики одиноких отцов направлены на поиск оптимального совмещения функции материального обеспечения семьи с родительскими обязанностями. Истории одиноких отцов показывают, что они привлекают бабушек, близких родственников женского пола к частичному выполнению обязанностей отсутствующей матери. *«Пока я работал, с детьми помогала моя мама. В свободное от работы время я по максимуму занимался ими сам. Сейчас дочкам 4 и 6 лет, они ходят в садик (мужч., г. Саратов, 2 детей)»⁴¹.*

В дилемме выбора между высокооплачиваемой, но ненормированной работой и не столь высокодоходной работой, имеющей гибкий график, одинокие отцы выбирают второй вариант, чтобы иметь возможность более полно выполнять родительские обязанности. Кроме того, одинокие отцы меняют работу, переходят на менее ответственные и более низкие позиции, отказываются от вторичной занятости. *«Пришлось сменить работу для того, чтобы успевать встречать ребенка со школы (мужч., г. Санкт-Петербург, 1 реб.)»⁴².* *«... Конечно, когда я остался с сыном один, зарабатывать стал поменьше. В садик ребенка отдавать не хотелось, он появлялся там раз-два в неделю... (мужч., г. Ачинск, 2 детей)»⁴³.* *«... Пришлось отказаться от второй работы и перестроить рабочий график, чтобы пораньше забирать детей из садика и заниматься с ними. Пока совмещать удается. Приезжаю в офис в 8 утра, на обед времени не остается. Плюс успеваю поработать после того, как уложу всех спать (мужч., г. Санкт-Петербург, детей)»⁴⁴.* *«Мне пришлось сменить 8-часовой график на сменный, чтобы больше времени проводить с сыном (мужч., г. Ростов-на-Дону, 1 реб.)»⁴⁵.*

Вынужденной временной мерой может быть передача малолетних детей в социальные учреждения, чтобы решить первоочередные бытовые, материальные

⁴¹ «Объяснить отсутствие мамы оказалось проще, чем я думал». О жизни отцов-одиночек. Материал Анны Алексеевой // Сноб. 23 января 2018 г. [сайт]. URL:

<https://snob.ru/entry/156870/?ysclid=m0xr3blns5506139078> (дата обращения: 04.09.2024 г.).

⁴² Почему одиноки отцы-одиночки // MR7.ru. 21 мая 2009 г. [сайт]. URL: <https://mr7.ru/articles/2009/05/21/pochemu-odinoki-ottsy->

⁴³ «Объяснить отсутствие мамы оказалось проще, чем я думал». О жизни отцов-одиночек. Материал Анны Алексеевой // Сноб. 23 января 2018 г. [сайт]. URL:

<https://snob.ru/entry/156870/?ysclid=m0xr3blns5506139078> (дата обращения: 04.09.2024 г.).

⁴⁴ «Объяснить отсутствие мамы оказалось проще, чем я думал». О жизни отцов-одиночек. Материал Анны Алексеевой // Сноб. 23 января 2018 г. [сайт]. URL:

<https://snob.ru/entry/156870/?ysclid=m0xr3blns5506139078> (дата обращения: 04.09.2024 г.).

⁴⁵ «Жена отказалась от сына, чтобы устроить личную жизнь»: три истории ростовских отцов-одиночек // 161.ru. Ростов-на-Дону онлайн [сайт]. 10 ноября 2019 г. URL: <https://161.ru/text/relations/2019/11/10/66301570/?ysclid=m0xqlrrdqo460018051> (дата обращения: 04.09.2024 г.).

вопросы семьи, перенесшей утрату матери, и адаптироваться к изменившимся условиям жизни. «... Она в детдоме росла почти до 3 лет, к ней в гости ходил. А кто бы с ней сидел? Я постоянно работал. В то время, когда они были маленькие, — я ночами, только ночами работал на кирпичном заводе... (мужч., Новосибирск, 4 детей)⁴⁶. «...Тогда я обратился в органы опеки, и они посоветовали мне определить его в дом ребенка до тех пор, пока мое материальное положение не наладится, и я смогу забрать его домой (мужч., г. Москва, 1 реб.)⁴⁷.

Для отцов, имеющих детей подросткового возраста, одним из решений бытовых вопросов является делегирование детям некоторой части домашней работы. «Зачем нам помогать? Старший ребенок умеет и блины жарить, и картошку чистить — научили в детдоме. Полы каждый в своей комнате подметает и моет сам. Что касается еды, я вечерами готовлю на день-два вперед, никаких проблем в этом не вижу, магазины у нас внизу (мужч., Санкт-Петербург, 3 детей)⁴⁸. «...Когда я открыл для себя распределение обязанностей, жить стало проще. На холодильнике у нас висит список — кто за что отвечает, раз в полгода мы их меняем (мужч., г. Москва, 4 детей)⁴⁹.

Осознанным решением со стороны одиноких отцов является отказ от повторного брака, в некоторых случаях и от личной жизни ради заботы и поддержания комфортных психологических условий для детей. Одинокие отцы в данном вопросе часто придерживаются стереотипа, согласно которому их детей не полюбят в новой семье: «С личной жизнью всё просто — её нет. Я выбираю женщину относительно интересов своей дочери. При этом если жениться на женщине с ребенком, то понятно, что свое чадо у нее всегда будет на первом месте, а я не хотел бы, чтобы Настя была в роли бедной падчерицы. А если выбирать женщину, у которой нет детей, то откуда у нее опыт общения с детьми и знание, что с ними делать? (мужч., г. Москва, 1 реб.)⁵⁰. «Жениться хочется, но боюсь, что не потяну: женщины моего возраста тоже с детьми (обычно не меньше двух). Да и искать некогда: дом, работа и дети отнимают все время (мужч., г. Тюмень, 4 детей)⁵¹.

В статусе одинокого отца мужчины переживают значимые для личностного, профессионального роста потери, связанные с отказом от самореализации ввиду дефицита времени и ресурсов.

Для мужчин, одиноко воспитывающих детей, важно осознание своей социальной субъектности, и

⁴⁶ «Маму? Ищем, но всех хороших уже разобрали» // Новосибирск онлайн. 27 ноября 2015 г. [сайт]. URL: <https://ngs.ru/text/family/2015/11/27/2316713/> (дата обращения: 10.09.2024 г.).

⁴⁷ «Раньше сын спрашивал про маму, а сейчас перестал». Монологи отцов-одиночек. Материал Ирины Кравцовой // Chips Journal. 19 мая 2022. URL: <https://chips-journal.ru/reviews/monologi-lonely-otcov> (дата обращения: 10.09.2024 г.).

⁴⁸ «Отказался сдать сына в детдом, и жена ушла»: истории российских отцов-одиночек. Материал Елены Кривякиной // Комсомольская правда. 8 июня 2021 г. [сайт]. URL: <https://www.kp.ru/daily/27287/4425609/?ysclid=m0xq5pojly293224565> (дата обращения: 10.09.2024 г.).

⁴⁹ Как живут и воспитывают детей одинокие папы. Материал Татьяны Владыкиной // Российская газета. 06.10.2021 г. [сайт]. URL:

<https://rg.ru/2021/10/06/kak-zhivut-i-vospityvaiut-detej-odinokie-papy.html?ysclid=m0xp2wdxb4953461830> (дата обращения: 07.09.2024 г.).

⁵⁰ «У нас царит казарменная романтика» — какво быть отцом-одиночкой // Афиша Daily. 21 июля 2015 г. [сайт]. URL: <https://daily.afisha.ru/archive/gorod/people/u-nas-carit-kazarmennaya-romantika-kakovo-eto-byt-otcomodinochkoy-v-grossii/> (дата обращения: 07.09.2024 г.).

⁵¹ «Объяснить отсутствие мамы оказалось проще, чем я думал». О жизни отцов-одиночек. Материал Анны Алексеевой // Сноб. 23 января 2018 г. [сайт]. URL: <https://snob.ru/entry/156870/?ysclid=m0xr3blns5506139078> (дата обращения: 04.09.2024 г.).

наблюдается нежелание одиноких отцов обращаться к социальным службам, к другим лицам за помощью в решении текущих проблем своей семьи. *«Насколько я знаю, большинство отцов не только никогда не просят ни у кого помощи, но даже алиментов не взыскивают, считая, что сами со всем справятся (мужч., г. Сызрань, 2 детей)»*⁵².

Таким образом, одинокие отцы, адаптируясь к новым условиям жизни, опираются на помощь своих родителей, родственников, перестраивают режим и график работы с учётом нужд детей, меняют карьерные траектории, склонны воздерживаться от повторного брака и самостоятельно решать возникающие проблемы.

Заключение (Conclusions). В законодательстве в части, регулирующей оказания государственных мер поддержки семьям с детьми, а также в трудовом законодательстве не наблюдается неравноправия между одинокими отцами и одинокими матерями – принципиален факт неполной структуры семьи, нежели пол одинокого родителя. Вместе с тем термины, применяемые к одиноким отцам, требуют уточнения и закрепления в нормативных, технических документах. Стандарты оказания социальных услуг и социальная инфраструктура поддержки не ориентирована на учёт специфики одиноких отцов и работы с ними. Оказание социальных услуг данной категории неравномерно развито в сети социальных учреждений страны, и общественные, некоммерческие организации не в состоянии полностью восполнить этот пробел. В этой связи необходима унификация деятельности социальных учреждений.

Специфика причин формирования неполных отцовских семей преимущественно связана с негативными и

стрессовыми и травмирующими событиями, как вдовство, развод, социальные и родительские девиации со стороны матерей детей, и данные обстоятельства повышают уровень тревожности и создают риски социально-психологического неблагополучия как единственных родителей, осуществляющих воспитание детей, так и детей. В этой связи отцовские семьи требуют особых подходов, стандартов и методов работы с ними, помощи в укреплении физического, психического и ментального здоровья отцов.

Полагаем, что на актуализацию потенциальных негативных эффектов неполной семьи, в том числе отцовских семей, могут повлиять социально-экономические характеристики одиноких родителей: уровень образования, социально-профессиональный статус, возраст, история брака. Именно эти факторы определяют неоднородность неполных семей, разную степень материальной обеспеченности, несмотря на то, что их объединяют достаточно универсальные проблемы.

Анализ проблем и адаптационных практик одиноких отцов указывает на наличие в них факторов, существенно снижающих уровень социального благополучия: дефицит финансовых, временных ресурсов, родительских компетенций в части выполнения обязанностей, которые в полных семьях выполняются женщинами, зачастую вынужденный отказ от карьерного продвижения и повторного брака.

С учётом вышесказанного полагаем целесообразным включить в систему управления неполными семьями следующие меры:

1) Внесение дополнения в ГОСТ Р 52495-2005. Национальный стандарт

⁵² Истории отцов-одиночек в России: "Какой бабе я нужен?". Материал Жанны Голубицкой. 14.12.2018 г. // Московский комсомолец [сайт].

URL: <https://www.mk.ru/social/2018/12/14/istorii-otcovodinochek-v-rossii-kakoy-babe-ya-nuzhen.html?ysclid=m0xn0ekka773584986> (дата обращения: 11.09.2024 г.).

Российской Федерации «Социальное обслуживание населения. Термины и определения» для уточнения понятий «одинокый отец», «одинокый родитель», «единственный родитель», «лица, воспитывающие детей без матери».

2) Разработку нового национального стандарта «Социальное обслуживание населения. Социальные услуги мужчинам», включающего в себя содержание, объем и характер социальных услуг одиноким отцам.

3) Разработку образовательной программы для повышения квалификации социальных работников по сопровождению и поддержке отцовских семей, содержащую современные инструменты и методы работы, учитывающие особые потребности и проблемы как отцов, так и детей.

4) включение в квалификационные требования к социальным работникам, работающим с семьями, пункта об обязательном прохождении семинаров и курсов повышения квалификации по работе неполными семьями, отцовскими семьями.

5) В рамках региональных мер поддержки социально-ориентированных некоммерческих организаций выделить в отдельную категорию инициативы, направленные на оказание консультационной и иной помощи одиноким отцам в воспитании детей, повышении их социально-психологической устойчивости.

В целом научных работах наблюдается недостаточная проблематизация одинокого отцовства, специфики этого типа семей, долгосрочных последствий пребывания в них детей, что требует дальнейших исследований в этом предметном поле.

Список литературы

Безрукова О. Н., Самойлова В. А. Отцовство и поддержка отцов: тренды современных зарубежных исследований // Мониторинг общественного мнения:

экономические и социальные перемены. 2020. № 4. С. 233-272.

Егорова Н. Ю., Янак А. Л. Отцовская семья как новый клиент социальной работы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Социология и социальная работа. 2014. № 2 (34). С. 42-46.

Попов В. А., Аникина Р. В. Социально-правовое положение отцов-одиночек в странах Западной Европы, США и России // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 73-75.

Романова Н. П., Михайлова А. И. Особенности социального самочувствия одиноких отцов как детерминанта формирования стратегии управления отцовскими семьями // Вестник Забайкальского государственного университета. 2014. № 10 (113). С. 81-92.

Романова Н. П., Михайлова А. И. Особенности социального управления монородительскими (отцовскими) семьями // Вестник Забайкальского государственного университета. 2013. № 10 (101). С. 47-60.

Ростовская Т. К. О разработке Стратегии действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства: авторский взгляд // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 1. С. 40-47. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47>.

Ростовская Т. К. Роль мужчины в современном российском обществе // Социологические исследования. 2023. № 4. С. 159-160. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250025455-3>.

Ростовская, Т. К. Стратегия действий по сбережению мужчин и поддержке ответственного отцовства // ДЕМИС. Демографические исследования. 2023. Т. 3, № 2. С. 168-171. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.13>. EDN WCYFWL.

Ростовская Т. К., Васильева Е. Н. (2023). Социальный портрет одиноких отцов: анализ в рамках концепции ответственного родительства // Социальное пространство. Т. 9, № 1. С. 1-15. DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2>.

Ростовская Т. К., Натсак О. Д. Неполная семья в контексте современных

демографических концепций // Социальное пространство. 2024. Т. 10, №2. С. 1-11.

Ситникова В. В., Кузнецова Е. К. Социальная работа с отцовскими семьями // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 54. С. 62-66.

Стасенко О. В. Одинокое отцовство в современном обществе: причины возникновения и основные проблемы // Женщина в российском обществе. 2010. № 3 (56). С. 78-82.

Шевченко И. О. Одинокое отцовство в России: повседневные практики и проблемы // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2014. № 4 (126). С. 163-172.

Шевченко И. О. Ситуация после развода: отцы и дети // Социологические исследования. 2015. № 3. С. 70-77.

Шевченко И. О. Эволюция научных исследований отцовства // Вестник Института социологии. 2023. Т. 14, № 3. С. 175-196. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>.

Coles R. Single-Father Families: A Review of the Literature // Journal of Family Theory & Review. 2015. Vol. 7, № 2. Pp. 144-166. DOI: <https://doi.org/10.1111/jftr.12069>.

Dhungel B., Kato T., Kachi Yu., Ochi M., Gilmour S. and Takehara K. Prevalence and Associated Factors of Psychological Distress Among Single Fathers in Japan // Journal of Epidemiology. 2023. № 33(6). Pp. 294-302. DOI: <https://doi.org/10.2188/jea.JE20210273>.

Geisler E. and Kreyenfeld M. Why Do Lone Mothers Fare Worse than Lone Fathers? Lone Parenthood and Welfare Benefit Receipt in Germany // Comparative Population Studies - Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft. 2019. № 44. Pp. 61-84. DOI: <https://doi.org/10.12765/CPoS-2019-09en>.

Fallesen P. and Gähler M. Family type and parents' time with children: Longitudinal evidence for Denmark // Acta Sociologica. 2020. Vol. 63, № 4. Pp. 361-380. DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699319868522>.

Herke M., Knöchelmann A. and Richtel M. Health and Well-Being of Adolescents in Different Family Structures in Germany and the Importance of Family Climate // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. № 17 (6470). Pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17186470>.

Iztayeva A. Custodial Single Fathers before and during the COVID-19 Crisis: Work, Care, and Well-Being // Social Sciences. 2021. № 10 (94). Pp. 1-23. DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci10030094>.

Kiernan K., Crossman S. and Phimister A. Families and inequalities // Oxford Open Economics. 2024. № 3. Pp. i645-i677. DOI: <https://doi.org/10.1093/ooec/odad03>.

Li X. (2020) Fathers' Involvement in Chinese Societies: Increasing Presence, Uneven Progress // Child Development Perspectives. 2020. № 14 (3). Pp. 150-156. DOI: <https://doi.org/10.1111/cdep.12375>.

Lu Yu-Ch., Walker R., Richard P. and Younis M. Inequalities in Poverty and Income between Single Mothers and Fathers // International Journal of Environmental Research and Public Health. 2020. № 17 (135). Pp. 1-15. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17010135>.

Philip G., Youansamouth L., Bedston S., Broadhurst K., Hu Ya., Clifton J. and Brandon M. I Had No Hope, I Had No Help at All: Insights from a First Study of Fathers and Recurrent Care Proceedings // Societies. 2020. № 10 (89). Pp. 1-12. DOI: <https://doi.org/10.3390/soc10040089>.

Smock P. J., Schwartz Ch. R. The Demography of Families: A Review of Patterns and Change // Journal of Marriage and Family. 2020. № 82 (1). Pp. 9-34. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12612>.

Williams D. T. and Baker R. S. Family Structure, Risks, and Racial Stratification in Poverty // Social Problems. 2021. Pp. 1-22. DOI: <https://doi.org/10.1093/socpro/spab018>.

References

Bezrukova, O. N., Samoilova, V. A. (2020), "Fatherhood and support for fathers: trends in modern foreign research", *Monitoring obshhestvennogo mneniya: jekonomicheskie i social'nye peremeny*, (4). 233-272. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.948>. (In Russian)

Egorova, N. Y., Yanak, A. L. (2014), "The single-father family as a new client of social work", *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Sciences*, (2), 42-46. (In Russian)

Popov, V. A., Anikina, R. V. (2014) "The social and legal status of single fathers in Western Europe, the USA and Russia", *Theory and practice of social development*, (8), 73-75. (In Russian)

- Romanova, N. P., Mikhailova, A. I. (2014), "Features of the social well-being of single fathers as a determinant of the formation of a strategy for managing paternal families", *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, (10), 81-92. (In Russian)
- Romanova, N. P., Mikhailova, A. I. (2013), "Features of social management of single-parent (paternal) families", *Vestnik Zabajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta*, (10), 47-60. (In Russian)
- Rostovskaya, T. K. (2023a), "On the development of an Action Strategy for saving men and supporting responsible fatherhood: the author's view", *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*, 16 (1), 40-47. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2023-1-40-47> (In Russian)
- Rostovskaya, T. K. (2023b), "The role of men in modern Russian society", *Sociological Studies*, (4), 159-160. DOI: <https://doi.org/10.31857/S013216250025455-3> (In Russian)
- Rostovskaya, T. K. (2023c), "Strategy of actions to save men and support responsible fatherhood", *DEMIS. Demographic research*, 3 (2), 168-171. DOI: <https://doi.org/10.19181/demis.2023.3.2.13>. (In Russian)
- Rostovskaya, T. K., Vasilyeva, E. N. (2023), "The social portrait of single fathers: an analysis within the framework of the concept of responsible parenthood", *Social Area*, 9 (1), 1-15. DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2023.1.37.2>. (In Russian)
- Rostovskaya, T. K., Natsak, O. D. (2024), "Single-parent family in the context of modern demographic concepts", *Social Area*, 10 (2), 1-11. DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2024.2.42.10> (In Russian)
- Sitnikova, V. V., Kuznetsova, E. K. (2011), "Social work with paternal families", *Vestnik Amurskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*, (54), 62-66. (In Russian)
- Stasenko, O. V. (2010), "Single fatherhood in modern society: causes and main problems", *Woman in Russian society*, (3), 78-82. (In Russian)
- Shevchenko, I. O. (2014), "Single fathers in Russia: everyday practices and problems", *RGGU BULLETIN. Series Philosophy. Social Studies. Art Studies*, (4), 163-172. (In Russian)
- Shevchenko, I. O. (2015), "The situation after the divorce: fathers and children", *Sociological Studies*, (3), 70-77. (In Russian)
- Shevchenko, I. O. (2023), "Evolution of scientific research on fatherhood", *The Bulletin of the Institute of Sociology*, 14 (3), 175-196. DOI: <https://doi.org/10.19181/vis.2023.14.3.12>. (In Russian)
- Coles, R. (2015), "Single-Father Families: A Review of the Literature", *Journal of Family Theory & Review*, 7 (2), 144-166. DOI: <https://doi.org/10.1111/jftr.12069>.
- Dhungel, B., Kato, T., Kachi, Yu., Ochi, M., Gilmour, S. and Takehara, K. (2023), "Prevalence and Associated Factors of Psychological Distress Among Single Fathers in Japan", *Journal of Epidemiology*, 33 (6), 294-302, DOI: <https://doi.org/10.2188/jea.JE20210273>.
- Geisler, E. and Kreyenfeld, M. (2019), "Why Do Lone Mothers Fare Worse than Lone Fathers? Lone Parenthood and Welfare Benefit Receipt in Germany", *Comparative Population Studies - Zeitschrift für Bevölkerungswissenschaft*, (44), 61-84, DOI: <https://doi.org/10.12765/CPoS-2019-09en>.
- Fallesen, P. and Gähler, M. (2020), "Family type and parents' time with children: Longitudinal evidence for Denmark", *Acta Sociologica*, 63(4), 361-380, DOI: <https://doi.org/10.1177/0001699319868522>.
- Herke, M., Knöchelmann, A. and Richte, M. (2020), "Health and Well-Being of Adolescents in Different Family Structures in Germany and the Importance of Family Climate", *International Journal of Environmental Research and Public Health*, (17), 1-12. DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17186470>.
- Iztayeva, A. (2021), "Custodial Single Fathers before and during the COVID-19 Crisis: Work, Care, and Well-Being", *Social Sciences*, (10), 1-23, DOI: <https://doi.org/10.3390/socsci10030094>.
- Kiernan, K., Crossman, S. and Phimister, A. (2024), "Families and inequalities", *Oxford Open Economics*, (3), i645-i677, DOI: <https://doi.org/10.1093/ooec/odad03>.
- Li, X. (2020) "Fathers' Involvement in Chinese Societies: Increasing Presence, Uneven Progress", *Child Development Perspectives*, (14),

150-156,

DOI:

<https://doi.org/10.1111/cdep.12375>.

Lu, Yu-Ch., Walker, R., Richard, P. and Younis, M. (2020), "Inequalities in Poverty and Income between Single Mothers and Fathers", *International Journal of Environmental Research and Public Health*, (17), 1-15, DOI: <https://doi.org/10.3390/ijerph17010135>.

Philip, G., Youansamouth, L., Bedston, S., Broadhurst, K., Hu, Ya., Clifton, J. and Brandon M. (2020), "I Had No Hope, I Had No Help at All": Insights from a First Study of Fathers and Recurrent Care Proceedings", *Societies*, (10), 1-12, DOI: <https://doi.org/10.3390/soc10040089>.

Smock, P. J., Schwartz, Ch. R. (2020), "The Demography of Families: A Review of Patterns and Change", *Journal of Marriage and Family*, (82), 9-34. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12612>.

Williams, D. T. and Baker, R. S. (2021), "Family Structure, Risks, and Racial Stratification in Poverty", *Social Problems*, 1-22, DOI: [10.1093/socpro/spab018](https://doi.org/10.1093/socpro/spab018).

Статья поступила в редакцию 26 сентября 2024 г. Поступила после доработки 28 ноября 2024 г. Принята к печати 01 декабря 2024 г. Received 26 September 2024. Revised 28 November 2024. Accepted 01 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Натсак Органа Доржуевна, кандидат философских наук, учёный секретарь Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, Кызыл, Россия.

Organa D. Natsak, Candidate of Philosophical Sciences, Scientific Secretary of the Tuvan Institute of Humanities and Applied Socio-Economic Research, Kyzyl, Russia.

УДК 316.442

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9

Оригинальная статья

Шаповалова И. С.

**Матримониальные диспозиции молодежи
как объект социологического анализа**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
ул. Преображенская, 78, Белгород, 308000, Россия
shapovalova@bsuedu.ru

Аннотация. Матримониальные диспозиции молодежи становятся основой прогноза демографических показателей, и их позитивная динамика дают возможность говорить о реализации задач национальной демографической политики. Контроль динамики матримониальных установок и диспозиций молодежи через систему мониторингов позволил бы установить тренды и тенденции, определить ключевые факторы их формирования и спрогнозировать их трансформацию в результаты матримониальных решений и поведения, определить их последствие для национальной политики. Целью статьи становится анализ эмпирического опыта изучения матримониальных диспозиций молодежи и определение динамических тенденций в их формировании. В статье представлены результаты эмпирического опыта исследований матримониальных диспозиций молодежи на территории России (2015-2023 годы), и также данные исследования матримониальных стратегий молодежи (2023 год, N=5881), проведенного в Белгородской области. Данные исследования показывают волновую динамику в показателях матримониальных диспозиций, что может быть обусловлено сменой поколений в исследованиях, а также акцентами национальной политики, влияющими на социализационные условия молодежи. Обозначены риски, связанные с выявленным в последних исследованиях гендерным рассогласованием в отношении матримониальных стратегий (в том числе относительно репродуктивного поведения), а также повышенным показателем приверженности молодежи альтернативным матримониальным идеологиям безбрачия и чайлдфри.

Ключевые слова: молодежь; матримониальные стратегии, матримониальные диспозиции, семейные ценности

Благодарность: Статья подготовлена при финансовой поддержке государственного задания FZWG-2023-0016, тема «Жизненные стратегии молодежи в условиях геополитической трансформации российского пространства».

Информация для цитирования: Шаповалова И. С. Матримониальные диспозиции молодежи как объект социологического анализа // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 167-191. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9

Inna S. Shapovalova

Matrimonial dispositions of youth as an object of sociological analysis

Belgorod State National Research University
78, Preobrazhenskaya St., Belgorod, 308000, Russia
shapovalova@bsuedu.ru

Abstract. Matrimonial dispositions of young people become the basis for forecasting demographic indicators, and their positive dynamics make it possible to talk about the implementation of the objectives of national demographic policy. Control over the dynamics of matrimonial attitudes and dispositions of young people through a monitoring system would allow us to establish trends and tendencies, identify key factors in their formation and predict their transformation into the results of matrimonial decisions and behavior, and determine their consequences for national policies. The purpose of the article is to analyze the empirical experience of studying matrimonial dispositions of young people and to determine the dynamic trends in their formation. The article presents the results of empirical experience in research on matrimonial dispositions of young people in Russia (2015-2023), as well as data from a study of matrimonial strategies of young people (2023, N = 5881), conducted in the Belgorod region. These studies show wave dynamics in the indicators of matrimonial dispositions, which may be due to a change in generations in research, as well as emphases of national policies that affect the socialization conditions of young people. The risks associated with the gender discrepancy in relation to matrimonial strategies (including reproductive behavior) identified in recent studies, as well as the increased rate of commitment among young people to alternative matrimonial ideologies of celibacy and childfree are outlined.

Keywords: youth; matrimonial strategies, matrimonial dispositions, family values

Acknowledgments: The article was prepared with the financial support of the state task FZWG-2023-0016, the topic «Life strategies of youth in the conditions of geopolitical transformation of the Russian space».

Information for citation: Shapovalova, I. S. (2024), “Matrimonial dispositions of youth as an object of sociological analysis”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 167-191. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-0-9

Введение (Introduction).

Национальные проекты и задачи развития, связанные с демографическим ростом, формированием традиционных семейных ценностей и развитием семьи, как основы стабильного государства, качества и социальной значимости жизни граждан, привлекают внимание к теме социальных установок и диспозиций в данной сфере. Особое место в этом вопросе занимают матримониальные установки и диспозиции молодежи как основной группы, формирующий будущий человеческий

национальный капитал, включаемой во все направления социально-экономического воспроизводства.

Особую важность изучения данных показателей приобретает в связи с возможностью определения прогнозных результатов – потенциалов и рисков развития ситуации исходя из планируемых направлений матримониальных стратегий молодежи – так, если изучение матримониальных диспозиций и результатов их реализации у граждан, ставит нас перед свершившимся фактом,

отраженном в демографических показателях, то диагностика данных позиций для молодежи определяет перспективу действий и решений по развитию потенциальных (социально-значимых) устремлений и нивелирование возможных рискованных полей посредством существующих систем воздействия (законотворческих инициатив, воздействия социальных институтов, формирования единых требований к воспитательному и образовательному процессу и многое другое).

Семья (традиционная, крепкая, счастливая) как национальная идея задает определенные требования к прогнозу как качественных, так и количественных показателей матримониальной сферы. Чем точнее окажется прогноз, тем выше вероятность предложения эффективного превентивного воздействия на рискованные компоненты. Так, рассматриваемые предложения и принятые решения о контроле пропаганды чайлдфри, основываясь на исключении неэффективных матримониальных идеологий из спектра возможных решений молодежи, на самом деле могли бы иметь под собой научное обоснование, связанное с действительным ростом приверженности молодежи к такого рода альтернативам (что, в том числе, отражено в исследованиях коллектива Международного центра социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета (Благорожева, Шаповалова, 2024).

Контроль динамики матримониальных установок и диспозиций молодежи через систему мониторингов, позволил бы установить тренды и тенденции, определить ключевые факторы их формирования и спрогнозировать их трансформацию в результаты матримониальных решений и поведения, определить их последствие для национальных политики.

Таким образом, целью статьи становится анализ эмпирического опыта изучения матримониальных диспозиций молодежи и определение динамических тенденций в их формировании.

Методология и методы исследования (Methodology and Methods). Если понимать под матримониальными диспозициями молодежи установки, ценности, мотивы и планы в матримониальной сфере, то спектр возможных научных интересов в данной области связан, прежде всего, с восприятием института семьи в целом, с брачным определением, с выбором брачной формы и репродуктивным поведением.

Для возможности установления динамики в данных показателях, мы попробуем опереться на исследования матримониальных диспозиций разных годов и разных научных коллективов, чтобы исключить привязанность к одной территории и влиянию ее социально-культурного и социализационного пространства на формирование матримониальных диспозиций молодежи.

Так, для рассмотрения установок по отношению к семье и ее ценностей будут использованы (помимо официальной статистики и данных федеральных опросных центров) результаты исследований коллектива Е. Н. Касаркиной, проведенных в 2018 году и посвященных изучению готовности молодежи к браку (Касаркина, Соловьева, Бистяйкина, 2018); в рассмотрении трансформации роли и ценности семьи во временном хронотопе будут представлены исследования Т. А. Гурко (Гурко, 2015), Д. В. Зерновой (Зернова, 2015), Г. Кислова (Кислов, 2016) Д.А. Тихомирова (Тихомиров, 2018).

Рассмотрение смены парадигмы при выборе брачного партнера и брачной формы будет представлено на примере исследований Д. А. Шингаркиной, В. Р. Тлемешок и Н. Ф. Диановой (Шингаркина, 2012; Тлемешок, Дианова,

2015), Н. Л. Антоновой и М. В. Щербаковой (Антонова, Щербакова, 2017), Д.А. Тихомирова (Тихомиров, 2018), Ю. С. Галынской и В. В. Звягинцева (Галынская, Звягинцев, 2020), С. А. Ильиных (Ильиных, 2022), З. Х. Коблевой, И. А. Каратабан, Н. К. Губжоковой (Коблева, Каратабан, Губжокова, 2022).

Проблема эффективности семьи, анализа отношения развода и факторов, его провоцирующих, представлена в динамике публикаций авторских коллективов и ученых Н. Н. Саяшиной и А. А. Тюкиной (Саяшина, Тюкина, 2013), Н. Ф. Диановой и В. Р. Тлемешок (Дианова, Тлемешок, 2015), Е. В. Каргаполовой и И. В. Лашук (Каргаполова, Лашук, 2017), Т. И. Куликовой, (Куликова, 2018), Е. В. Романовой и Н. А. Хвалиной, (Романова, Хвалина, 2019), А. Ю. Маленовой и Д. Н. Стойко (Маленова, Стойко, 2019), С. В. Гузениной и И. С. Кулаковой (Гузенина, Кулакова, 2020).

Репродуктивные установки, диспозиции и планы молодежи, которые также претерпевают свои изменения в условиях трансформации современной реальности, представлены через

исследования Т. К. Ростовской и Н. С. Рычихиной (Ростовская, Рычихина, 2024), О. Н. Калачикова и А. В. Короленко (Калачикова, Короленко, 2017), Д. А. Тихомирова, (Тихомиров, 2018), Т. А. Гурко (Гурко, 2019), О. В. Устиновой (Устинова, 2022), С. Н. Немгировой (Немгурова, 2023).

Как итоговая точка динамики матримониальных диспозиций и как сравнительный элемент анализа, в статье будут представлены данные мониторинга «Социальные стратегии молодежи», который Международный центр социологических исследований Белгородского государственного национального исследовательского университета осуществляет с 2018 года. В статье показаны результаты последней волны, проведенной в ноябре 2023 года, респондентами онлайн опроса стала региональная молодежь Белгородской области в количестве 5881 человека, выборка квотная по отношению к полу, возрасту, типу поселения и территории проживания респондентов (районы Белгородской области). Дополнительным квотным признаком в исследовании выступали группы молодежи (учащаяся, студенческая и работающая) (Таблица 1).

Таблица 1

Характеристики выборки исследования, %

Table 1

Characteristics of the study sample, %

Значения / Values	Частота / Frequency	%
Возраст респондентов / Age of respondents		
14-15	992	16,9
16-17	1137	19,3
18-21	2418	41,1
22-25	621	10,6
26-30	363	6,2
31-35	350	6,0
Пол респондентов / Gender of respondents		
мужской / male	2377	40,4
женский / female	3504	59,6

Место проживания респондентов / Place of residence of respondents		
Средний город – областной центр / Medium-sized city – regional center	2643	44,9
Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	1472	25,0
Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	1766	30,0
Распределение респондентов по группам занятости / Distribution of respondents by employment groups		
Обучаются в школе, гимназии, колледже, училище / They study at school, gymnasium, college, vocational school	2374	40,4
Обучаются в высшем учебном заведении / Studying at a higher education institution	2350	40,0
Работают / They are working	1127	19,2
Окончили учебное заведение, но временно не работают / Graduated from an educational institution, but are temporarily unemployed	30	0,5
Итого ответивших / Total number of respondents	5881	100,0

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Первым и важнейшим аспектом социологического анализа матримониальных диспозиций молодежи является вопрос *формирования матримониальных установок, ценностей, мотивов*, которое происходит под влиянием *институтов социализации, социализационных факторов*, складывающихся в *ситуацию социализации*.

Социализационные факторы, влияющие на формирование матримониального ценностно-мотивационного комплекса молодежи, могут быть рассмотрены с позиции уровня их продуцирования и разделены на *макрофакторы, мезофакторы и микрофакторы*.

Макрофакторы охватывают широкий спектр глобальных факторов, которые влияют на социализацию на уровне целых государств, культур и даже всего мирового сообщества. К ним относятся наука, культура и искусство, политика. В широком смысле, можно отнести к макрофакторам и исторический хронотоп, который формирует общепринятый контур матримониальных установок, матрицу восприятия матримониальных отношений и желаемый вариант матримониальных стратегий, и, одновременно создает

вариант контроля данных ориентиров (более или менее жесткий). Так, однозначно можно видеть трансформацию матримониальных идеологий в историческом аспекте, проследив их от античного периода до нашего времени (Агажанова, Ефимова, 2015).

Влияние исторического хронотопа можно наблюдать и на примере трансформации русской парадигмы матримониальных стратегий. Осознание кризиса семейных отношений и ценностей, отражающихся в неутешительной демографической статистике, а также на прогнозе, связанном с падением демографических показателей, заставляет вносить изменения в национальные смыслы и ориентиры желаемых матримониальных стратегий молодежи. «Российская семья начинает ориентироваться на западные ценности: ценности индивидуализма (собственного «я»), жизни для себя, что составляет отличительную черту западного стиля жизни... Отсутствие четко заданного идеала семейного взаимодействия, ломка традиционных стереотипов семейной жизни приводят к потере авторитета семьи, что в свою очередь приводит к дезориентации в личностном пространстве. Это находит свое выражение в появлении различных форм дезадаптаций: в

сексуальных, невротических реакциях, агрессивности, алкоголизме, наркомании, потере смысла жизни и др.»¹. Все эти обозначенные негативные тенденции призвана решить новая национальная семейная парадигма. Смена ценностной парадигмы нашего государства, возведение семейных ценностей в разряд национальных ориентиров, безусловно трансформирует все стороны национальной политики (от демографической и молодежной, до политики образования и воспитания), что уже в среднесрочном периоде приведет к изменению в формировании матримониальных установок и ценностей среди молодежи.

Мезофакторы связаны с этнической и культурной принадлежностью, а также географическим положением места проживания молодого человека. Эти факторы варьируются в зависимости от культурных особенностей народов и регионов. Они характеризуют условия социализации на конкретной территории, в том числе с учетом специфики поселения (городское (большой, средний, малый город) или сельское (поселок городского типа, село, деревня, хутор) поселение). Данные факторы находят отражение в социологических исследованиях особенностей формирования матримониального ценностно-мотивационного и поведенческого комплекса матримониальных стратегий молодежи разных этносов и территорий (Гафизова, Цалко, 2023; Павлов, Пронина и др., 2020; Карцева, 2018; Касаркина, 2018; Сигарева, Сивоплясова, Муртузалиев, 2018).

Микрофакторы оказывают непосредственное влияние на индивида или малую группу людей. К ним относятся ситуация в семье, общение с

родственниками, учителями, сверстниками, референтными лицами, личный и чужой опыт в реализации матримониальных стратегий.

Институтами социализации, формирующими матримониальный ценностно-мотивационный комплекс для молодого человека, являются различные социальные группы, составляющие социальное окружение индивида и выступающие в качестве носителей социальных норм и ценностей. Среди наиболее значимых таких институтов следует назвать семью, образовательные и профессиональные учреждения, социальные группы и коллективы (формальные и референтные). Если говорить о первичной социализации, то можно исключить профессиональные учреждения, так как они оказывают влияние скорее на процессы коррекции и изменений матримониальных установок и ценностей молодежи.

Ведущим институтом социализации в плане формирования будущих матримониальных стратегий молодежи является семья. «Матримониальная (семейная) социализация детей – непреложный атрибут процесса воспроизводства института семьи» (Павлов, Пронина и др., 2020). «Теория и опыт семейного воспитания позволяют выделить ведущие направления, связанные с ценностными устоями, с помощью которых конкретная семья формирует у ребенка представления и знания о родословной и семейных традициях, положительном опыте воспитания» (Агаджанова. Ефимов, 2015). Также родительская семья юношей и девушек выступает эталоном распределения ролей между мужем и женой, формируется содержание понятия семейного главенства, которое связано с осуществлением

¹ Морозова Е.А., Сорокина Т.Ю. Традиционная семья и ее взаимосвязь с брачно-семейными установками и личностными качествами молодежи (г. Самара) // Межвузовская Ассоциация «Покров». URL:

http://www.pokrovforum.ru/action/scien_pract_conf/pokrov_reading/sbornik_2008-2009/txt/28_morozovatorokina.php. (дата обращения: 09.12.2024).

управляющих, распорядительных функций: общим руководством семейными делами, принятием ответственных решений, регулированием внутрисемейных отношений, выбором метода воспитания детей и т. д. Одним из доказательств влияния института семьи становятся данные статистики выборочного наблюдения Росстата относительно планируемого количества детей в зависимости от количества детей у матерей респондентов (Таблица 2). По

представленным данным видно, как в арифметической прогрессии возрастает среднее число желаемых и ожидаемых детей и у мужчин, и у женщин. Родительская семья своим примером формирует определенные репродуктивные установки и семейные ценности, и вероятность большего количества детей возрастает с наличием положительного опыта таких решений в семье респондентов.

Таблица 2
Среднее желаемое и ожидаемое число детей в зависимости от числа детей, рожденных матерью респондента²

Table 2

Average desired and expected number of children depending on the number of children born to the respondent's mother

Число детей, рожденных матерью респондента / Number of children born to the respondent's mother	Женщины / Women		Мужчины / Men	
	Среднее желаемое число детей / Average desired number of children	Среднее ожидаемое число детей / Average expected number of children	Среднее желаемое число детей / Average desired number of children	Среднее ожидаемое число детей / Average expected number of children
1	1,73	1,54	1,70	1,52
2	2,03	1,84	1,99	1,79
3	2,25	2,01	2,22	2,00
4	2,57	2,33	2,52	2,24
5 и более / 5 or more	2,92	2,67	2,99	2,58

Важность семьи в формировании матримониального ценностно-мотивационного комплекса показывает и самооценка молодежью ее роли. Так, например, научный коллектив Е. Н. Касаркиной, Т. В. Соловьевой, Д. А. Бистяйкиной в результатах исследования «Готовность к браку и семейные ценности современной молодежи» отмечает, что наиболее приоритетным фактором, влияющим на формирование семейных ценностей молодежи, является родительская семья, которая транслирует опыт,

позиционирующийся как основной источник формирования взглядов молодежи о функциях, роли и предназначении семьи (Касаркина, Соловьева, Бистяйкина, 2018). Конечно, ближний круг и референтные лица также являются важными акторами социализации, но разрыв их значимости составляет более 20 пунктов (%) в единстве молодежного мнения (см. Рисунок). Интересно, что третьим институтом являются СМИ и интернет – их роль в формировании смыслов становится все более значимой для молодежи и отмечается

² Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022

году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения: 05.05.2024).

практически 40% респондентов, что значительно превышает значимость школы с ее культурным фундаментом, который транслируется через образ литературной семьи. И, если в «литературной семье» мы можем быть уверены, то трансляция матримониальных ценностей в интернет сообществах не всегда отвечает тем ориентирам, которые предпочтительны для

демографической и молодежной национальных политик – альтернативные матримониальные стратегии не только оформляются на просторах интернета в матримониальные концепции, но и дают возможность вступить в определенные сообщества, наладить коммуникацию и, возможно, тьютерство, для их оформления уже в жизненные планы и стратегии.

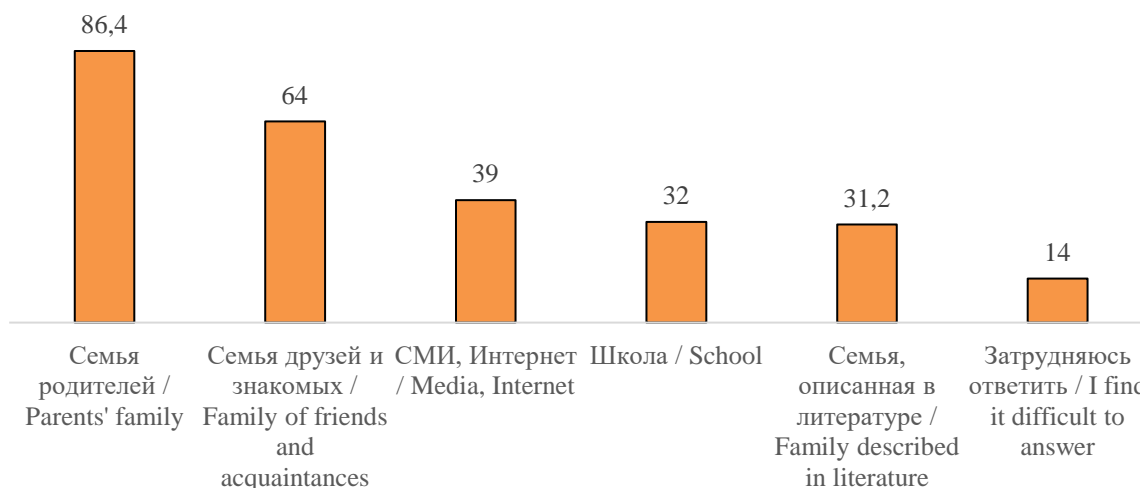

Рисунок. Источники формирования представлений о семье (Касаркина, Соловьева, Бистяйкина, 2018)

Figure. Sources of formation of ideas about the family (Kasarkina, Solovieva, Bistyaykina, 2018)

Система ценностей и установок в родительской семье влияет на все этапы в формировании и реализации матримониальных стратегий. Нельзя сказать, что это всегда прямое влияние (повторение ценностных систем родительской семьи), но ее воздействие имеет всегда однозначный формирующий эффект, даже если и с обратным содержательным значением (негативный опыт родительской семьи может формировать у молодого человека противоположные матримониальные ценности, установки и модели поведения, как избегание возможности прийти к нежелательному результату). И, так как многие ученые говорят о глубоком кризисе семейных форм жизни и кризисе экзистенциальных ценностей, как проявление дисфункции и аномальности в сфере семейных отношений, разрушение

семейных ценностей, разочарование молодежи в традиционных моделях семьи, может привести к трансформации нормативных (желательных) матримониальных стратегий в альтернативные, не всегда социально предпочитаемые формы.

Важным результатом воздействия институтов и факторов социализации является *ранг ценности семьи* в общем ценностном диапазоне молодежи. И здесь имеет смысл говорить не только о распределении очередности ценностей, но и о первенстве пространств самореализации молодежи (на каком месте в процессе самореализации стоит семья, например, по отношению к профессии, карьере, творчеству и т.д.), в факторах принятия решений относительно различных социальных стратегий (насколько сильно интересы семьи влияют

на принятие таких решений), насколько обязательным являются жизненные матримониальные планы по отношению к другим аспектам жизненного планирования и т.д.

В исследовательской социологической практике относительно роли семьи в иерархии ценностей молодежи встречаются разные эмпирические результаты. Некоторые научные работы по проблемам молодежи отмечают доминирующее место семейных ценностей в структуре жизненных стратегий молодого поколения (Гурко, 2015). Но есть исследования, в которых дается отрицательная оценка значимости ценностей семьи и брака для молодежи, отмечается деинституализация семейных ценностей в современной России, а также искаженное представление у значительной части молодежи представлений о семье и браке, на первое место ставится карьера, удовлетворение сексуальных потребностей (Зернова, 2015).

Такой дисбаланс результатов, связан как с годом проведения исследований, так и с локацией их проведения. Так, спустя некоторое время после указанных исследований, результаты эмпирического замера А. Г. Кислова (Кислов, 2016) показали, что семейные ценности занимают одно из центральных мест в структуре ценностных ориентаций молодежи: большинство респондентов планируют создать семью и родить детей. Аналогичные выводы сделал и Д.А. Тихомиров (Тихомиров, 2018): результаты его исследования показали также, что 75,0% юношей и девушек также намерены создать семью и только 11,0% высказали противоположное мнение.

Динамичность в этом вопросе, связанную с социальной ситуацией, генерационными характеристиками и социальной спецификой территории, подтверждают исследования научного коллектива Белгородской области. В своих исследованиях мы отмечаем, например, что для Белгородской области первенство

ценности семьи не является очевидным – превалирование трудовых и карьерных устремлений молодежи выводят семью на второе место в этом ранге, в разрезе не только рейтинга ценностей, но и в отношении самореализации молодежи – такую ситуацию мы наблюдали в 2018-2020 годах. Но, смена генерационного профиля в исследовании, изменение молодежной политики региона, приводят к тому, что ценность семьи становится все более важной для молодежи Z, снижается разрыв между важностью счастливой семьи, профессиональными и карьерными амбициями. Так, разрыв между важностью самореализации в семье и в карьере в 2023 году составил уже буквально 2% в пользу карьеры и профессии, а в 2024 году (последняя волна мониторинга закончена в ноябре 2024 года) – 1%, но уже в пользу семьи.

Выбор брачного партнера является одним из первоначальных матримониальных актов, обуславливающих реализацию матримониальных отношений в паре. Независимо от культурных факторов и даже культуры матримониальных стратегий на макроуровне (на основе этноса, государства, строя), формирование образа идеального партнера, его черт, является обязательным этапом в реализации матримониальных стратегий молодежи. Конечно, превалирующие черты данного образа, в своей статистической глобальности, отражают историческое время. На каждом этапе современности существуют исследования, посвященные этому вопросу.

Важным показателем для матримониальных стратегий являются представления о *качествах партнера* молодых людей. В современной действительности очевидный трендовый характер имеет рационализация брачно-семейных отношений в среде молодежи, ориентированность на статусные достижения, финансовую независимость. Так, если в исследованиях 2012-2015 года

(например, исследования Д. А. Шингаркиной, В. Р. Тлемешок и Н. Ф. Диановой (Шингаркина, 2012; Тлемешок, Дианова, 2015)), по мнению молодых людей, наиболее важными качествами партнера являются понимание, доброта, ответственность, заботливость, верность, понимание и честность (конечно, мужественность для мужчин и женственность для женщин), то в последующих исследованиях по этому вопросу появляются новые смыслы, определяющие приоритеты в выборе партнеров. Так, в проведенном исследовании Н. Л. Антоновой и М. В. Щербаковой (Антонова, Щербакова, 2017) среди молодежи, состоящей и не состоящей в браке посредством метода глубинного интервью (N=30) на предмет их представлений о качествах брачного партнера и факторах его выбора, результаты свидетельствуют уже о вполне прагматическом характере как выбора спутника жизни, так и брачных отношений. Молодые люди хотят видеть рядом с собой партнера с высоким социальным статусом и потенциалом. В планомерном движении смены генерационной парадигмы в выборке, мы фиксируем возврат к «исходным параметрам» – для поколения Z снова на передний план выходят доброта, любовь, честность, немаловажными становятся уважительное и заботливое отношение к партнеру и ум (отражено в исследованиях Центра в 2023 и 2024 годах на молодежи Белгородской области). Такая волновая динамика, отражающая в том числе специфические социальные черты поколения, позволяет нам сделать вывод о возможно более эффективных семейных коммуникациях молодежи и, как следствие, снижение в последующем количества разводов – а в глобальном смысле выход на миссию национальной идеи – стабильную, крепкую и счастливую семью.

Выбор брачной формы взаимоотношений обусловлен и матримониальными установками молодежи, и сложной комбинацией факторов, формирующих социальную ситуацию выбора: здесь играют роль не только модели матримониального поведения, но и матримониальный опыт молодых людей, совпадение жизненных матримониальных стратегий в партнерских отношениях, а также влияние объективных ограничивающих и способствующих факторов, для реализации желаемых матримониальных стратегий.

В современной российской действительности ценность семьи и брака по-прежнему высока. Результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в 2022 году, показывают, что 71,0% россиян предпочитают вступить в брак и жить в семье, 10,0% отдают предпочтение незарегистрированному браку, 5,0% вовсе не намерены вступать в брак, а 2,0% считают для себя приемлемым одиночество³. Но наряду с этим появляется мозаичный тип семейного сознания, в котором в тесном переплетении находятся прагматические и гедонистические устремления, касающиеся семейных отношений, и это может влиять на выбор формы матримониальных отношений с партнером.

Альтернативной моделью брака, получившей популярность среди молодежи, является такая форма матримониального поведения, как сожитительство. Брачно-семейные отношения молодежи с одной стороны связаны с их стремлением найти стабильность в обществе и создать традиционную семью, а с другой стороны отсутствие этой самой стабильности в современном социуме вынуждает их прибегать к такой форме брака, которая, как правило, весьма недолговечна и не

³ Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели URL: [https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie-](https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskie)

obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli (дата обращения: 09.05.2024).

решает проблему семейной определенности и закрепления в семейном статусе. Сожительство, таким образом, является определенной подготовкой молодежи к вступлению в брак, экспериментальной формой приобретения некоторых компетенций, необходимых в браке, и, одновременно – усиливают эффект отложенного брака, снижая вероятность вступление в полноценные брачные отношения. Соответственно, добрачные сексуальные отношения могут быть как функциональными, так и дисфункциональными.

При этом в незарегистрированных союзах молодых людей наблюдается низкий уровень стабильности и достаточно высокий уровень разногласий, являющихся существенными барьерами для формирования ориентации на рождаемость детей. Такая форма матримониальных отношений в случае рождения детей увеличивает их «ненужность», отказ одного из партнера, как правило, мужчины в воспитании ребенка чаще всего, формируют у молодежи негативные установки на рождение детей.

Считаем необходимым также отметить, что рост так называемых «гражданских браков» актуализирует угрозу социальной безопасности, так как ограничивает репродуктивные возможности семьи, что усугубляет нарастающий демографический спад.

Существует определенная динамика в восприятии молодежью незарегистрированных браков. Так, в исследовании Н. Ф. Диановой и В. Р. Тлемешок, проведенном в 2015 году, 55,0% молодых людей указали, что незарегистрированный брак для них – неприемлемая форма брака, 30,0% отнеслась нейтрально, а 15,0% – положительно либо уже состоят в таком браке (Тлемешок, Дианова, 2015). Результаты исследования Д. А. Тихомирова в 2017 году показывают, что уже 72,0% респондентов положительно относятся к сожительству, в то время, как

лишь 19,0% – отрицательно, причем такую позицию выражают, как юноши (83,0%), так и девушки (67,0%), хотя, можно заметить большую расположенность к такой форме брака юношей (Тихомиров, 2018). Согласно данным исследования Ю. С. Галынской и В. В. Звягинцева, проведенного в 2020 году, уже 89,7% респондентов имеют достаточно толерантное отношение к сожительству (из них 86,5% респондентов мужского пола, а 91,4% женского). Однако, несмотря на толерантное отношение к данному союзу, не все респонденты готовы в него вступать. Так, только 63,1% респондентов считают допустимой для себя такую форму отношений, из них 59,5% мужского пола, 64,8 женского пола. Таким образом, можно заметить некое противоречие: в целом молодые люди одобряют союз без регистрации брака, но не всегда готовы вступать в такие отношения (Галынская, Звягинцев, 2020).

Внимание к теме семьи и семейным ценностям приводит к достаточно быстрой смене общественного мнения по вопросам сожительства среди молодежи, что, на наш взгляд, является быстрым откликом на целенаправленное воздействие институтов социализации. Согласно результатам исследования С. А. Ильиных, проведенного в 2022 году, уже 43,9% респондентов положительно относятся к незарегистрированному браку, а 24,2% респондентов и вовсе осуждают данную форму отношений (Ильиных, 2022). Здесь уже можно говорить о снижении одобряемости данного союза среди молодежи.

В других исследованиях мы также видим сопоставимые цифры. Так, рассматривая гендерный аспект восприятия сожительства можно обратиться к результатам исследования коллектива авторов З. Х. Коблевой, И. А. Каратабан, Н. К. Губжоковой (2022 год) и отметить, что 56% юношей и 38% девушек одобряют совместное проживание без регистрации брака в качестве модели семейно-брачных

отношений. Традиционную форму отношений поддерживают 31% мужчин и 43% женщин. То есть, неофициальный брак, по-прежнему, в большей степени одобряют мужчины, чем женщины (Коблева, Каратабан, Губжокова, 2022).

Весомая часть российских исследований, которые можно отнести к теме изучения матримониальных стратегий, посвящена темам отношения молодежи к браку и ее мотивации для вступления в брак. Обратим внимание на исследование, посвященное факторам устойчивости брака, данные о котором были представлены ВЦИОМом 15 декабря 2022 г. Факторы оценивались по 7-балльной шкале¹. Наиболее значимым фактором устойчивости брака являются хорошие отношения в семье (6,7 баллов), здоровье близких (6,3), собственное жилье (6,0), семейный досуг (5,8), достойный доход (5,6), культурное, личностное развитие членов семьи (5,6), бытовой комфорт (5,1).

Важной характеристикой матримониальных стратегий, характеризующей в том числе и определенные поколенческие аспекты матримониальных установок, является *брачный возраст для молодежи*. Данные жизненных планов молодежи отражают сопоставимы с данными демографической статистики и показывают негативную, с точки зрения «эффективных» национальных матримониальных стратегий, динамику, связанную с увеличением желаемого возраста вступления в брак. Результаты исследования, проведенные ВЦИОМ в 2022 г., свидетельствующие о том, что наиболее оптимальным возрастом вступления в брак для мужчины россияне считают 28 лет, а для женщин – 24 года. В 2017 году результаты опроса россиян

показывали, что для мужчин оптимальный возраст вступления в брак составляет 27 лет, а для женщины – 23 года². Но это общероссийские исследования, включающие в выборку все население. В отношении матримониальных установок молодежи все видится более динамично. Так, исследования И. В. Малимонова, Л. Г. Король, И. Г. Синьковской, Д. В. Рахинского, проведенные в 2015 году, свидетельствуют о том, что абсолютное большинство молодых респондентов считали оптимальным временем для вступления в брачные отношения и для мужчин, и для женщин возраст от 24 до 27 лет (Малимонов, Король, Синьковская, Рахинский, 2015). По результатам исследований 2018 года, проведенных Е. Н. Касаркиной, Т. В. Соловьевой, Д. А. Бистяйкиной, 56,0% молодежи считают оптимальным возрастом вступления в брак 23-27 лет, 23,7% считают, что вступление в брак наиболее удачно в 28-32 г. (Касаркина, Бистяйкина, Соловьева, 2018). Исследования И. Н. Богдановой и Я. В. Артамоновой 2022 года показали, что 50,0% респондентов считают наиболее подходящим возрастом для вступления в брак 25-29 лет. Анализируя гендерную специфику, можно отметить, что наиболее предпочитаемый возраст для мужчин 25-29 лет (52%), а для женщин 20-24 лет (44,0%) и 25-29 лет (46,0%) (Богданова, Артамонова, 2022). Согласно результатам исследования 2023 года, проведенного авторским коллективом Л. А. Журавлевой, Е. В. Зарубиной и др., одобряемый возраст вступления в брак для 90,0% опрошенных является период от 25 до 28 лет (Журавлева, Зарубина, Ручкин, Симачкова, Чупина, 2023). Если сравнивать показатель брачного возраста с исследованиями более раннего периода, можно отследить медленное, но устойчивое повышение брачного возраста, что находит

¹ Дела семейные. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/dela-semeinye> (дата обращения: 09.05.2024).

² Брак, совместная жизнь, брачный возраст: в поисках оптимальной модели. URL:

<https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/brak-sovmestnaja-zhizn-brachnyi-vozrast-v-poiskakh-optimalnoi-modeli> (дата обращения: 09.05.2024).

свое подтверждение в демографической статистике.

Развод, как социальный институт матримониальных отношений, несмотря на то, что отражает деструктивный вариант матримониальных стратегий, подтверждает свою значимость в данных демографической статистике, формируя демографическую и социальную проблему, связанную с рождаемостью, воспроизводством матримониальных отношений, качеством жизни населения и качеством национального человеческого капитала.

Проблема развода для молодежи очевидна, она отражается в динамических

закономерностях статистических показателей относительно возрастных групп (Таблица 3). Исходя из данных Таблицы 3 видно, как скачкообразно увеличивается количество молодых людей, прошедших через институт развода. Так, если в возрасте 20-24 года их 4 077, то к возрасту 30-34 их уже 763 316. На самом деле, стоит в этом отношении обратить внимание и на следующую после количества разводов графу – отражающую количество разошедшихся, по сути, «предразводное» состояние, и тогда в максимуме количество распавшихся браков к 30-34 летнему возрасту можно считать вышедшим за пределы 1 млн.

Таблица 3
Статистика населения по состоянию в браке в зависимости от возраста⁴

Table 3

Population statistics by marital status depending on age

Возрастные группы / Age groups	Всего / Total	Указавшие состояние в браке / Those who indicated their marital status	в том числе /						
			состоящие в браке / married	из них /		никогда не состоявшие в браке, супружеском союзе / never married, never in a marital union	разведенные официально / officially divorced	Разошедшиеся / Dispersed	Вдовы / Widows
				в зарегистрированном браке / in a registered marriage	в незарегистрированном супружеском союзе / in an unregistered marriage				
Среднее / Average	122 471 998	103 614 283	60 061 374	54 636 550	5 424 824	19 634 477	9 192 936	3 013 078	11 712 418
16 – 17	3 005 487	2 359 448	22 150	13 985	8 165	2 333 075	1 700	2 471	52
18 – 19	3 093 127	2 460 387	112 570	66 063	46 507	2 336 332	4 077	6 083	1 325

⁴ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году.

URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html (дата обращения 25.04.2024).

20 – 24	7 750 398	6 070 787	1 426 016	1 085 220	340 796	4 510 708	67 201	58 640	8 222
25 – 29	7 983 625	6 545 664	3 461 914	2 966 920	494 994	2 660 882	271 361	134 401	17 106
30 – 34	12 156 975	10 118 843	6 783 924	6 047 350	736 574	2 206 621	763 316	314 167	50 815

Матримониальная стратегия, связанная с разводом, формируется, в том числе, и на основе матримониальных установок, ценностей и мотивов, связанных с сохранением брака. Стоит отметить тот факт, что есть определенная динамика в смене таких установок. Так, если в исследовании 2013 года Н. Н. Саяшиной и А. А. Тюкиной основными причинами разводов с позиции молодежи являлись отсутствие взаимопонимания (41,0%), измена (34,0%), неумение партнеров идти на компромисс (19,0%) (Саяшина, Тюкина, 2013), то исследования Н. Ф. Диановой и В. Р. Тлемешок в 2015 году показали, что первоочередными причинами развода, по мнению молодежи, являются измена, предательство, материальные трудности, насилие, несходство характеров, наличие вредных привычек (Дианова, Тлемешок, 2015). А результаты исследования 2017 года Е. В. Каргаполовой и И. В. Лашук свидетельствуют о том, что 52,0% молодежи считают основной причиной развода измену и неуважение партнеров, 25,5% полагают, что такой причиной может стать злоупотребление алкоголем, 23,4% уверены в том, что причина развода заключается в предпочтении карьеры в ущерб семье, 22,2% видят причину в отсутствии финансовых средств (Каргаполова, Лашук, 2017). Результаты исследования Т. И. Куликовой, проведенного в 2018 году, показывают, что молодые супруги чаще всего в качестве причин называют следующие факторы: несоответствие характеров и взглядов

(57,0%), жилищные проблемы (35,0%), низкий уровень дохода и безработица (30,0%), злоупотребление алкоголем (17,0%), неверность одного из супругов (9,0%) (Куликова, 2018).

Анализируя данные исследования 2019 года коллектива авторов Е. В. Романовой и Н. А. Хвалиной, выделяются следующие факторы распада семьи: 36,1% – финансовые трудности, 28,5% – насилие, 17,9% – пагубные привычки (Романова, Хвалина, 2019). Также в 2019 году было проведено исследование другими учеными, А. Ю. Маленовой и Д. Н. Стойко, которые описали гендерную специфику основных причин развода, по мнению молодежи. Данные их исследования свидетельствуют о том, что измена партнера – самая «уважительная» причина развода как среди юношей (83,0%), так и среди девушек (73,0%). Однако далее позиция по причинам развода отличается в зависимости от пола. Для девушек основными причинами развода являются ранний возраст вступления в брак (63,3%), несовместимость с партнером (50,0%), финансовые трудности (33,3%) и вмешательство родственников (33,3%). Для юношей основными причинами развода являются финансовые проблемы (53,3%), ранний брак (43,3%), вмешательство родственников (43,3%), также респонденты мужского пола выделяют в качестве причины развода проблемы в сексуальной сфере (33%) (Маленова, Стойко, 2019).

В своем исследовании, проведенном в 2020 году, С. В. Гузенина и И. С. Кулакова, на основании социологического анализа, выделяют проблемы личностно-психологического характера, например, склонность к насилию и скандалам (27,3%), алкогольная, наркотическая, игровая зависимость у супруга (22,9%), измена, флирт на стороне (22,6%), бытовые причины, например, проживание с родителями (12,9%) (Гузенина, Кулакова, 2020).

По нашему мнению, в установках появляется большая конкретизация причин, связанных, прежде всего, с недостойным поведением партнера, в то время как неконкретные, эмоциональные, не измеримые причины уходят из числа важных и основных.

Одним из важнейших показателей матримониального поведения и результатом матримониальных стратегий молодежи является *репродуктивное поведение*, формируемое на основе *репродуктивных установок*, под которым понимают систему последовательных реальных или возможных действий, направленных на принятие решений

относительно рождения определенного числа детей либо отказ от деторождения. Молодежь является главным субъектом общественного воспроизводства, так как именно в данной возрастной группе в основном, сконцентрирован репродуктивный потенциал социума. Говоря о репродуктивном потенциале социума, отметим, что под *репродуктивным потенциалом молодежи* понимается уровень физического и психического состояния молодежи, который позволяет при достижении социальной зрелости воспроизводить здоровое потомство (Ростовская, 2015).

Безусловно, репродуктивное поведение определяется многими факторами, например, удовлетворенностью браком, его стабильностью, достаточным доходом и рядом других. И, одновременно, оно приводит к определенным результатам, желание достижения которых становится мотивами репродуктивного поведения. Причем, приоритетность данных мотивов сохраняется и для мужчин, и для женщин, что становится очевидным на данных статистике выборочного наблюдения Росстата в 2022 году (Таблица 4).

Таблица 4

Оценка возможного влияния появления еще одного ребенка на различные аспекты жизнедеятельности (однодетные) (%)⁵

Table 4

Assessment of the possible impact of having another child on various aspects of life (one-child families) (%)

Если бы в Вашей семье появился еще один ребенок, то, как, на Ваш взгляд, это повлияло бы на: / If another child were to appear in your family, how do you think it would affect	помогло / it helped	не повлияло / did not affect	помешало / interfered	трудно сказать / it's hard to say
Женщины / Women				
Получение более высоких Ваших личных доходов / Getting higher personal income	4,92	3,42	26,53	5,13
Повышение благосостояния Вашей семьи / Increasing the well-being of your family	21,87	47,67	25,60	4,86
Сохранение хороших жилищных условий или их улучшение / Maintaining or improving good living conditions	26,68	52,82	15,06	5,44

⁵ Росстат. Выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году. URL: rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html. (дата обращения: 09.05.2024).

Ваш профессиональный рост / Your professional growth	6,95	67,34	21,52	4,19
Общение с друзьями / Chatting with friends	7,55	68,96	20,08	3,40
Сохранение хорошего здоровья / Maintaining good health	11,75	64,77	16,38	7,11
Укрепление брака / Strengthening Marriage	40,37	48,01	5,56	6,07
Интересный, полноценный отдых / Interesting, full-fledged holiday	12,30	56,99	26,06	4,64
Уважение со стороны родственников, окружающих / Respect from relatives and others	22,83	68,14	3,67	5,36
Мужчины / Men				
Получение более высоких Ваших личных доходов / Getting higher personal income	13,71	62,05	18,53	5,71
Повышение благосостояния Вашей семьи / Increasing the well-being of your family	21,08	52,49	20,85	5,58
Сохранение хороших жилищных условий или их улучшение / Maintaining or improving good living conditions	25,87	55,75	12,93	5,45
Ваш профессиональный рост / Your professional growth	6,99	79,22	9,13	4,66
Общение с друзьями / Chatting with friends	5,46	70,93	20,96	2,64
Сохранение хорошего здоровья / Maintaining good health	9,91	73,17	12,15	4,78
Укрепление брака / Strengthening Marriage	43,38	48,07	3,92	4,63
Интересный, полноценный отдых / Interesting, full-fledged holiday	13,42	58,01	24,48	4,10
Уважение со стороны родственников, окружающих / Respect from relatives and others	23,85	67,12	3,77	5,26

Если дополнить представленную информацию данными факторной модели принятия решения о рождении ребенка (основных условиях и барьерах) полученных в мониторинге «Социальные стратегии молодежи» в 2023 году (Белгородская область), то можно сказать, что главными факторами молодежь обозначила финансовое благополучие (54,5%), состояние здоровья (51,6%), желание супругов (46,7%). «Антифакторами», барьерами в положительном решении о рождении ребенка стали желание пожить для себя (61,5%), приоритет построения карьеры

(51,0%), психологическая неготовность к рождению детей (50,3%). Интересно обратить внимание не только на главные, но и на важные факторы, которые указывает молодежи (их выбирают от 40 до 30% молодежи) – они подчеркивают ответственность государства за создание необходимых условий для принятия такого важного решения в жизни каждого молодого человека – это политическая ситуация в стране (о важности такого фактора говорят 42,7%), экономическая ситуация в стране (36,4%), отсутствие отдельного жилья (31,5%).

В рассмотрении динамики репродуктивных установок молодежи, интересное исследование репродуктивного потенциала молодежи Вологодской области было проведено в 2017 г. О. Н. Калачикова и А. В. Короленко, которые посредством «дерева принятия решений» построили идеальные и реальные модели репродуктивного поведения (Калачикова, Короленко, 2017). В основе метода дерева решений лежит схематическое построение последовательного процесса принятия решений в зависимости от определенных условий. В качестве «веток дерева» («узлов») принимались решения респондентов относительно действий матримониально-репродуктивного характера. Идеальные (гипотетические) модели предполагают возможные действия индивидов, основанные на суждениях относительно брачных предпочтений, допустимости рождения детей. Реальные модели характеризуют фактические действия индивидов, например, проживание в браке: легитимном или незарегистрированном, числа прерываний беременности и пр. Результаты исследования показали, что наиболее распространенной является модель, при которой респонденты отдают предпочтение официальной регистрации брака, лояльно относящихся к абортам и малому количеству детей (21,0%). Наиболее популярной реальной моделью матримониального поведения в контексте репродуктивных установок оказалась модель, включающая представителей, которые состоят в официальном браке, никогда не делали аборт, имеют 1-2 детей. Существенное количество респондентов относилось к модели, для представителей которой также характерен официальный брак, наличие 1-2 детей и одно либо более искусственное прерывание беременности.

Также, исследование Д. А. Тихомирова, проведенное им в 2017 году, показало, что 43,3% опрошенной молодежи ориентировано на одного ребенка, 41,2% –

на двух детей, 15,5% – затруднились ответить. По мнению большинства респондентов (74,0%), рождение детей должно происходить только в зарегистрированном браке, причем такая позиция, преимущественно, характерна для женщин (Тихомиров, 2018). Исследование Т. А. Гурко (2018) характеризует репродуктивные планы молодежи следующим образом: большая часть мужчин (51,0%) так и женщин (48,0%) ориентированы на двоих детей. При этом идею о трех и более детей также поддерживают немало респондентов – 26,0% мужчин и 34,0% женщин (Гурко, 2019).

Результаты исследования, проведенного О. В. Устиновой в 2022 году, отмечают возрастную динамику в области желаемого количества детей. Так для студенческой молодежи (возрастной интервал 18-24 лет) характерна ориентация на одного ребенка. 55,0% респондентов из этой группы «идеальным количеством детей» считают одного, 18,0% – двоих, 14,0% – троих. Однако, уже для работающей молодежи (возрастной интервал 25-34 года) характерна ориентация уже на двоих детей (41,0%), хотя есть и значительное предпочтение одного ребенка (30,0%). Идею о многодетной семье поддерживают лишь 22,0% (Устинова, 2022).

Согласно исследованию 2023 года, проведенному С. Н. Немгировой, и у мужчин, и у женщин есть различия между желаемым и ожидаемым количеством детей. Интересным является, что чем старше мужчина, тем большее количество детей он хочет, среди женщин такой тенденции не наблюдается. В более молодом возрасте (18-20 лет) молодые мужчины ориентированы больше на одного ребенка, а в возрасте 21-29 лет уже на двух. Женщины же во всем возрастном периоде (с 18-29 лет) ориентированы в среднем на двоих детей. В целом, как показало данное исследование, 41,3% мужчин планируют иметь двоих детей, 26,4% – троих, 11,1% –

одного, 9,7% – поддерживают бездетность. Что касается женщин, то 41,0% женщин ориентированы на двоих детей, 21,8% – на троих, 16,7% – на одного, 2,6% – ни одного (Немгурова, 2023).

Результаты региональных исследований по Белгородской области, проведенные также в 2023 году, показали, что как обязательный шаг рождение одного ребенка предусматривают для себя 51,4% мужчин и 46,9% женщин, второго ребенка – 36,2% и 26,1%, трех детей – 23,8% и 12,6%, более трех детей – 23,0% и 10,3% – разрыв между мнениями мужчин и женщин по этому вопросу, конечно, впечатляет (стоит подчеркнуть, что исследования 2023 года в принципе показали проблему гендерного рассогласования в matrimониальных стратегиях – мужчины строят более эффективные и социально-значимые жизненные планы относительно matrimониальной сферы и демонстрируют большую сформированность традиционных установок на семью, нежели женщины). Есть и другие закономерности, которые выявили наши исследования: так, например, сельская молодежь также больше ориентирована на деторождение, чем городская. Но особенно впечатляющим становится отличия в отношении деторождения (как первого, так и последующих детей), которое демонстрируют группы молодежи с разным уровнем достатка (как самой молодежи, так и их семей): так, если более 50% молодежи с высоким экономическим уровнем ориентировано на рождение одного ребенка как обязательный шаг для себя (54,7%), то для молодежи со средним уровнем дохода данный выбор снижается до 45,2%, а для молодежи с низким доходом падает до 33,4%. Таким образом, качество жизни становится барьерным фактором, определяющим жизненное планирование и его результаты в реализации matrimониальных стратегий молодежи.

Отдельного внимания заслуживают и репродуктивные установки студентов (в отношении использования такого

демографического потенциала как студенческие семьи) – так, Т. К. Ростовская и Н. С. Рычихина показывают причины, которые не позволяют реализовать этот потенциал в полной мере (трудности в получении хорошего образования, страх начинать семейную жизнь в студенческие годы, вопрос время пребывания ребенка на момент учебы родителей, возникновение серьезных материальных проблем, связанных с рождением ребенка) (Ростовская, Рычихина, 2024). Все это может и должно решаться в общей системе социальной политики нашего государства (если задачи демографического роста населения считать одними из самых важных в современных условиях) (Ростовская, 2024).

Репродуктивное поведение может выражаться и отказом от детей. Добровольная форма бездетности была исследована А. Г. Кисловым и И. В. Шапко, которые посредством анкетирования изучали распространенность феномена «чайлдфри» среди учащейся молодежи, а также степень лояльности к этому явлению (N=550). Авторами была использована шкала Лайкерта, содержащая различные оценочные суждения, подвергшиеся кластерному анализу и позволившим авторам сформировать три категории отношения к феномену «чайлдфри». К первой категории отнесено 24,0% респондентов, высказавшим отрицательное отношение к этому явлению, при этом значимыми ценностями для этой группы молодежи являются семья, здоровье, любовь, дети, хорошая работа. Вторая категория представлена 50,0% респондентов, для которых характерно двойное отношение к этому явлению, они менее категоричны в оценках и избегают крайних оценочных суждений. Для них также значимы такие же ценности, что и для предыдущей группы. Третья категория респондентов (26,0%) лояльно относится к феномену «чайлдфри», при этом авторы указывают на то, что ценности этой группы

респондентов существенно отличаются от первых двух. На первом месте по значимости у данной категории выступает самореализация, а уже потом – любовь, семья, дружба (Кислов, Шапко, 2016).

По прошествии восьми лет мы видим некоторую трансформацию диспозиций и, самое главное, обозначившиеся риски, связанные с достаточно высокой приверженностью молодежи данным идеологиям, что еще раз поднимает вопрос контроля ситуации и поиска превентивных мер, исключающих расширенную коммуникацию по этому вопросу (Таблица 5). 12% молодых респондентов являются приверженцем как идеологии безбрачия,

так и чайлдфри. Еще более четверти опрошенных (безбрачие 26,9% и чайлдфри 29,5%) поддерживают, но не являются приверженцами. В рассмотрении социальных групп некоторое увеличение приверженности данным поведенческим формам наблюдается в отношении небольших городов и снижение в сельских поселениях, в отношении гендера объяснимое повышением приверженности для сознательной безбрачности со стороны мужчин, и однозначное превалирование показатели приверженности для каждой альтернативы в группах учащейся молодежи (19,0% безбрачие и 16,0%) (Благорожева, Шаповалова, 2024).

Таблица 5

Ответы респондентов на вопрос «Поддерживаете ли Вы данные идеологии?»
(Благорожева, Шаповалова, 2024)

Table 5

Respondents' answers to the question "Do you support these ideologies?"

Гендер / Gender		Мужской / Male	Женский / Female	Сравнение со средним показателем / Comparison with the average
Безбрачие / Celibacy				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter		14,7	11,2	12,7
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me		28,7	25,7	26,9
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all		36,9	37	37
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer		19,7	26	23,4
Чайлдфри, добровольная бездетность / Childfree, voluntary childlessness				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter		12	12	12
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me		31,3	28,2	29,5
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all		37,6	36,2	36,8
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer		19,1	23,5	21,7
Тип поселения / Type of settlement	Крупный город – областной центр / A large city is a regional center	Небольшой город – районный центр / Small town - regional center	Поселок, сельское поселение / Village, rural settlement	Сравнение со средним показателем / Comparison with the average
Безбрачие / Celibacy				

Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	12,4	14,6	11,3	12,7
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	32	23,2	22,4	26,9
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	34,5	39,1	38,8	37
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	21	23,1	27,4	23,4
Чайлдфри, добровольная бездетность / Childfree, voluntary childlessness				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	12,8	13	10,1	12
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	33,5	26,8	25,7	29,5
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	34,6	38,7	38,6	36,8
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	19,1	21,6	25,7	21,7
Статус молодежи / Status of youth	Учащаяся / Schoolchildren	Студенческая / Students	Работающая / Working	Сравнение со средним показателем / Comparison with the average
Безбрачие / Celibacy				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	19	7,7	9,9	12,7
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	30,7	24,8	23,5	26,9
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	27,7	41,6	46,6	37
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	22,6	26	20,1	23,4
Чайлдфри, добровольная бездетность / Childfree, voluntary childlessness				
Полностью поддерживаю, являюсь приверженцем / I fully support and am a supporter	16	9,1	9,8	12
Поддерживаю частично, главное, чтобы меня не касалось / I partially support it, the main thing is that it doesn't concern me	35,6	26,2	23,5	29,5
Не поддерживаю вообще / I don't support it at all	27,9	40,9	46,8	36,8
Затрудняюсь ответить / I find it difficult to answer	20,5	23,8	20	21,7

Заключение (Conclusions). Таким образом, анализ эмпирического опыта исследования матримониальных стратегий молодежи позволил еще раз подчеркнуть, что именно молодой возраст является тем периодом, где закладывается ценностно-мотивационный матримониальный комплекс, формируются матримониальные установки, в том числе на основе первичной социализации, пробуются и утверждаются образцы матримониального поведения.

Важнейшим аспектом социологического анализа является вопрос формирования матримониальных установок, ценностей, мотивов, которое происходит под влиянием институтов социализации, социализационных факторов, складывающихся в ситуацию социализации. При этом ведущим институтом социализации в плане формирования будущих матримониальных стратегий молодежи является семья, а разрушение семейных ценностей, разочарование молодежи в традиционных моделях семьи, может привести к трансформации нормативных (желательных) матримониальных стратегий в альтернативные, не всегда социально предпочитаемые формы, что мы и наблюдаем в результате анализа эмпирического опыта социологических исследований.

Осознание кризиса семейных отношений и ценностей, отражающихся в неутешительной демографической статистике, а также в данных полученных эмпирическим путем, должно поставить задачу внесения изменения в национальные смыслы и ориентиры желаемых матримониальных стратегий молодежи.

По итогам анализа эмпирического опыта исследования матримониальных стратегий молодежи можно сделать следующие выводы.

Есть определенная динамика в отношении матримониальных диспозиций, установок и планов молодежи – как правило, она имеет волновой характер, что

мы связываем, прежде всего, со сменой поколений – так, молодежь поколения Z более ориентирована на традиционные семейные ценности и традиционную семью, поэтому более результативно интериоризирует ценностные установки, транслируемые средой. Но нельзя совсем исключать факторы среды и социальной ситуации, которые формируют и новую социализационную повестку, и создают возможности, одновременно устанавливая ограничения на социальные ориентиры молодежи в матримониальной сфере (запрет пропаганды ЛГБТ, чайлдфри и т.д.). Ответственность государства в отношении формирования мер поддержки, развития их отдельных направлений может и должно оказать влияние на формирование важных матримониальных установок, планов и, в итоге, результатов – об этом пишет Т. К. Ростовская, предлагая обратить внимание в том числе на развитие института студенческой семьи, поддержку отцовства (Ростовская, 2024).

Несмотря на это, для молодежи возрастает риск влияния альтернативных матримониальных идеологий (информационная открытость, неоднозначность социнженерных шагов в ограничении данных идеологий), связанных с нарушением естественного хода воспроизводства матримониальных стратегий, что требует дополнительного контроля, а также мер воздействия со стороны социализационных институтов.

Анализируя эмпирические результаты, можно сказать, что все же молодые люди в большей степени ориентированы на вступление в официальный брак, при этом основной мотивацией для вступления в брак чаще всего современная молодежь называет любовь (уходят в сторону практические и меркантильные интересы). Однако, параллельно с этим возрастает и заинтересованность в таком союзе, как сожительство. Примерно половина молодых людей поддерживают данный союз, хотя если оценивать динамику, то к

настоящему времени поддержка данного союза чуть снизилась. Чаще всего молодые люди готовы вступить в данный союз, с целью проверки своих отношений, создать «пробную семью». Не смотря, скорее на традиционные взгляды относительно семьи, большой риск можно наблюдать, связанный с возрастом вступления в брак. Здесь, молодые люди придерживаются мнения, что в брак необходимо вступать после 25 лет, и в этом как раз можно отследить медленное, но устойчивое повышение брачного возраста. Совместно с брачным возрастом повышается и репродуктивный возраст, а также изменяется желаемое количество детей. Молодые люди по-прежнему в большей степени ориентированы на 1-2 детей, что ставит задачи поиска дополнительных мер поддержки и стимулирования прежде всего возникновения установок (желания) иметь детей, но и, конечно, создания соответствующих условий (что является немаловажным для молодежи, по результатам наших исследований). Отдельного внимания заслуживает и выявленный риск, связанный с гендерной трансформацией матримониальных установок.

Список литературы

- Агаджанова Э. Р., Ефимова О. И. К вопросу о семейных ценностях: от античности к современности // Симбирский научный вестник. 2015. № 2 (20). С. 134-139.
- Антонова Н. Л., Щербакова М. В. Брачный выбор: поворот к рационализации. // Дискуссия. 2017. № 8 (82). С.44-47.
- Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39.
- Богданова И. Н., Артамонова Я. В. Молодая семья как «ускользающий» социальный феномен в современных российских условиях // Caucasian Science Bridge. 2022. № 3 (17). С.74-82.
- Галынская Ю. С., Звягинцев В. В. Стратегическая основа укрепления института семьи в России // Социодинамика. 2020. № 9. С.30-45.
- Гафизова Н. Б., Цалко Е. О. Восприятие бездетности современной молодежью (региональный аспект) // Женщина в российском обществе. 2023. № 2. С. 120-132.
- Гузенина С. В., Кулакова И. С. Причины браков и разводов глазами студенческой молодежи г. Тамбова // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2020. № 3 (80). С. 94-104.
- Гурко Т. А. Представления студентов в отношении родительства и социальных ролей мужчин и женщин // СНИСП. 2019. № 2 (26). С.65-81.
- Гурко Т. А., Хромачева А. Ю. Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям // Вестник института социологии. 2015. № 4 (15). С. 57-71.
- Дианова Н. Ф., Тлемешок В. Р. Некоторые аспекты проблемы разводов на современном этапе // Теория и практика общественного развития. 2015. № 11. С. 54-56.
- Журавлева Л. А., Зарубина Е. В, Ручкин А. В., Симачкова Н. Н, Чупина И. П. Формирование демографической культуры молодежи как социальная проблема // Образование и право. 2023. № 11. С.407-413.
- Зернов Д. В., Иудин А. А., Овсянников А. А. Молодежь на обломках СССР (1991-2013 гг.) // Наука и школа. 2015. № 2. С. 121-138.
- Ильиных С. А. Ценности супружества, родительства, родства: смыслы и трактовка // Caucasian Science Bridge. 2022. № 5 (2). С. 52-59.
- Калачикова О. Н., Короленко А. В. Модели репродуктивного поведения населения (на материалах Вологодской области) // Народонаселение. 2018. № 2. С. 110.
- Каргаполова Е. В., Лашук И. В. Семья как ценность современного общества (по итогам социологических исследований в Астраханской области российской федерации и в республике Беларусь) // Социологический альманах. 2017. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-sovremennogo-obschestva-po-itogam-sotsiologicheskikh-issledovaniy-v-astrahanskoj-oblasti-rossiyskoy-federatsii-i-v>. (дата обращения: 09.05.2024).
- Карцева Л. В. Отношение жителей Татарстана к семейному образу жизни // Вестник Нижегородского университета

им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2018. № 2 (50). С. 58-66.

Касаркина Е. Н. Семейные ценности современной городской молодежи в ракурсе национальных традиций Мордвы // Управление городом: теория и практика. 2018. № 4 (31). С. 45-50.

Касаркина Е. Н., Бистяйкина Д. А., Соловьева Т. В. Добрачные установки и жизненные планы молодежи: социологический анализ // Современные исследования социальных проблем. 2018. № 6. С. 208-211.

Касаркина Е. Н., Соловьева Т. В., Бистяйкина Д. А. Готовность к браку и семейные ценности современной молодежи // Казанский педагогический журнал. 2018. № 6. С. 208-212.

Кислов А. Г., Шапко И. В. Отношение студенческой молодежи Свердловской области к феномену чайлдфри // Научный диалог. 2016. № 2 (50). С. 362.

Коблева З. Х., Каратабан И. А., Губжокова Н. К. Гендерный диссонанс в условиях незарегистрированных брачных отношений в современной молодежной среде // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 6. С. 31-35.

Куликова Т. И. Причины разводов в молодых семьях // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Материалы V Международной научно-практической конференции. Тула. 2019. С. 4-5.

Маленова А. Ю., Стойко Д. Н. Развод в структуре брачно-семейных установок молодежи // Инновационный потенциал молодежи: культура, духовность и нравственность: материалы Международной молодежной научно-исследовательской конференции (Екатеринбург, 2-6 декабря 2019 г.). Екатеринбург, 2019. С. 223-229.

Малимонов И. В., Король Л. Г., Синьковская, И. Г., Рахинский Д. В. Проблема брачного поведения студенческой молодежи // Russian Journal of Education and Psychology. 2015. № 10. С. 202-219.

Немирова С. Н. Гендерные различия в ценностных ориентациях молодежи // Вестник ИКИАТ. 2023. № 46. С. 56-62.

Павлов Б. С., Пронина Е. И., Бердник Л. П., Сарайкин Д. А. Матримониальная социализация тинейджеров в родительской

семье: непреложные задачи и досадные препятствия (по результатам опросов на Урале в 2000-2020 гг.) // Известия высших учебных заведений. Уральский регион. 2020. № 4. С. 23-39.

Романова Е. В., Хвалина Н. А. Причины распада молодых семей // Социокультурные и психологические проблемы современной семьи: актуальные вопросы сопровождения и поддержки: Материалы V Международной научно-практической конференции. Тула, 2019. С. 133-134.

Ростовская Т. К. Особенности матримониального поведения российской молодежи // Человек в мире культуры. 2015. № 3. С. 46-52. (С. 49).

Ростовская Т. К. Особенности регулирования брачного, репродуктивного и самосохранительного поведения молодежи в части обеспечения демографической безопасности России // В сборнике: III-й Международный демографический форум «Демография и глобальные вызовы». Сборник статей форума. Воронеж, 2024. С. 162-166.

Ростовская Т. К., Рычихина Н. С. Репродуктивные установки российского студенчества: региональный аспект // Проблемы развития территории. 2024. Т. 28, № 1. С. 98-114.

Саяшина Н. Н., Тюкина А. А. Выявление социально-психологических особенностей у юношей и девушек в выборе брачного партнера // Russian Journal of Education and Psychology. 2013. № 2. С. 63-71.

Сигарева Е. П., Сивоплясова С. Ю., Муртузалиев С. И. Особенности брачных, семейных и миграционных намерений современной молодежи российского Кавказа // Социодинамика. 2018. № 11. С. 33-44.

Тихомиров Д. А. Динамика отношения московской молодежи к сожительству (на основе эмпирических исследований 2009-2017 гг.) // Знание. Понимание. Умение. 2018. № 3. С. 124.

Тлемешок В. Р., Дианова Н. Ф. Представления современной молодежи о семейно-брачных отношениях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-sovremennoy-molodezhi-o-semeyno-brachnyh-otnosheniyah> (дата обращения: 09.05.2024).

Устинова О. В. Репродуктивные установки в современном российском обществе // Социология. 2022. № 5. С. 72-79.

Шингаркина Д. А. Изучение представлений современной студенческой молодежи о браке // Вектор науки ТГУ. 2012. № 2 (20). С. 192.

References

Agadzhanova, E. R., Efimova, O. I. (2015), "On the issue of family values: from antiquity to modernity", *Simbirskij nauchnyj vestnik*, (2), 134-139. (In Russian)

Antonova, N. L., Shcherbakova, M. V. (2017), "Marital choice: a turn to rationalization", *Diskussija*, (8), 44-47. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O., Shapovalova, I. S. (2024), "The influence of alternative values and attitudes on matrimonial strategies of young people", *Social'naja politika i sociologija*, 23(2), 30-39. (In Russian)

Bogdanova, I. N., Artamonova, Ya. V. (2022), "Young family as an "elusive" social phenomenon in modern Russian conditions", *Caucasian Science Bridge*, (3), 74-82. (In Russian)

Galynskaya, Yu. S., Zvyagintsev, V. V. (2020), "Strategic basis for strengthening the institution of family in Russia", *Sociodinamika*, (9), 30-45. (In Russian)

Gafizova, N. B., Tsalko, E. O. (2023), "Perception of childlessness by modern youth (regional aspect)", *Zhenshhina v rossijskom obshchestve*, (2), 120-132. (In Russian)

Guzenina, S. V., Kulakova, I. S. (2020), "Causes of marriages and divorces through the eyes of student youth of Tambov", *POISK: Politika. Obshhestvovedenie. Iskusstvo. Sociologija. Kul'tura*, (3), 94-104. (In Russian)

Gurko, T. A. (2019), "Students' ideas about parenting and the social roles of men and women", *SNiSP*, (2), 65-81. (In Russian)

Gurko, T. A., Khromacheva, A. Yu. (2015), "Sociology students about family, gender and attitudes towards parents", *Vestnik instituta sociologii*, (4), 57-71. (In Russian)

Dianova, N. F., Tlemeshok, V. R. (2015), "Some aspects of the divorce problem at the present stage", *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija*, (11), 54-56. (In Russian)

Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Ruchkin, A. V., Simachkova, N. N., Chupina, I. P. (2023), "Formation of the demographic culture of youth as a social problem", *Obrazovanie i pravo*, (11), 407-413. (In Russian)

Zernov, D. V., Iudin, A. A., Ovsyannikov, A. A. (2015), "Youth on the ruins of the USSR (1991-2013)", *Nauka i shkola*, (2), 121-138. (In Russian)

Ilyinykh, S. A. (2022), "Values of marriage, parenthood, kinship: meanings and interpretation", *Caucasian Science Bridge*, (5), 52-59. (In Russian)

Kalachikova, O. N., Korolenko, A. V. (2018), "Models of reproductive behavior of the population (based on the materials of the Vologda region)", *Narodonaselenie*, (2) 110. (In Russian)

Kargapolova, E. V., Lashuk, I. V. (2017), "Family as a value of modern society (based on the results of sociological research in the Astrakhan region of the Russian Federation and in the Republic of Belarus)", *Sociologicheskij al'manah*, [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/semya-kak-tsennost-sovremennogo-obshchestva-po-itogam-sotsiologicheskikh-issledovaniy-v-astrahanskoj-oblasti-rossijskoy-federatsii-i-v>. (Accessed 09 May 2024). (In Russian)

Kartseva, L. V. (2018), "Attitude of residents of Tatarstan to family lifestyle", *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. Serija: Social'nye nauki*, (2), 58-66. (In Russian)

Kasarkina, E. N. (2018), "Family Values of Modern Urban Youth in the Light of Mordvin National Traditions", *Upravlenie gorodom: teorija i praktika*, (4), 45-50. (In Russian)

Kasarkina, E. N., Bistiaykina, D. A., Solovieva, T. V. (2018), "Premarital Attitudes and Life Plans of Young People: Sociological Analysis", *Sovremennye issledovaniya social'nyh problem*, (6), 208-211. (In Russian)

Kasarkina, E. N., Solovieva, T. V., Bistiaykina, D. A. (2018), "Readiness for Marriage and Family Values of Modern Youth", *Kazanskij pedagogicheskij zhurnal*, (6), 208-212. (In Russian)

Kislov, A. G., Shapko, I. V. (2016), "Attitude of Student Youth of the Sverdlovsk Region to the Childfree Phenomenon", *Nauchnyj dialog*, (2), 362. (In Russian)

Kobleva, Z. Kh., Karataban, I. A., Gubzhokova, N. K. (2022), "Gender dissonance in the context of unregistered marriages among modern youth", *Gumanitarnye, social'no-jeconomicheskie i obshhestvennye nauki*, (6), 31-35. (In Russian)

Kulikova, T. I. (2019), "Causes of divorce in young families", *Sociokul'turnye i psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i:*

aktual'nye voprosy soprovozhdenija i podderzhki [Socio-cultural and psychological problems of the modern family: topical issues of support and support], materials of the V International Scientific and Practical Conference], Tula, Russia, 4-5. (In Russian)

Malénova, A. Yu., Stoyko, D. N. (2019), "Divorce in the structure of marital and family attitudes of young people", *Innovacionnyj potencial molodezhi: kul'tura, duhovnost' i npravstvennost': materialy Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-issledovatel'skoj konferencii (Ekaterinburg, 2-6 dekabrja 2019 g.)* [The innovative potential of youth: culture, spirituality and morality], materials of the International Youth Research Conference (Yekaterinburg, December 2-6, 2019)], Ekaterinburg, Russia, 223-229. (In Russian)

Malimonov, I. V., Korol, L. G., Sinkovskaya, I. G., Rakhinsky, D. V. (2015), "The problem of marital behavior of student youth", *Russian Journal of Education and Psychology*, (10), 202-219. (In Russian)

Nemgirova, S. N. (2023), "Gender differences in value orientations of young people", *Vestnik IKIAT*, (46), 56-62. (In Russian)

Pavlov, B. S., Pronina, E. I., Berdnik, L. P., Saraikin, D. A. (2020), "Matrimonial socialization of teenagers in the parental family: immutable tasks and annoying obstacles (based on the results of surveys in the Urals in 2000-2020)", *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Ural'skij region*, (4), 23-39. (In Russian)

Romanova, E. V., Khvalina, N. A. (2019), "Reasons for the breakup of young families", *Sociokul'turnye i psihologicheskie problemy sovremennoj sem'i: aktual'nye voprosy soprovozhdenija i podderzhki* [Socio-cultural and psychological problems of the modern family: topical issues of support and support], materials of the V International Scientific and Practical Conference], Tula, 133-134. (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2015), "Features of the matrimonial behavior of Russian youth", *Chelovek v mire kul'tury*, (3), 46-52. (P. 49). (In Russian)

Rostovskaya, T. K. (2024), "Features of regulation of marital, reproductive and self-preservation behavior of young people in terms of ensuring demographic security of Russia", *III-j Mezhdunarodnyj demograficheskij forum «Demografija i global'nye vyzovy* [The III International Demographic Forum "Demography and Global Challenges"], collection of forum articles, Voronezh, Russia, 162-166. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Rychikhina, N. S. "Reproductive attitudes of Russian students: regional aspect", *Problemy razvitija territorii*, 28 (1), 98-114. (In Russian)

Sayashina, N. N. Tyukina, A. A. (2013), "Identification of socio-psychological characteristics of young men and women in choosing a marriage partner", *Russian Journal of Education and Psychology*, (2), 63-71. (In Russian)

Sigareva, E. P., Sivoplyasova, S. Yu., Murtuzaliev, S. I. (2018), "Features of marriage, family and migration intentions of modern youth of the Russian Caucasus", *Sociodinamika*, (11), 33-44. (In Russian)

Tikhomirov, D. A. (2018), "Dynamics of the attitude of Moscow youth to cohabitation (based on empirical studies of 2009-2017)", *Znanie. Ponimanie. Umenie*, (3), 124. (In Russian)

Tlemeshok, V. R., Dianova, N. F. (2015), "Ideas of modern youth about family and marital relations", *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki*, (6-1), [Online], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/predstavleniya-sovremennoj-molodezhi-o-semeyno-brachnyh-otnosheniyah> (Accessed 09 May 2024). (In Russian)

Ustinova, O. V. (2022), "Reproductive attitudes in modern Russian society", *Sociologija*, (5), 72-79. (In Russian)

Shingarkina, D. A. (2012), "Study of ideas of modern student youth about marriage", *Vektor nauki TGU*, (2), 192. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 10 ноября 2024 г. Поступила после доработки 17 декабря 2024 г. Принята к печати 20 декабря 2024 г.

Received 10 November 2024. Revised 17 December 2024. Accepted 20 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Шаповалова Инна Сергеевна, доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и работы с молодежью Белгородского государственного национального исследовательского университета, Белгород, Россия.

Inna S. Shapovalova, doctor of sociology, professor, head of the department of sociology and work with youth of Belgorod State National Research University, Belgorod, Russia.

УДК 316.4.06

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-0

Оригинальная статья

Шиняева О. В.
Каманина В. Е.

Семейный капитал как фактор профессионального
становления молодых россиян

Ульяновский государственный технический университет
улица Северный Венец, дом 32, Ульяновск, 432027, Россия
olses@rambler.ru

kamanina_valentina@mail.ru

Аннотация. Актуальность темы обусловлена процессами изменения влияния семьи как социального института и как малой группы на молодое поколение россиян. Экономическая модернизация российского общества, ускорение темпов внедрения новых технологий, расширение информационного пространства в эпоху всеобщей цифровизации, сокращение непосредственного общения с родственниками привели к снижению эффективности семейных стратегий, нацеленных на поддержание социально-профессиональной успешности молодежи. Особого внимания заслуживает участие родительской семьи в профессиональном становлении детей на этапах выбора профессии после окончания школы и поиска работы на рынке труда после завершения профессионального образования. *Проблема* заключается в том, что, с одной стороны, трансформация социальных условий функционирования института семьи превратила конкретные семьи в часть виртуальных коммуникаций, глобального и национального пространства. С другой стороны, институт семьи и его участники выполняют прежние задачи социализации, воспитания, психологической и экономической поддержки молодежи, успешная реализация которых возможна через использование совокупного семейного капитала. *Целью статьи* является уточнение концепции понятия «семейный капитал», определение степени влияния его компонентов на профессиональное становление молодого поколения россиян. Для достижения цели осуществлен теоретический анализ природы семейного капитала, описаны его экономические, культурные, человеческие компоненты; в ходе авторских исследований выделены особенности влияния компонентов семейного капитала на практики и результаты профессионального становления молодых людей. Статья содержит научно значимые результаты: определение семейного капитала, структура его компонентов; динамика изменения экономического, человеческого, культурного компонентов семейного капитала по мере трансформации российского общества; степень участия семейного капитала родителей в трудоустройстве и профессиональной адаптации детей. *Выводы:* Семейный капитал, представляющий собой комплекс экономических, культурных, человеческих ресурсов нуклеарной и расширенной семьи, выступающий фундаментом стабильного функционирования родителей и детей, сам находится в постоянном изменении в связи с трансформацией общества. Его масштаб и активность зависят от типа населенного пункта, состава семьи, активности родителей в профессиональной, экономической, культурной сферах. Авторские исследования позволили установить: экономический компонент

семейного капитала – самый уязвимый; в типичной семье российской глубинки он соответствует среднему уровню, поддерживается активной социальной политикой государства, сдерживанием инфляции, дифференциацией финансовых инструментов. Культурный и человеческий компоненты капитала типичных семей находятся на уровне выше среднего; на это влияют - повышение образовательного уровня населения, активное получение высшего образования женщинами-матерями, увеличение доли «дружных» семей по мере повышения человеческого капитала родителей. Факторами риска для семейного капитала выступают: чрезмерная занятость родителей вне семьи, отказ от инвестирования финансовых средств в образование членов семьи; низкая доля семей, придерживающихся просветительского досуга; высокая виртуализация общения и творчества в семье.

Ключевые слова: семейный капитал; экономические, культурные, человеческие компоненты семейного капитала; профессиональное становление молодежи.

Информация для цитирования: Шиняева О. В., Каманина В. Е. Семейный капитал как фактор профессионального становления молодых россиян // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 192-206. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-0

Original article

Olga V. Shinyaeva
Valentina E. Kamanina

**Family capital as a factor in the professional development
of young Russians**

Ulyanovsk State Technical University,
32 Severny Venets St., Ulyanovsk, 432027, Russia

Abstract. The topic is *relevant* in light of the evolving role of the family as a social institution and as a small group in influencing the younger generation of Russians. The economic modernisation of Russian society, the acceleration of the pace of introduction of new technologies, the expansion of the information space in the era of universal digitalisation, and the reduction of direct communication with relatives have collectively resulted in a decline in the efficacy of family strategies designed to maintain the socio-professional success of young people. It is crucial to highlight the role of the parent family in the professional development of children, particularly during the crucial stages of career choice and job search after graduation and the completion of vocational training, respectively. The issue arises from the fact that, on the one hand, the transformation of the social conditions of family functioning has led to the integration of specific families into virtual communications and global and national spaces. Conversely, the family institution and its members continue to fulfil the preceding functions of socialisation, education, and psychological and economic support for young people. The successful realisation of these functions is contingent upon the utilisation of the total family capital. The objective of this article is to elucidate the concept of "family capital" and ascertain the extent to which its constituent elements exert an influence on the professional development of the younger generation of Russians. In order to achieve this objective, a theoretical analysis was conducted to ascertain the nature of family capital, its economic, cultural, and human components were delineated, and the distinctive manner in

which family capital components exert influence on the practices and outcomes of professional development among young people was highlighted. The article presents findings that are of significant scientific importance. These include the definition of family capital, the structure of its components, and the dynamics of changes in the economic, human, and cultural components of family capital as Russian society undergoes transformation. Additionally, the degree of participation of the family capital of parents in the employment and professional adaptation of children is examined. The following conclusions may be drawn: the concept of family capital, which encompasses economic, cultural, and human resources within the nuclear and extended family unit, serves as a foundational element in the stable functioning of parents and children. However, it is subject to constant change due to the ongoing transformation of society. The scale and activity of family capital are contingent upon the type of settlement, the composition of the family, and the professional, economic, and cultural activities of parents. The author's research has enabled the establishment of the following findings: the economic component of family capital is the most vulnerable; in a typical family in the Russian hinterland, it corresponds to the average level, is supported by an active social policy of the state, inflation control, and differentiation of financial instruments. The cultural and human components of the capital of typical families are above average; this is influenced by an increase in the educational level of the population, active higher education by female mothers, and an increase in the share of "friendly" families as the human capital of parents increases. The following factors have been identified as potential risks to family capital: excessive employment of parents outside the family unit, a reluctance to invest financial resources in the education of family members, a low proportion of families adhering to educational leisure, and the high virtualisation of communication and creativity within the family.

Keywords: family capital; economic, cultural, human components of family capital; professional development of youth

Information for citation: Shinyaeva O. V., Kamanina V. E. (2024), "Family capital as a factor in the professional development of young Russians", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 192-206. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-0

Введение (Introduction). Ресурсы семьи представляют собой комплексную систему ролей, знаний, способов влияния, материальных и культурных компонентов, создающих фундамент функционирования социального института и семьи как малой группы. Семья выступает важным агентом социального пространства, обеспечивающим связи индивидов с другими институтами, реализующим их интересы в ежедневных практиках. Эта позиция заявлена на государственном уровне в концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2030 г., определяющей сохранение духовно-нравственных традиций и ресурсов семейного воспитания

как стратегическое направление внутренней политики Российской Федерации; в Концепции демографической политики России на период до 2035 г., новом национальном проекте «Семья» на 2024-2030 годы.

Трансформация российского общества, ускорение темпов внедрения новых технологий, расширение информационного пространства в эпоху господства Интернета, сокращение живого общения с родственниками привели к снижению эффективности семейных стратегий поддержки молодого поколения (Антоненко, 2015: 33). Одновременно усиливается влияние на молодых россиян новых агентов влияния – электронных

СМИ, компьютерных игр, блогеров, Интернет-чатов. «Из закрытого, относительно автономного института социализации семья превратилась в открытую систему. Она как никогда подвергается сильным внешним воздействиям, часто негативным, которым не в состоянии противостоять ... Благоприятная внутренняя экологическая среда семьи «загрязняется». Формируются и становятся все острее вызовы семье – противостоять негативным внешним воздействиям, держать под контролем «жизнь» ребенка в социальных сетях, не допускать формирования Интернет-зависимости, ухода из реального социального пространства в виртуальное» (Бурханова, 2017:113).

Особые проблемы молодое поколение россиян испытывает в сфере профессионального становления. К перечисленным ранее трансформациям следует добавить новые изменения рынка труда: исчезновение одних профессий и появление других, предъявление неожиданных требований со стороны работодателей, сокращение доли молодых людей, перенимающих профессиональные знания и опыт родителей. По данным социологических исследований, в современной России только 14-15% выпускников школ идут по пути получения профессии своих родителей и продолжения семейной династии (Доброхлеб, 2019:103).

Влияние семьи на профессиональный выбор и становление новых поколений всегда интересовало социологов. Группа европейских исследователей под руководством Дж. Голдторпа, анализируя влияние социального статуса и образования на успехи молодых людей, выделила различия в мотивации детей «синих» и «белых воротничков». «Мы хотим объяснить, ... почему большинство из детей докторов, которые не становятся докторами, с намного большей вероятностью займутся другими видами интеллектуальной или организаторской деятельности, а не ручным физическим

трудом с почасовой оплатой; и, соответственно, почему дети шахтеров, не пошедшие по стопам своих отцов, с большей вероятностью будут заниматься схожими видами деятельности, нежели работать в интеллектуальной или управленческой сферах» (Goldthorpe, 2002: 209). Соединение экономических, культурных, социальных ресурсов семьи привело исследователей к обозначению комплексного феномена - «семейный капитал», разные компоненты которого дополняют друг друга в непростых ситуациях профессиональной социализации молодежи.

Целью нашей статьи является описание сути и состава компонентов семейного капитала, определение степени их влияния на профессиональное становление молодых людей.

Методология и методы (Methodology and methods). Рассмотрение комплексного влияния семьи на практики и результаты профессиональной социализации молодежи позволило нам определить область социологического анализа: выявление сути и состава феномена «семейный капитал», определение динамики компонентов семейного капитала по мере трансформации российского общества, исследование его влияния в разных сегментах молодежи (социально-экономических, социокультурных). Анализ зарубежных и российских концепций в социологии семьи способствовал выделению теорий концентрации семейных ресурсов.

Американский социолог Дж. Коулман выделил три основных ресурса семьи: экономический, человеческий и социальный (Коулман, 2001: 121-122). Экономический компонент включает в себя все виды материальной обеспеченности семьи; он является основой других ресурсов, обеспечивает доступ к большинству благ и услуг. Но есть особые блага – образование, общение, творчество, инновации, которые создают человеческий

ресурс семьи. Особое место Дж. Коулман отводит социальному капиталу, в котором главное место занимают отношения между родителями, детьми, другими членами семьи; он называет их «*клеем, скрепляющим семейные ресурсы*». Социальный капитал, по мнению ученого, тем весомее, чем больше физическое присутствие взрослых в семье и разнообразнее их общение с детьми.

Российский социолог В. В. Радаев выделил виды «семейного фактора», которые влияют на молодых людей в обществе: физиологический, культурный, человеческий, социальный, экономический, политический (Радаев, 2003: 15). Классификация компонентов, предложенная В. В. Радаевым, нуждается в более тщательной операционализации для ее использования в эмпирическом анализе влияния на результаты социально-профессиональной мобильности молодежи.

В отечественной социологии понятие «семейный капитал» впервые появилось в работах Я. М. Роциной. В исследовании влияния семьи на качество образования детей и их профессиональную траекторию автор отмечает, что «шансы на получение более высокого уровня образования, несмотря на общее расширение образовательных возможностей и позитивные сдвиги в образовательной структуре... более строго привязаны к образовательному статусу родителей и семейному капиталу» (Роцина, 2012: 262). Под семейным капиталом социолог понимает комплексные ресурсы, которыми располагает семья.

Дальнейшее уточнение сущности и структуры капитала, функционирующего в российских семьях, а также его отдельных элементов реализовано в работах И. Ф. Деметьевой, С. С. Строковой – авторы выделили образ жизни и состав семьи как важнейшие условия изменения объема семейного капитала (Деметьева, 2014: 150). Е. В. Куканова на основе межрегиональных исследований

адаптировала определение Дж. Коулмана к российским условиям (Куканова, 2015: 70).

Опираясь на приведенные концепции и положения, мы сформулировали авторское определение и структуру семейного капитала в рамках решаемой нами проблемы. *Семейный капитал* – это комплекс экономических, культурных, человеческих ресурсов нукlearной и расширенной семьи, выступающий фундаментом стабильного социально-профессионального становления, восходящей социальной мобильности детей и родителей. Организованные нами эмпирические исследования семьи как фактора становления молодого поколения опирались на следующие индикаторы семейного капитала: *экономические ресурсы* – уровень дохода семьи, материально-имущественное состояние, сбережения и характер их использования; *культурные ресурсы* – традиции, стиль отношений в семье, характер досуга; *человеческий потенциал* – состояние здоровья, образование, квалификация, обновление знаний (Ушкова, Шиняева, 2018: 125). Применение деятельностного, аксиологического подходов в сочетании с научными принципами комплексности и системности позволило провести ряд социологических исследований влияния на профессиональное становление молодежи как совокупного семейного капитала (соединение экономических, культурных, человеческих ресурсов), так и каждого компонента в отдельности.

Методология легла в основу количественных и качественного исследований состояния семейного капитала и его влияния на профессиональное становление молодых жителей Ульяновской области: 1) анкетный опрос «Роль семьи в реализации жизненных планов молодежи» (2020г., выборка – 900 жителей региона 18-35 лет); 2) анкетный опрос «Идентификация молодых россиян в мире профессий» (2024г., выборка – 640 родителей выпускников школ региона); 3) фокус-

групповая дискуссия «Выбираем профессию вместе» (2024г. – 2 фокус-группы выпускников гимназий и общеобразовательных школ).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). *Первая часть научных результатов* посвящена общему состоянию семейного капитала и его отдельных компонентов. Благодаря проведенным исследованиям авторам удалось определить объем совокупного семейного капитала и динамику изменения его компонентов – экономического, человеческого, культурного. В Ульяновской области, которая является среднестатистическим регионом российской провинции, треть семей обладает высоким уровнем совокупного семейного капитала, около половины – располагают средним семейным капиталом, пятая часть имеет семейный капитал, соответствующий низкому уровню. Новые национальные и региональные вызовы меняют вес и наполнение экономического, человеческого, культурного компонентов внутри семейного капитала.

Экономический компонент как часть семейного капитала, по данным авторского исследования, состоящий из материальных ресурсов (движимых и недвижимых), чутко реагирует на изменения в обществе и регионе. За последние 5 лет доходы ульяновских семей стабилизировались, а социальные программы поддержки разных групп населения способствовали повышению реального уровня жизни: улучшению жилищных условий почти трети семей (30%), приобретению дорогих товаров четвертью семей региона (25%), открытию собственного дела десятой частью семей (11%). В целом доля семей региона с низким экономическим ресурсом семейного капитала сократилась с 40 до 33%; но отдельные показатели выглядят поразному.

Три четверти семей региона (74%) в качестве основного источника существования используют заработную

плату, особенно это характерно для областного центра, где более широкие возможности трудоустройства и стабильной оплаты труда. Семьи, проживающие в малых городах и поселках, чаще получают доходы не только от деятельности по найму, но и от личного подсобного хозяйства, коммерческой деятельности. Инициативные источники дохода (личные сбережения, доходы от собственности, ценных бумаг) позволяют семьям, которые их используют, достичь уровня жизни выше среднего.

Свободные денежные средства и характер распоряжения ими – один из основных показателей экономического капитала родительской семьи. Ими располагают, по данным опроса, треть семей. Больше половины таких семей (60%) тратят сбережения на текущие потребительские нужды – помощь родственникам, покупка дорогостоящих товаров, отпуск. Меньшая, но устойчивая часть (40%) вкладывает свободные деньги в длительные проекты – собственное дело, образование членов семьи, недвижимость. Использование свободных средств на образование детей чаще характерно для финансового поведения представителей крайних групп – бедных и состоятельных семей: 24% и 26% семей соответственно против 12-16% среди других семей. Для семей с невысоким уровнем дохода инвестиции в образование детей являются второй по популярности статьей расходов, что доказывает сохранение в нижних стратах доверительного отношения к образованию как «социальному лифту».

Состояние человеческого потенциала семей характеризуется уровнем образования родителей, освоением в семье новых знаний, повышением квалификации, состоянием здоровья родителей и детей. Результаты проведенных исследований показали различия в уровне образования матерей и отцов: среди первых высшее образование имеют 44%, среди вторых – 36%. В целом доля родителей в регионе, имеющих высшее образование, выросла за

последние 15 лет в 2,5 раза – с 16 до 41%. Чаще высшее образование имеют представители городских семей и руководящих работников. Выявлена интересная закономерность: родители студентов вузов, особенно матери, имеют более высокий уровень образования, чем остальной молодежи. Данная закономерность свидетельствует о возрастании роли человеческого капитала матерей в образовании детей.

Большинство родителей молодых граждан (80%) умеет пользоваться компьютером, среди них примерно половина – пассивные пользователи, другая половина – активные и продвинутые пользователи. Молодые люди часто помогают родителям освоить интернет-технологии и компьютер. В контексте изучаемой проблемы владение навыками онлайн-общения позволяет родителям быть на связи со своими детьми. Виртуальное общение не заменяет реальное, но, все же, лучше, чем никакое.

На основе опроса родителей выявлена зависимость состояния здоровья членов семьи (составная часть человеческого ресурса семьи) от социальных условий: доля здоровых родителей выше в семьях со средними доходами и с благоприятным микроклиматом – 64% против 48% в целом по выборке. Активное развитие человеческого компонента семейного капитала (образования родителей, повышения их квалификации, сохранение здоровья) свидетельствует о том, что он способен весомо влиять на социализацию детей.

Культурный компонент семейного капитала отвечает за традиции, социальные связи, стиль отношений в семье, совместный досуг. К сожалению, результаты авторского исследования показали, что семейные традиции постепенно исчезают: около 40% молодых людей указали на наличие традиций в их семьях, смогли описать и выделить их значение. А 10 лет назад присутствие семейных традиций отмечали молодые

люди из 55% семей (Бегинина, 2014: 119). Традиции – это духовные скрепы общения разных поколений семьи; их «вымывание» грозит распадом родственных связей и ослаблением семейного капитала.

Микроклимат в семье характеризуется отношениями ее членов и готовностью помогать в решении сложных проблем. В ходе опроса молодежи мы выделили три типа семей: 1) «дружные» – все проблемы решают вместе (35%); 2) «нормальные» – общаются и обсуждают лишь общие вопросы (47%); 3) «разобщенные» – каждый сам по себе (18%). По результатам опроса родителей, «дружных» семей оказалось немного больше (42%), в остальном пропорции выделенных типов сохраняются. Именно «дружные» семьи способны в полной мере использовать семейный капитал для профессионального становления детей.

В семьях специалистов с высшим образованием и предпринимателей доля «дружных» семей выше, чем в семьях, где родители имеют среднее и начальное профессиональное образование (48% против 32%). По-видимому, квалификация, новые знания и навыки родителей активизируют общение с детьми по вопросам развития, специализации школьной подготовки. Доля «разобщенных» семей в среднем равна пятой части; среди руководителей, жителей малых городов и поселков их число увеличивается в 1,5 раза (25-27%). Этот факт объясняется высокой профессиональной нагрузкой руководящих работников, вторичной занятостью в малых городах и поселках городского типа. Подтверждается вывод Дж. Коулмана: физическое отсутствие родителей и малый объем общения с детьми резко снижают эффективность семейного капитала внутри семьи и во внешней ситуации (Коулман, 2004: 30).

Сравнительный анализ состояния основных компонентов семейного капитала показал, что каждый из них пребывает в постоянной динамике: экономический

ресурс в типичной семье находится на среднем уровне, зависит от реальных доходов членов семей, социальной политики государства в конкретный период, размеров инфляции; человеческий и культурный компоненты типичной семьи соответствуют уровню выше среднего. Но в условиях цифровизации общения и просвещения они несут большие потери: многомерные отношения членов семей часто превращаются в «одномерные» (чисто функциональные) и даже «безмерные», когда уходит общий предмет обсуждения, и каждый член семьи живет сам по себе.

В рамках поставленной проблемы *вторая часть результатов посвящена влиянию семейного капитала на профессиональное становление молодых членов семьи.*

Влияние семейного капитала на профессиональную социализацию молодежи активно проявляется в *моментах выбора профессии* на этапе окончания школы и поиска своего места на рынке труда после завершения учебы в профессиональном учебном заведении. Выбор профессии связан с определением смысла профессионального образования и поиском учебного заведения, в котором он может быть реализован. В эмпирическом анализе смысла профессионального образования такие установки как развитие общих и специальных способностей, саморазвитие, общая эрудиция и культура интерпретировались нами как терминальные смыслы; получение диплома, повышение социального статуса, возможность трудоустройства на хорошую работу – как инструментальные. Анкетный опрос родителей старшеклассников показал, что соотношение терминальных и инструментальных смыслов профессионального образования в семьях выпускников составило 48 и 52%, что

соответствует общероссийской тенденции. И те, и другие смыслы «заявляют о себе вполне уверенно. При этом инструментализация образования – воспроизводящийся тренд, не изменяющийся под влиянием социокультурной среды» (Селиверстова, Зубок, 2023: 50).

Сопоставление смыслов профессионального образования детей из семей с разным уровнем семейного капитала показало, что есть ощутимые различия: в семьях с низким уровнем совокупного семейного капитала соотношение терминальных и инструментальных смыслов составило 42 и 58%, в семьях с капиталом среднего уровня – 49 и 51%, семьи с высоким уровнем семейного капитала демонстрируют иное соотношение указанных смыслов – 59 и 41%. Перевес терминальных смыслов профессионального образования связан с влиянием культурного и человеческого ресурсов родителей, которые расширяют смысл образования до саморазвития сейчас и в перспективе. Опрос родителей показал, что иерархия конкретных смыслов профессионального образования также связана с уровнем семейного капитала (таблица 1).

Анализ *иерархии первых 3-х значений профессионального образования*, выявленной по результатам опроса родителей выпускников школ, показал принципиальные различия в семьях с разным уровнем совокупного семейного капитала. Семьи с низким семейным капиталом разделяют устойчивую приверженность инструментальному смыслу «возможность трудоустройства на хорошую работу»: практически половина семей данного типа на 1 место поставила данный смысл получения профессии своими детьми.

Таблица 1
Рейтинг значений профессионального образования в семьях с разным уровнем семейного капитала, в % (n = 640 родителей выпускников школ)

Table 1

Rating of the values of vocational education in families with different levels of family capital, % (n = 640 parents of school graduates)

Рейтинг значений профессионального образования / Rating of the values of vocational education	Уровень семейного капитала / The level of family capital					
	Низкий / Low		Средний / Average		Высокий / High	
1 место / 1st place	Возможность трудоустройства / Employment opportunities	48%	Развитие общих и специальных способностей / Development of general and special abilities	38%	Развитие общих и специальных способностей / Development of general and special abilities	30%
2 место / 2nd place	Развитие общих и специальных способностей / Development of general and special abilities	27%	Возможность трудоустройства / Employment opportunities	35%	Саморазвитие, личностный рост / Self-development, personal growth	29%
3 место / 3rd place	Повышение социального статуса / Improving social status	13%	Саморазвитие, личностный рост / Self-development, personal growth	12%	Возможность трудоустройства / Employment opportunities	28%

Семьи с высоким и средним уровнем семейного капитала придерживаются сочетания терминальных и инструментальных смыслов с некоторыми различиями: носители среднего семейного капитала разделяют «развитие способностей» детей как ресурс их «хорошего трудоустройства» (таблица 1, 38 и 35%); семьи с высоким семейным капиталом практически с одинаковым акцентом выбирают два терминальных смысла и один инструментальный – развитие общих и специальных способностей, саморазвитие, возможность трудоустройства (30, 29 и 28%, Таблица 1).

Данную иерархию смыслов подтвердили ответы старшеклассников в ходе фокус-групповых дискуссий при раскрытии личной мотивации выбора

профессии и учебного заведения. Выпускникам общеобразовательных школ, где много семей с низким уровнем семейного капитала, важно чувствовать себя уверенно на рынке труда, профессиональное образование для них – «проводник к успешной карьере», «хочется прочувствовать студенчество в творчестве, найти партнера», «быть полезным в профессии». Выпускники гимназий, лицеев, специализированных школ, в которых больше семей с высоким уровнем семейного капитала, подчеркивают важность профессии для «раскрытия своего потенциала», «пользы и изменений для личности», «не сидеть на месте», «начать мыслить самостоятельно». Во второй фокус-группе

заметен тренд в сторону широкого смысла профессионального образования.

Фокус-групповые дискуссии подтвердили нежелание большинства старшеклассников идти по пути, проторенному их родителями. Большинство выбирает профессиональное направление, исходя из собственных представлений и возможностей: *«Я не смотрю на профессии родителей», «У родителей хорошая работа, но я хочу по своему пути идти», «Нет, вообще нет. Мне другая область интересна», «Не принимаю их опыт, он мало что дает в новых условиях».* При этом треть участников ФГ из общеобразовательных школ показала заинтересованность профессией родителей и планы работать в смежной области: *«Отец работает на заводе. Мне нравится его зарплата и профессия», «Рассматриваю технические специальности, всегда можно найти работу, вижу по своей семье».*

Выпускники гимназий, лицеев демонстрировали более основательные представления о мире профессий и рынке труда. Их ответы на вопрос: *«Какие профессии считаются престижными в вашей семье, и как это влияет на твой выбор профессии?»* были более аргументированы и развернуты. Большая часть выразила мнения, что важна не только профессия, но и способности человека к адаптации: *«Все профессии хороши, нужно начать», «Вообще, это от человека зависит. Учиться можно везде, если хочешь», «Сейчас быстро все меняется. Вроде программисты везде нужны, но их слишком много. И искусственный интеллект начал заменять. Надо постоянно смотреть на рынок труда».* В своих ответах старшеклассники из семей с высоким уровнем семейного капитала демонстрировали знание актуальных тенденций на рынке труда, готовность к учету меняющихся социальных условий. Многие семьи с высоким уровнем семейного капитала сформировали у своих детей понимание того, что человеку

необходима гибкость ума и быстрое реагирование на смену обстоятельств.

Восприятию профессии как восполняемого ресурса на перспективу способствуют конкретные элементы семейного капитала: квалификация, обновление знаний родителями (человеческий потенциал), традиции и стиль отношений в семье (культурный потенциал). В семьях с высоким уровнем семейного капитала детям предоставляется больше свободы в выборе новой профессии (не связанной с родительской); большинство родителей из этих семей (74%) отметили в ходе опроса – *«надо вместе обсуждать профессиональное становление и помогать детям».* В семьях с низким уровнем семейного капитала родители больше доверяют выбору детей (52%), реже включаются в сам процесс выбора профессии и сбора актуальной информации (33%). При этом в данных семьях более высокая доля родителей, которые считают, что дети должны осваивать профессии, нужные семье или семейному делу (16% против 4% по выборке в целом). Семьи, имеющие средний объем семейного капитала, занимают срединное положение в вопросах профессионального определения детей; многое в их реальных практиках участия в социализации детей зависит от условий – поселенческих характеристик, отрасли занятости родителей. Авторский опрос молодежи показал: чаще других продолжают семейные династии в профессиональной карьере дети, чьи родители заняты в сельском хозяйстве, строительстве, транспорте, медицине (15%), последнее время – в армии (20%).

На старте самостоятельной карьеры, после получения профессионального образования молодые люди вновь оказываются в «точке бифуркации»: предстоит определиться с дальнейшей траекторией устройства жизни и трудовой занятости. По данным опроса молодежи, половина респондентов планирует работать по полученной специальности (49%), пятая

часть – в смежных областях (19%), треть собирается работать в других сферах (32%). Данное соотношение планов трудоустройства устойчиво держится в последние два десятилетия. На конкретные планы трудоустройства сильное влияние оказывает экономический потенциал семьи (Рисунок).

Выходцы из бедных семей стремятся к быстрой профессиональной самореализации, у них сильнее выражено стремление трудиться по полученной специальности (64%); молодые люди из среднедоходных семей рассчитывают найти работу с высоким уровнем оплаты, для этого чаще готовы ехать в другой город (23%, против 7% из бедных и малообеспеченных семей). Молодежь из состоятельных семей более активно строит

планы открытия своего дела, опираясь на финансовую помощь родителей (38%, против 11% по выборке в целом). Сравнение способов поиска работы позволило выявить следующие закономерности: выходцы из семей с высоким уровнем семейного капитала, используя все источники поиска работы, активнее других прибегают к связям родителей (42%, в целом по выборке 28%); молодые люди из низкодоходных семей больше рассчитывают на себя, часто находят работу самостоятельно (48% против 32% по выборке). Молодежь из среднедоходных семей, как правило, использует комплексный подход в поиске работы – помощь знакомых, кадровые агентства, собственные усилия.

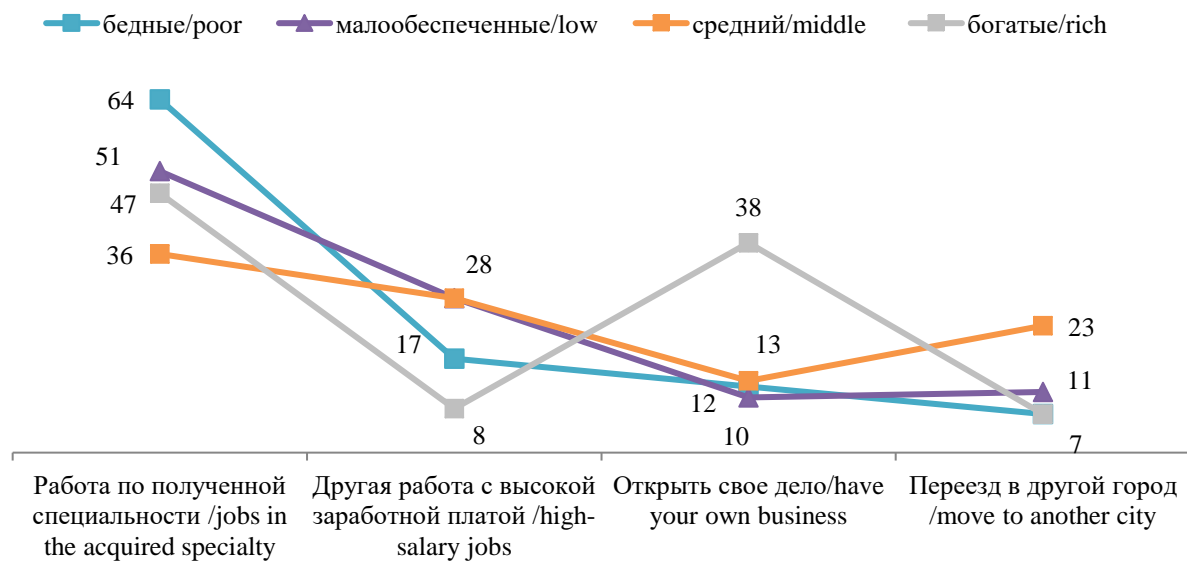

Рисунок. Планы по окончании учебы выходцев из семей с разным уровнем жизни, в % (n = 900 молодых жителей)

Figure. Graduation plans of people from different families with different standards of living, % (n = 900 young people)

Выявлена зависимость профессиональной мобильности молодых людей от уровня семейного капитала родительской семьи. Чаще имеют одно место занятости молодые люди из семей с высоким уровнем семейного капитала

(74%, по выборке – 60%). Данный факт свидетельствует о том, что высокий семейный капитал во всех его проявлениях служит «подушкой безопасности» для длительной траектории профессиональной социализации, рассчитанной на

постепенный рост доходов и квалификации. Среди молодых людей, чьи родительские семьи имеют низкий уровень семейного капитала, в 2 раза больше тех, кто трудится на 2-3-х работах, часто не по специальности (44% против 22% по выборке). Профессиональная мобильность, связанная со сменой работы, чаще практикуется молодыми людьми, проживающими в малых городах и поселках. Снижение объема семейного капитала увеличивает активность в поиске новых мест занятости, а также открытию собственного дела.

Сопоставление семейного капитала родительской семьи и социально-профессионального статуса молодежи в возрасте 25-30 лет выявило отход от

строгой линейной тенденции роста показателей профессиональной социализации и карьеры (Таблица 2). В каждом сегменте семей с разным уровнем совокупного семейного капитала есть представители всех социально-профессиональных статусов с некоторыми отклонениями: доля рабочих и служащих без специального образования выше среди выходцев из семей с низким уровнем семейного капитала (43%), среди детей из семей с высоким уровнем семейного капитала удельный вес рабочих, служащих составляет почти треть (31%). Квалифицированных специалистов с высшим образованием, руководителей в 2 раза больше среди молодежи из семей со средним и высоким семейным капиталом.

Таблица 2

Профессиональный статус молодежи из семей с разным уровнем семейного капитала, в % (n = 900 молодых жителей)

Table 2

The professional status of young people from families with different levels of family capital, % (n = 900 young people)

Профессиональный статус молодых людей 25-30 лет / Professional status of young people aged 25-30	Уровень семейного капитала / The level of family capital		
	Низкий / Low	Средний / Average	Высокий / High
Рабочий, служащий / Worker, employee	43	39	31
Квалифицированный специалист / Qualified specialist	14	29	26
Руководитель / Chief	11	13	27
Предприниматель, самозанятый / Entrepreneur, self-employed	19	9	13
Фрилансер / Freelancer	13	11	18

Выявлена интересная закономерность: выходцы из семей с низким семейным капиталом успешнее осваивают сферу предпринимательства; среди них – каждый 5-ый предприниматель или самозанятый, что в 1,5-2 раза больше, чем в других сегментах (таблица 2). Зеркальная картина выявлена в области распространения фрилансеров: почти 5-ая часть свободных занятых (18%) находится

среди молодежи, чьи родительские семьи располагают высоким уровнем семейного капитала; в других сегментах – в 1,5-2 раза меньше. Данные закономерности предстоит отслеживать в новых исследованиях, дополняя к ним характеристики отраслей занятости детей и местоположения родительской семьи.

Заключение (Conclusions). Семейный капитал, являющийся

сочетанием экономических, культурных, человеческих ресурсов нуклеарной и расширенной семьи, выступает фундаментом стабильного функционирования родителей и детей, но он сам находится в постоянном изменении в связи с трансформацией общества. Масштаб и наполнение семейного капитала зависят от типа населенного пункта, состава семьи, активности родителей в профессиональной, экономической, культурной сферах, обновлении знаний и компетентностей в цифровых технологиях.

Экономический компонент семейного капитала – самый уязвимый. Его поддержка активной социальной политикой государства, целевыми программами региона, сдерживанием инфляции, дифференциацией финансовых инструментов помощи способствует снижению экономических барьеров для старта молодежи. В обследованном регионе доля семей с низким экономическим ресурсом семейного капитала за последние десять лет сократилась до трети, что позволяет родителям инвестировать финансовые средства в образование детей.

Человеческий компонент капитала типичных семей находится на уровне выше среднего; что проявляется в повышении образовательного уровня населения (среди родителей в два раза выросла доля с высшим образованием), активном получении высшего образования женщинами-матерями, увеличении доли семей с благоприятным микроклиматом по мере повышения квалификации родителей.

Культурный потенциал семьи держится на традициях, которые передаются из поколения в поколение. Результаты авторского исследования показали, что семей, соблюдающих традиции, становится меньше. Факторами риска для семейного культурного компонента выступают чрезмерная занятость родителей вне семьи; низкая доля семей, придерживающихся просветительского досуга с детьми;

высокая виртуализация общения и творчества членов семьи.

Влияние семейного капитала на профессиональное становление молодых россиян особенно ярко прослеживается на начальных этапах выбора, освоения профессии и поиска места на рынке труда. При общем преобладании инструментальных смыслов профессионального образования дети из семей с высоким уровнем семейного капитала демонстрируют устойчивую приверженность терминальным значениям: развитие общих и специальных способностей, саморазвитие, готовность к постоянному обучению. Выявлена дифференциация практик выбора профессии: в семьях с высоким уровнем семейного капитала детям предоставляется больше свободы в выборе новой профессии; в семьях с уровнем семейного капитала ниже среднего родители чаще считают, что дети должны осваивать профессии, нужные семье или семейному делу.

Высокий семейный капитал во всех его проявлениях служит «подушкой безопасности» для длительной траектории профессиональной социализации, рассчитанной на параллельный рост доходов и квалификации, занятие руководящих статусов в разных отраслях занятости. Среди молодых людей, чьи родительские семьи имеют низкий уровень семейного капитала, более четко прослеживается готовность к быстрому выходу на рынок труда, в два раза больше тех, кто активен в поиске новых и дополнительных мест занятости, а также - в открытии собственного дела.

В последующих этапах профессиональной социализации наблюдается отход от строгого линейного влияния объема семейного капитала на показатели карьеры; семейный родительский капитал уступает место другим факторам и детерминантам, в том числе капиталу собственных семей.

Список литературы

Антоненко В. В., Антонов Г. В. Оценка суммарного объема семейных инвестиций в ключевые элементы человеческого капитала молодежи современной России // Экономический анализ: теория и практика. 2015. № 25. С. 32-42.

Бегинина И. А., Ивченков С. Г., Шахматова Н. В. Семейные ценности в молодежной среде: факторный анализ результатов социологического исследования // Социологическая наука и социальная практика. 2014. № 2 (06). С. 116-136.

Бурханова Ф. Б., Галяутдинова С. И., Алгущаева В. Р. Социализация и воспитание в современной российской семье: изменения и вызовы // Актуальные вопросы экологии человека: социальные аспекты: сборник научных статей. Уфа: РИО ИЦИПТ, 2017. Том 1. С. 111-121.

Дементьева И. Ф. Трансформация ценностных ориентаций в современной российской семье // Вестник РУДН. Сер. «Социология». 2014. № 6-7. С. 150-160.

Доброхлеб В. Г., Кондакова Н. А. Семейный потенциал в условиях модернизации современной России // Проблемы развития территории. 2019. № 6 (92). С. 94-107

Куканова Е. В. Роль семейного капитала в развитии профессиональной карьеры работников социальной сферы // Гуманитарные науки и образование. 2015. № 4 (24). С. 67-73.

Коулман Дж. Капитал социальный и человеческий // Общественные науки и современность. 2001. № 3. С. 121-139.

Радаев В. В. Понятие капитала, формы капиталов и их конвертация // Общественные науки и современность. 2003. № 2. С. 5-16.

Рощина Я. М. Семейный капитал как фактор образовательных возможностей российских школьников // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 257-277.

Строкова С. С. Связь образа семьи и семейной идентичности с эмоциональным благополучием подростков // Клиническая и специальная психология. 2017. № 1 (21). С. 119-137.

Селиверстова Н. А., Зубок Ю. А. Представления студенческой молодежи о смыслах образования: социокультурные особенности саморегуляции // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т.11, № 1. С. 44-69.

Ушкова Ю. В. Шиняева О. В. Семейный капитал и его зависимость от социальных характеристик семей // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2018. № 1. С. 124-137.

Шкаратан О. И. Социокультурная преемственность в российской семье: (опыт эмпирического исследования) // Общественные науки и современность. 2016. №1. С. 5-27.

Goldthorpe J. Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda // Acta Sociologica. 2002. Vol. 45, № 3. Pp. 209-217.

References

Antonenko, V. V. and Antonov, G. V. (2015), "Assessment of the total volume of family investments in the key elements of the human capital of the youth of modern Russia", *Jekonomicheskij analiz: teorija i praktika*, (25), 32-42. (In Russian)

Beginina, I. A. and Ivchenkov, S. G. and Shakhmatova, N. V. (2014), "Family values among young people: factor analysis of the results of a sociological study", *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, (2), 116-136. (In Russian)

Burkhanova, F. B. and Galyautdinova, S. I. and Algushaeva, V. R. (2017), "Socialization and upbringing in the modern Russian family: changes and challenges", *Aktual'nye voprosy jekologii cheloveka: social'nye aspekty: sbornik nauchnyh statej*, (1), 111-121. (In Russian)

Dementeva, I. F. (2014), "Transformation of value orientations in the modern Russian family", *RUDN Journal of Sociology*, (6-7), 150-160. (In Russian)

Dobrokhleb, V. G. and Kondakova, N. A. (2019), "The role of family capital in the development of professional careers of social workers", *Problemy razvitija territorii*, 6 (92), 94-107. (In Russian)

Kukanova, Ye. (2015), "The role of family capital in the development of professional careers of social workers", *Gumanitarnye nauki i obrazovanie*, 4 (24), 67-73. (In Russian)

Koulman, Dzh. (2001), "Capital social and human", *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (3), 121-139. (In Russian)

Radaev, V. V. (2003), "The concept of capital, forms of capital and their conversion", *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (2), 5-16. (In Russian)

Roshchina, Ya. M. (2012), "Family capital as a factor of educational opportunities for Russian schoolchildren", *Voprosy obrazovaniya*, (1), 257-277. (In Russian)

Stroková, S.S. (2017), "The connection of family image and family identity with the emotional well-being of adolescents", *Klinicheskaja i special'naja psihologija*, (1), 119-137. (In Russian)

Seliverstova, N. A. and Zubok, Yu. A. (2023), "Student youth perceptions of the meanings of education: socio-cultural features of self-regulation", *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika*, 11 (1), 44-69. (In Russian)

Ushkova, Yu. V. and Shinyaeva, O. V. (2018), "Family capital and its dependence on the social characteristics of families", *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki*, (1), 124-137. (In Russian)

Shkaratan, O. I. (2016), "Sociocultural continuity in the Russian family: (empirical research experience)", *Obshhestvennye nauki i sovremennost'*, (1), 5-27. (In Russian)

Goldthorpe, J. (2002), Occupational Sociology, Yes: Class Analysis, No: Comment on Grusky and Weeden's Research Agenda, *Acta Sociologica*, 3 (45), 209-217.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2024 г. Поступила после доработки 30 октября 2024 г. Принята к печати 01 декабря 2024 г.
Received 11 October 2024. Revised 30 October 2024. Accepted 01 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Шиняева Ольга Викторовна, профессор, доктор социологических наук, профессор Ульяновского государственного технического университета, Ульяновск, Россия.

Shinyaeva Olga Viktorovna, Professor, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia.

Каманина Валентина Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент Ульяновского государственного технического университета, Ульяновск, Россия.

Kamanina Valentina Evgenievna, Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Ulyanovsk State Technical University, Ulyanovsk, Russia.

СОЦИОЛОГИЯ УПРАВЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ
SOCIOLOGY OF MANAGEMENT AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 314.174

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-1

Оригинальная статья

¹Баймурзина Г. Р.

²Леонидова Г. В.

³Батгалова А. И.

**Женщины в IT-сфере: особенности предложения труда
(на данных цифровой платформы Superjob)**

- 1) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»
улица Заки Валиди, дом 32, Уфа, 450076, Россия;
Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук
улица Кржижановского, дом 24/35, корпус 5, Москва, 117218, Россия
guzrim@mail.ru
- 2) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»
улица Заки Валиди, дом 32, Уфа, 450076, Россия;
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Вологодский научный центр Российской академии наук»
улица Горького, дом 56А, Вологда, 160014, Россия
galinaleonidova@mail.ru
- 3) Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Уфимский университет науки и технологий»
улица Заки Валиди, дом 32, Уфа, 450076, Россия
battalovaalsu@yandex.ru

Аннотация. В статье поднимаются проблемы участия женщин на рынке труда IT-специалистов на примере данных резюме соискателей, размещенных на цифровой платформе поиска работы и трудоустройства Superjob. Актуальность исследования обусловлена национальными приоритетами ускоренной и масштабной цифровизации экономики и социальной сферы, необходимостью обеспечения технологического суверенитета, дефицитом кадров, с одной стороны, и низким уровнем участия женщин в IT-сфере, несмотря на высокую привлекательность и социально-демографическую эффективность занятости в этой сфере, с другой стороны. В работе представлены результаты эмпирического исследования, осуществленного на основе скачивания данных (резюме и вакансий) с популярной цифровой платформы Superjob. Проанализирована совокупность данных из 4225 резюме и 2533 вакансий по направлению IT, размещенных в российском сегменте платформы. Выявлены наиболее востребованные профессии в IT-сфере, уровень участия женщин в них, показаны различия в желаемых соискателями и предлагаемых работодателями размерах заработной платы, притязания мужчин и женщин к уровню оплаты труда,

режиму занятости и возможностям оптимального сочетания семейных обязанностей (личной жизни) с трудовой деятельностью. Сопоставление полученных нами данных и результатов исследований других авторов показали, что диспропорции в участии мужчин и женщин в такой современной и растущей сфере как ИТ до сих пор воспроизводятся и сохраняются. При этом они не всегда являются результатом влияния внешних факторов (предпочтения работодателей), но часто детерминируются латентными факторами, внутренними механизмами самопозиционирования мужчин и женщин в обществе и, в частности, на рынке труда, стереотипами и установками, формирующимися и транслирующимися в семье и школе.

Ключевые слова: предложение труда; доступ к занятости; женщины; мужчины; семейные обязанности; ИТ; ИКТ; цифровая платформа

Благодарность: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда «Неформальная занятость в регионах России: социальные риски и возможности» на 2023 – 2025 гг. (проект № 23-18-00775).

Информация для цитирования: Баймурзина Г. Р., Леонидова Г. В., Батталова А. И. Женщины в ИТ-сфере: особенности предложения труда (на данных цифровой платформы Superjob) // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 207-225. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-1

Original article

¹Guzel R. Baimurzina

²Galina V. Leonidova

³Alsu I. Battalova

**Women in the IT sector: peculiarities of labor supply
(based on data from the Superjob digital platform)**

¹ Ufa University of Science and Technology,
32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia;
Federal Center for Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences,
bld. 5, 24/35 Krzhizhanovsky St., Moscow, 117218, Russia
guzrim@mail.ru

² Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia;
Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences,
56A Gorky St., Vologda, 160014, Russia
galinaleonidova@mail.ru

³ Ufa University of Science and Technology
32 Zaki Validi St., Ufa, 450076, Russia
battalovaalsu@yandex.ru

Abstract. The article identifies and examines the challenges facing women in the IT labour market, utilising the Superjob digital job search and employment platform as a case study. The study is relevant in light of the national priorities of accelerated and large-scale digitalisation of the economy and the social sphere, the need to ensure technological sovereignty, on the one hand, and the shortage of personnel and low levels of women's participation in the IT sector, despite the high attractiveness and socio-demographic efficiency of employment in this area, on the other hand. The paper presents the findings of an empirical study conducted on the basis of downloading data

(resumes and job advertisements) from the widely used digital platform Superjob. A data set comprising 4,225 resumes and 2,533 IT vacancies posted on the Russian segment of the platform was subjected to analysis. The most in-demand professions in the IT sector are identified, as well as the level of women's participation in them, differences in the wages desired by applicants and offered by employers, the claims of men and women to the level of remuneration, employment regime and opportunities for an optimal combination of family responsibilities (personal life) with work. A comparison of the data obtained in this study with the results of other researchers' studies has revealed that the imbalance in the participation of men and women in the modern and growing field of IT is still present and persistent. Furthermore, these differences are not always the result of external factors, such as employer preferences. Rather, they are often determined by latent factors, including the internal mechanisms of self-positioning of men and women in society and, in particular, in the labour market. Additionally, stereotypes and attitudes that are formed and broadcast in the family and school environment also play a role.

Keywords: labor supply; access to employment; women; men; family responsibilities; IT; ICT; digital platform

Acknowledgements. The research is funded by the Russian Scientific Foundation “Informal Employment in Russian Regions: Social Risks and Opportunities” for 2023-2025 (Project № 23-18-00775).

Information for citation: Baimurzina, G. R., Leonidova, G. V., Battalova, A. I. (2024), “Women in the IT sector: peculiarities of labor supply (based on data from the Superjob digital platform)”, *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 207-225. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-1

Введение (Introduction).

Актуализация на государственном уровне задачи достижения технологического суверенитета¹ и перехода на отечественное программное обеспечение, повсеместное внедрение цифровых технологий (как требование цифровой революции) повысили спрос на ИТ-специалистов (Нетребва, 2022). В сфере информации и связи, которая по классификатору ОКВЭД-2 включает в себя сферу ИТ, в 2022 году было занято 1618,7 человек, т.е. 2,3% от общей численности занятости в стране (для справки: в 2018 г. – 1446,5 тыс. человек или 2% занятого населения). При этом, по данным Минцифры, дефицит ИТ-кадров в России составляет от 500 тыс. до 1 млн человек (Томаков, Томакова, 2021: 152). Иными словами, для современной

экономики, с учетом продолжающейся цифровизации практически всех сфер жизни (госуправление, здравоохранение, образование, культура, транспорт, ЖКХ, сельское хозяйство и т.д.) их требуется практически вдвое больше, чем имеется. Сравнение с другими странами показывает, что Россия в 1,5–3 раза отстает от развитых стран по доле ИТ-специалистов среди экономически активного населения (Климова, 2020).

Несмотря на сложившийся образ ИТ-профессии как одной из успешных видов экономической деятельности, характеризующийся высоким уровнем оплаты труда, наличием особого формата занятости с относительной свободой режима и графика рабочего дня, доля занятых в ИТ-сфере (точнее по виду

¹ Концепция технологического развития на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 20 мая 2023 № 1315-Р. URL: <http://government.ru/docs/48570/> (дата обращения: 05.11.2024); О национальных целях развития

Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 05.11.2024).

экономической деятельности «Информация и связь») в общей структуре занятых выросла за 2018-2022 гг. незначительно (не более чем на 1,2 п.п.), практически в каждом втором субъекте РФ изменений не было. Наибольший прирост отмечался в Москве (на 1,2 п.п.), Санкт-Петербурге (на 0,8 п.п.), Ярославской области (0,6 п.п.), Калининградской области (0,5 п.п.), Тверской области (0,4 п.п.), Свердловской области (0,4 п.п.)². В связи с началом специальной военной операции в 2022 г. отмечается некоторое снижение абсолютной численности занятых в сфере телекоммуникаций (на 5%) и производства ИКТ (2,5%)³. В первую очередь, это связано с миграционным оттоком специалистов, вместе с тем, не стоит исключать и другие причины демографического характера: естественную убыль населения и старение рабочей силы.

Парадоксальным при дефиците кадров является факт устойчивого воспроизводства диспропорций в представительстве мужчин и женщин в IT-сфере (Хасбулатова, Смирнова, 2020). Сохранение установок работодателей о преимуществах найма мужчин или женщин под определенные направления и специальности, более низкие уровни оплаты труда и участия женщин на рынке труда IT-специалистов являются не только сдерживающим фактором реализации государственных приоритетов в области цифровизации, но и противоречит таким основополагающим правам женщин в

сфере труда, как равная оплата за равный труд, доступ к свободно избранной занятости. Кроме того, возможность удаленной работы и гибкого графика, более высокий уровень заработной платы привлекательны для женщин с высоким уровнем образования и семейными обязанностями, что отвечает демографическим интересам страны (см. например, «Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023-2030 гг.»). Актуальность проблемы вовлечения женщин в эту сферу подчеркивается и в запущенном в 2023 г. проекте «Женщины в IT», который реализуется в рамках национальной программы «Цифровая экономика»⁴.

Какие кадры наиболее востребованы в этой сфере, сохраняются ли стереотипы в спросе на IT-специалистов, как они отражаются в предложении труда, какой уровень образования востребован в профессии, есть ли разрывы в оплате труда среди мужчин и женщин в этой сфере? Ответы на эти вопросы мы попытались выяснить с помощью анализа резюме, загруженных соискателями на одной из востребованных цифровых бирж труда – Superjob. Платформа Superjob занимает 2-е место после Headhunter по объему аудитории в категории сайтов для поиска работы и трудоустройства в России⁵, при этом практически не анализируется исследователями. Проведение данного исследования, кроме поставленных вопросов, призвано также уточнить и

² Регионы России. Социально-экономические показатели. 2023: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2023. с.126-129; Регионы России. Социально-экономические показатели. 2019: Р32 Стат. сб. / Росстат. М., 2019. с.130-137.

³ Индикаторы цифровой экономики: 2024: статистический сборник / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, К.О. Вишневецкий, Л.М. Гохберг и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. С. 72.

⁴ Женщины в STEM: особенности обеспечения гендерного равенства в контексте инновационного

развития и цифровизации экономики. Российский совет по международным делам (РСМД). Опубликовано 4 сентября 2024. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/zhenshchiny-v-stem-osobennosti-obespecheniya-gendernogo-ravenstva-v-kontekste-innovatsionnogo-razviti/> (дата обращения: 05.11.2024).

⁵ Similarweb [платформа для анализа конкурентов в цифровой среде]. URL: <https://www.similarweb.com/ru/website/superjob.ru/#overview> (дата обращения: 05.11.2024).

обогащать выводы, полученные на других эмпирических данных.

Методология и методы (Methodology and Methods). Обращение исследователей к анализу демографического состава занятых в данной отрасли можно найти в (Нетреба и др., 2022), где показано, что сектор ИКТ отличается высокой долей молодых специалистов: «около 2/3 работников в отрасли – моложе 40 лет (по стране в целом – 46,7%)» (Сушко, 2019; Камарова, Баранова, 2022). В обзоре Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ уточнено, что «самый молодой кадровый состав – в организациях, оказывающих IT-услуги (свыше 70% работников моложе 40 лет), а самый возрастной – в производстве ИКТ-оборудования (около 45%)».

В исследованиях отмечается, что состав ИКТ-специалистов (более широкой группы, чем IT-специалисты), согласно данным Росстата за 2022 год, представлен значительным доминированием мужчин⁶. Одной из причин этого дисбаланса является стремление работодателей нанять на работу мужчин (Ахмадулин, 2015). С другой стороны, самым востребованным возрастом нанимаемых специалистов отмечается возраст от 25 до 45 лет, при этом нет особых требований работодателей к семейному положению и наличию детей, однако есть запрос на наличие высшего образования и знание английского языка на уровне чтения технической документации (Ахмадулин, 2015; Земнухова, 2013). Международный обзор (Черных, 2021) показывает такую же картину и в других странах – преобладание молодых возрастов и доминирование мужчин. Это подтверждают и зарубежные

исследователи (Patel, Parmentier, 2005; Zhang et al., 2021; Tokbaeva, Achtenhagen, 2023; Sharma, Nagaich, 2017). Статистические данные показывают, что, например, в США доля женщин-специалистов в области информационных технологий составляет 24,2%, снизившись за период с 2010 г. на 4,5%⁷. Исследователи отмечают, что стереотипы в отношении некоторых профессий с ярко выраженной принадлежностью к определенному полу (библиотекарь, медсестра, программист, инженер-строитель) наблюдаются и сегодня на разных цифровых платформах (Trout, Connolly, 2021; Singh et al., 2020).

Анализ данных HeadHunter показывает, что вакансии работодателей направлены на IT-специалистов в возрасте 26-35 лет, с законченным высшим образованием и опытом работы 3-6 лет. Почти не востребованными остаются специалисты 20-25 лет, недавно завершившие обучение (Климова, 2020). В этом проявляется еще один стереотип работодателей – недоверие к компетенциям молодежи, не имеющей опыта работы.

Несмотря на довольно широкий спектр исследований в области рынка труда в IT-сфере, остаются мало раскрытыми вопросы участия в нем женщин, особенно с семейными обязанностями, а также о том, как стереотипы о мужских и женских профессиях отражаются в механизмах поиска работы. Практически нет исследований, обобщающих ситуацию в отрасли на основе данных, полученных с помощью парсинга данных с цифровых бирж труда. Этот пробел мы попытаемся восполнить в данном исследовании.

Эмпирическую основу исследования составили данные вакансий и резюме, скачанные с платформы Superjob, по

⁶ Гендерный баланс в сфере ИТ: препринт. М.: АНО «Цифровая экономика», 2024. 21 с. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/obrazovanie-i-kadry-ii/2024_gendernyy_balans_v_sfere_it_ano_cifrovaya_e_konomika/ (дата обращения 30.10.2024).

⁷ What percentage of Information Technology Specialists are female? URL: <https://www.zipppia.com/answers/what-percentage-of-information-technology-specialists-are-female/> (дата обращения 30.10.2024).

состоянию на август 2023 года⁸. Общий массив данных включал в себя перечень актуальных вакансий и резюме за этот период, включая IT-отрасль, по всем регионам России (всего 144751 вакансии и 106673 резюме)⁹.

В связи с техническими ограничениями скачивания данных со стороны сайта (не более 500 вакансий или резюме за один поисковый запрос), общая выгрузка реализована случайно-вероятностным образом, методом перебора параметров: сфер деятельности для вакансий, и возраста – для резюме. Это позволило сформировать оптимальный набор данных, отражающий разнообразие сфер деятельности (специальностей и профессий) и полный спектр возрастов потенциальных работников. Исключены из анализа вакансии и резюме, нацеленные на работу за пределами страны, неактуальные профили пользователей, профили с отсутствующими важными характеристиками для анализа.

Из общей случайно-вероятностной выборки нами выделен массив данных, состоящий из 4225 резюме и 2533 вакансий, относящихся к IT-сфере российского сегмента на платформе Superjob, что соответственно составило 3% всех резюме и 2,4% всех вакансий на этой цифровой бирже труда (напомним, доля IT-сферы в общей структуре занятого населения России составляет примерно столько же – 2,3%). В соответствии с антидискриминационными требованиями, в вакансиях не указывается предпочитаемый работодателями пол соискателя. Поэтому исследование построено преимущественно на данных

резюме. Таким образом, полученная совокупность резюме, относящихся к IT-сфере, характеризуется следующим образом: 74% соискателей – мужчины, 26% – женщины. Структура соискателей по уровню образования абсолютно идентична: 74% имеют высшее образование, 9% – неполное высшее, 14% – среднее специальное, 3% – среднее.

Поскольку полная (большая) выборка вероятностным образом воспроизводит характеристики генеральной совокупности, часть этой выборки тоже отражает ключевые характеристики (в том числе пол и категории специальности). Вместе с тем, отсутствие точных и устойчивых во времени статистических данных о распределении вакансий по категориям специальностей в IT-сфере, а также соотношении мужчин и женщин в них, не позволяют судить о репрезентации данных по всему рынку труда IT-специалистов. В данной работе проведен анализ данных резюме и вакансий на конкретной цифровой платформе в конкретный, относительно стабильный период – в августе 2023 года. Мы осознаем возможность изменений в структуре данных, связанных с динамичностью самой сферы, влиянием различных факторов (геополитических, институциональных, сезонных и пр.), однако нами не ставилась задача проанализировать влияние этих факторов на динамику рынка труда IT-специалистов. С учетом предварительного изучения данных Headhunter, Росстата и других источников научной литературы, предполагается, что полученные данные отражают общие тенденции и базовые характеристики рынка

⁸ Анализ динамики количества вакансий и резюме на сайте hh.ru за 2021-2023 гг. не выявил сильных сезонных колебаний. Так, данные о конкуренции специалистов на IT специальности в 2021 г. колебался примерно на том же уровне с мая по декабрь, в 2023 году – с апреля по декабрь. В 2022 году резкий рост конкуренции обусловлен геополитической ситуацией, установлением мобилизационной брони для IT специалистов. В связи с высокой стоимостью скачивания данных за

12 месяцев, было принято решение о получении среза данных за один месяц.

⁹ Парсинг данных осуществлен исследовательской группой Ассоциации «Университетский консорциум исследователей больших данных» по коммерческому договору в рамках реализации проекта, парсеры (программные коды для скачивания данных) представляют собой коммерческую тайну и не раскрываются исполнителем.

труда IT-специалистов и позволяют сформулировать некоторые выводы для отслеживания прогресса по вовлечению женщин в сферу IT, использовать апробированную методику для дальнейшего мониторинга ситуации и разработки на их основе практических рекомендаций.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Как показывают данные платформы Superjob в августе 2023 г., количество резюме в сфере IT превышало количество вакансий в 1,7 раз. По данным цифровой биржи труда HeadHunter (hh.ru) это соотношение составляло 7,6 раза, что согласно аналитикам hh.ru, характеризует «умеренный уровень конкуренции за рабочие места, здоровое соотношение между работодателями и соискателями»¹⁰, а коэффициент 1,7 – соответствует острому дефициту соискателей в профессиональной области.

В целом, анализируя рынок труда специалистов в сфере IT, исследователи склонны считать, что он характеризуется дефицитом кадров, который усугубляется невысоким качеством предложения труда из-за несоответствия требуемым навыкам (Новикова, Пшеничников, 2022). На платформе Superjob отношение числа резюме к предлагаемым вакансиям в IT меньше по сравнению, например, с такими сферами как консалтинг и стратегическое развитие, искусство культура и развлечения, дизайн, юриспруденция, закупки и снабжение, в которых количество резюме превышает предложение в пять и более раз.

Противоречивым фактом этой сферы деятельности является устойчиво растущий тренд среднемесячной заработной платы работников сферы ИКТ, которая как

минимум в 1,5 раза выше, чем в среднем по экономике страны (см. Рисунок 1) и медленные темпы роста численности занятых. Проблема, вероятнее всего, заключается в запаздывании подготовки соответствующих кадров относительно темпов цифровизации (Томакова, Томаков, 2022) и сохраняющемся дефиците специалистов¹¹.

Среди наиболее популярных специализаций на платформе – инжиниринг, техническая поддержка, разработка и программирование, системное администрирование и аналитика (Таблица 1). Практически не представлены такие сложные направления как Data science, работа с искусственным интеллектом, беспроводные технологии. Это может быть обусловлено несколькими взаимосвязанными причинами: число специалистов со специфическим и высоко востребованным человеческим капиталом невелико, они не нуждаются в поиске работы, а работодатели ищут их по специфическим каналам (на узкоспециализированных цифровых платформах, профессиональных мероприятиях и др.). Кроме того, не представленность этих сложных направлений на платформе Superjob объясняет более низкий уровень средних заработных плат, предлагаемых работодателями. Superjob представляет собой более массовую платформу, на которой можно найти специалиста или работу по самым разным специальностям, практически по любому виду экономической деятельности: промышленность, строительство, транспорт, государственная служба, медицина, образование, социальная сфера, культура, развлечения, маркетинг, бытовые услуги, продажи, банковская сфера и т.д.

¹⁰ Динамика резюме / вакансий в профобластях. URL: <https://stats.hh.ru/> (дата обращения 05.11.2024).

¹¹ IT-бизнес держится середины. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7180357> (дата обращения 05.11.2024)

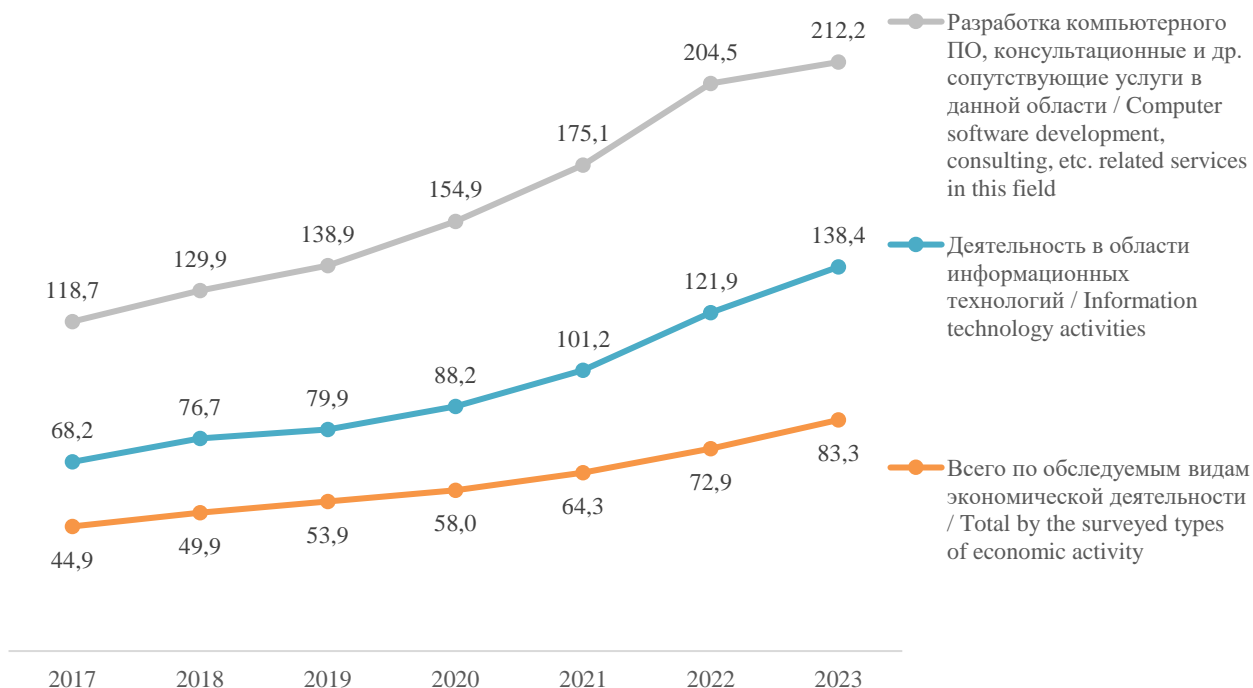

Рисунок 1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций в сфере ИТ и разработки компьютерного ПО (без субъектов малого предпринимательства) в 2017-2023 гг., тыс. руб.¹²

Figure 1. The average monthly nominal accrued salary of employees of organizations in the field of IT and computer software development (excluding small businesses) in 2017-2023, thousand rubles

Из Таблицы 1 видно, что в целом по ИТ-сфере мужских резюме в три раза больше, чем женских. При этом, такие направления как инжиниринг, программирование, системное администрирование можно назвать чисто

мужскими, в них около 90% соискателей – мужчины. Однако, есть специализации с высокой долей женщин – они чаще ищут работу, связанную с разработкой контента (59,3% резюме) или технической документации (68,9%).

¹² Источник: Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). URL: <https://fedstat.ru/indicator/57823/> (дата обращения: 05.11.2024)

Таблица 1
Распределение резюме специалистов по полу и средний уровень заработных плат
по резюме и вакансиям на платформе Superjob¹³

Table 1
Distribution of resumes of specialists by gender and average salary level by resume
and vacancies on the Superjob platform

Специализация / Specialization	Число резюме, ед. / Number of resumes, units	В том числе:				Ср. зарплата, тыс. руб. / Average salary, thousand RUB.	
		Мужчин / Men		Женщин / Woman			
		число, ед. / number, units	доля, % / share, %	число, ед. / number, units	доля, % / share, %	по резюме / by resumes	по вакансиям / by vacancies
Инжиниринг / Engineering	755	674	89,3	81	10,7	94,5	88,0
Техническая поддержка / Technical Support	688	380	55,2	308	44,8	60,0	29,7
Разработка, программирование / Development, Programming	498	434	87,1	64	12,9	96,3	134,9
Системное администрирование / System Administration	428	414	96,7	14	3,3	71,3	62,2
Аналитика / Analytics	269	167	62,1	102	37,9	82,7	96,9
Тестирование, QA / Testing, QA	211	142	67,3	69	32,7	62,2	-
Контент / Content	194	79	40,7	115	59,3	50,6	50,0
Администрирование баз данных / Database Administration	170	133	78,2	37	21,8	84,4	90,5
Техническая документация / Technical Documentation	161	50	31,1	111	68,9	47,7	82,4
Web-верстка / Web Design	144	110	76,4	34	23,6	65,4	90,0
Игровое ПО, Геймдев / Game Software, Game Development	113	93	82,3	20	17,7	74,2	25,7
Телекоммуникации и связь / Telecommunications and Communication	77	67	87,0	10	13,0	69,5	64,9
Передача данных и доступ в интернет / Data Transmission and Internet Access	55	52	94,5	3	5,5	84,1	67,4
Сетевые технологии / Networking Technologies	50	48	96,0	2	4,0	90,3	73,8

¹³ Источник: данные платформы Superjob, август 2023 г.

Компьютерная анимация и мультимедиа / Computer Animation and Multimedia	45	33	73,3	12	26,7	51,4	60,0
Оптимизация, SEO / Optimization, SEO	37	28	75,7	9	24,3	81,8	-
Начало карьеры, мало опыта / Entry-level, little experience	36	27	75,0	9	25,0	51,8	59,8
Интернет, создание и поддержка сайтов / Internet, Website Creation and Maintenance	35	23	65,7	12	34,3	81,0	88,0
Управление проектами / Project Management	30	18	60,0	12	40,0	129,5	-
Мобильная разработка / Mobile Development	28	23	82,1	5	17,9	97,3	-
Внедрение и сопровождение ПО / Software Implementation and Support	23	16	69,6	7	30,4	73,0	127,0
Разработка и сопровождение банковского ПО / Development and Support of Banking Software	17	17	100,0	0	0,0	90,5	102,5
Другое / Other	133	82	61,7	51	38,3	93,5	76,0
Всего по IT / Total in IT	4197	3110	74,1	1087	25,9	77,0	70,6

Примечания: «-» - нет данных; в таблицу не вошли данные по специальностям «информационная безопасность» (11 резюме) и «управление продуктом» (12 резюме) из-за малого количества резюме.

Женщины нередко представляют спрос на вакансии аналитиков, тестировщиков, разработчиков сайтов и их администраторов, на работу, связанную с внедрением и сопровождением программного обеспечения, управления проектами – более 30% резюме в этих направлениях принадлежат им.

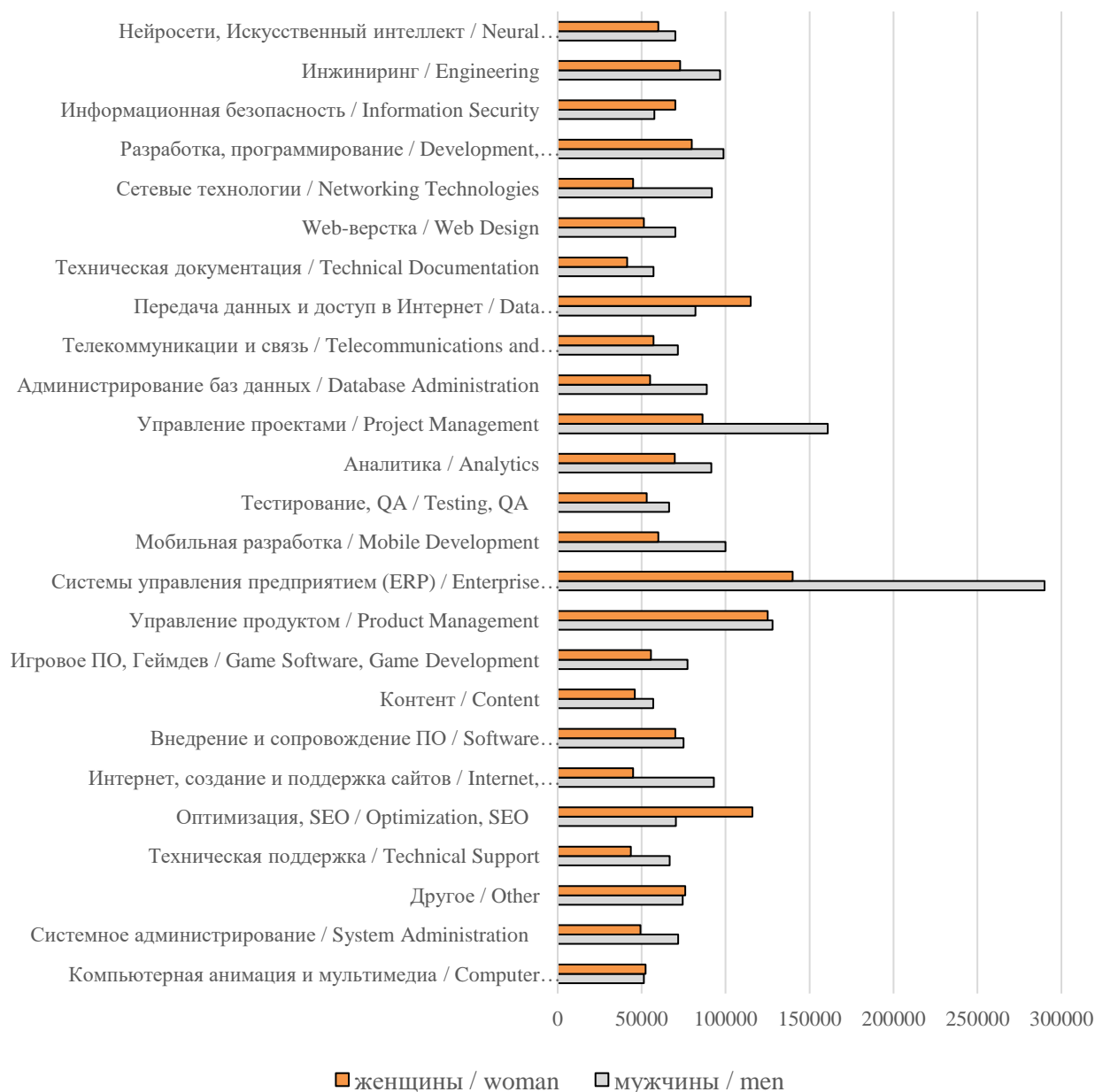
Заметим, что, как и по уровню сложности работы (или порогу входа в специальность), так и запрашиваемого соискателями размера заработной платы, направления с высокой долей женщин имеют меньшие показатели. Так, средний уровень заработной платы, на который претендуют как мужчины, так и женщины по направлениям «техническая документация» и «контент» составляет

48-51 тыс. руб., хотя средний уровень заработных плат в публикуемых вакансиях достигает 82 тыс. руб. Верхние границы как запрашиваемых, так и предлагаемых заработных плат в более «мужских» направлениях выше (Таблица 2).

Более подробный анализ различий по направлениям резюме также показывает, что женщины в целом менее притязательны в своих требованиях при поиске работы в IT-сфере. Так, из рисунка 2 видно, что только в трех из 26 направлений (по которым удалось сделать сопоставления) средние желаемые уровни заработных плат у женщин выше, чем у мужчин – это «оптимизация, SEO», «передача данных и доступ в Интернет» и «информационная безопасность». Даже в тех направлениях, в

которых высока доля соискателей-женщин (техническая поддержка, разработка контента, техническая документация и др.), требования к размеру заработной платы у женщин ниже, чем у мужчин. В

среднем по IT-сфере, по данным платформы Superjob, уровень указываемых в резюме заработных плат у женщин составил 58,4 тыс. рублей, у мужчин – 83,3 тыс. руб. (выше в 1,4 раза).

Примечание: некоторые направления не указаны в связи с очень малым числом резюме или отсутствием данных по мужчинами или женщинам

Рисунок 2. Средний уровень заработных плат по резюме мужчин и женщин в зависимости от специальности, август 2023 г.¹⁴
Figure 2. Average salary levels by resumes of men and women depending on the specialty, August 2023

¹⁴ Источник: данные платформы Superjob, август 2023 г.

Различия в желаемых, а точнее в указываемых мужчинами и женщинами в резюме, уровнях заработной платы проявляются и в региональном разрезе. Во всех 12 регионах¹⁵ РФ, где общее число резюме (мужчин и женщин) превышало 50 человек, женщины указывали меньшие суммы. При этом в некоторых регионах отношение указываемых в резюме средних

уровней заработных плат достигает 2,6 раз в пользу мужчин (Таблица 2). Можно предположить, что различия в зарплатных ожиданиях менее выражены в регионах с большим объемом рынка труда IT-специалистов. Однако, данная гипотеза требует дальнейшего исследования и уточнения.

Средний уровень заработных плат по резюме мужчин и женщин¹⁶ Таблица 2

Average salary levels by resumes of men and women Table 2

N	Регион / Region	Число резюме, ед. / Number of resumes, units	в том числе / Including:		Средняя зарплата по резюме, руб. / Average salary by resumes, RUB		Отношение зарплат по резюме, раз / Difference in salaries between men and women by resumes.
			Мужчины / Men	Женщины / Women	Мужчины / Men	Женщины / Women	
1	г. Москва и Московская область / Moscow and Moscow Region	1770	1378	392	89326	66686	1,3
2	г. Санкт-Петербург и Ленинградская область / Saint Petersburg and Leningrad Region	881	664	217	79412	59974	1,3
3	Республика Башкортостан / Republic of Bashkortostan	187	138	49	91671	58077	1,6
4	Краснодарский край / Krasnodar Krai	163	107	56	70104	53889	1,3
5	Тюменская область, включая автономные округа / Tyumen Region, including Autonomous Okrug	118	86	32	95541	41000	2,3
6	Самарская область / Samara Region	106	63	43	68563	45538	1,5
7	Ростовская область / Rostov Region	74	61	13	65111	44167	1,5

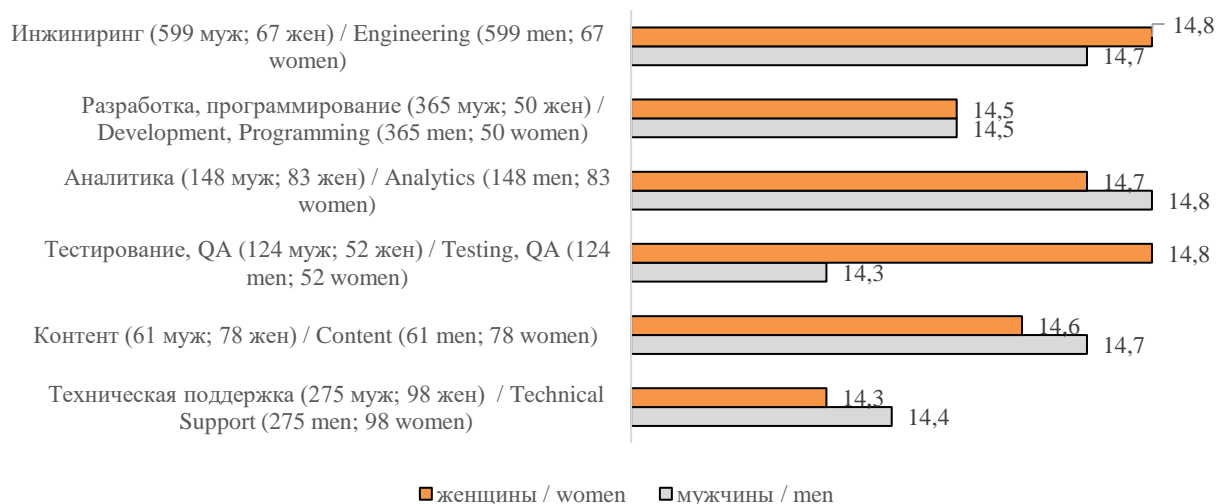
¹⁵ Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область на платформе Superjob представлены как единые пространства (регионы).

¹⁶ Источник: данные платформы Superjob, август 2023 г.

8	Свердловская область / Sverdlovsk Region	84	61	23	67581	44167	1,5
9	Хабаровский край / Khabarovsk Krai	78	59	19	69742	38750	1,8
10	Иркутская область / Irkutsk Region	81	59	22	76379	58571	1,3
11	Нижегородская область / Nizhny Novgorod Region	58	31	27	90071	35000	2,6
12	Саратовская область / Saratov Region	53	29	24	60909	23750	2,6

Как показал анализ мужских и женских резюме в IT-сфере на платформе Superjob, структура соискателей по уровню образования практически одинаковая: 74% имеют высшее образование, 9% – неполное высшее, 14% – среднее специальное, 3% –

среднее. Для более удобного представления и сравнения различий в уровне образования соискателей мужчин и женщин нами рассчитаны средние показатели продолжительности обучения, не важно по специальности или нет (Рисунок 3).

Примечания: 1) при расчете средней продолжительности обучения использованы следующие коэффициенты: высшему образованию условно соответствует 15 лет обучения, незаконченному высшему - 14, среднему профессиональному - 13, полному среднему – 11; 2) Расчеты произведены только для тех направлений, в которых общее число резюме мужчин и женщин превышало 100 человек. В скобках после названия направления указано число мужских и женских резюме, для которых были произведены расчеты.

Рисунок 3. Средняя продолжительность обучения (уровень образования) IT специалистов по направлениям деятельности¹⁷

Figure 3. Average duration of training (Level of Education) of IT professionals by types of activity

Расчеты не показали больших различий в уровне образования IT-специалистов в разрезе направлений и пола. Практически во всех направлениях IT сферы, представленных на Рисунке 3, средняя продолжительность обучения

составляет более 14 лет, что является довольно высоким показателем качества человеческого капитала. Вместе с тем, можно увидеть, что в сфере тестирования и QA уровень образования женщин заметно выше, чем в среднем у соискателей-

¹⁷ Источник: данные платформы Superjob, август 2023 г.

мужчин. Это также может свидетельствовать о более низком пороге входа в специализацию. Разницу в средней продолжительности обучения в 0,1 величины считаем незначительной. Таким образом, можно утверждать, что несмотря на одинаковый уровень образования, наблюдаются существенные различия в механизме ценообразования на труд в сфере ИКТ и в доступе к рабочим местам. Это лежит в основе низких притязаний женщин по уровню заработных плат и является причиной ограниченного доступа в отдельные направления ИТ сферы, что должно стать предметом дальнейших исследований.

Гипотеза о том, что женщины больше ценят и соответственно ищут гибкие режимы занятости, частично подтверждается: сменный график, неполный рабочий день или частичную занятость предпочитают 23% женщин и только 12% мужчин. Вместе с тем, как и мужчины, большинство женщин предпочитают постоянную работу на полный рабочий день. При этом, около 4% женщин не указали в резюме определенный график работы, что на наш взгляд, может свидетельствовать о согласии на любой график. Мужчины в этом отношении более требовательны (Таблица 3).

Таблица 3

Распределение мужских и женских резюме в ИТ-сфере на платформе Superjob по приоритету режима занятости¹⁸

Table 3

Distribution of male and female resumes in the IT sector on the Superjob platform by employment mode priority

Режим занятости / Employment Mode	Мужчины / Men		Женщины / Women	
	Человек / Human	доля, % / percentage, %	Человек / Human	доля, % / percentage, %
Не определено / Not specified	51	2	26	4
Полный рабочий день / Full-time	1865	83	471	73
Вахтовый метод / Rotational	70	3	1	0
Сменный график / Shift work	69	3	43	7
Неполный рабочий день / Part-time	199	9	95	15
Временная работа / Temporary work	2	0	0	0
Частичная занятость / Casual employment	3	0	5	1
Итого / Total	2259	100	641	100

Заключение (Conclusions). Задача ускоренного и массового внедрения цифровых технологий в экономике и социальной сфере обнажила проблему кадрового дефицита в сфере ИТ, которая одновременно сочетается с низким уровнем участия женщин в ней, профессиональной

сегрегацией и значительным разрывом в оплате труда. Признание актуальности проблемы на национальном уровне отражается в запуске программы «Женщины в ИТ», целевой аудиторией которой являются все желающие женщины и особенно уязвимые категории –

¹⁸ Источник: данные платформы Superjob, август 2023 г.

безработные, матери детей в возрасте до 3 лет, жены военнослужащих. На внутрифирменном уровне важность решения проблемы проявляется в проявлении заботы работодателей (Ростовская, Шабунова, Багирова, 2021) о семейных обязанностях работников, что наглядно показывают результаты социологического исследования, проведенного НАФИ. Согласно этому опросу, большинство работающего населения (65%) считает, что «меры корпоративной поддержки семейных сотрудников могут повлиять на желание женщины завести ребенка». При этом отмечается, что «дополнительную помощь семейным сотрудникам оказывают 54% российских работодателей, чаще всего – это компании ИТ-сферы» (71%)²⁰.

Таким образом, с одной стороны, женщины рассматриваются в качестве резерва пополнения кадров в сфере ИТ, с другой стороны, исследования убедительно показывают сохранение стереотипов и барьеров входа в эту отрасль для женщин. Проведенное нами эмпирическое исследование подтвердило это и выявило, что проблемы неравенства мужчин и женщин в сфере ИТ не определяются только внешними факторами, такими как предпочтения работодателей, но и являются результатом воздействия некоторых внутренних механизмов самопозиционирования на рынке труда – женщины изначально выбирают менее «мужские направления», проявляют меньшие притязания к заработной плате, условиям труда, несмотря на высокий уровень образования. При этом, очевидно, что баланс семья-работа для них имеет большее значение. Существование латентных факторов, проявляющихся в особенностях предложения труда женщин в сфере ИТ требует дальнейших качественных исследований. Результаты,

полученные в ходе анализа данных резюме на платформе Superjob, позволили также предположить, что степень имеющихся диспропорций снижается в крупных городах и регионах с развитым рынком ИТ-специалистов. Однако, региональные рынки труда ИТ специалистов пока слабо развиты, и, соответственно, остаются малоизученными.

Анализ литературы показал, что самым востребованным возрастом нанимаемых специалистов является возраст 25-45 лет, когда уже имеется хороший уровень образования, опыт работы и сохраняется гибкость мышления и способность к обучению. Однако это и самый репродуктивный период жизни женщин, который с одной стороны осложняет трудовую активность, с другой – требует возможности сочетания семейных обязанностей (личной жизни) с работой. Специфика занятости в сфере ИТ состоит в более широких возможностях дистанционного и гибкого режима труда, что актуально и для расширения доступа к занятости за пределами своих населенных пунктов и регионов.

Исследование выявило противоречие между опережающими темпами роста заработной платы и запаздывающим ростом численности занятых в сфере ИТ. Оно объясняется кадровым голодом и отставанием в подготовке нужных специалистов со специфическими знаниями и часто с высшим образованием. Однако, некоторые авторы отмечают, что имеющиеся стереотипы и предпосылки к образованию диспропорций, формируются уже в семье, либо в процессе обучения в школе, когда данные стереотипы о профессиях и социальных ролях транслируются через учебники (Хасбулатова, Смирнова, 2020), и реализуются на этапе выбора профессии и поступления в вузы.

²⁰ Исследование ПСБ и НАФИ: работодатели ИТ-индустрии чаще других стимулируют своих сотрудников к созданию семьи и рождению детей.

URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6591998> (дата обращения 05.11.2024).

Вышеотмеченное свидетельствует о том, что проблема диспропорций в современной и активно развивающейся IT сфере существует и требует разрешения. Однако, укорененность ее причин и факторов в системе стереотипов и установок указывает на необходимость системных мер и сотрудничества заинтересованных сторон. В этой связи, перспективными представляются: 1) качественные исследования, позволяющие уточнить механизмы выхода женщин на рынок труда IT-специалистов, выявить объективные и субъективные барьеры; 2) исследования данных популярных цифровых платформ в режиме мониторинга для отслеживания прогресса по вовлечению женщин в этот сегмент рынка труда; 3) фокус на изучение имеющихся корпоративных практик отбора и удержания соискателей. Эти исследовательские направления послужат информационной базой и научным обоснованием для разработки практических рекомендаций по реализации ряда ключевых национальных проектов, касающихся не только преодоления кадрового дефицита, но и более широкого вовлечения женщин в трудовую активность, повышения уровня жизни семей, решения демографических задач.

Список литературы

- Ахмадуллин А. Р. Особенности персонала и специфика трудовой деятельности в отрасли информационных технологий как основа повышения конкурентоспособности персонала // Вестник Университета. 2015. № 13. С. 165-171.
- Земнухова Л. В. IT-работники на рынке труда // Социология науки и технологий. 2013. Т. 4, № 2. С. 77-90.
- Камарова Т. А., Баранова Н. В. Оценка развития цифровой занятости на рынке труда на примере IT-отрасли: базовые метрики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2022. Т. 15, № 6. С. 199-214. DOI: 10.15838/esc.2022.6.84.12.
- Климова Ю. О. Анализ кадровой обеспеченности отрасли информационных технологий на федеральном и региональном уровнях // Вестник ОмГУ. Серия: Экономика. 2020. № 1. С. 126-138. DOI: [https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18\(1\).126-138](https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020.18(1).126-138).
- Нетреба П. Н., Каткова Е. В., Еремина Н. И., Асатуров Р. Б., Кириллова А. А. IT-отрасль: трудовые ресурсы // Экономика России: аспекты глобального трансформационного сдвига. Отв. ред.: П. Н. Нетреба; П. В. Орехин. Москва: НИУ ВШЭ, 2022. Вып. 1. 44 с.
- Новикова Е. В., Пшеничников Н. В. Современные тренды российского рынка труда в сфере информационных технологий // Экономика труда. 2022. Т. 9, № 6. С. 1019-1030. DOI: <https://doi.org/10.18334/et.9.6.114934>.
- Ростовская Т. К., Шабунова А. А., Багирова А. П. Концепция корпоративной демографической политики российских организаций в контексте социальной ответственности бизнеса // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 5. С. 151-164. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>.
- Сектор ИКТ в 2021 году: на пике роста в преддверии новых условий: экспресс-информация ИСИЭЗ НИУ ВШЭ / Г. И. Абдрахманова, Т. С. Зинина, Г. Г. Ковалева, М. С. Фролов. Вып. № 56 (240). 2022. URL: <https://issek.hse.ru/news/655861546.html> (дата обращения 29.10.2024).
- Сушко П. Е. IT-специалисты на российском рынке труда: контуры группы и место в структуре занятости // Будущее сферы труда: глобальные вызовы и региональное развитие: сборник статей Международного форума «Будущее сферы труда: достойный труд для всех» (г. Уфа, 4-5 февраля 2019 г.) / под ред. Г. Р. Баймурзиной, Р. М. Валиахметова. Уфа: Мир Печати, 2019. С. 238-242.
- Томакова Р. А., Томаков В. И. Российский рынок труда в сфере информационных технологий в 2021 году // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. 2022. Т. 12, № 1. С. 150-166. DOI: <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166>.
- Черных Е. А. Социально-демографические характеристики и качество занятости платформенных работников в России и мире // Экономические и социальные

перемены: факты, тенденции, прогноз. 2021. Т. 14, № 2. С. 172-187. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.11>

Хасбулатова О. А., Смирнова И. Н. Гендерные стереотипы в цифровом обществе: современные тенденции // Народонаселение. 2020. Т. 23, № 2. С. 161-171. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14>.

Patel R., Parmentier M.J.C. The Persistence of Traditional Gender Roles in the Information Technology Sector: A Study of Female Engineers in India. March 2005 // Information Technologies and International Development. Vol. 2, № 3. Pp. 29-46. DOI: <https://doi.org/10.1162/1544752054782457>.

Sharma S. & Nagaich S. Does the Gender Matters in IT Industry // Electronic Journal. 2017. DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.3092088>.

Singh V. K., Chayko M., Inamdar R., Floegel D. Female librarians and male computer programmers? // Gender bias in occupational images on digital media platforms. 2020. Vol. 71, № 11. Pp. 1281-1294. DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.24335>.

The demand for AI skills in the labor market / Alekseeva L., Azar J., Giné M., Samila S., Taska B. // Labour Economics. 2021. Vol. 71, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2021.102002>.

Tokbaeva D., Achtenhagen L. Career resilience of female professionals in the male-dominated IT industry in Sweden: Toward a process perspective. Gender, Work & Organization. 2023. Vol. 30, № 1. Pp. 223-262. DOI: <https://doi.org/10.1111/gwao.12671>.

Trout E., Connolly R. Exploring the nature of changes in factors affecting gender equality in IT: A longitudinal study of women in Ireland // MIS Quarterly. 2021. Vol. 45, № 4. URL: <https://aisel.aisnet.org/misq/vol45/iss4/18/> (дата обращения 29.10.2024).

Zhang Y., Gros T., Mao E. Gender Disparity in Students' Choices of Information Technology Majors // Business Systems Research. 2021. Vol. 12, № 1. Pp. 80-95. DOI: <https://doi.org/10.2478/bsrj-2021-0006>.

References

Ahmadullin, A. R. (2015), "Features of personnel and the specifics of labor activity in the information technology industry as the basis for increasing the competitiveness of personnel", *Vestnik Universiteta*, (13), 165-171. (In Russian)

Zemnukhova, L. V. (2013), "IT-workers at the labour market", *Sociologija nauki i tehnologij*, 4 (2), 77-90. (In Russian)

Kamarova, T. A. and Baranova, N. V. (2022), "Assessing the development of digital employment in the labor market on the example of the IT sector: Basic metrics", *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 15 (6), 199-214, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2022.6.84.12>. (In Russian)

Klimova, Yu. O. (2020), "Analysis of staffing in the information technology industry at the federal and regional levels.", *Herald of Omsk University. Series "Economics"*, (1), 126-138, DOI: <https://doi.org/10.24147/1812-3988.2020>. (in Russian).

Netreba, P. N., Katkova, E. V., Eremina, N. I., Asaturov, R. B. and Kirillova, A. A. (2022), "IT industry: human resources", *Jekonomika Rossii: aspekty global'nogo transformacionnogo sdviga* [The Russian Economy: aspects of the global transformational shift], in Netreba, P. N. and Orekhin, P. V. (eds.), HSE University, Moscow, Russia. (in Russian).

Novikova, E. V. and Pshenichnikov, N. V. (2022), "Modern trends of the Russian labour market in the field of information technology", *Jekonomika truda*, 9 (6), 1019-1030, DOI: <https://doi.org/10.18334/et.9.6.114934>. (in Russian).

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A. and Bagirova, A. P. (2021), "The concept for corporate demographic policy of Russian enterprises in the framework of corporate social responsibility", *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 14 (5), 151-164, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.5.77.9>

Abdrahmanova, G. I., Zinina, T. S., Kovaleva, G. G. and Frolov, M. S. (2022), *Sektor IKT v 2021 godu: na pike rosta v preddverii novyh uslovij: jekspress-informacija ISIJez NIU VShJe* [The ICT sector in 2021: at the peak of growth in anticipation of new conditions: Express information of the HSE University], 56 (240), [Online], available at: <https://issek.hse.ru/news/655861546.html> (Accessed 29 October 2024).

Sushko, P. E. (2019), "IT workers on the Russian labor market: the contours of the group and their place in the employment structure", *Budushhee sfery truda: global'nye vyzovy i*

regional'noe razviti [The Future of work: global challenges and regional development], collection of articles of the International Forum Future of work: decent work for all], in Baimurzina, G. R., Valiakhmetov, R. M. (eds.), Mir Pechati, Ufa, Russia, 238-242. (in Russian)

Tomakova, R. A. and Tomakov V. I. (2022), "The Russian Labor Market in the Information Technology Industry in 2021", *Izvestija Jugozapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 12 (1), 150-166, DOI: <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2022-12-1-150-166>. (in Russian).

Chernykh, E. A. (2021), "Socio-demographic characteristics and quality of employment of platform workers in Russia and the world", *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz*, 14 (2), 172-187, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2021.2.74.11>. (in Russian).

Khasbulatova, O. A. and Smirnova, I. N. (2020), "Gender stereotypes in digital society: modern tendencies", *Narodonaselenie*, 23 (2), 161-171, DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2020.23.2.14>. (in Russian).

Patel, R., Parmentier, M. J. C. (2005), "The Persistence of Traditional Gender Roles in the Information Technology Sector: A Study of Female Engineers in India", *Information Technologies and International Development*, 2 (3), 29-46. DOI: <https://doi.org/10.1162/1544752054782457>.

Sharma, S. and Nagaich, S. (2017), "Does the Gender Matters in IT Industry", *Electronic Journal*, DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.3092088>.

Singh, V. K., Chayko, M., Inamdar, R. and Floegel, D. (2020), "Female librarians and male computer programmers?", *Gender bias in occupational images on digital media platforms*, 71 (11), 1281-1294, DOI: <https://doi.org/10.1002/asi.24335>.

Alekseeva, L., Azar, J., Giné, M., Samila, S. and Taska, B. (2021), "The demand for AI skills in the labor market", *Labour Economics*, 71, DOI: <https://doi.org/10.1016/j.labeco.2021.102002>

Tokbaeva, D. and Achtenhagen, L. (2023), "Career resilience of female professionals in the male-dominated IT industry in Sweden: Toward a process perspective", *Gender, Work &*

Organization, 30 (1), 223-262, DOI: <https://doi.org/10.1111/gwao.12671>.

Trout, E. and Connolly, R. (2021), "Exploring the nature of changes in factors affecting gender equality in IT: A longitudinal study of women in Ireland", *MIS Quarterly*, 45 (4), 2055-2100, [Online], available at: <https://aisel.aisnet.org/misq/vol45/iss4/18/> (Accessed 29 October 2024).

Zhang, Y., Gros, T. and Mao, E. (2021), "Gender Disparity in Students' Choices of Information Technology Majors", *Business Systems Research*, 12 (1), 80-95, DOI: <https://doi.org/10.2478/bsrj-2021-0006>.

Статья поступила в редакцию 11 октября 2024 г. Поступила после доработки 30 октября 2024 г. Принята к печати 01 декабря 2024 г. Received 11 October 2024. Revised 30 October 2024. Accepted 01 December 2024.

Конфликты интересов: у авторов нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the authors have no conflict of interest to declare.

Баймурзина Гузель Римовна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник управления научных исследований и разработок Уфимского университета науки и технологий; ведущий научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук, Уфа, Россия.

Guzel R. Baimurzina, Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher at the Department of Scientific Research and Development of the Ufa University of Science and Technology; Leading Researcher at the Institute of Sociology of the Federal Center for Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

Леонидова Галина Валентиновна, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник управления научных исследований и разработок Уфимского университета науки и технологий; ведущий научный сотрудник Вологодского научного центра Российской академии наук, Уфа, Россия.

Galina V. Leonidova, Cand. Sc. (Econ.), Leading Researcher at the Department of Scientific Research and Development of the Ufa University of Science and Technology; Associate Professor, Leading Researcher at the Vologda Research Center of the Russian Academy of Sciences, Ufa, Russia.

Батталова Алсу Ильшатовна, стажер-исследователь управления научных исследований и разработок Уфимского университета науки и технологий, Уфа, Россия.
Alsu I. Battalova, Intern Researcher at the Department of Scientific Research and Development of the Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia.

УДК 314.32

DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-2

Оригинальная статья

Гайдукова Г. Н.

**Моделирование брачного и семейного поведения
сельского населения: статистический
и социологический анализ**

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии
народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Средний проспект Васильевского острова,
дом 57/43, Санкт-Петербург, 199178, Россия
sgn04@yandex.ru

Аннотация. *Актуальность* заявленной проблематики исследования определяется особой ролью брачного и семейного поведения населения в обеспечении социально-демографической безопасности сельских территорий. Выступая элементами целостной модели демографического поведения, они определяют не только количественные и качественные характеристики демографического потенциала сельской местности, но и оказывают непосредственное влияние на репродуктивное поведение жителей. Глобальные социальные изменения, рост мобильности населения, процессы урбанизации и культурной трансформации обусловили ослабление семьи как социального института общества, изменение её места в ценностных ориентациях. *Научная проблема* заключается в противоречии между значительными изменениями моделей брачного и семейного поведения сельских сообществ в России, обусловленных насыщением их нетрадиционными элементами, которые меняют сущностные характеристики семьи как социального института, и дефицитом обоснования механизмов и последствий данного процесса для воспроизводства сельских территорий и общества в целом. Постановка и перспективы решения проблемы связаны с необходимостью эмпирически проанализировать и обосновать ключевые тенденции изменения брачного и семейного поведения населения сельских территорий Центрально-Черноземного экономического района. Для концептуализации в работе были использованы общие и частные *методы* научного исследования (анализ, синтез, аналогия, сравнение, конкретизация, метод формально-логического анализа, графический, структурно-функциональный методы), а также статистический (сводка и группировка материалов статистического наблюдения, построение рядов динамики) и комплекс социологических методов исследования (анкетный опрос, глубинное экспертное интервью, фокус-группы). *Научные результаты.* Осмысление специфики процессов воспроизводства населения на основе использования статистических исследования позволяет сделать вывод о существенной трансформации модели матримониального поведения населения сельских территорий, обусловленной совокупностью социальных, экономических, эпидемиологических и геополитических факторов демографического воспроизводства. Применение социологических методов позволило дополнить проведенный анализ и обосновать основные тенденции в изменении брачного и семейного поведения сельских жителей. *Выводы.*

Кризисные тенденции демографического развития и геополитическая напряженность, особо характерная для приграничных сельских территорий Белгородской и Курской областей, оказывают существенное влияние на трансформацию моделей семейного и брачного поведения населения. Проведенный анализ свидетельствует о продолжающемся нивелировании значимости института семьи и брака, девальвации семейных отношений (по данным статистических источников) при одновременном декларировании высокой значимости семьи как традиционной ценности (по данным социологических исследований). Такая тенденция не только сокращает уровень рождаемости, но и не дает молодому поколению на опыте своих родителей сформировать устойчивые семейные ценности, что вероятнее всего приведет в будущем к углублению кризисных явлений в демографической сфере общества.

Ключевые слова: сельское население; брачного (матримониальное) поведение; семейное поведение; демографические тенденции; моделирование

Информация для цитирования: Гайдукова Г. Н. Моделирование брачного и семейного поведения сельского населения: статистический и социологический анализ // Научный результат. Социология и управление. 2024. Т. 10, № 4. С. 226-243. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-2

Original article

Galina N. Gaidukova

**Modeling marital and family behavior of the rural population:
statistical and sociological analysis**

RANEPА St. Petersburg – Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
57/43 Sredny Ave., Vasilievsky Island, St. Petersburg, 199178, Russia
sgn04@yandex.ru

Abstract. The *relevance* of the stated research problem is determined by the special role of marital and family behavior of the population in ensuring the socio-demographic security of rural areas. Acting as elements of a holistic model of demographic behavior, they determine not only the quantitative and qualitative characteristics of the demographic potential of rural areas, but also have a direct impact on the reproductive behavior of residents. Global social changes, increased population mobility, urbanization and cultural transformation processes have led to the weakening of the family as a social institution of society, a change in its place in value orientations. *The scientific problem* lies in the contradiction between significant changes in the models of marital and family behavior of rural communities in Russia, caused by their saturation with non-traditional elements that change the essential characteristics of the family as a social institution, and the lack of justification for the mechanisms and consequences of this process for the reproduction of rural areas and society as a whole. The formulation and prospects for solving the problem are associated with the need to empirically analyze and substantiate the key trends in changing marital and family behavior of the population of rural areas of the Central Black Earth Economic Region. For conceptualization in the work, general and specific *methods* of scientific research (analysis, synthesis, analogy, comparison, concretization, the method of formal-logical analysis, graphic, structural-functional methods), as well as statistical (summary and grouping of statistical observation

materials, construction of dynamic series) and a set of sociological research methods (questionnaire survey, in-depth expert interview, focus groups) were used. *Research Results*. Understanding of specifics of population reproduction processes based on statistical research allows to draw a conclusion about significant transformation of model of matrimonial behavior of rural population caused by totality of social, economic, epidemiological and geopolitical factors of demographic reproduction. Application of sociological methods allowed to supplement the conducted analysis and substantiate main tendencies in change of marital and family behavior of rural residents. *Conclusions*. Crisis tendencies of demographic development and geopolitical tension, especially characteristic for border rural territories of Belgorod and Kursk regions, have significant influence on transformation of models of family and marital behavior of population. The conducted analysis shows the continuing leveling of the importance of the institution of family and marriage, the devaluation of family relations (according to statistical sources) while simultaneously declaring the high importance of the family as a traditional value (according to sociological research). This trend not only reduces the birth rate, but also prevents the younger generation from forming stable family values based on the experience of their parents, which will most likely lead to a deepening of the crisis in the demographic sphere of society in the future.

Keywords: rural population; marital (matrimonial) behavior; family behavior; demographic trends; modeling

Information for citation: Gaidukova, G. N. (2024), "Modeling marital and family behavior of the rural population: statistical and sociological analysis", *Research Result. Sociology and Management*, 10 (4), 226-243. DOI: 10.18413/2408-9338-2024-10-4-1-2

Введение (Introduction).

Актуальность исследования брачного и семейного поведения сельского населения в рамках моделирования демографических тенденций обусловлена множеством факторов, влияющих на модернизацию института семьи и его роли в обеспечении демографической безопасности сельских территорий. В последние десятилетия наблюдается значительная трансформация семейных структур, что связано с изменениями экономических, социальных и культурных условий, усугубленных пандемией Covid-19 и проведением специальной военной операции. Авторы исследования «Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад – 2023» справедливо отмечают, что «в условиях новой волны депопуляции, связанной с эпидемиологическими и геополитическими вызовами, поведенческая детерминация

демографической безопасности, несомненно, сохраняет свою актуальность. Социальные потрясения 2020-2022 гг. требуют глубокого осмысления с точки зрения реакции общества, особенно в семейно-детной сфере, и поиска новых возможностей преодоления депопуляции, обеспечения демографического благополучия страны» (Демографическое самочувствие, Ростовская, Шабунова, 2024: 9).

В условиях глобализации и урбанизации происходят изменения в традиционных взглядах на брак: возрастает доля людей, предпочитающих «свободные» отношения, увеличивает количество разводов, после которых население не стремится вступить в новые отношения. Особо остро данные процессы протекают в молодежной среде, где «молодые люди чаще ставят свои интересы и карьерные ожидания выше семейных. Вместо традиционной семьи молодое поколение

предпочитает альтернативную форму отношений – внебрачные связи, т. е. сожительство. Большинство молодых людей находят в нем больше плюсов, чем в официальной регистрации отношений» (Семенцова, 2022: 111).

Брачное (матримониальное) и семейное поведение выступает ключевым элементом всей модели демографического поведения сельских жителей и определяет специфику ее репродуктивной, миграционной и самосохранительной составляющей. Нельзя не согласиться с мнением Т. К. Ростовской и А. А. Шабуновой о том, что «в современных условиях в детерминации демографических процессов усиливается влияние поведенческого фактора, а именно демографического поведения населения. Так, параметры рождаемости во многом определяются демографическими (репродуктивными, брачными) и здоровьесберегающими установками, том числе к своему репродуктивному здоровью» (Shabunova, Rostovskaya, 2020: 40).

Однако, семья, как важнейший социальный институт, в настоящее время переживает глубокий кризис. Причины кризиса разны и многоаспектны. Это и общие глобальные социальные изменения, рост мобильности населения, процессы урбанизации и культурной трансформации, которые ведут за собой расшатывание «семейных устоев». Эти и многие другие факторы обусловили ослабление семьи как социального института общества, изменение её места в ценностных ориентациях.

Таким образом, в условиях высочайшей турбулентности и неопределенности геополитической и социально-экономической ситуации с возможностью реализации как негативных, так и позитивных сценариев, анализ сложившихся к настоящему времени моделей демографического поведения

населения сельских территорий, в том числе брачного и семейного поведения как ключевых ее составляющих, становится обязательным компонентом управления процессом воспроизводства, поскольку позволяет не только определять степень соответствия достигнутых результатов поставленным целям, но и корректировать сами цели и способы их достижения. В условиях ускорения социальных изменений и ситуативной турбулентности социальных процессов, геополитических трансформаций, формирования новых вызовов и угроз актуализируется проблематика исследования демографических процессов, в значительной степени определяющихся долгосрочными моделями демографического поведения населения, влияние которого признается в концепциях демографического перехода, в частности второго и третьего.

Методология и методы (Methodology and methods). Специфика брачного и семейного поведения населения, в том числе трансформация и модернизация института семьи, достаточно часто становится объектом исследования как в отечественной, так и в зарубежной научных сферах. Такое внимание научного сообщества обусловлено не только активно протекающими кризисными процессами в демографической сфере, но и стратегической важностью определения направлений управления воспроизводством населения как ключевого элемента обеспечения национальной безопасности любого государства. В соответствии с указом Президента РФ именно семья отнесена к традиционным российским духовно-нравственным ценностям, выступающими основой российского общества и позволяющими защищать и укреплять суверенитет России, обеспечивать единство нашей многонациональной и многоконфессиональной страны,

осуществлять сбережение народа России и развитие человеческого потенциала¹.

Большинство зарубежных исследователей отмечают, что семьи сильно различаются в зависимости от исторического периода, региона мира и социальных групп, определяемых по гендерному признаку, расе, классу, религии и т. д. В работах, раскрывающих специфику исторических изменений и глобальных различий в семейной жизни, рассматриваются отдельные семейные события или сферы, такие как партнёрские отношения, рождаемость или структура домохозяйств (Pesando, 2018; Ruggles, 2010; Therborn, 2014). Психологические аспекты построения семейных отношений, в том числе важность осознанности в их построении, отражены в работах К. R. Allen, А. E. Goldberg, А. Józefczyk, J. G. Kimmes, С. N. McDowell, К. L. Morris, С. Outler, D. Tawfiq, (Allen, Goldberg, 2024; Józefczyk, 2023; Kimmes, 2024).

Изменения в семейной динамике, вызванные возросшей нестабильностью союзов, привлекают внимание учёных: А. E. Fasang, R. J. Gruijters, S. Madhavan, Z. Van Winkle исследуют модели семейной динамики в пространстве и времени (Fasang, Gruijters, Van Winkle, 2024; Madhavan, 2024); К. McErlean – экономическую составляющую организации жизни сожительствующих пар и модели брака в разных социальных классах (McErlean, 2024); L. van den Berg, M. van Damme, D. Eggleston, S. Fife, B. Hogendoorn, С. Perez, S. Vidal, J. B. Whiting – специфику факторов инициации разводов и траектории поведения после него (Hogendoorn, Berg, 2024; Vidal, Damme, 2024; Perez, Fife, Eggleston, Whiting, 2023).

В российской науке различные аспекты семейного поведения также находятся в центре внимания демографии,

социологии и психологии. Наиболее интересными с точки зрения проблематики статьи выступают труды П. П. Великого, А. Г. Вишневского, Т. А. Гурко, Ю. В. Ковалевой, А. В. Носковой, Ж. Т. Тощенко (Вишневский, 2014; Тощенко, Великий, 2018; Гурко, 2020; Носкова, 2015). Т. К. Ростовская, А. М. Ситковский подробно исследовали множество фундаментальных демографических терминов и обосновали внедрение нового понятия – ресурсы демографического развития (Ростовская, Ситковский, 2024).

В отдельную группу исследований можно выделить работы, раскрывающий специфику различных аспектов семейного и брачного поведения молодежи. Особое внимание в трудах обращается как на установки и ценности брачно-семейного поведения молодежи (Семенцова, 2022; Сидоркина, Фадеева, 2017), так и новые модели матримониального поведения молодых людей (Ипполитова, 2012; Коблева, 2023; Благорожева, Шаповалова, 2024).

Интернет и цифровые технологии проникли во все сферы жизни людей, и семейная жизнь не стала исключением. Семейная жизнь всё больше переходит в онлайн-среду, состоящую из различных цифровых технологий, приложений и платформ, что привело к масштабным изменениям в том, как практикуется, воспринимается и структурируется семейная жизнь (Longo, 2023; Odasso, Geoffrion, 2023). Цифровизация семейной жизни происходит наряду с рядом других заметных изменений в семье, включая деинституционализацию, индивидуализацию и коммерциализацию, а также гендерную революцию в семейной жизни (Cherlin, 2004; England, 2010; Qian, Hu 2024).

Целью работы выступает попытка эмпирически проанализировать и

¹ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных

российских духовно-нравственных ценностей» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс», Ст. 5, 7.

обосновать ключевые тенденции изменения модели брачного и семейного поведения населения сельских территорий на основе методов статистического и социологического исследований, а также метода экспертных суждений. В качестве предмета анализа наиболее оптимальным представляется использование следующих социальных индикаторов: уровень брачности и разводимости, мотивация брачности, удовлетворенность состоянием брака, макросоциальные факторы брачности и разводимости, наличие семейного статуса, удовлетворенность семейными отношениями, объективные факторы семейного поведения.

Эмпирическую базу исследования составили:

- для статистического анализа – данные территориальных органов Федеральной службы государственной статистики по Белгородской, Курской, Воронежской, Липецкой и Тамбовской областях, а также данные единой межведомственной информационно-статистической системы, рассмотренные в динамике за последние 10 лет (2014-2023 годы);

- для социологического анализа: эмпирическое социологическое исследование «Проблема реновации социокультурных констант, обладающих конструктивным потенциалом для развития региональных сообществ» (2020 г.), включающее анкетный опрос (N=500, квотная выборка (квотные признаки место жительства, пол, возраст); районированная и многоступенчатая), экспертное интервью (N=30, при этом критериями отбора экспертов выступали – наличие ученой степени в области социально-гуманитарных наук, а также публикаций); фокус-групповое интервьюирование работников сферы культуры, городских СМИ и молодежи (N=36); социологическое исследование «Социально-демографический потенциал сельских территорий» (2021 г.), включающее в себя массовый анкетный социологический

опрос (N=1000, многоступенчатая квотная выборка), серии фокус-групповых интервью (N=60), экспертный опрос (N=37); серия экспертных опросов «Ключевые тенденции и факторы социально-демографического развития сельских территорий Центрального Черноземья» (2022-2024 гг.). Совокупность экспертов представлена государственными и муниципальными служащими, учеными, преподавателями высшей школы, а также сотрудниками организаций АПК и представителями журналистского сообщества.

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Модель поведения – это целый ценностно-нормативный комплекс характерных черт человека, которые являются образцами эмоций, действий, точек зрения, поступков и принципиальных установок индивидуума.

Семейное поведение как один из аспектов демографического поведения представляет собой совокупность действий и отношений между членами семьи – супругами, детьми, родителями супругов и иными родственниками, составляющими семью, и направленные на воспроизводство семейного статуса, выполнение семейных функций либо на девальвацию семейных отношений и ликвидацию семьи.

Аналитическая модель семейного поведения жителей сельских территорий регионов ЦЧЭР включает:

- наличие семейного статуса у представителей сообщества (территориальной общности), определяемое посредством статистического и опросного инструментария;

- удовлетворенность семейными отношениями, выполнением семейных функций членами семьи, соответствием их дескриптивного статуса нормативному, самооценка материального положения семьи, выступающие как субъективные факторы семейного поведения;

- объективные факторы семейного поведения, пересекающиеся во многом с

аналогичными факторами брачного поведения (обеспеченность жильем, уровень алкоголизации и криминализации населения; уровень доходов населения и др.).

На протяжении всей многовековой российской историей именно институт семьи выступал основной духовной скрепой общества. Несмотря на распространяющиеся альтернативные модели семейного поведения, для Российской Федерации именно крепкая семья выступает в качестве традиционной ценности и нравственного ориентира, формирующего мировоззрение граждан России, передаваемых от поколения к

поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны².

Результаты социологического исследования «Проблема реновации социокультурных констант, обладающих конструктивным потенциалом для развития региональных сообществ» показывают, что наиболее значимыми традиционными ценностями³ участники опроса назвали (Рисунок 1): семью и семейное благополучие (78,20%), справедливость (30,20%), патриотизм (24,40%), доброту (22,80%) и доверие к людям (22,20%).

Рисунок 1. Ответы респондентов на вопрос: «Какие традиционные ценности представляются Вам наиболее значимыми?», %

Figure 1. Respondents' answers to the question: "What traditional values seem to you to be the most significant?", %

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Справочно-правовая система «КонсультантПлюс».

³ Более подробно о специфике определения «традиционных ценностей» и их консолидирующего потенциала можно посмотреть в опубликованных ранее исследованиях (Babintsev, Gaidukova, Sharoval, 2021; Бабинцев, Гайдукова, Шаповал, 2023).

Показательно, что значимость семьи и семейного благополучия явно выделяется среди остальных, что, фактически, превращает ее не только в декларируемую на государственном уровне, но и принимаемую всем населением традиционную ценность. Примечательно

также, что семья и семейное благополучие, воспринимаемые в качестве традиционных ценностей, являются однозначным приоритетом для всех возрастных групп респондентов, но в отношении других ценностных ориентаций наблюдаются существенные расхождения (Таблица).

Таблица

Ответы респондентов на вопрос: «Какие традиционные ценности представляются Вам наиболее значимыми?» с учетом возрастных групп, %⁴

Table

Respondents' answers to the question: "What traditional values seem to you to be the most significant?" taking into account age groups, %

Какие традиционные ценности представляются Вам наиболее значимыми? / Which traditional values seem most significant to you?"	Ваш возраст / Your age:				
	18 – 24	25 – 39	40 – 59	60 +	Всего
Семья и семейное благополучие / Family and family well-being	70.37	78.01	81.21	77.86	78.20
Предприимчивость, установка на личный успех / Enterprise, focus on personal success	31.48	28.37	18.79	7.86	19.80
Патриотизм / Patriotism	18.52	19.86	26.06	29.29	24.40
Солидарность / Solidarity	24.07	25.53	10.91	13.57	17.20
Коллективизм / Collectivism	11.11	14.89	9.70	11.43	11.80
Интернационализм / Internationalism	7.41	7.09	4.85	3.57	5.40
Доверие людям / Trust in people	18.52	15.60	29.09	22.14	22.20
Духовность / Spirituality	16.67	14.89	18.18	29.29	20.20
Любовь к Родине / Love for the Motherland	20.37	21.28	15.15	19.29	18.60
Свобода и независимость / Freedom and independence	37.04	29.79	16.97	8.57	20.40
Доброта / Kindness	37.04	19.15	20.61	23.57	22.80
Справедливость / Justice	37.04	26.95	29.09	32.14	30.20

Рассматривая семью и семейное благополучие, респонденты особое внимание уделяли ценности именно традиционной семьи, подчеркивая неприятие ее новейших интерпретаций, связанных с практикой свободного выбора гендерных ролей.

Влад, студент: *«Традиционная ценность – мама и папа, семья. Не «папа и папа», не «мама и мама», а именно мама и папа, традиционная семья. Вот это важнейшая традиционная ценность, которую необходимо закрепить до конца,*

чтобы западная пропаганда, западные движения обошли нас стороной. Семья должна изначально быть, как написано в Библии, это святое. Не должно быть родителя №1 и родителя №2, как у наших западных коллег».

Однозначное преобладание ценности семьи воспроизводится и в том, что для большинства опрошенных (73,80%) главной жизненной установкой является семейное счастье (Рисунок 2).

⁴ Результаты социологического исследования «Проблема реновации социокультурных констант, обладающих конструктивным потенциалом для развития региональных сообществ» (N=500, квотная выборка (квотные признаки место жительства, пол, возраст).

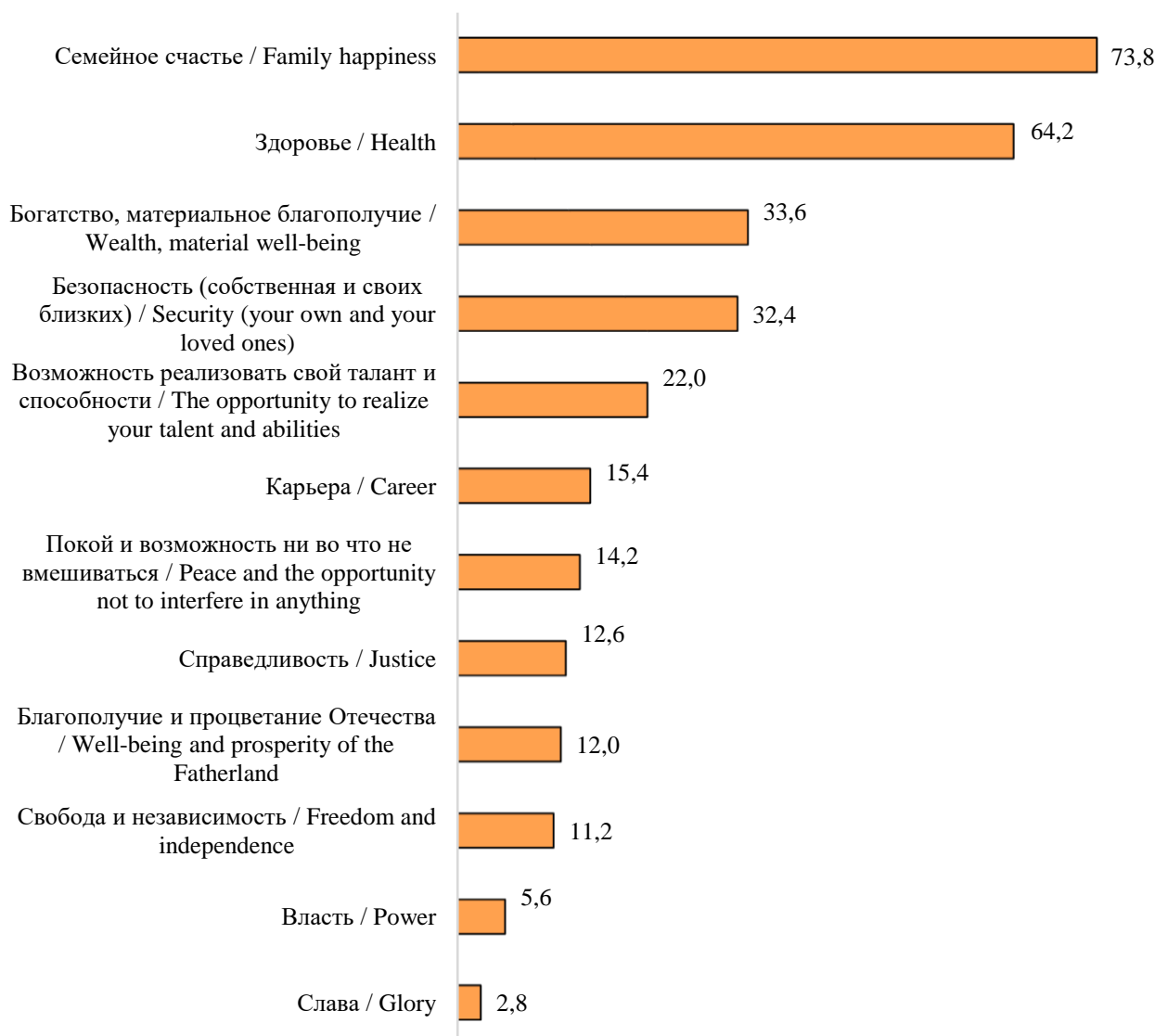

Рисунок 2. Ответы респондентов на вопрос «Что для Вас сегодня является главным в жизни?», %

Figure 2. Respondents' answers to the question “What is the most important thing in your life today?”, %

Таким образом, в целом обращение населения к традиционным ценностям определяется не столько рефлексией наличных жизненных проблем, сколько представлением об их значимости для решения задач развития общества. Но при этом главной востребованной ценностью является ценность семьи, которая воспринимается как ценность, значимая в основном в рамках относительно узкого социального (родственного, соседского) пространства.

Брачное (матримониальное) поведение представляет собой совокупность действий, направленных на формирование, поддержание или расторжение брачных отношений как условий для создания семьи. При разработке аналитической модели брачного (матримониального) поведения жителей сельских территорий регионов ЦЧЭР необходимо учитывать следующие его элементы: заключение брака (неформальных брачных или квази-

брачных отношений); состояние в браке; развод и иные формы расторжения брачных отношений; готовность к вступлению в брак и мотивация брачности, как субъективный фактор брачности, а также такие субъективные факторы, как желаемый доход и иные составляющие социального статуса супруга, самооценка материального положения; удовлетворенность состоянием брака; готовность и мотивация к разводу как субъективный фактор разводимости; макросоциальные (объективные) факторы брачности и разводимости, среди которых особую роль играют половозрастная структура общества (территориальных общностей), обеспеченность жильем, уровень алкоголизации и криминализации населения; уровень доходов населения и др.

Брачное (матримониальное) поведение граждан можно рассматривать и как совокупность действий / бездействий в отношении брачных отношений. Такую систему необходимо рассматривать в двух ключевых аспектах: решение о вступлении в брак либо отказе от него; решение о сохранении брака либо его расторжении. «В последние десятилетия изменялись нормы матримониального поведения, что выразилось в широком распространении сожительства как формы, альтернативной официальному браку, или как отношений, предваряющих регистрацию партнерского союза (считают, что до регистрации первого брака «нужно пожить вместе», 40% россиян, повторного – 60%), в увеличении возраста вступления в брак (с 19 до 25 лет у женщин и с 23 до 27 у мужчин по сравнению с серединой 1990-х гг.)» (Калачикова, 2018).

Данные выборочного наблюдения репродуктивных планов населения свидетельствуют о том, что около 65% женщин считают обязательным официальное заключение первого брака и более 30% – второго; противоположной точки зрения придерживаются около 4% и 15% женщин соответственно⁵. Среди мужчин только половина считает обязательным заключение первого брака официально, а повторного – чуть более 20%; считающих, что этого делать не нужно, около 10% и 25% соответственно.

Несмотря на декларируемую уверенность населения в необходимости официальной регистрации брака, анализ уровня брачности сельского населения Центрально-черноземного экономического района свидетельствует об отсутствии достаточной активности сельского населения ко вступлению в официальный брак, а также о снижении показателя в динамике (Рисунок 3).

Исходя из данных представленной диаграммы, очевидна устойчивая тенденция снижения числа заключенных браков. Так, за анализируемый период 2014-2023 годов число заключенных браков в расчете на 1000 человек сельского населения сократилось в среднем на треть. Сильнее всего снизился показатель в Белгородской области (-37,2%), что во многом связано с общим оттоком населения с приграничных территорий в связи с их постоянным обстрелами со стороны Украины. Наименьшее снижение наблюдается в Тамбовской области (-25,4%), но это обусловлено традиционно более низкими по сравнению с другими анализируемыми регионами показателями брачности.

⁵ Итоги наблюдения: выборочное наблюдение репродуктивных планов населения в 2022 году // Федеральная служба государственной статистики:

офиц. сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/free_doc/new_site/RPN22/reports.html. (дата обращения: 28.09.2024).

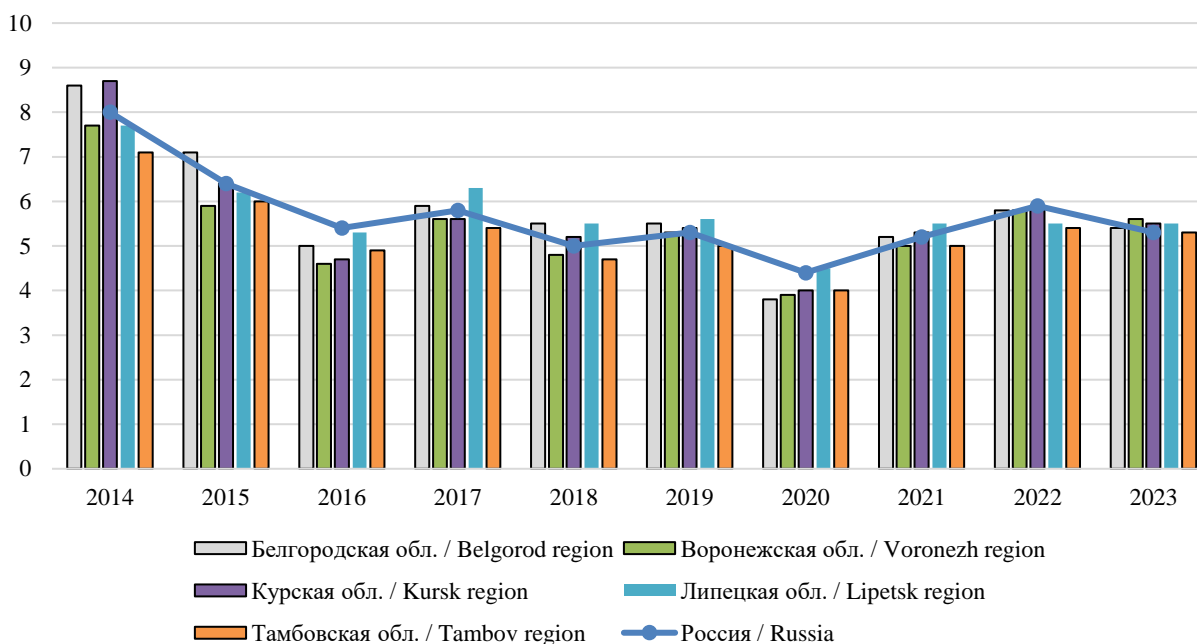

Рисунок 3. Динамика изменения числа заключенных браков в расчете на 1000 человек сельского населения, промилле

Figure 3. Dynamics of changes in the number of marriages per 1000 people of rural population, per mille

В тоже время необходимо отметить прирост значений показателя в 2022 году, который (по нашему мнению) не свидетельствует о смене тренда, а является случайным всплеском, вызванным мобилизационными мероприятиями сентября 2022 года и существенным количеством заключенных тогда браков. В связи с этим, если исключить из анализа 2022 год, ситуация еще сильнее усугубляется – диапазон снижения числа заключенных браков изменяется от 34,2% (Тамбовская область) до 44,1% (Белгородская область). Кроме того, обращает на себя внимание более низкие значения показателя (за некоторым редким исключением) в субъектах Центрально-Черноземного экономического района по сравнению со средними российскими показателями.

Проведенный анализ свидетельствует о снижении ценности официально зарегистрированного брака, что напрямую влияет на уровень рождаемости, сокращая его. В тоже время «снижение числа первых рождений тесно связано с уменьшением числа браков. Некоторые демографы считают, что уменьшение числа законных браков и высокая частота их распада при низкой степени компенсации разводов повторными зарегистрированными браками означает не кризис, а модернизацию социального института семьи вообще и брака, как основы семьи» (Вишневский, 2014: 18).

Сложившаяся тенденция приводит к тому, что более 40% женщин и 56% мужчин до 25 лет состоят в незарегистрированном браке, а среди возрастной группы 25-29 лет таких каждый четвертый (Рисунок 4).

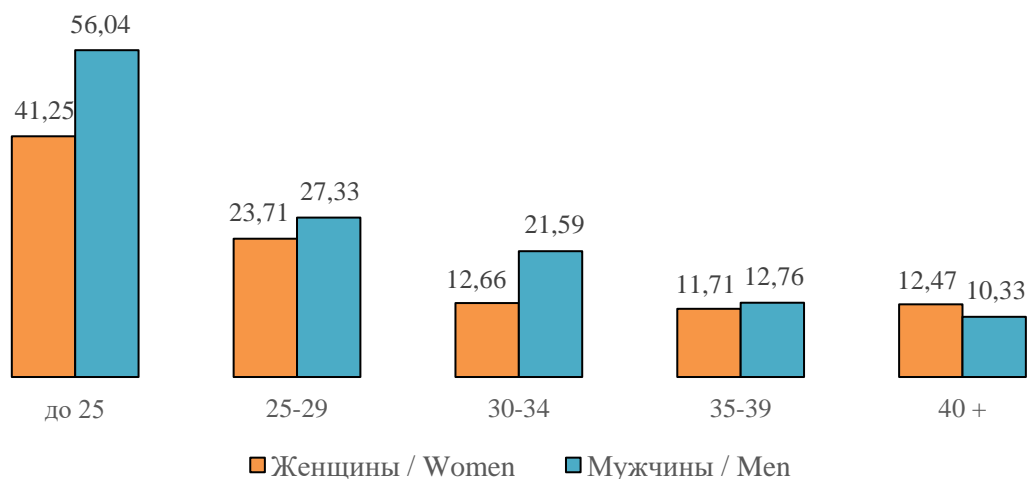

Рисунок 4. Доля состоящих в незарегистрированном браке
(% от состоящих в браке, зарегистрированном или нет)

Figure 4. Proportion of people in unregistered marriages (% of those in marriage, registered or not)

Уровень разводимости сельского населения демонстрирует более благоприятную тенденцию (Рисунок 5). Так, за 2014-2023 годы наихудшая динамика наблюдается в Липецкой области (-23,4%), в остальных анализируемых субъектах диапазон снижения составил 17,4-19,5%. Однако в среднем по Российской Федерации количество

разводов на 1000 человек сельского населения увеличилось на 2,4% и, если в 2014-2021 годах значение показателя в исследуемых субъектах и в целом по РФ были сопоставимы, то в 2022-2023 годах разводимость сельского населения по стране стала существенно выше, чем в регионах Центрально-Черноземного экономического района.

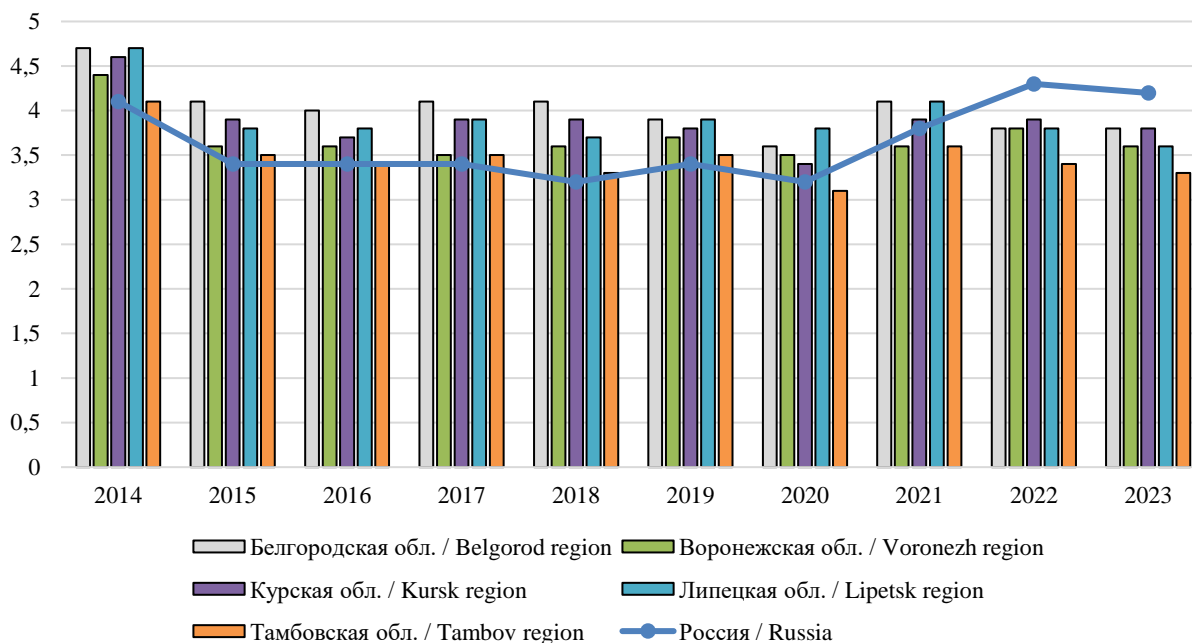

Рисунок 5. Динамика изменения числа разводов в расчете на 1000 человек сельского населения, промилле

Figure 5. Dynamics of changes in the number of divorces per 1000 people of the rural population, per mille

В качестве результирующего показателя в отношении уровня брачности и разводимости необходимо рассмотреть

коэффициент неустойчивости брака, оценивающий количество разводов на 1000 браков (Рисунок 6).

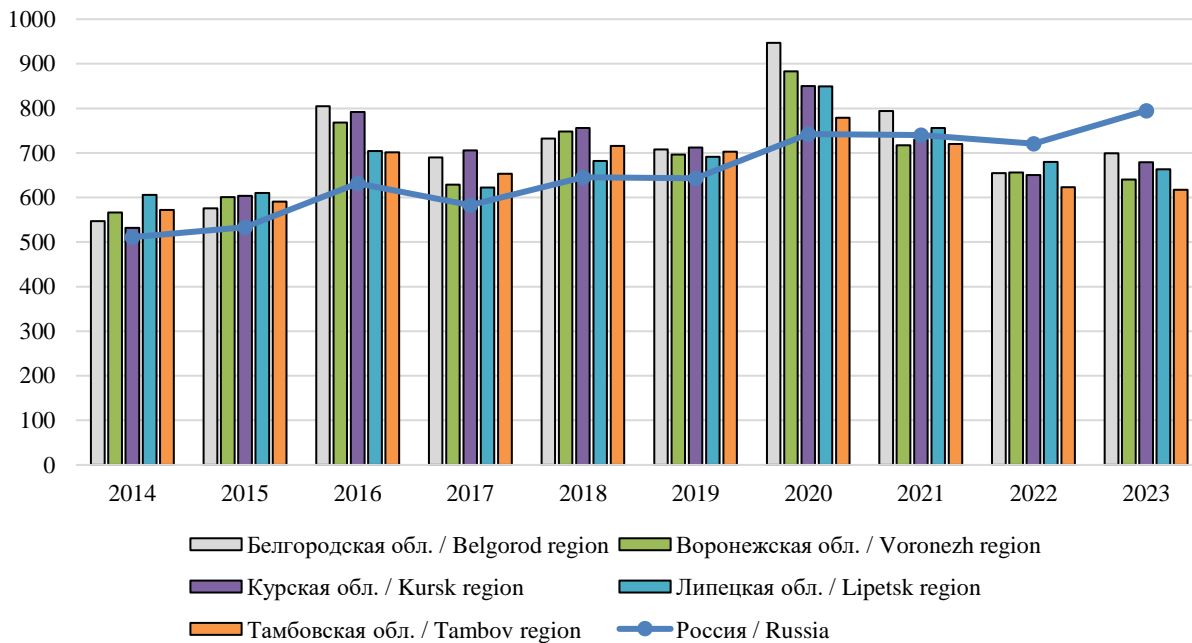

Рисунок 6. Динамика изменения коэффициента неустойчивости брака
Figure 6. Dynamics of change in the coefficient of marriage instability

Приведенные данные свидетельствуют об устойчивой тенденции роста количества разводов на 1000 заключенных браков, как среди сельского населения Центрально-Черноземного экономического района, так и в целом по Российской Федерации. Так, если в 2014 году на 1000 браков приходилось от 532 (Курская область) до 606 (Липецкая область) разводов,

то в 2023 году диапазон составил уже от 617 (Тамбовская область) до 699 (Белгородская область) и 795 развода в среднем по сельскому населению РФ.

Проведенный социологический опрос среди сельского населения ЦЧЭР показал, что 2/3 респондентов настоящее время женаты или замужем, в том числе гражданским браком (Рисунок 7).

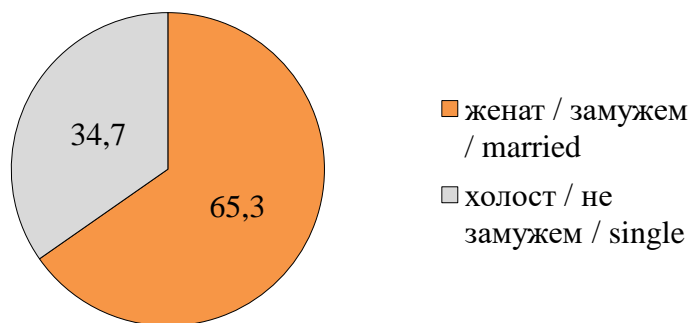
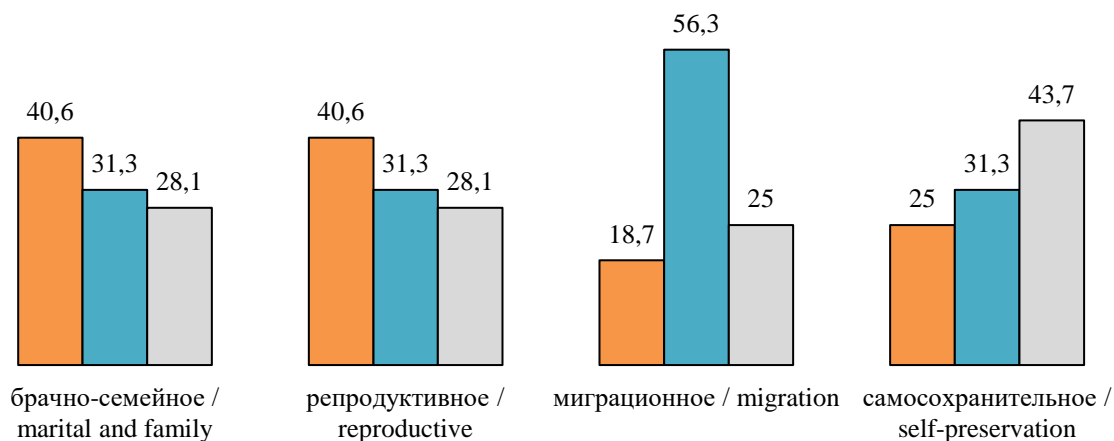

Рисунок 7. Ответы респондентов на вопрос «В настоящее время Вы женаты или замужем (в том числе гражданским браком)?», %
Figure 7. Respondents' answers to the question "Are you currently married or single (including common-law marriage)?", %

⁶ Социологическое исследование «Социально-демографический потенциал сельских территорий» (2021 г.), включающее в себя массовый анкетный социологический опрос населения старше 18 лет (N=1000, многоступенчатая квотная выборка).

Несмотря на недостаточность качественных исследований отдельных аспектов брачного и семейного поведения сельского населения, экспертный опрос показал высокую потенциальную

эффективность регулятивного воздействия именно на матримониальный и репродуктивный, напрямую с ним связанный, аспекты демографического поведения населения (Рисунок 8).

■ эффективно / effective ■ неэффективно / ineffective □ затрудняюсь ответить / I don't know

Рисунок 8. Ответы экспертов на вопрос

«Оцените потенциальную эффективность регулятивного воздействия на различные виды демографического поведения населения», %⁷

Figure 8. Experts' answers to the question "Assess the potential effectiveness of regulatory impact on various types of demographic behavior of the population", %

Одновременно с этим потенциальную эффективность защиты традиционных ценностей, пропаганду семейного образа жизни и многодетности как механизма воздействия на социально-демографическое развитие регионов Центрального Черноземья экспертное сообщество оценило в 7,25 балла (по 10 балльной шкале, где 1 – практически неэффективно, 10 – очень эффективно), что оказалась второй по значимости мерой после стабилизации и нормализации военно-политической ситуации (7,36 балла). Однако реальная эффективность такого инструмента воздействия по оценкам экспертов составила всего 5,47 балла, что свидетельствует о достаточно

широком поле неиспользованных возможностей в данной сфере.

Внимание на себя обращает и тот факт, что каждый третий участник экспертных опросов отмечает укрепление института семьи и традиционных ценностей как наиболее действенный инструмент изменения в долгосрочной перспективе складывающихся на сельских территориях регионов Центрального Черноземья негативных тенденций развития социально-демографической ситуации и усиление социально-демографической безопасности территорий.

Заключение (Conclusions). Моделирование демографического поведения сельского населения выступает

⁷ Экспертный опрос «Ключевые тенденции и факторы социально-демографического развития сельских территорий Центрального Черноземья» (2023 г., N=39). Совокупность экспертов представлена государственными и муниципальными служащими, учеными, преподавателями высшей школы, а также сотрудниками организаций АПК и представителями журналистского сообщества.

одним из основных аспектов понимания и прогнозирования социально-экономических процессов, протекающих на не урбанизированных территориях. Семейное и брачное поведение, как элементы указанной модели, не только оказывают влияние на количественные и качественные характеристики социально-демографической безопасности сельской местности, но и в значительной мере определяют репродуктивное и миграционное поведение жителей.

В условиях геополитической нестабильности и постоянных попыток внедрения чужеродных западных ценностей, традиционная семья и семейное благополучие, выступая социокультурными константами российского общества, должны стать основой новой трансформации демографического поведения населения.

Анализ матримониального и семейного поведения сельских жителей Центрально-Черноземного экономического района характеризуется снижением более чем на треть числа браков с одновременным незначительным уменьшением разводимости, что свидетельствует о продолжающемся нивелировании значимости института семьи и брака, девальвации семейных отношений. Такая тенденция не только сокращает уровень рождаемости (в первую очередь, количество первых рождений), но и не дает молодому поколению на опыте своих родителей сформировать устойчивые семейные ценности, что вероятнее всего приведет в будущем к углублению кризисных явлений в демографической сфере общества.

Оценка удовлетворенности сельского населения состоянием брака, готовности и мотивации к разводу, а также влияние макросоциальных факторов брачности и разводимости могут быть оценены только социологическими методами, но, к сожалению, в последние годы наблюдается существенный дефицит таких исследований. Систематической

концептуализации семейного поведения сельского населения также ещё предстоит появиться, и мы будем стремиться восполнить этот важный пробел, прислушиваясь к мнению экспертного сообщества о высокой потенциальной эффективности регулятивного воздействия именно на матримониальный и репродуктивный, напрямую с ним связанный, аспекты демографического поведения населения.

Список литературы

Бабинцев В. П., Гайдукова Г. Н., Шаповал Ж. А. Формирование субъектности региональных сообществ в России: социокультурный аспект // Регион: экономика и социология. 2023. № 2 (118). С. 121-143.

Благорожева Ж. О., Шаповалова И. С. Влияние альтернативных ценностей и установок на матримониальные стратегии молодежи // Социальная политика и социология. 2024. Т. 23, № 2 (151). С. 30-39.

Вишневский А. Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // Демографическое обозрение. 2014. Т. 1, № 1. С. 6-33.

Гурко Т. А. Теоретические подходы к изучению трансформации института семьи // Социологический журнал. 2020. Т. 26, № 1. С. 31-54. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7052>.

Демографическое самочувствие регионов России: Национальный демографический доклад – 2023 / Т. К. Ростовская, А. А. Шабунова, А. Р. Абдульязнов [и др.]. Вологда: Вологодский научный центр, 2024. 336 с. DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr:978-5-89697-427-7.2024>.

Ипполитова Е. А. Семейные перспективы молодежи в изменяющемся мире. Барнаул: АЗБУКА, 2012. 220 с.

Калачикова О. Н., Груздева М. А. Изменения репродуктивного и брачного поведения населения России (на основе анализа выборочных исследований Росстата) // Социальное пространство. 2018. № 2 (14). DOI: [10.15838/sa.2018.2.14.1](https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.1).

Коблева З. Х. Добрачное сожителство как модель матримониального поведения молодежи // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия:

Экономика. Социология. Менеджмент. 2023. Т. 13, № 3. С. 220-230. DOI: <https://doi.org/10.21869/2223-1552-2023-13-3-220-230>.

Ковалева Ю. В. Совместная регуляция поведения супругов на различных этапах жизненного цикла семьи // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 5. С. 50-70.

Носкова А. В. Новые методологические подходы, исследовательские фокусы, дискуссионные проблемы социологии семьи // Социологические исследования. 2015. № 10 (378). С. 177-185.

Семенцова К. Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2022. № 12 (4). С. 109-113. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113>.

Сидоркина В. М., Фадеева И. М. Семейные ценности в региональном социуме: факторы изменений // Регионоведение. 2017. Т. 25, № 4 (101). С. 628-641.

Тощенко Ж. Т., Великий П. П. Основные смыслы жизненного мира сельских жителей России // Мир России. Социология. Этнология. 2018. Т. 27, № 1. С. 7-33. DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33>.

Babintsev V., Gaidukova G., & Shapoval Z. On the problem of renovation of socio-cultural constants that have constructive potential for development of regional communities // SHS Web of Conferences (IFSDR 2021). 2021. 128. DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112804003>.

Cherlin A.J. The deinstitutionalization of American marriage // Journal of Marriage and Family. 2004. Vol. 66, № 44. Pp. 848-861.

Fasang A.E., Gruijters R.J., & Van Winkle Z. The life course boat: A theoretical framework for analyzing variation in family lives across time, place, and social location // Journal of Marriage and Family. 2024. Vol. 86, № 5. Pp. 1586-1606. DOI: [10.1111/jomf.13012](https://doi.org/10.1111/jomf.13012).

Goldberg A.E. & Allen K.R. Qualitative family research: Innovative, flexible, theoretical, reflexive // Journal of Marriage and Family. 2024. Vol. 86, № 5. Pp. 1323-1352. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12981>.

England P. The gender revolution: Uneven and stalled // Gender & Society. 2010. Vol. 24, № 2. Pp. 149-166.

Hogendoorn B. & van den Berg L. The educational diffusion of divorce: The role of gender and context // Journal of Marriage and Family. 2024. Vol. 86, № 3. Pp. 738-761. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12980>.

Józefczyk A. Multigenerational transmission of differentiation of self-Toward a more in-depth understanding of Bowen's theory concept // Journal of Marital and Family Therapy. 2024. № 49. Pp. 634-653. DOI: <https://doi.org/10.1111/jmft.12645>.

Longo G.M. The internet as a social institution: Rethinking concepts for family scholarship // Family Relations. 2023. Vol. 72, № 2. Pp. 621-636.

McErlean K. Cohabiting couple's economic organization and marriage patterns across social classes // Journal of Marriage and Family. 2024. Vol. 86, № 3. Pp. 762-786. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12947>.

Madhavan S. Families on the space-time continuum: Conceptualizing and measuring temporal and spatial dimensions // Journal of Marriage and Family. 2024. Vol. 86, № 5. Pp. 1541-1556. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12984>.

Morris K.L., McDowell C.N., Tawfiq D., Outler C., & Kimmes J.G. Relationship mindfulness, negative relationship quality, and physical health // Journal of Marital and Family Therapy. 2024. № 50. Pp. 136-149. DOI: <https://doi.org/10.1111/jmft.12677>.

Odasso L., & Geoffrion K. Doing family online: (in)formal knowledge circulation, information-seeking practices, and support communities // Family Relations. 2023. Vol. 72, № 2. Pp. 389-405.

Perez C., Fife S.T., Eggleston, D., & Whiting J.B. Justifying by degrees: A grounded theory of men's decision-making process in infidelity. Journal of Marital and Family Therapy. 2023. № 49, Pp. 879-898. DOI: <https://doi.org/10.1111/jmft.12663>.

Pesando L.M. Global family change: Persistent diversity with development. Population and Development Review. 2018. № 5. 133-168. DOI: <https://doi.org/10.1111/padr.12209>.

Qian Y., & Hu Y. The digitalization of family life: A multilevel conceptual framework // Journal of Marriage and Family. 2024. Vol. 86, № 5. Pp. 1160-1183. DOI: [10.1111/jomf.12983](https://doi.org/10.1111/jomf.12983).

Rostovskaya T.K., Sitkovsky A.M. Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research //

Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast. 2024. Vol. 17, № 1. Pp. 178-200. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.10>.

Ruggles S. Stem families and joint families in comparative historical perspective // *Population and Development Review*. 2010. Vol. 36, № 3. Pp. 563-577. DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00346.x>.

Shabunova A.A., Rostovskaya T.K. On the necessity to develop models of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes // *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*. 2020. Vol. 13, № 4. Pp. 38-57. DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2>.

Therborn G. Family Systems of the World: Are they converging? In J. Treas, J. Scott, & M. Richards (Eds.) // *The Wiley Blackwell companion to the sociology of families*. 2014. John Wiley & Sons, Ltd. Pp. 1-19. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118374085.ch1>.

Vidal S., & van Damme M. Women's family trajectories after union dissolution: A comparative life course analysis // *Journal of Marriage and Family*. 2024. Vol. 86, № 2. Pp. 369-390. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12972>.

References

Babintsev, V. P., Gaidukova, G. N & Shapoval, Zh. A. (2023), "Formation of the subjectivity of regional communities in Russia: a socio-cultural aspect", *Region: jekonomika i sociologija*, 2(118), 121-143. (In Russian)

Blagorozheva, Zh. O. & Shapovalova, I. S. (2024), "The influence of alternative values and attitudes on the matrimonial strategies of youth", *Social'naja politika i sociologija*, 23-2 (151), 30-39. (In Russian)

Vishnevskiy, A. G. (2014), "The demographic revolution is changing the reproductive strategy of the Homo sapiens species", *Demographic Review*, 1 (1), 6-33. (In Russian)

Gurko, T. A. (2020), "Theoretical approaches to the study of the transformation of the family institution", *Sociologicheskij zhurnal*, 26 (1), 31-54, DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.1.7052>. (In Russian)

Rostovskaya, T. K., Shabunova, A. A., Abdul'zhanov, A. R. (2024), *Demograficheskoe samochuvstvie regionov Rossii: Nacional'nyj demograficheskij doklad – 2023* [Demographic

well-being of the regions of Russia: National demographic report - 2023], Vologodskij nauchny`j centr, Vologda, Russia, DOI: <https://doi.org/10.19181/monogr:978-5-89697-427-7.2024>. (In Russian)

Ippolitova, E. A. (2012), *Semejnye perspektivy molodezhi v izmenjajushhemsja mire* [Family Prospects for Youth in a Changing World], AZBUKA, Barnaul, Russia. (In Russian)

Kalachikova, O. N., & Gruzdeva, M. A. (2018), "Changes in the reproductive and marital behavior of the Russian population (based on the analysis of sample studies by Rosstat)", *Social Area*, 2 (14), DOI: <https://doi.org/10.15838/sa.2018.2.14.1>. (In Russian)

Kobleva, Z. X. (2023), "Premarital cohabitation as a model of matrimonial behavior of young people", *Izvestija Jugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Jekonomika. Sociologija. Menedzhment*, 13 (3) 220-230. DOI: 10.21869/2223-1552-2023-13-3-220-230. (In Russian)

Kovaleva, Yu. V. (2012), "Joint regulation of the behavior of spouses at various stages of the family life cycle", *Psihologicheskij zhurnal*, 33(5), 50-70. (In Russian)

Noskova, A. V. (2015), "New methodological approaches, research focuses, debatable problems of family sociology", *Sociological Studies*, 10 (378), 177-185. (In Russian)

Sementsova, K. R. (2022), "Marital and family behavior of young people in modern Russian society: attitudes and values", *Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*, 12 (4), 109-113. DOI: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113>. (In Russian)

Sidorkina, V. M., & Fadeeva, I. M. (2017), "Family values in regional society: factors of change", *Russian Journal of Regional Studies*, 25 (4), 628-641. (In Russian)

Toshhenko, Zh. T., & Velikij, P. P. (2018), "The main views on the life of rural residents of Russia", *Mir Rossii. Sociologija. Jetnologija*, 27 (1), 7-33, DOI: <https://doi.org/10.17323/1811-038X-2018-27-1-7-33>. (In Russian)

Babintsev, V., Gaidukova, G., & Shapoval, Z. (2021), "On the problem of renovation of socio-cultural constants that have constructive potential for development of regional communities", *SHS*

Web of Conferences (IFSDR 2021), 128, DOI: <https://doi.org/10.1051/shsconf/202112804003>.

Cherlin, A. J. (2004), "The deinstitutionalization of American marriage", *Journal of Marriage and Family*, 66(4), 848-861.

Fasang, A. E., Gruijters, R. J., & Van Winkle, Z. (2024), "The life course boat: A theoretical framework for analyzing variation in family lives across time, place, and social location", *Journal of Marriage and Family*, 86 (5), 1586-1606. DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.13012>.

Goldberg, A. E., & Allen, K. R. (2024), "Qualitative family research: Innovative, flexible, theoretical, reflexive", *Journal of Marriage and Family*, 86 (5), 1323-1352, DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12981>.

England, P. (2010), "The gender revolution: Uneven and stalled", *Gender & Society*, 24 (2), 149-166.

Hogendoorn, B., & van den Berg, L. (2024), "The educational diffusion of divorce: The role of gender and context", *Journal of Marriage and Family*, 86 (3), 738-761, DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12980>.

Józefczyk, A. (2023), "Multigenerational transmission of differentiation of self-Toward a more in-depth understanding of Bowen's theory concept", *Journal of Marital and Family Therapy*, 49, 634-653, DOI: <https://doi.org/10.1111/jmft.12645>.

Longo, G. M. (2023), "The internet as a social institution: Rethinking concepts for family scholarship", *Family Relations*, 72 (2), 621-636.

McErlean, K. (2024), "Cohabiting couple's economic organization and marriage patterns across social classes", *Journal of Marriage and Family*, 86 (3), 762-786, DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12947>.

Madhavan, S. (2024), "Families on the space-time continuum: Conceptualizing and measuring temporal and spatial dimensions", *Journal of Marriage and Family*, 86 (5), 1541-1556, DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12984>.

Morris, K.L., McDowell, C.N., Tawfiq, D., Outler, C., & Kimmes, J.G. (2024), "Relationship mindfulness, negative relationship quality, and physical health", *Journal of Marital and Family Therapy*, 50, 136-149. DOI: 10.1111/jmft.12677.

Odasso, L., & Geoffrion, K. (2023), "Doing family online: (in)formal knowledge circulation, information-seeking practices, and support communities", *Family Relations*, 72 (2), 389-405.

Perez, C., Fife, S. T., Eggleston, D., & Whiting, J. B. (2023), "Justifying by degrees: A grounded theory of men's decision-making process in infidelity", *Journal of Marital and Family Therapy*, 49, 879-898, DOI: <https://doi.org/10.1111/jmft.12663>.

Pesando, L. M. (2018), "Global family change: Persistent diversity with development", *Population and Development Review*, (5), 133-168, DOI: <https://doi.org/10.1111/padr.12209>.

Qian, Y., & Hu, Y. (2024), "The digitalization of family life: A multilevel conceptual framework", *Journal of Marriage and Family*, 86(5), 1160-1183, DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12983>.

Rostovskaya, T. K., Sitkovsky, A. M. (2024), "Demographic development resources: On the unification of concepts in demographic research", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 17 (1), 178-200, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2024.1.91.10>.

Ruggles, S. (2010), "Stem families and joint families in comparative historical perspective", *Population and Development Review*, 36 (3), 563-577, DOI: <https://doi.org/10.1111/j.1728-4457.2010.00346.x>.

Shabunova, A. A., Rostovskaya, T. K. (2020), "On the necessity to develop models of optimal conditions for the formation and implementation of demographic attitudes", *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13 (4), 38-57, DOI: <https://doi.org/10.15838/esc.2020.4.70.2>.

Therborn, G. (2014), "Family Systems of the World: Are they converging?", *The Wiley Blackwell companion to the sociology of families*, in Treas, J., Scott, J. & Richards, M. (eds.), John Wiley & Sons, Ltd., 1-19. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781118374085.ch1>.

Vidal, S., & van Damme, M. (2024), "Women's family trajectories after union dissolution: A comparative life course analysis", *Journal of Marriage and Family*, 86 (2), 369-390, DOI: <https://doi.org/10.1111/jomf.12972>.

Статья поступила в редакцию 25 октября 2024 г. Поступила после доработки 21 ноября 2024 г. Принята к печати 01 декабря 2024 г.
Received 25 October 2024. Revised 21 November 2024. Accepted 01 December 2024.

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.
Conflicts of Interest: the author has no conflicts of interest to declare.

Гайдукова Галина Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры менеджмента Факультета экономики и финансов Северо-Западного института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ г. Санкт-Петербург, Россия.

Galina N. Gaidukova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Management, Faculty of Economics and Finance, Northwestern Institute of Management, branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia.